

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

ПОДЧИНЕНИЕ В ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Ответственный редактор
д-р филол. наук М. И. Черемисина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск • 1980

Подчинение в полипредикативных конструкциях. — Новосибирск: Наука, 1980.

В данном сборнике продолжена публикация результатов исследований по теме "Полипредикативные конструкции". В центре внимания авторов — подчинительные связи между компонентами полипредикативных конструкций, выражаемые в алтайских и индоевропейских языках разными способами: с помощью причастий, деепричастий, инфинитивов, причастно-последложных конструкций, союзных скреп и частиц. Большинство исследований выполнено на базе единой методики. В ряде статей вводятся в научный оборот новые научные факты.

Книга рассчитана на филологов — специалистов в области синтаксиса, сопоставительного и общего языкознания и языков Сибири, а также на преподавателей вузов и аспирантов-лингвистов.

© Издательство "Наука", 1980.

70100-870
П 042(02)-80 490.80.4602000000.

Н.П. Романова

О ПОНЯТИИ "СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ"

В последние несколько десятилетий синтаксис предложения в нашей стране и за рубежом развивался очень интенсивно. В сфере синтаксиса сложились разные теоретические концепции, в частности, связанные с разграничением структурного и коммуникативного аспектов изучения предложения, а также со становлением и развитием теории сложного предложения. Это, естественно, повлекло за собой появление многих новых понятий и изменение уже сложившихся. Процесс перестройки традиционных понятий связан прежде всего с осмыслением и уточнением существенных признаков понятия и с появлением понятий, классифицирующих уже не сами языковые единицы, а их существенные признаки. Таковы, например, понятия "структурная схема предложения", "значение предложения", "коммуникативная устроенность" и "формальная устроенность" предложения и др. Переосмысляются и уточняются связи отдельных понятий с другими — более общими, "родовыми" и однопорядковыми видовыми, которым они противопоставляются. Но главной задачей эмпирических синтаксических исследований является углубление исследования самих синтаксических единиц языка, а не анализ понятийно-терминологической системы, их описывающей. Поэтому не удивительно, что следствием быстрого развития этой системы оказываются некоторые "сбои", которые важно фиксировать, чтобы в дальнейшем их преодолеть.

Рассмотрим с этой точки зрения понятие "сложное предложение".

Общее понятие, с которым понятие "сложное предложение" связывается в большинстве источников, вышедших до работ В.А. Белошапковой и Грамматики-70¹, — это "предложение". Сохраняется эта связь и в учебном пособии по синтаксису, вышедшем в

¹ Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967; Она же. Сложное предложение в современном русском языке. Автореф. докт. дис. М., 1970; Она же. Сложное предложение. — В кн.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Она же. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.

1978 г.² В концепции В.А. Белошапковой отношения этих понятий осмысляются иначе: в Грамматике-70 это проявляется в том, что термина "предложение" среди основных терминов и понятий раздела нет. В работе же "Современный русский язык. Синтаксис"³ автор идет другим путем: здесь не дается понятие "простое предложение", а понятие и термин "предложение" по существу оказывается его заместителем. Такое использование терминов, видимо, объясняется тем, что автор считает сложное предложение единицей более высокого уровня по сравнению с простым и видит оппозицию понятий так: "словосочетание"/"предложение"/"сложное предложение". Этот ряд терминов и понятий можно объединить общим термином "синтаксическая единица", что и сделано В.А. Белошапковой во вводной части указанной работы. В определении же понятия "сложное предложение" автор избегает соотносить его с общим понятием и рассматривает как "объединение (сочетание) – Грамматика-70 предикативных единиц на основе синтаксической связи, построенное по той или иной структурной схеме и предназначенное для функционирования в качестве одной из коммуникативных единиц"⁴.

Однако потребность в общем термине и понятии, объединяющем два, а не три понятия – "простое предложение" и "сложное предложение" – ощущается даже в указанной работе В.А. Белошапковой. Рассматривая признаки сложного предложения, автор подчеркивает общность многих из них с признаками простого предложения. Здесь последовательно употребляется ею и термин "простое предложение". Эти признаки в сгруппированном виде можно представить в схеме 1⁵.

Наличие общих для сложного и простого предложений признаков говорит о том, что понятие, объединяющее их, имеет право на существование. Другое дело, что среди них есть признаки действительно общие (интонационное оформление), а есть общие, но по-разному преломляющиеся в простом и сложном предложении: предикативность, структурная организованность, закономерности порядка компонентов – слов или частей. И именно переосмысление понятия "сложное предложение" должно дать толчок формированию общего понятия, за которым традиция, во всей вероятности, оставит термин "предложение". Это должно быть столь же

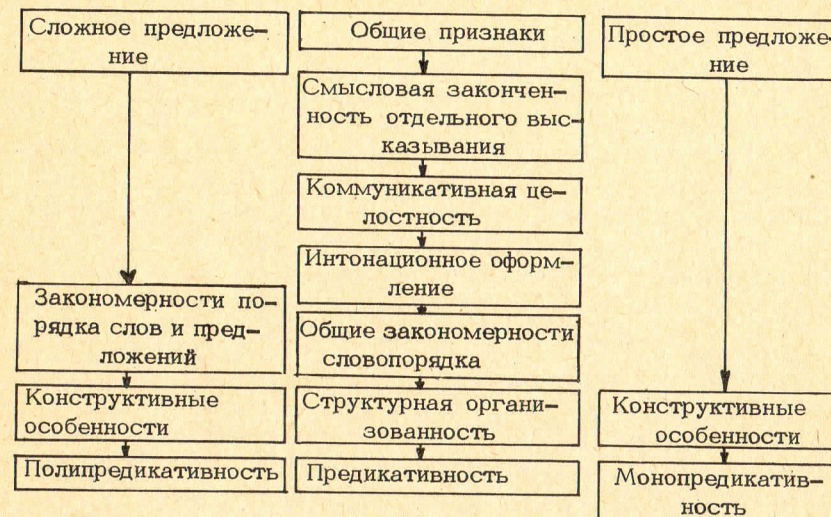
² Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. Изд. 2-е. М., 1978.

³ Белошапкова В.А. Современный русский язык.

⁴ Белошапкова В.А. Современный русский язык, с. 167.

⁵ Мы приводим общие и дифференцирующие простое и сложное предложение признаки именно по работе В.А. Белошапковой, так как они регулярно воспроизводятся и в других работах. Признаки,

Схема 1

абстрактное понятие, как понятие "морфема" или "способ образования", не приложимое ни к одному реально существующему объекту, а лишь объединяющее лингвистические понятия одного класса. Но для формирования этого общего понятия необходимо четкое осмысление частных – простого и особенно сложного предложения.

В современных работах, использующих термин "предложение" (наряду с терминами простое и сложное предложение), при формулировке "общего" понятия авторы обычно апеллируют именно к простому предложению, упуская из виду сложное. Так, Н.С. Валгина в обобщенном понятии "предложение" выделяет грамматическое значение, выраженное формами наклонения и времени и специальными частицами. Но так выражается грамматическое значение простого предложения, значение же сложного проявляется в отношении между грамматическими значениями его частей. Значит, в общем понятии "предложение" этот признак должен быть сформулирован в гораздо более общем виде. Для формирования общего понятия "предложение" важно осознание того понятия, которому оно противопоставлено, и в общепринятой оппозиции "словосочетание" ↔ "предложение" оправдано и достаточно выделение признака предикативности. Но само понимание предикативности для общего понятия должно быть сформулировано так, чтобы обо-

отраженные только в одной или в двух работах, например общий признак "относительной автосемантики" (способности выражать значение вне зависимости от окружающих единиц), не учитываем. См.: Гульга Е.Г. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М., 1971, с. 15).

шить наличие этого признака и в простом и в сложном предложениях⁶.

В абсолютном большинстве определений понятия "сложное предложение" (нами рассмотрено около 20)⁷, кроме признаков, отличающих простое предложение от сложного, указаны признаки, которые характерны для предложения вообще: интонационная оформленность, структурное и семантическое единство и др. Это объясняется тем общеизвестным фактом, что понятие "сложное предложение" пережило в своем развитии период "отрицания" (А.М. Пешковский, А.А. Шахматов)⁸ и рассматривалось как единица, не обладающая общими типическими признаками предложения, — как сочетание, соединение предложений. В лингвистической традиции укрепилось

⁶ Мы отдаем себе отчет в том, что само понятие "предикативность" даже по отношению к простому предложению нуждается в уточнении. Так, в настоящее время данное понятие существует "в разном объеме" в зависимости от включения или не включения в него категории лица. Кроме того, видимо, создались условия для разъединения понятия "предикативность" — как наименование свойства, и "предикативный центр" — совокупность языковых единиц, выражающих это свойство. Важно, нам кажется, и осознать, какой именно набор единиц можно считать одним предикативным центром. Но в данной статье эти вопросы специально не обсуждаются.

⁷ Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973; Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Белошапкова В.А. Современный русский язык; Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка; Гвоздев А.Н. Современный русский язык, ч. II. М., 1967; Гулыга Е.В. Теория сложноподчиненного предложения...; Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973; Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 1977; Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976; Михайлова В.С. К полемике вокруг теории сложного предложения. — В кн.: Русское языкознание, вып. 2. Алма-Ата, 1973; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник лингвистических терминов. М., 1972; Современный русский язык, ч. II. М., 1964; Черемисина М.И. Некоторые вопросы синтаксиса. — В кн.: Сравнительные конструкции современного русского языка (материалы спецкурса). Новосибирск, 1971; Она же. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976; Шведова Н.Ю. О структурной схеме сложного предложения. — В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.

⁸ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 5-е. М., 1935, с. 403–408; Шахматов А.А. Синтаксис русского языка.

употребление термина "предложение" в двух смыслах: для обозначения и части, и целого, ибо единицы, составляющие сложное предложение, также именуются "предложениями". Чтобы подчеркнуть противоположную точку зрения, а именно — что единица, состоящая из "предложений", является особой единицей, а не механическим их соединением, в определении понятия "сложное предложение" и вводятся признаки, характеризующие предложение вообще.

В современном синтаксисе делается попытка восполнить указанную терминологическую недостаточность. В.Д. Адмони⁹, а затем Е.В. Гулыга¹⁰ вводят термин "элементарное предложение", подразумевая под ним часть сложного предложения. Нам этот термин представляется неудачным, так как содержащийся в нем компонент "предложение" затрудняет понимание названных им единиц как некоммуникативных. Используемый в работах В.А. Белошапковой термин "предикативная единица" свободен от такого недостатка и дает возможность формулировать новое синтаксическое понятие — некоммуникативной синтаксической единицы, конструктивно организованной по типу простого предложения или близкому к нему и являющейся строительным материалом для сложного предложения. Отношения между понятиями "сложное предложение" и "предикативная единица" несколько похожи на отношения между понятиями "слово" и "корень". Корень тоже может образовывать самостоятельное "простое" слово, если оформляется грамматически (простое предложение — интонационно), а два корня, оформленные грамматически, образуют сложное слово, — как две предикативные единицы, оформленные интонационно, составляют (образуют) сложное предложение.

Предикативные единицы, видимо, нуждаются в столь же подробном и тщательном изучении, как и другие единицы синтаксиса. В работе В.А. Белошапковой уже сделана первичная их классификация по сопоставлению со структурными схемами простого предложения: на воспроизводящие данные схемы и не воспроизводящие их и, в свою очередь, последние — на имеющие собственные структурные схемы и не имеющие их и повторяющие структурные схемы предикативных единиц, входящих в то же предложение.

Дальнейшее изучение предикативных единиц, на наш взгляд, могло бы идти в двух направлениях, связанных с выработкой и осмыслением признаков, позволяющих отличить предикативную единицу (компонент сложного предложения) от непредикативной еди-

⁹ Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка, с. 17.

¹⁰ Гулыга Е.В. Теория сложноподчиненного предложения..., с. 192.

ницы (компонента простого предложения). Это, во-первых, уточнение первой составной части термина-понятия "полипредикативность". Если в предложении имеется несколько единиц, выражающих модально-временные значения и, следовательно, создающих возможность трактовать их как "предикативные центры", то в каком случае их можно объединить: в один и считать конструкцию простым предложением с однородными сказуемыми, и где начинается уже область полипредикации (сложного предложения)?

Во-вторых, необходимо теоретически обосновать роль союза для выделения части предложения как отдельной предикативной единицы (ср. "он пришел узнать" и "он пришел, чтобы узнать"). Наличие союза рассматривается иногда как обязательный признак сложного предложения¹¹. Это, видимо, не совсем правомерно, во-первых, потому, что значительно сужает объект исследования, оставляя за его пределами массу коммуникативных единиц языка, состоящих из нескольких предикативных единиц, соединенных бессоюзной связью, и, во-вторых, потому, что механическое введение в теорию синтаксиса союзов и прочих соединительных слов в качестве показателя сложного предложения не объясняет существа вопроса. Ведь есть конструкции, в которых наличие союза совершенно не меняет синтаксической семантики, и мы, по-видимому, лишь в соответствии с традицией однозначно оцениваем их как сложные предложения¹².

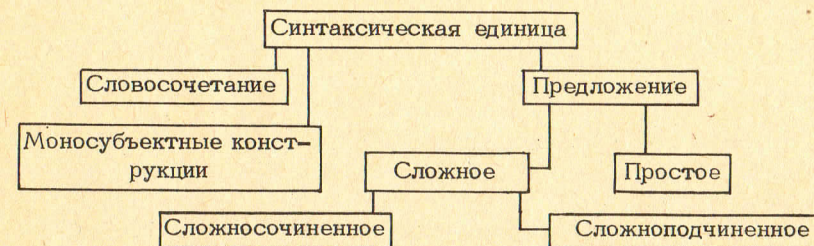
И в том, и в другом случае сложность вопроса существенно упирается в оценку единиц, которые вслед за М.И. Черемисиной можно было бы назвать "моносубъектными"¹³, т.е. имеющими одно подлежащее, ибо оценка как сложных предложений типа "Солнце взошло, и поднялся ветерок" и "Он позвонил, чтобы мы не волновались" не вызывает никаких затруднений.

¹¹ Ср. напр.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов.

¹² Наличие союза, как существенный признак, отличающий сложное предложение от простого, эксплицитно выражается редко. Но он содержится имплицитно как в исключении из предмета исследования бессоюзных предложений (см. Современный русский язык. Белашапковой В.А.), так и в интерпретации языковых единиц как сложных предложений, когда в них единственным показателем "сложности" и является наличие союза. См. об этом: Черемисина М.И. О перспективах и первых результатах коллективного сопоставительного исследования сложного предложения в языках разных систем. — В кн.: Способы выражения полипредикативности (сборник научных трудов). Новосибирск, 1978, с. 8.

¹³ Черемисина М.И. Моносубъектная конструкция. Понятия и типология. — В кн.: "Полипредикативные конструкции и их морфологическая база". Новосибирск, 1980.

Но в любом случае, какой бы критерий мы ни выбрали для оценки моносубъектных конструкций как сложных или простых предложений — все они, на наш взгляд, являются единицами переходными, промежуточными между простым и одним из видов (сложносочиненным или сложноподчиненным) сложного предложения¹⁴. Их расположение на соответствующей шкале должно быть градуальным, что изображено на схеме 2.

Изучение же промежуточных единиц чрезвычайно важно потому, что несколько "исправляет" любую классификацию, приближает ее к изучаемому объекту в своей основе.

¹⁴ Эти промежуточные единицы еще не подвергались специальному изучению, однако на них обращено внимание некоторых синтаксистов. Так, в работе В.А. Белашапковой "Современный русский язык" они сгруппированы в разделе "Вопрос о предложениях с однородными сказуемыми (с. 167-171). М.И. Черемисина называет их "псевдосложными конструкциями" (см.: Черемисина М.И. Некоторые вопросы синтаксиса, с. 147) и "квазисложными конструкциями" (см.: Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка, с. 141-142). Нам представляется, что именно к таким единицам апеллирует Н.Ю. Шведова, доказывая свой тезис о необязательности признака "полипредикативности" для сложного предложения: "Если ехать, так надо собираться", "На что дети, а и то..." (см.: Шведова Н.Ю. О структурной схеме сложного предложения, с. 322). По-видимому, о промежуточных единицах, находящихся на границе между простым и сложным предложением, говорит и Г.А. Золотова, также предлагающая не преувеличивать значение признака полипредикативности как отличителя простого предложения от сложного: "...известная полипредикативность, совмещение имплицитных предикативностей с одной доминирующей эксплицитной, свойственна и простому предложению..." (см.: Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка, с. 322). Употребление термина "предикативность" в сочетании с определением "имплицитная" свидетельствует о том, что автор вкладывает в это неустоявшееся понятие несколько своеобразное содержание и еще раз подтверждает мысль о том, что данное понятие находится в стадии развития. См. об этом настоящую статью.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗОМОРФИЗМА
СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
И ПОДЧИНИТЕЛЬНОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Понятие изоморфизма в лингвистике. Термин "изоморфизм", как указывает Э.А.Макаев¹, введен в лингвистику выдающимся польским лингвистом Е. Куриловичем. В опубликованной в 1949г. работе "Понятие изоморфизма", сопоставляя "фонетические" и "семантические" комплексы (слоги и предложения), Е. Курилович говорит о "глубоком параллелизме структуры" их, об "удивительном сходстве формы (изоморфизме)".

Понятие изоморфизма с давних пор существует в геохимии, в кристаллографии. В наши дни это понятие является одним из основных понятий современной математики. Под изоморфизмом понимают "свойство одинаковости строения каких-либо совокупностей (собраний) элементов, совершенно безразличное к природе этих элементов"². Для математиков существенно то обстоятельство, что "изучение внутренней структуры двух изоморфных систем объектов представляет собой одну и ту же задачу"³.

Поскольку "одинаковость строения" в той или иной мере характерна для систем самых различных по природе объектов и поскольку для различных наук естественно стремление решать задачи исследования свойств одной системы через свойства сходной с ней (изоморфной) системы, более доступной или лучше изученной, постольку вполне закономерна тенденция к перенесению понятия изоморфизма в самые различные науки.

Естественным представляется и тот факт, что понятие изоморфизма прочно вошло и в философию. Так, в "Философском словаре" 1968 г. изоморфизм определяется как "взаимоднозначное соответствие" систем. "Две системы, рассматриваемые отвлеченно от природы составляющих их элементов, являются изоморфными друг другу, если каждому элементу первой системы соответ-

¹ Макаев Э.А. К вопросу об изоморфизме. - *Вопр. языкознания*, 1961, № 5, с. 50.

² Словарь иностранных слов. Под ред. И.В.Лехина и Ф.Н.Петрова. Изд. 5-е. М., 1955, с. 260.

³ Изоморфизм. БСЭ. Изд. 3-е, т. 10, с. 98.

ствует лишь один элемент второй и каждой операции (связи) в одной системе соответствует операция (связь) в другой, и наоборот"⁴. Там же подчеркивается важная мысль о том, что "полный изоморфизм может быть лишь между абстрактными идеализированными объектами".

В работах советских лингвистов в 60-е г. наметились две основные интерпретации изоморфизма.

Одна из них наиболее полно представлена работами Т.В.Булыгиной, считающей, что следует говорить об изоморфизме языковых планов, т.е. параллелизме в организации звуковой и смысловой сторон языка (плана выражения и плана содержания)⁵.

Другая и, пожалуй, более распространенная в современных лингвистических работах интерпретация изоморфизма представлена, в частности, уже упомянутой работой Э.А.Макаева. "Предлагается следующее рабочее определение понятия изоморфизма в языкознании. Изоморфизм - это однотипность структуры конструктивных языковых единиц различных уровней, следствием чего является (или может являться) однотипность отношений между единицами на разных уровнях".⁶ При этом Э.А.Макаев считает "мало эффективным" приводимый Е. Куриловичем пример изоморфизма слога и предложения, настаивая на необходимости "исходить из уровней, находящихся в непосредственной зависимости, т.е. допускающих иерархическую градацию"⁷.

Очевидно, возможны и иные истолкования этого понятия, причем при любых таких истолкованиях его происходит обычный для языка процесс переноса значения слова, и вряд ли так уж необходимо ставить в жесткие рамки понимание принципа изоморфизма, добиваться единственного в пределах лингвистики его употребления. Куда важнее, применяя понятие изоморфизма к каким-то лингвистическим системам, во-первых, строго последовательно выделить сами системы и те "идеальные объекты" каждой из них, между которыми устанавливается "взаимоднозначное соответствие", и, во-вторых, четко определить, относительно каких признаков анализируемых систем и их объектов устанавливается изоморфизм. И если предварительные, исходные операции произведены правильно, принцип изоморфизма становится чрезвычайно

⁴ Философский словарь. М., 1968, с. 127.

⁵ Булыгина Т.В. О некоторых аналогиях в соотношении звуковых и семантических единиц. - *Вопр. языкознания*, 1967, № 5; Она же. Об организации плана содержания с точки зрения ее соответствия организации плана выражения. - В кн.: *Проблемы языкознания*. М., 1967.

⁶ Макаев Э.А. К вопросу об изоморфизме, с. 51.

⁷ Там же.

эффективным инструментом решения сложных лингвистических задач.

В советской лингвистике известен ряд работ, посвященных рассмотрению изоморфизма различных языковых систем. Так, Н.А. Янко-Триницкая⁸ очень интересно и тщательно прослеживает изоморфизм идиоматичных образований на различных уровнях языка (на уровне морфем, лексем, предикативных единиц и сложных предложений). Иными словами, Н.А. Янко-Триницкая постулирует изоморфизм выделенных ею уровней относительно свойства идиоматичности/неидиоматичности соответствующих единиц (сочетаний единиц).

На понятие изоморфизма фактически опирается Е.А. Земская, уподобляя унификсы единичным компонентам фразеологических сочетаний⁹. Работа Г.Г. Инфантовой "Об изоморфном характере некоторых языковых процессов в слове и предложении"¹⁰, как явствует из самого заглавия ее, посвящена анализу целого ряда проявлений изоморфизма столь различных единиц языка, как слово и предложение.

Можно полагать, что независимо от того, использует ли лингвист термин "изоморфизм" или не использует, именно глубокий изоморфизм отдельных систем (уровней, пластов и т.д.) языка лежит в основе различного рода последовательных сопоставлений, сравнений, аналогий, помогающих понять изучаемую область языка через посредство другой его области. Думается, что сопоставление на основе изоморфизма сравниваемых систем, решение задач исследования при помощи сознательной опоры на изоморфизм будет находить в языкознании, как и в других науках, все более широкое применение и носить все более строгий характер.

Поскольку одна и та же система лингвистических объектов может изучаться с самых различных сторон и может быть представлена с разной степенью идеализации¹¹, поскольку системы, изоморфные анализируемой относительно одного свойства, могут

⁸ Янко-Триницкая Н.А. Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1969, № 5.

⁹ См. напр.: Земская Е.А. Составные части русского слова. — В кн.: Питання словотвору східнослов'янських мов. Киев, 1969, с. 9-11.

¹⁰ Инфантова Г.Г. Об изоморфном характере некоторых языковых процессов в слове и предложении. — В кн.: Вопросы синтаксиса русского языка. Ростов-н/Д, 1971, с. 3-13.

¹¹ О процессе идеализации и его роли для теории познания см.: Горский Д.П. Вопросы абстракции и образование понятий. М., 1961; Философская энциклопедия, т. 2. М., 1962, с. 204-205.

оказаться неизоморфными относительно другого свойства¹².

Смена одной лингвистической идеи другою в истории изучения отдельных языковых явлений нередко представляет собою с точки зрения принципа изоморфизма переход от описания этих явлений через посредство одной изоморфной системы к описанию их через посредство другой системы.

В этом плане представляет большой интерес рассмотрение двух имеющих отношение к изоморфизму концепций сложноподчиненного предложения.

Из истории изучения изоморфизма сложноподчиненного и простого предложения. В любой науке история фундаментальной идеи всегда древнее, чем история термина или терминов, эту идею выражающих. И в лингвистике задолго до появления в ней понятия изоморфизма многие научные концепции неявно основывались именно на этом понятии.

На изоморфизм отношений между главными и придаточными частями сложноподчиненного предложения и отношений между членами простого предложения опирается одна из интереснейших синтаксических концепций — традиционная теория о соответствии придаточных предложений членам простого предложения.

Как справедливо заметил Л.Ю. Максимов, "аналогия сложноподчиненного предложения с простым в его членении на главные и второстепенные члены изучена достаточно основательно и стала уже историей"¹³. Но история эта весьма интересна и поучительна.

Названная теория в русской лингвистике первой половины XIX в. сложилась в работах Н.И. Греча, А.Х. Востокова, П.М. Перелесского, И.И. Давыдова. Систематизированная и усовершенствованная в трудах Ф.И. Буслаева, она "легла в основу изложения этого вопроса в школьных учебниках второй половины XIX и начала XX в."¹⁴.

Немало защитников данной концепции знает и наш век. В "чистом виде" или с дополнениями, модификациями она встречается во многих учебниках, учебных пособиях, в научных работах¹⁵.

¹² "Два множества могут быть изоморфными относительно одной группы свойств и отношений и неизоморфными относительно других групп". (см.: Философская энциклопедия, т. 2, с. 247).

¹³ Максимов Л.Ю. Сложноподчиненное предложение в ряду других синтаксических единиц. — В кн.: Мысли о современном русском языке. М., 1969, с. 94.

¹⁴ См.: Абакумов С.И. О придаточных предложениях. — Рус. язык в школе, 1938, № 2, с. 88.

¹⁵ Содержательный обзор истории различных классификаций сложноподчиненных предложений представлен, например, в брошю-

В нашу задачу не входит анализ истории всех выступлений pro и contra данной теории. Заметим только, что в процессе обсуждения ее на протяжении десятилетий отрабатывались важные понятия, связанные с идеей изоморфизма.

В частности, в процессе развития и применения этой теории не только термины учения о второстепенных членах переносились на учение о придаточных предложениях, но наблюдалось и обратное влияние. Так, например, В.М. Никитин в своих работах внес целый ряд уточнений в классификацию обстоятельств, явно перенося некоторые понятия из синтаксиса сложноподчиненного предложения¹⁶. Одну из своих статей В.М. Никитин посвящает "соотносительному изучению" синтаксических явлений разных уровней¹⁷.

Одна из важных особенностей изоморфизма как общенаучного понятия – принципиальная невозможность полного изоморфизма – выражена в многочисленных оговорках сторонников уподобления придаточных предложений второстепенным членам об отсутствии полного параллелизма между этими единицами. Такие оговорки характерны даже для вузовских пособий послевоенного периода.

Мысль о неполноте изоморфизма (о неполном параллелизме) придаточных предложений и членов простого предложения очень выразительно подчеркнута А.Н. Гвоздевым. Он отмечает то обстоятельство, что в учении о придаточных предложениях были выделены "разряды придаточных, не имеющие соответствия среди членов предложения (придаточные следствия, придаточные присоединительные) или почти не имеющие соответствия (придаточные условные, придаточные уступительные)"¹⁸. Обращая внимание читателей на то, что "полной параллели между членами предложения и придаточными предложениями нет", А.Н. Гвоздев приходит к выводу, что "группировка придаточных предложений в соответствии с членами предложения намечает лишь известную общую ориентацию при определении их функций"¹⁹.

ре В.В. Шеулина "О классификации сложноподчиненных предложений" (Воронеж, 1972).

¹⁶ Никитин В.М. Обстоятельство как грамматическая категория в русском языке и его место в системе членов предложения. Саратов, 1959.

¹⁷ См., напр.: Никитин В.М. О соотносительном изучении членов предложения, словосочетаний, синтаксических позиций и форм слова. – В кн.: Грамматический строй современного русского языка. (Труды У-У1 конференций кафедр русского языка пед-институтов Поволжья. 1961–1962 гг.). Куйбышев, 1964, с. 75–91.

¹⁸ Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. II. Синтаксис. М., 1958, с. 203.

¹⁹ Там же, с. 201–202.

Это высказывание и ему подобные очень интересны в плане изоморфизма. Можно констатировать, что в подобных случаях четко формулировался характер изоморфизма придаточных частей и членов предложения: указывалось, относительно какого свойства изоморфны названные синтаксические объекты (относительно выполняемых функций): устанавливалась также степень сходства ("лишь известная общая ориентация").

Работой, которая, на наш взгляд, сыграла решающую роль в обнаружении многочисленных моментов, нарушающих параллелизм придаточных предложений и второстепенных членов предложения, явилась опубликованная в 1948 г. статья И.Г. Чередниченко "Особые случаи придаточности в современном русском языке"²⁰. В этой статье перечень функций, свойственных придаточным предложениям, но нехарактерных для членов предложения, пожалуй, близок к исчерпывающему.

После установления разнообразных случаев отсутствия параллелизма между двумя синтаксическими подсистемами теория уподобления придаточных предложений членам предложения перестала играть роль инструмента для открытия новых фактов в соответствующих разделах синтаксиса. И поскольку она не содействовала расширению аспектов рассмотрения сложноподчиненного предложения, то, естественно, настал логический конец и классификации придаточных предложений, основанной на уподоблении их членам предложения²¹.

На смену ей пришли различные варианты структурно-семантической классификации, основы которой наиболее полно впервые изложены в работах Н.С. Поспелова²². Он предложил деление сложноподчиненных предложений на два основных типа – двучленные и одночленные, – в зависимости от того, соотносится ли придаточная часть со всей главной частью или относится к одному слову (словосочетанию) главной части.

²⁰ Чередниченко И.Г. Особые случаи придаточности в современном русском языке. – *Вопр. слав. языкознания*, Львов, 1948, т. 7, кн. 1.

²¹ Но, пожалуй, вполне соответствует диалектике развития синтаксической мысли возрождение этой классификации в качестве одного из аспектов многомерной классификации (работы Л.Ю. Максимова, В.В. Шеулина, ср. сходные идеи в работах В.Г. Адмони).

²² Напр.: Поспелов Н.С. О грамматической природе сложного предложения. – В кн.: *Вопросы синтаксиса современного русского языка*. М., 1950; Он же. *Сложноподчиненное предложение и его структурные типы*. – *Вопр. языкознания*, 1959, № 2 и др.

Классификация, предложенная Н.С. Пospelовым, основывалась на осознании принципиального различия между "собственно синтаксическими" и "семантико-синтаксическими" отношениями²³. Эта классификация способствовала усилению пристального внимания к таким явлениям в синтаксисе простого предложения, которые вполне изоморфны "двучленным" и "одночленным" сложноподчиненным предложениям. В этой связи прежде всего нужно упомянуть предложения с "детерминантами", изоморфные "двучленным" конструкциям сложноподчиненного предложения²⁴.

Но от такого изоморфизма уже один шаг до изоморфизма сложноподчиненного предложения и словосочетания. И этот шаг был сделан.

Постановка в работах последних лет проблемы изоморфизма сложноподчиненного предложения и словосочетания. Одна из интересных концепций, построенных на изоморфизме сложноподчиненного предложения и словосочетания, представлена в опубликованной в 1965 г. статье М.К. Милых "О классификации сложноподчиненных предложений"²⁵. В этой статье утверждается наличие изоморфизма между названными синтаксическими единицами относительно типов подчинительной связи. "На основе различия в характере отношений между главным и придаточным предложением можно наметить три основные разновидности, которые тоже условно можно назвать управлением, согласованием и примыканием, чтобы с помощью терминологии подчеркнуть общность в отношениях между разными синтаксическими единицами: между словами в словосочетании и в простом предложении и между простыми предложениями, являющимися компонентами сложного предложения"²⁶.

Присловная связь в сложноподчиненном предложении уподобляется управлению, детерминантная – примыканию. О согласовании же между компонентами сложноподчиненного предложения речь идет "при наличии служебных средств связи в главном и при-

даточном предложениях"²⁷. Примечательно, что В.А. Белошапкова также противопоставляет этот случай присловной и детерминантной связям, называя такую особую связь коррелятивной, но, в отличие от М.К. Милых, она не находит в простом предложении аналога для коррелятивной связи, в лучшем случае признавая в качестве "отдаленного аналога" аппозитивную связь между определяемым существительным и приложением²⁸.

Параллель, проводимая М.К. Милых между двумя столь различными синтаксическими явлениями, подкрепляется (в духе подлинно изоморфного подхода) сопоставлением способов выражения однотипных, по ее мнению, подчинительных отношений в словосочетании и в сложноподчиненном предложении. М.К. Милых, в частности, сопоставляет в этой функции падежные формы и союзы, отмечая: "В придаточном предложении целому ряду падежных форм, зависимых от разных глаголов, соответствует один и тот же союз, следовательно, союз является более общим и более абстрактным выражением подчинения"²⁹.

Можно не соглашаться с концепцией М.К. Милых, поскольку проводимые ею параллели представляются недостаточно доказательными, но нельзя же не оценить эту идею как оригинальную попытку обосновать существование изоморфизма словосочетаний и сложноподчиненных предложений (хотя и без использования самого термина "изоморфизм"). Однако статья М.К. Милых не намечала перспектив использования положений, вытекающих из признания подобного изоморфизма, и мысли, изложенные в статье, не получили дальнейшего развития.

Значительно более разносторонней и более плодотворной представляется идея изоморфизма сложноподчиненного предложения и подчинительного словосочетания (и – шире – сложного предложения вообще и словосочетания в широком смысле слова), которую мы находим в работах В.А. Белошапковой, опубликованных в течение последних десяти лет³⁰.

²⁷ Там же, с. 76.

²⁸ Белошапкова В.А. Современный русский язык, с. 183.

²⁹ Доклады УШ научно-теоретической конференции..., с. 69.

³⁰ Остановимся ниже на четырех основных работах В.А. Белошапковой, являющихся, как нам кажется, основными вехами складывания ее концепции изоморфизма сложного предложения и словосочетания: Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке (Некоторые вопросы теории). М., 1967; Она же. Сложное предложение. – В кн.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Она же. Изоморфизм в синтаксических связях падежных форм и придаточных частей. – В кн.: Исследование по славянской филологии. М., 1974, с. 61–63. Она же. Современный русский язык.

²³ Такое разграничение, со ссылкой на Е. Куриловича, проводит, например, В.А. Белошапкова в своем "Синтаксисе" (см.: Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977, с. 47–49).

²⁴ Шведова Н.Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. – Вопр. языкознания, 1964, № 6; Она же. Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения? – Там же, 1968, № 2.

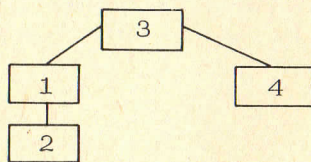
²⁵ См.: Доклады УШ научно-теоретической конференции Таганрогского пединститута, т. 1. Ростов-н/Д, 1965, с. 58–77.

²⁶ Там же, с. 62.

Отталкиваясь от традиционной теории и стремясь открыть новые грани столь непростого объекта, как сложное предложение, пытаюсь проникнуть как можно глубже в сущность исследуемых языковых явлений, В.А. Белошапкова в своих работах вновь и вновь обращается к мысли о глубоком параллелизме, об изоморфизме полипредикативных и непредикативных синтаксических единиц, об изоморфизме сложных предложений и словосочетаний.

В своей монографии (1967 г.) В.А. Белошапкова, не используя термина "изоморфизм", фактически доказывает наличие изоморфизма сложного предложения и словосочетания относительно возможностей комбинирования минимальных структур: "Соотношение между минимальными конструкциями сложного предложения и сложными предложениями усложненного типа, совершенно соотношению между простыми и сложными (или комбинированными) словосочетаниями. Изучение тех и других должно составить особый раздел синтаксиса, у которого, кроме задачи установления типов возможных комбинаций, могут быть и другие задачи"³¹.

Установление подобного изоморфизма относительно свойства, более или менее очевидного, уже открывает определенные перспективы для такого изучения как словосочетаний, так и сложных предложений, когда достаточно обнаружить какую-то деталь в одном круге явлений, чтобы стало возможным перенесение ее на изоморфную систему. Сопоставим, например, сложное предложение усложненного типа "Хотя Сабуров прекрасно понимал (1), что главная опасность начинается именно с рассветом (2), ему все-таки хотелось (3), чтобы поскорее начался этот рассвет" (4) (Симонов) и комбинированное словосочетание "вопреки воле (1) отца (2) поступить (3) в училище (4)". Строение обеих синтаксических единиц можно представить одной схемой.

Поставив в соответствие друг другу каждый из четырех элементов различных структур – словоформу и предикативную единицу, мы одновременно указываем на взаимосоответствие минимальных конструкций – пар элементов 1 – 2, 3 – 1, 3 – 4 в обеих структурах. И в той и в другой структуре мы наблюдаем цепь последовательного подчинения (3 – 1 – 2) и неоднородное соподчинение элементов 1 и 4 главному элементу 3. Буквально все,

³¹ Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке, с. 61.

что мы можем сказать о конфигурации, о порядке следования, о взаимоотношениях и взаимосвязях компонентов (элементов) приведенного словосочетания, в той же степени будет относиться к конфигурации, взаимоотношениям компонентов приведенного сложного предложения усложненной конструкции.

Изоморфизм явлений различного уровня позволяет описывать их в одних и тех же терминах. И, поскольку изучение комбинированных словосочетаний заметно отстает от изучения усложненных сложных предложений³², естественно, что термины, обозначающие типы комбинаций элементов словосочетаний могут строиться на базе терминов, сложившихся при изучении усложненных сложных предложений (ср. хотя бы "последовательное подчинение", "соподчинение" и т.д.).

Признавая изоморфизм подобных комбинаций, распространяя эту идею на комбинации языковых элементов других уровней, лингвисты, на наш взгляд, сделают очень важный шаг к созданию особого раздела языкознания – лингвокомбинаторики, основной задачей которого должно быть установление общих законов сочетаемости лингвистических единиц различных уровней³³.

Идея изоморфизма сложноподчиненного предложения и словосочетания находит свое дальнейшее плодотворное развитие в написанном В.А. Белошапковой разделе "Грамматики-70", причем изоморфизм постулируется здесь уже относительно более фундаментальных свойств этих единиц, чем это было в работе 1967 г. Так, высказывается утверждение об изоморфности сложного предложения и словосочетания относительно такого важного свойства обеих единиц, как соотношение природы целого и части, а также относительно функций, выполняемых соответствующей единицей и ее частями. "Общность синтаксической природы компонентов образуемого ими целого сближает сложное предложение со слово-

³² См., напр.: Шитов В.А. О принципах классификации сложных предложений с двумя или несколькими придаточными. – Учен. зап. ЛГПИ, 1965, т. 257, с. 22–29, а также другие работы этого же автора. Ср. также: Иофик Л.Л. Сложное предложение в новонагльском языке. Л., 1968.

³³ О задачах лингвокомбинаторики (на материале комбинаторики морфем) см.: Корнилов В.А. Русское слово как сочетание морфем. – В кн.: Слово и предложение. Тезисы к научной лингвистической конференции. Тамбов, 1971, с. 93–95. Ср. также: Корнилов В.А. Сочетаемость морфем в языке эсперанто. – В кн.: Сочетаемость языковых единиц. Ростов-н/Д, 1968. О параллелизме словосочетания и производного слова пишет И.Г. Милославский (см.: Милославский И.Г. Синтез словосочетания и производящего слова. – Вопр. языкознания, 1977, № 5, с. 53–61).

сочетанием, которое выполняет ту же функцию, что и его компоненты – слова или словоформы – и по своей синтаксической природе не противостоит им”³⁴.

Таким образом, хотя термин “изоморфизм” до 1974 г. не появляется в работах В.А. Белошапковой, ее работы 1967 и 1970 гг. объективно утверждали наличие изоморфизма относительно ряда существенных свойств сложного предложения и словосочетания, а также указывали границы проявления изоморфизма.

Особенностью применения принципа изоморфизма к изучению того или иного круга фактов является то, что установление изоморфных связей и процессов в центральных частях сравниваемых систем приводит к установлению изоморфизма и более периферийных их частей. Если изоморфны наиболее важные свойства, качества, признаки идеальных объектов, поставленных в соответствие каким-то другим идеальным объектам, то вполне закономерно предположить наличие изоморфизма и других, менее существенных свойств, качеств, признаков. Поэтому анализируемые положения В.А. Белошапковой являлись позитивной программой исследования различных сторон строения и функционирования непредикативных и полипредикативных синтаксических единиц на основе их изоморфизма.

Однако термин “изоморфизм” применительно к сложному предложению и словосочетанию появился впервые не в работах В.А. Белошапковой или К.М. Милых, а в статье Л.Ю. Максимова “Сложноподчиненное предложение в ряду других синтаксических единиц”³⁵, но, как это ни парадоксально, используется этот термин Л.Ю. Максимовым как раз для того, чтобы доказать, что изоморфизма между сложноподчиненным предложением и словосочетанием в общем не существует. Л.Ю. Максимов признает, что “между сложноподчиненным предложением, с одной стороны, и словосочетанием или простым предложением (в его синтаксическом или актуальном членении), с другой стороны, существует известный изоморфизм – самые общие черты сходства, которые представляют широкие возможности для проведения грамматических аналогий”³⁶. И далее, признавая, что существует изоморфизм между “нерасчлененными сложноподчиненными предложениями” и словосочетаниями, он не считает изоморфными словосочетания и иные сложноподчиненные предложения. Сложноподчиненные предложения с детерминантами придаточными Л.Ю. Максимов ставит в соответствие

простым предложениям с детерминантами (в его членении на основную часть предложения и детерминант).

Соображения Л.Ю. Максимова заслуживают серьезного внимания. В самом деле, непосредственно сопоставляя семантико-грамматические отношения, обнаруживаемые: а) между словами в словосочетаниях с объектным или определительным значением, б) между основной частью предложения и детерминантом и в) между компонентами сложноподчиненного предложения, мы замечаем, что отношения в одних сложноподчиненных предложениях аналогичны отношениям в словосочетаниях, а в других – отношениям в простых предложениях с детерминантами. Это бесспорный факт.

Однако уровень идеализации³⁷, на котором устанавливается в данном случае изоморфизм между структурами, недостаточно высок. Процессу идеализации подвергается здесь лишь придаточное предложение, поскольку лишь оно приравнивается к слову. С главным предложением никаких операций не производится, в результате чего изоморфизм фактически устанавливается между единицами различного уровня абстрагирования (идеализации). Поэтому, приняв точку зрения Л.Ю. Максимова, мы легко признаем изоморфными сочетание предикативных единиц “...Сабуров... понимал, что главная опасность начинается именно с рассветом” и словосочетание “понимать опасность”, но сочетание предикативных единиц “Хотя Сабуров ... понимал ..., ему все-таки хотелось ...” должны будем считать изоморфным сочетанию предикативной основы предложения с детерминантом (например, “Вопреки пониманию Сабуровым (этого), ему все-таки хотелось...”).

Тем не менее более многообещающим представляется переход на следующий уровень идеализации, на котором не только придаточная, но и главная часть сложноподчиненного предложения уподобляются компоненту словосочетания (причем такое уподобление на этом более высоком уровне должно быть связано и с отвлечением от лексического наполнения изоморфных единиц разных уровней, ср.: “Хотя Сабуров... понимал..., ему все-таки хотелось ...” и “вопреки воле (отца) поступить...”).

Следует полагать, что изоморфизм двух идеальных систем с переходом на более высокий уровень идеализации расширяет возможности перенесения на одну из систем результатов, которые получены в другой системе, и открывать новые аспекты многогранных языковых явлений.

Такой переход на более высокий уровень идеализации применительно к словосочетанию и сложному предложению мы наблюдаем в небольшой, но принципиально важной публикации В.А. Белошапковой “Изоморфизм в синтаксических связях падежных форм и придаточных частей”, где утверждается существование изомор-

³⁴ Грамматика современного русского литературного языка, с. 652.

³⁵ Максимов Л.Ю. Сложноподчиненное предложение в ряду других синтаксических единиц. – В кн.: Мысли о современном русском языке. М., 1969, с. 93–104.

³⁶ Там же, с. 94.

³⁷ Белошапкова В.А. Изоморфизм в синтаксических связях..., с. 61.

физма словосочетаний ("в широком, фортуналовском понимании этого слова") и сложных предложений как относительно "принципов комбинирования и типов комбинаций" минимальных конструкций, так и относительно "синтаксических связей и отношений, на основе которых строятся словосочетания и сложные предложения". Опираясь на принцип изоморфизма, В.А. Белошапкова последовательно выделяет два типа синтаксических отношений как "на уровне сочетаний словоформ", так и на "уровне сочетаний предикативных единиц"³⁸; собственно синтаксические отношения, характерные для присловной связи, и семантико-синтаксические, сопровождающие детерминантную связь.

Кстати, именно изоморфный подход к сложному предложению и словосочетанию, по-видимому, способствовал распространению понятия о детерминантной связи и на словосочетание (в "Грамматике-70" такая связь описывалась только применительно к предложению – простому и сложноподчиненному). А такое распространение понятия потребовало и серьезного уточнения его, что и сделано В.А. Белошапковой в ее "Синтаксисе"³⁹.

Принцип изоморфизма словосочетаний и сложных предложений, начиная с работы В.А. Белошапковой 1977 г., уже последовательно вводится в практику вузовского описания синтаксической системы современного русского языка⁴⁰, что означает качественно новый этап в истории введения в научный обиход указанного принципа.

О перспективах дальнейшего изучения словосочетаний и сложноподчиненных предложений как изоморфных объектов. Установление изоморфного характера двух систем ценно не только и даже не столько само по себе. Оно в принципе должно быть первым шагом к осуществлению основанного на изоморфизме переноса результатов и выводов, полученных на одном уровне языка, на другой его уровень.

Приведем пример, иллюстрирующий возможность такого переноса.

В.В. Шеулин в своей работе "Структура сложного предложения" постулирует существование трех способов формализации подчинения (эксплицитации, имплицитации, частичной эксплицитации)⁴¹. Рассмотрение названных способов позволяет предположить, что

³⁸ Белошапкова В.А. Изоморфизм в синтаксических связях..., с. 63.

³⁹ Белошапкова В.А. Современный русский язык, с. 141-143.

⁴⁰ Там же, с. 67-69, 72-73, 173, 178, 183 и др.

⁴¹ Шеулин В.В. Структура сложного предложения. Ростов-н/Д, 1968, с. 79 и др.

они должны существовать и применительно к единицам, изоморфным сложноподчиненным предложениям, – применительно к подчинительным словосочетаниям.

"Эксплицитацией называется такой способ выражения подчинения, который характеризуется тем, что и главное и придаточное предложения имеют позитивный (эксплицитный) знак своей функции"⁴² (предложения с такими средствами связи, как, например, "так ...", "что ..."; "для того, чтобы ..."; "если ...", "то..." и др.).

На уровне словосочетаний легко прослеживается аналогичный способ формализации подчинения. Возьмем, к примеру, словосочетания "войти в дом", "зайти за горизонт", "наскочить на мину", "выехать из города". Подчинение в каждом из них выражено эксплицитно как в главном слове словосочетания (приставки во-, за-, на-, вы-), так и в зависимой предложно-падежной форме (предлоги в, за, на, из).

В плане установления изоморфизма между сложноподчиненными предложениями и словосочетаниями относительно эксплицитации подчинения целесообразно рассмотреть анализ таких словосочетаний в монографии Е.С. Скобликовой: "Специфика словосочетаний при соответствии предлога и приставки сводится к тому, что направление движения получает в них двустороннее выражение: синтаксическое – в предложно-падежной форме зависимого слова и словообразовательное – в приставке господствующего слова"⁴³.

Любопытно, что В.В. Шеулин и Е.С. Скобликова при анализе различных синтаксических явлений, не помышляя об изоморфизме, проводят разграничение типов выражения подчинения в весьма сходных направлениях. А значит, к "эксплицитации" подчинения в сложноподчиненном предложении в принципе можно было бы прийти путем переноса на эти предложения "двустороннего выражения" из синтаксиса словосочетания (разумеется, столь же возможен был бы и обратный перенос, о чем уже говорилось выше).

Среди иных словосочетаний, в которых не наблюдается "соответствия предлога и приставки", легко обнаруживаются словосочетания, изоморфные сложноподчиненным предложениям с нарушенной эксплицитацией подчинения и с его имплицитацией.

Подобных примеров можно привести немало. Но, по-видимому, и приведенного примера достаточно, чтобы показать принципиальную возможность, сознательно исходя из изоморфизма сложноподчиненного предложения и других синтаксических единиц на различных уровнях идеализации, переносить определенные выводы, полученные в одной области синтаксиса, на иные синтаксические (а может быть, и не только синтаксические) факты.

⁴² Там же, с. 80.

⁴³ Скобликова Е.С. Согласование и управление в русском языке. М., 1971, с. 91.

При анализе изоморфных систем очень важно правильно установить границы действия изоморфизма, а это оказывается далеко не простой задачей, ибо возможна различная оценка значимости и принципиальности конкретных сходств и несходств между представленными в соответствие элементами изоморфных систем (структур). И поскольку представления об изоморфизме сложных предложений и словосочетаний складываются постепенно и в значительной мере индуктивным путем, постольку у различных лингвистов, а иной раз и в различных работах одного и того же лингвиста, можно встретить неидентичные суждения о границах изоморфизма (параллелизма, функционального сходства и т.д.) тех или иных явлений.

Обратимся к конкретным фактам. В работе В.А. Белошапковой "Изоморфизм в синтаксических связях падежных форм и притягательных частей" отмечается, что в предложениях типа "Кто хочет, тот добьется" наличествует "корреляционная связь" — "вид синтаксической связи, специфичной для сложного предложения"⁴⁴. В работе этого же автора "Современный русский язык. Синтаксис" утверждение о корреляционной связи между компонентами сложноподчиненных предложений подобного типа, "не имеющей аналогов на уровне связей в словосочетании и простом предложении", сопровождается симптоматичным подстрочным примечанием: "Возможно, отдаленным аналогом этой связи является позитивная связь между параллельными падежными формами существительных (т.е. связь между определяемым существительным и приложением — в традиционных терминах членов предложения)"⁴⁵.

Таким образом, перед нами весьма любопытная картина существенно различной оценки лингвистами возможных аналогий между предложениями типа "Кто хочет, тот добьется" и теми или иными типами словосочетаний (см. таблицу).

Лингвисты	Предлагаемые словосочетания-аналоги предложений типа "Кто хочет, тот добьется"
Белошапкова — 74	Нет
Белошапкова — 77	Определяемое существительное + приложение
Милых	Определяемое существительное + согласованное определение
Вывод из сопоставления работ Шеулина и Скобликовой	Глагол с приставкой + зависимое (управляемое) существительное в соответствующей предложно-падежной форме

Такие расхождения, как может показаться, в какой-то мере дискредитируют идею изоморфизма. Ведь слишком уж разнороден список "кандидатов" в аналоги рассматриваемых сложных предложений.

Однако, на наш взгляд, именно исходя из понятия изоморфизма в философском, общенаучном смысле, можно и выяснить причины различных решений одной и той же проблемы, и даже установить, какое решение наиболее соответствует изоморфному подходу к рассматриваемым явлениям.

Если мы считаем две системы изоморфными, то все входящие в них элементы должны быть поставлены в соответствие друг другу. Между тем, вдумываясь в концепцию В.А. Белошапковой, мы обнаруживаем, что, во-первых, среди сложных предложений имеются различные аналоги типов управления и примыкания ("Граница между этими видами связи неопределенна и зыбка"⁴⁶), но нет аналогов согласования; во-вторых, "среди словосочетаний отсутствуют аналоги коррелятивных сложных предложений (или, по уточнению 1977 г., ими в какой-то степени признаются аппозитивные связи). С точки зрения изоморфного подхода уже этого достаточно, чтобы признать (в духе М.К. Милых) словосочетания с согласовательной связью аналогами коррелятивных сложных предложений типа "Кто хочет, тот добьется"⁴⁷.

И в самом деле, сопоставим словосочетания "старика Ивану", "старому Ивану" с указанным предложением. Как в предложении достаточно одного из коррелятивных средств связи ("кто...", "тот..."), чтобы предсказать появление второго, так и в словосочетаниях на основании знания одного из них ("—у... —у"; или "—ому... —у") можно предсказать второе.

Объединение же во всех случаях согласования в словосочетаниях со случаями управления с "двусторонним выражением синтаксической связи" как в управляющем, так и в управляемом компоненте и постановка их всех в соответствие коррелятивным сложноподчиненным предложениям означали бы переход на еще бо-

⁴⁴ Белошапкова В.А. Изоморфизм в синтаксических связях..., с. 63.

⁴⁵ Белошапкова В.А. Современный русский язык, с. 183. В статье "О классификации сложных предложений".

⁴⁶ Белошапкова В.А. Современный русский язык, с. 55.

⁴⁷ Мы здесь не касаемся предложений типа "У служащего с сорокарублевым жалованьем оказалось в кармане десять тысяч рублей, что несколько странно", относимых В.А. Белошапковой также к коррелятивным. Заметим только, что относительно подобных предложений с большим основанием можно говорить, как о не имеющих аналогов в кругу словосочетаний.

более высокий уровень идеализации, позволяющий обнаружить глубокий изоморфизм словосочетаний и сложных предложений на основе единства трех основных типов связи (присловного, коррелятивного, детерминантного) в обеих синтаксических системах.

Вызывает желание серьезно задуматься еще одно ограничение проявления изоморфизма словосочетаний и сложных предложений, формулируемое В.А. Белошапковой: "В сложном предложении характер синтаксической связи между главной и придаточной частью непосредственно и однозначно отражается в средствах связи, так что придаточные части, находящиеся в присловной или детерминантной связи с главной частью, всегда различаются оформлением. На уровне связей падежных форм это наблюдается не всегда"⁴⁸. Иными словами, постулируется неизоморфность словосочетаний и сложных предложений относительно отражения в средствах связи характера этой связи между главным и зависимым компонентами.

Затем В.А. Белошапкина приводит примеры неразличения присловной и детерминантной связи (центральной и периферийной позиций) на уровне словосочетаний: "ехать на каникулы к тетке" – "надеяться на каникулы"; "читать час" – "выделить час для чтения".

Действительно, в приводимых словосочетаниях имеет место синтаксическая омонимия. Взятая отдельно, предложно-падежная форма "на каникулы" с одинаковым успехом может оказаться как в центральной, так и в периферийной позиции (как в присловной, так и в детерминантной связи); предлог "на" может быть собственно предлогом (в периферийной позиции словоформы) или "последелегом" (ср.: "надеяться на ..."):

"ехать + (на + каникулы)
(надеяться + на) + каникулы".

Но разве в сложных предложениях невозможна подобного рода синтаксическая омонимия? Омонимия – явление, пронизывающее все уровни языка. И если словосочетания и сложные предложения в самом деле неизоморфны относительно подобной синтаксической омонимии, то закономерны сомнения в наличии изоморфизма их и относительно других свойств.

Однако вряд ли приходится сомневаться в наличии изоморфизма между указанными синтаксическими единицами относительно возможности синтаксической омонимии. Разумеется, в подавляющем большинстве сложных предложений такая омонимия отсутствует. Но, возьмем, например, придаточную предикативную часть "как поют все наши девушки". Точно так же, как и в случае со словоформой "на каникулы", невозможно вне связи с главной частью

установить, находится ли эта предикативная часть в присловных (собственно синтаксических) или в детерминантных (семантисинтаксических) отношениях с главной предикативной единицей. И так же, как в системе словосочетаний, только конкретный главный компонент вносит ясность в этот вопрос: 1) "она знала, как поют все наши девушки"; 2) "она пела, как поют все наши девушки".

Аналогичные изменения характера как синтаксической связи, так и средства связи в обеих парах ("последелег" – собственно предлог и "союзное слово" – собственно союз) подчеркивают глубокий изоморфизм анализируемых синтаксических единиц. Различие в парах: "надеяться на каникулы" – "ехать на каникулы" и "она знала, как поют все наши девушки" – "она пела, как поют все наши девушки", целиком определяется различными валентностными свойствами "главных" глаголов, а синтаксическая омонимия слова-скрепы "как" вполне изоморфна синтаксической омонимии служебного слова "на".

Представляется целесообразным сформулировать важное "стратегическое" правило применения понятия изоморфизма к тем или иным языковым явлениям: в тех случаях, когда две идеальные системы можно описать несколькими способами, более удобным ("выгодным", соответствующим изоморфному подходу) оказывается такой способ, при котором в описании будет как можно меньшее число ограничений в проявлении изоморфизма.

Итак, идея изоморфизма сложноподчиненного предложения и подчинительного словосочетания (и – шире – сложных предложений в целом и словосочетаний в широком понимании) складывалась в нашей науке постепенно, в постоянном столкновении мнений, в поисках наиболее оптимальных способов представления изучаемых синтаксических явлений. На данном этапе эта идея сложилась во вполне определенную концепцию, имеющую серьезные перспективы своего дальнейшего развития и совершенствования.

Анализ некоторых возможностей изложенного выше изоморфного подхода к синтаксическим явлениям позволяет предполагать, что весьма целесообразны усиленные поиски различных систем, изоморфных той системе (подсистеме) фактов, которая интересует конкретного исследователя. Удачи и неудачи на этом пути помогут и открытию новых лингвистических закономерностей, и углублению наших представлений о многообразной, весьма сложной и недостаточно изученной языковой действительности.

Сознательное использование в лингвистическом исследовании понятия изоморфизма может помочь критическому анализу различных гипотез, а также разграничению утверждений, касающихся лишь отдельных сторон языка, и утверждений, границы применимости которых очерчены весьма неотчетливо и которые, возможно, могут быть распространены на явления самого различного плана.

⁴⁸ Белошапкина В.А. Изоморфизм в синтаксических связях..., с. 62–63.

ОБ ИЗОМОРФИЗМЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
И СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Плодотворные попытки изучать словосочетания и сложноподчиненные предложения (придаточные части и синтаксические формы слова) с учетом их изоморфизма уже сделаны на материале современного русского языка в ряде лингвистических работ. Однако систематических исследований, где бы просматривались все типы и разновидности сложного предложения в их составлении со словосочетанием, пока не проводилось.

Не претендуя на исчерпывающее решение данной задачи, мы попытались несколько расширить круг наблюдений, которые вытекают из сопоставления названных выше синтаксических структур.

Общность данных синтаксических конструкций проявляется не только в общем механизме построения двучастных структур, но и в том, что словосочетания и сложные предложения "могут быть минимальной конструкцией (МК) или усложненной конструкцией (УК); построения УК представляют собой разнообразные комбинации МК; принципы комбинации одни и те же в словосочетании и сложном предложении"¹.

При подчинении синтаксических элементов употребление их оказывается неравноценным прежде всего в силу различия их семантической роли, заключающейся в том, что один из элементов имеет своей целью давать характеристику другому. Это свойство лежит в основе построения подчинительных единств и в составе словосочетания, и в составе сложного предложения.

В формировании единств, состоящих из распространяемого и распространяющего элементов, ведущую роль играет содержательная валентность: предмет предполагает наличие определенных признаков; действие, имеющее своим объектом предмет, требует наличия данного предмета и т.п. Подобные связи и отношения реальной действительности находят свое выражение в языке, где

¹ Белошапкова В.А. Изоморфизм в синтаксических связях падежных форм и придаточных частей. — В кн.: Исследования по славянской филологии. М., 1974, с. 61.

проявляют себя "механизмы формальной валентности"². Этот механизм является общим для словосочетания и сложноподчиненного предложения, ибо опорное слово, в силу своего категориального значения, допускает при себе наличие определенных синтаксических позиций, которые могут замещаться как словоформами, так и соответствующими придаточными, семантика которых согласуется с семантикой опорного слова. При отнесенности распространителя (придаточной части или словоформы) к целому предложению наличие его синтаксической позиции определяется категориальной семантикой этого предложения.

Опорным словам свойственна общесинтаксическая межуровневая фунция: это элемент синтаксической системы, одинаково функционирующий на разных ее уровнях.

Характеристика синтаксической позиции, определяемой валентностью опорного слова, исчерпывается самыми общими семантическими параметрами как своего рода минимумом требований к возможным "претендентам" на их замещение³; в качестве заместителей такой позиции могут выступать любые словоформы и любые придаточные, значение которых соответствует данной синтаксической позиции. Для понятия синтаксической позиции, таким образом, способы ее представления не существенны. Так, валентность глагола, требующая зависимой позиции объекта, может быть реализована в предложении как падежной формой имени существительного, так и придаточными изъяснительными или местоименно-соотносительными: "Сообщил о своем приезде" и "Сообщил, что придет", "Взял книгу" и "Взял то, что лежало на столе". Придаточные и словоформы образуют одни и те же группировки, занимаемая одинаковые синтаксические позиции (атрибутивные, объективные, обстоятельственные).

В связи с вышесказанным и вопрос о синтаксических факторах обязательности или факультативности одинаково решается в отношении компонентов простого и сложного предложения. Синтаксические позиции могут быть обязательными и необязательными, в разной степени предсказуемыми, в связи с чем и всем зависимым элементам вообще присущи признаки обязательности — необязательности, предсказуемости — непредсказуемости. Синтаксическая позиция является обязательной, если ее замещение необходимо для восполнения значения опорного слова. В некоторых случаях предсказуемой является не только синтаксическая позиция, но и в какой-то мере форма ее замещения. Так, глагол "требовать" имеет позицию объекта, замещаемую строго определенной формой:

² Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 123.

³ Суслов И.П. Семантическая структура предложения. Тула, 1973, с. 86.

или формой родительного падежа имени или придаточным изъяснительным с союзом "чтобы": "требовать помощи (чтобы помогли)".

В других же случаях обязательность и предсказуемость синтаксической позиции не означают предсказуемости формы ее замещения. Так, глагол "жить" требует позиции синтаксического распространителя с обстоятельственным значением места действия. Однако место действия определяется обычно по отношению к месту нахождения какого-либо предмета по-разному (действие может происходить рядом с предметом, над ним, под ним и т.д.): "Жить в городе (около города, за городом и т.п.), жить там, где течет река (куда течет река, откуда течет река)", и поэтому формы, замещающие данную синтаксическую позицию, фактически непредсказуемы. Однако и обязательность синтаксической позиции не всегда означает ее предсказуемость. Так, глагол "делать" с дейктическим значением, указывающий на какое-либо конкретное действие, названное в предшествующем ему контексте, обязательно требует обстоятельственной функциональной характеристики⁴. Однако данная синтаксическая позиция, замещааясь, может характеризовать действие разных сторон: с точки зрения места, времени, причины и т.д.: "...Около месяца, рискуя жизнью, он укрывал у себя комиссара бригады, однако делал он это, думается, опять же из инстинкта самосохранения" (В. Богомолов. В августе сорок четвертого). Ср.: "Делал он это, так как в нем говорил инстинкт самосохранения" (несмотря на то, что в нем говорил инстинкт самосохранения, когда в нем говорил инстинкт самосохранения и т.д.).

Таким образом, предсказать синтаксическую позицию в данном случае фактически невозможно. Наряду с подобными обязательными непредсказуемыми позициями существуют позиции предсказуемые, но необязательные. Таково, видимо, большинство позиций распространителей с атрибутивным значением, возможные при любом имени существительном и замещаемые именем прилагательным или придаточным определительным.

И в словосочетании и в сложном предложении определяющая роль опорного слова в формировании структуры единств, образуемых распространяемыми и распространяющими синтаксическими элементами, в одних случаях совмещается с определяющей ролью его в формировании синтаксических отношений; в других же случаях семантически главным, определяющим семантико-синтаксический характер отношений между компонентами, является ее опорное слово, а зависимый элемент.

⁴ См.: Штыкало Н.И. К вопросу о возможности прогнозирования синтаксической функции. - В кн.: Современный русский язык, актуальные вопросы лексики и грамматики. М., 1975, с. 125.

В первом случае валентные свойства опорного слова предопределяют наличие зависимой синтаксической позиции определенной семантики, например, объектной позиции при переходном глаголе, атрибутивной при существительном и т.п., а тем самым эти свойства предопределяют и наличие определенных словоформ или определенных типов придаточных, которые так или иначе закреплены в языке за соответствующими синтаксическими позициями. Таковы имена прилагательные, некоторые падежные формы имен существительных, а также придаточные изъяснительные, в отдельных случаях местоименно-соотносительные, присубстантивно-определительные, прикомпаративные.

Относясь же к словам абсолютного значения, не требующим, а лишь допускающим определенные синтаксические позиции, обобщенная семантика зависимого элемента определяет и семантико-синтаксические отношения между ним и распространяемым словом.

О том, что данные синтаксические элементы обладают своим собственным значением (места, времени, цели и т.д.), свидетельствует строго определенное соответствие их семантики занимаемой ими синтаксической позиции при абсолютных словах, возможность их независимого функционирования в роли заголовков; например: "Для тех, кто в поле" - "Для механизаторов", "Чтобы Родина стала еще богаче и счастливей" - "Ради богатства и счастья Родины", "Когда идет сев" - "Во время сева".

И в словосочетании и в сложноподчиненном предложении действуют одни и те же комбинаторные соответствия значений зависимого и распространяемого элемента. Представляющие собой проявления синтаксического аналитизма, местоименно-соотносительные придаточные, изоморфные падежным формам имен существительных, могут передавать те же семантико-синтаксические отношения с опорным словом, что и функционально-тождественные им словоформы, и эти отношения выражаются синтаксической позицией соотносительного слова, определяющей его падежную форму.

Особенно ярко аналитизм в выражении придаточности проявляется в предложениях с соотносительным словом "то" и соответствующим ему союзным словом или союзом "что". Местоимение "то" (1), сочетающееся с союзным словом, отличается от "то" (2) своим конкретно-предметным указательным значением⁵, которого "то" (2) (ему соответствует союз) в силу отвлеченности своего значения полностью лишено. Однако такое различие в значениях местоимений "то" (1) и "то" (2), вопреки утверждению Грамматики-70, не свойственно им самим по себе, а вытекает из обобщенного значения придаточных, с которыми они образуют аналитическое целое, и это целое как единая синтаксическая форма со-

⁵ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 684.

относится с опорным словом. Ср., "Его поразило то (1), что лежало на столе" и "Его поразило то (2), что брат не сдержал слова".

Разное значение данных предложений, которые в Грамматике-70 соответственно относятся первое к предложениям отождествительным, а второе – к вмещающим, доказывается разной возможностью трансформации придаточного во втором предложении в именную группу с главным словом – отвлеченным существительным, обозначающим определенное действие, процесс, определенную пропозицию: "Его поразило нежелание брата сдерживать слово", и невозможностью такой трансформации придаточного первого предложения. Отождествительные придаточные с союзным словом "что" вместо номинации предмета указывает на предмет через обозначение какого-то свойственного ему признака: "Он купил вазу". Ср.: "Он купил то, что ему понравилось". То есть им функционально тождественны существительные с конкретно-предметным значением.

Придаточным предложениям, характеризующимся союзом "что", на уровне словоформ соответствуют существительные с отвлеченным значением пропозиции: "И этот князь... разорял казачьи городки за то, что не хотели никонскую поганую веру примать и под царя идти" (М. Шолохов. Тихий Дон). Ср.: "И этот князь разорял казачьи городки за нежелание никонскую... веру примать".

Такое различие в структурно-семантических свойствах придаточных сказывается на семантической сочетаемости их с распространяемым глаголом точно так же, как и различие существительных, определяемое их делением на подклассы предметных и отвлеченных. Поскольку активное механическое действие направлено всегда на конкретный предмет, в качестве выразителя объекта глагола, репрезентирующего такое действие, могут выступать только местоименно-соотносительные придаточные с союзным словом, образующие отождествительные предложения, или же конкретно-предметные имена существительные. Например: "С неожиданным проворством она спрятала то, что лежало у нее в коленях, в нижнее помещение кухонного столика". (А. Фадеев. Молодая гвардия). Ср.: "С неожиданным проворством она спрятала книгу в нижнее помещение столика". Зато в позиции объекта такого глагола не могут выступать местоименно-соотносительные придаточные с союзом "что", образующие вмещающие предложения, а также существительные с отвлеченным пропозитивным значением. В таких местоименно-соотносительных предложениях придаточные сочетаются только с глаголами, обозначающими состояние, интеллектуальное действие и т.п., и не могут сочетаться с глаголами, имеющими значение физического воздействия на предмет, типа "дать, взять, спрятать, ударить, принести" и др. (т.е. так же как отвлеченные существительные). Таким образом, закономерности интеграции смыслов сочетающихся элементов, образующих смысловое целое, основан-

ное на определенных синтаксических отношениях, имеют общесинтаксический характер.

Хотя формальные связи между синтаксическими элементами – явление иного порядка, чем функциональные, собственно синтаксические отношения между ними, изоморфизм придаточных и словоформ наблюдается и на этом уровне. В качестве одного из основных формальных средств связи в простом предложении выступают предлоги, а в сложноподчиненном – союзы и союзные слова, позволяющие оформлять синтаксические элементы как подчиненные.

О том, что семантико-синтаксический аспект придаточных непосредственно связан именно со значением союза (или союзного слова), свидетельствует изменение его семантики при изменении значения союза: "Я направился к другу, (хотя, так как) когда уже стемнело". Ср.: "Положить на (в) стол".

Многие союзы, соотносительные с производными предлогами, имеют одинаковые с ними значения, передавая семантико-синтаксические отношения причины, времени, уступки (вследствие того что, после того как, несмотря на то что и т.п.). Об этом свидетельствует и употребление в качестве однородных словоформы с предлогом и придаточного с соответствующим союзом: "Что было бы с нею в случае моей болезни, смерти или просто, если бы мы разлюбили друг друга. (А. Чехов. О любви).

Однако придаточные в функции, подобной функции словоформ, отличаются от последних прежде всего тем, что оно представляет собой предложение с его конструктивным признаком – предикативностью⁶.

В придаточном действие представляется в движении, развитии, обязательно прикреплено к какому-то временному плану и этим оно отличается от словоформы, где действие дается статично. Например: "Сообщили о приезде брата". "Сообщили о том, что брат приехал". "Сообщили о том, что брат приедет".

Модальность придаточных, как правило, выражается подчинительными союзами и формами наклонений глаголов – сказуемых. Однако в некоторых случаях модальное значение зависимого элемента (придаточного или словоформы – отглагольного или отадъективного существительного) однозначно устанавливается семантикой распространяемого элемента уже на уровне содержательной валентности. Так, эмоциональное восприятие какого-то факта реальной действительности предполагает наличие этого реального факта, в силу чего глагол изъявительного наклонения со значением эмоционального восприятия предполагает при себе зависимую позицию, замещаемую словоформой или придаточным со значением реальной модальности.

⁶ Белошапкина В.А. О модальности сложного предложения. – В кн.: Русский язык. М., 1975, с. 44.

Например: "То, что он приехал, всех обрадовало". "Его приезд всех обрадовал". Одинаковая модальная семантика придаточного и зависимой словоформы имеет разное оформление, эксплицитно выражаясь только в придаточной части – формой изъявительного наклонения глагола-сказуемого.

Иногда одинаковая модальная характеристика придаточного и словоформы имеет известное сходство в своем выражении – в придаточном союз; в словоформе – соответствующий по значению предлог: "Если будет плохая погода, вернешься". "В случае плохой погоды вернешься".

Входя в предложение, единства, образуемые сочетаниями распространяемого и распространяющего элементов, приспособляются к грамматическому строю предложения в том смысле, что опорное слово занимает определенную синтаксическую позицию внутри предложения. В сложноподчиненном предложении это приспособление всегда отражается и на структуре придаточной части, так как модально-временная характеристика его приспособляется к модально-временной характеристике придаточной.

Думается, что Л.Ю. Максимов справедливо видит специфику сложноподчиненного предложения как синтаксической единицы прежде всего в особой по сравнению с другими синтаксическими единицами парадигме: "Варианты предикативных форм (видо-временных и модальных) главной части – соответствующие варианты предикативных форм придаточной части"⁷.

При построении усложненного сложного предложения, как и в двучастном сложном предложении, проявляются общесинтаксические свойства сочинительных и подчинительных связей и отношений, изоморфизм придаточных и словоформ.

Типы усложненных конструкций как словосочетания, так и сложного предложения определяются их структурой, направлением отношений зависимости. А.М. Пешковский указывал, что в простом предложении, как и в сложном, мы имеем "последовательное подчинение, "соподчинение", сочинение соподчиненных элементов, т.е. наблюдаем те же самые отношения, что и в многочисленных сложноподчиненных предложениях⁸. Кроме механизмов построения, тождественных по своему назначению тем же механизмам, лежащим в основе организации двучленных построений, усложненным конструкциям, реализующимся в речи, присущи и свои особенности⁹.

⁷ Максимов Л.Ю. Сложноподчиненное предложение в ряду других синтаксических единиц. – В кн.: Мысли о современном русском языке. М., 1969, с. 99.

⁸ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, с. 37, 60.

⁹ См., напр.: Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977, с. 69.

В отличие от двучленных структур форма зависимого элемента в многочисленных конструкциях не всегда указывает направление его зависимости, в связи с чем в формировании структуры многочисленного образования активно участвует линейный порядок элементов.

Сравните "склеил вазу из картона" (где функция словоформы "из картона" неоднозначна, ибо может относиться и к глаголу и к существительному) с примером "склеил из картона вазу", где позиция словоформы недвусмысленно отражает направленность ее зависимости от слова "склеил".

То же наблюдаем и в сложноподчиненном предложении: "Пока седлали лошадь, Левин опять подзвал вертевшегося на виду приказчика, чтобы помириться с ним" (Л.Н. Толстой. Анна Каренина), где позиция придаточных определяет построение конструкции с неоднородным соподчинением. Ср.: "Левин опять подзвал... приказчика, чтобы помириться с ним, пока седлали лошадей", где направление зависимости последнего придаточного иное.

Для усложненных конструкций словосочетаний и сложных предложений одинаковы варианты линейных моделей, например, для последовательного подчинения: увидеть дом отца, увидеть отца дом, дом отца увидеть, отца дом увидеть. Сравните со сложноподчиненным предложением. «Когда Андрей Ефимыч приехал в город, чтобы принять должность, "богоугодное заведение" находилось в ужасном состоянии» (Чехов. Палата № 6), «"Богоугодное заведение" находилось в ужасном состоянии, когда Андрей Ефимыч приехал в город, чтобы принять должность» ; «Когда, чтобы принять должность, Андрей Ефимыч приехал в город, "богоугодное заведение" находилось в ужасном состоянии» ; «"Богоугодное заведение" находилось в ужасном состоянии, когда чтобы принять должность, Андрей Ефимыч приехал в город» .

Одинаковые возможности варьирования, заложенные в одинаковых линейных моделях усложненных конструкций словосочетаний и сложных предложений, порождают еще один общий аспект их исследования.

Отдельные варианты моделей разных типов усложненных конструкций совпадают друг с другом, т.е. они омонимичны, в силу чего одна и та же модель может соответствовать разным типам усложненных структур. Например, "...Если он запевал для одного себя, ему нравилось, и он казался себе музыкальным" (К. Федин. Необыкновенное лето) может соответствовать вариантам двух разных моделей – модели сложноподчиненного предложения со сложносочиненным главным и модели сложносочиненного предложения. Ср.: маленькие мальчики и девочки.

Если в двучастной структуре замещается лишь одна синтаксическая позиция из нескольких допускаемых опорным словом, то в усложненном предложении могут замещаться одновременно две или несколько. Так, если мы возьмем простое или сложное предложе-

ние, имеющее условный и целевой распространитель, то построение таких предложений возможно только на базе глагольных моделей со значением активного целенаправленного действия с ирреальной модальностью. "Если Говядин схватит его, — сказала Даша хрипло, — ты сделаешь все, чтобы спасти Ивана Ильича" (А.Н. Толстой. Хожение по мукам). Ср.: "В случае ареста ты сделаешь все для спасения Ивана Ильича".

Таким образом, усложненные конструкции словосочетаний (в широком смысле слова) и сложных предложений имеют общее не только в организации их линейных структурных схем, но и в законах распространения внутри этих схем.

Академик В.В. Виноградов подчеркивал возможность разного подхода к языку, раскрывающего разные стороны его синтаксического строя: "Учение о словосочетании и синтагме касается разных сторон синтаксического строя языка и предполагает разный подход к языку: от элементов к целому (словосочетание) и от целого к его элементам (синтагма). Они диалектически объединяются в смысловой структуре речи. Кроме того, словосочетание образуется посредством распространения какой-нибудь части речи, а синтагма выделяется из предложения с его членами"¹⁰.

Осуществив второй подход при описании многочленных структур, мы увидим, что иногда "... внутри многокомпонентного единства в зависимости от степени связанности компонентов складываются особые группы элементов"¹¹, намечаются единства, аналогичные двукомпонентным сложным предложениям.

Так, в сложноподчиненном предложении с однородным соподчинением, как и при однородном соподчинении словоформ, можно выделить сочиненное единство, которое в совокупности относится к одному опорному слову: "Характерами расхопились только в том, что Гриша тянул к ребятам в общие игры, а Митя подальше от них — в лес, на речку" (В. Сокоухин. Мать-мачеха).

Однако, если рассмотреть усложненные структуры в процессе их формирования, легко заметить, что двучленные единства как в словосочетании, так и в сложном предложении, как правило, "не ведут себя как единый блок, обладающий только совместными валентностями, определяемыми его внешними синтаксическими связями"¹².

Сочетательные свойства в многочленных структурах присущи распространяемым словам или предикативной основе точно так же, как и в двучленных единствах.

Так, в основе формирования многочисленной конструкции "вкусовые фрукты и овощи" лежат прежде всего валентные свойства каждого из сочиненных слов в отдельности, их обобщенная семантика.

Сочетаемость с каждой из сочиненных предикативных единиц лежит и в основе формирования сложных предложений со сложносочиненной главной частью. Например, в сложносочиненном предложении, подчиняющем придаточное цепи, действия обеих предикативных единиц должны быть активными, целенаправленными: "В самом деле, чтобы уехать, ему нужно будет согнать Надежде Федоровне, придется согнать матери..." (А. Чехов. Дуэль). Отсутствие такого обобщенного значения глагола в одной из сочиненных частей делает невозможным подчинение придаточных сложносочиненному единству: "На первом же километре лошади стали от инея белыми, а мы соскочили с саней и побежали, чтобы согреться" (Грамматика-70, с. 669).

Итак, механизм формирования усложненной конструкции обычно не связан с непосредственным использованием двучастного сложного предложения в качестве ее строительного материала.

Между тем, в готовой усложненной конструкции, как правило, легко вычлениаются двучленные единства. Например, в сочетании "старые стены города", в обычных условиях употребления возможен один вариант членения "старые" и "стены города", так как элементы сочетания "стены города", связанные жесткой смысловой связью, обозначают предмет, определяемый как часть целого, а "старые" — признак, качество этого предмета. То же в предложении: "И чтобы доказать это положение, он поторопился прибавить, что этот взгляд русского народа вытекает из сознания им своего призвания заселить огромные пространства на востоке (Л. Толстой. Анна Каренина), где в качестве двучленного единства выступает главная часть с придаточной частью изъяснительного типа, ибо процесс, выраженный глаголом "прибавить" неразрывно связан с объектом речи, целевой же распространитель создает лишь фон, на котором этот процесс протекает.

Таким образом, появляется новый аспект описания двучленных структур, позволяющий применять при их изучении своего рода прием межуровневой интерпретации, описать особенности их функционирования в особых условиях употребления в составе многочленных конструкций, относящихся к иному, чем двучленные структуры, хоть и небазисному уровню.

¹⁰ Виноградов В.В. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка. — В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 247.

¹¹ Бунина М.С. О составе сложного предложения. — В кн.: Вопр. языкознания и русского языка. М., 1969, с. 122.

¹² Арутюнова Н.А. О значимых единицах языка. — В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968, с. 109.

ОПЫТ ФОРМАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ
ПРИЧАСТНО-ПОСЛЕЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Причастно-последложной конструкцией мы называем бипредикативное построение, в котором предикат зависимой части выражен причастием в определенной падежной форме с последлогом. Формальные показатели (аффиксы) причастия и последлог выражают факт и характер зависимости этой части от главной, глагольная основа называет действие, о котором сообщается в этой части. Например:

(1) "Угайдахдаа эзэндэн бусаа-х-ын тулада тэрэниие абаха-п байгаа-бди". (Мунг., с. 25) – 'По крайней мере хозяину-его возвратить чтобы, его взять-ведь могли бы мы'.

В этом примере перед последлогом тулада – 'чтобы, поскольку' стоит глагол бусааха – 'возвращать' в форме причастия будущего времени на -ха в родительном падеже (-ын). Сказуемое главной части – глагол абаха – 'брать' в сослагательном наклонении (аналитическая конструкция – сочетание причастия на -ха со вспомогательным глаголом байха в форме прошедшего времени байгаа) сопровождается выделительной частицей л- 'ведь' (при причастии) и оформлено лично-предикативным показателем 1 лица множественного числа -бди.

Цепочка показателей х-ын тулада выражает здесь синтаксическую зависимость и содержательные отношения между частями, а тем самым и собственную синтаксическую семантику данной причастно-последложной конструкции. Поэтому в дальнейшем изложении термин "причастно-последложная конструкция" мы будем употреблять и для обозначения зависимой части, которая определяет собою бипредикативное целое.

В работах по алтаистике, и прежде всего по тюркологии, постоянно отмечается существование разнообразных конструкций, в составе которых последлог связан с причастием; функционирование таких конструкций подобно функционированию падежных форм причастий – в составе зависимой части сложноподчиненного предложения или "оборота", распространяющего простое предложение. Однако в качестве особой, аналитико-синтетической конструкции, заслуживающей специального внимания с позиций полипредикативного синтаксиса, эти формы осознаны пока, как нам кажется, недостаточно.

На материале бурятского языка, в котором эти конструкции используются сейчас очень широко, они специальному исследованию пока, в сущности, не подвергались. Это не значит, конечно, что сведения о них вообще не накапливались. Но искать их приходится в работах (и разделах более общих работ), посвященных смежным предметам; или в работах, посвященных последлогам и формируемым ими сочетаниям именного типа¹, или в работах о причастных конструкциях (оборотах)².

В работах первого типа причастно-последложные конструкции рассматриваются в одном ряду с субстантивно-последложными сочетаниями. Это легко объясняется тем, что причастие в алтайских языках значительно ближе к существительному, чем в русском, где оно сильно адъективировано. Не случайно наряду с термином "причастие", иногда вместо него, иногда параллельно, иногда в содержательном противопоставлении ему, используются другие термины, призванные подчеркнуть эту его специфику и ввести причастие в общую систему имени: именные формы глагола (Г.М. Василевич; в другом смысле этот термин у О.П. Суника), глагольные имена (Н.П. Дыренкова, Э.А. Грунина и др.), имена действия (Н.А. Баскаков, Н.П. Дыренкова, Э.А. Грунина и др.), отглагольные имена действия (Н.П. Дыренкова и др.)³. В основе этой тен-

¹ См., напр.: Грамматика бурятского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1962, с. 301–316; Дамдинов Д.А. Семантико-стилистическая характеристика последлогов бурятского языка с пространственно-временным значением. – В кн.: Стилистика и лексикология бурятского языка. Улан-Удэ, 1972, с. 51–59; Цыдыпов Ц.-Ж. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972, с. 235–255; Шагдаров Л.Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ, 1974, с. 241–245, раздел "Последложные сочетания".

² Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963, с. 195–226; Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М., 1964, с. 238–241; Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962, с. 136–160.

³ См., напр.: Баскаков Н.А. Предложения с развернутыми членами предложения в каракалпакском языке. – В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. III. Синтаксис. М., 1962, с. 114, 115 и др.; Грунина Э.А. Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке. – Там же, с. 140, 141, 158, 159 и др.; Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. М.–Л., 1940, с. 141, 143 и т.д.; Василевич Г.М. Очерк грамматики эвенкийского языка.

денции лежит способность алтайских причастий выступать не только в функции определения, но и выполнять целый ряд других функций, характерных для существительного: подлежащего, дополнения и др. Поэтому и сочетаемость причастий с послелогами может ощущаться как проявление тех же именных свойств.

Имеет значение, видимо, и то обстоятельство, что и причастные, и деепричастные, и причастно-последложные конструкции (как разновидности причастных) в описаниях синтаксиса бурятского языка трактуются как обороты, осложняющие простое предложение, но не делающие его сложным. Как и в работах по другим алтайским языкам, аргументами в пользу приравнивания этих конструкций к членам простого предложения является выполнение ими обстоятельственных функций, — хотя, как известно, признанные наукой "обстоятельственные придаточные" тоже выполняют эту функцию, но им приписывается другой синтаксический статус; второй аргумент — это грамматическая форма имени или местоимения, выражающего субъект зависимого действия: родительный, а не именительный (неопределенный, основной). Не касаясь сейчас сути этих аргументов, заметим только, что взгляд на причастно-последложную конструкцию как на именной член простого предложения (дополнение, обстоятельство) "закрывает" постановку вопросов о модальных и временных значениях, "параметрах" этих конструкций, которые сразу же возникают, если мы видим в них зависимые предикативные единицы.

Мы будем исходить из следующих теоретических положений:

1. Исследуя синтаксическое поведение причастий, необходимо постоянно учитывать глагольную сторону их природы, т.е. тот факт что они несут в себе потенцию предикативности и способны своей формой (своими формами) выражать грамматические значения лица, времени, а в какой-то мере и модальности. Если, как уже говорилось, алтайские причастия ближе, чем русские, к именам, то другой своей стороной, другими свойствами они ближе русским причастиям и к собственно глаголу. Существенное отличие их от собственно глагольных, т.е. "финитных", "конечных" форм состоит в том, что они существенно тяготеют к функции зависимого предиката, предиката (сказуемого) зависимой части в составе подчинительного полипредикативного целого.

Именно в соответствии с этой синтаксической функцией алтайские причастия развивают специфический морфологический аппарат — систему причастного предикативного склонения⁴.

ка. Л., 1940, с. 62, 64 и т.д.; Суник О.П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.—Л., 1962, с. 214, 249 и т.д.

⁴ На материале якутского языка понятие предикативного склонения разработано Е.И. Убрятовой в книге "Исследования по синтаксису якутского языка" (ч. II, кн. 1. Новосибирск, 1976, §§ 224–225, 239, с. 135–137, 142, и табл. 5, 6 на с. 136, 138–139).

Склонение русских причастий и по форме, и по содержанию сходно со склонением прилагательных, которые своей падежной формой выражают грамматическое согласование с определяемым существительным. Но в большинстве алтайских языков ни прилагательные, ни причастия в роли определений с определяемыми именами не согласуются⁵. Ради роли определения они не должны были бы приобрести аппарат склонения. Но он нужен им для того, чтобы выражать синтаксическую зависимость другого порядка: подчинение конечному сказуемому (или, в многоступенчатом построении, другому зависимому предикату, который в свою очередь — в конечном счете — подчинен "абсолютно главному" конечному сказуемому). Этот способ подчинения высказываний знали и древние европейские языки: это древнеславянский "дательный самостоятельный" и аналогичные обороты в латыни, греческом и др.

Предикативная природа причастного склонения прямо и непосредственно проявляет себя в зависимых причастных конструкциях, именуемых часто абсолютными причастными оборотами. В составе причастно-последложных зависимых конструкций (далее ППК) эта специфика предикативных падежей менее очевидна, поскольку падежная форма взаимодействует с послелогом. Послелого традиционно понимаются как "уточнители падежей", — но наряду с этим они могут выступать и выступают в некоторых языках как своеобразные "заместители" падежных аффиксов⁶. При этом нужно иметь в виду, что и сам термин "падеж" приобретает существен-

⁵ Исключение составляют, видимо, языки северной подгруппы тунгусо-маньчжурских языков, где прилагательные имеют согласовательные категории падежа и числа.

⁶ Ср., напр.: "Послелог — это служебное слово, имеющее своим назначением выражать или уточнять подчинительную зависимость входящего в сочетание знаменательного слова" — Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка, ч. II. М.—Л., 1961, с. 228; в мансийском языке послелог выражают "отношение имен существительных и местоимений к другим словам в предложении" и связаны "с формой основного (именительного) падежа других частей речи" — Сайнахова А.И. Служебные слова в мансийском языке. Автореф. канд. дис. М., 1966. Стоит заметить, что в примерах есть и причастно-последложные конструкции, приравниваемые к именным. "Послелог регулярно сочетается с именами в форме местного падежа, уточняя таким образом выражение в языке пространственных значений" — пишет П.Я. Скорик в "Грамматике чукотского языка" (ч. II, Л., 1977, с. 352). Ср. также: Тошкова Т.М. Послелог в алтайском языке — Учен. зап. ГИИИЯЛ, Горно-Алтайск, вып. 1, 1956; Сем Л.И. Очерки диалектов нанайского языка. Л., 1976; Дупьзон А.П. Кетские послелог. — В кн.: Кетский сборник. М., 1968, с. 247–250 и др.

но разный смысл в зависимости от того, идет ли речь об именном или о причастном предикативном склонении: падежи причастий характеризуются не только своей, особой категориальной семантикой, но и своими, часто специфическими конкретными значениями по сравнению с одноименными и выражаемыми теми же аффиксами падежами имен.

Поэтому отношения между послелогами и причастиями заслуживают пристального внимания. Как показало исследование, между разными типами слов, которые в бурятоведении объединяются под общим именем "послелоги", и связанными с ними в предложении причастиями отношения могут складываться не одинаково. Это обстоятельство позволяет использовать разные типы таких отношений как критерий классификации ППК. Вместе с тем, эти отношения как таковые требуют специального целенаправленного исследования.

2. К интересующим нас конструкциям мы будем подходить с позиций полипредикативного синтаксиса. Полипредикативность мы не отождествляем со сложностью предложения. Как уже говорилось в предыдущих работах⁷, это понятие мы трактуем как родовое: все сложные конструкции необходимо полипредикативны, но не наоборот: не все полипредикативные конструкции обязаны отвечать всем требованиям сложности. Полипредикативная (а уже и строже – бипредикативная) конструкция понимается нами как такая синтаксическая конструкция, в которой выражаются определенные отношения между двумя событиями. Она должна состоять из двух частей, которые мы называем предикативными единицами. Зависимая часть должна содержать позицию предикативной вершины – формы, выражающей действие или признак, предикцируемый некоторому субъекту. Это может быть либо тот же самый субъект, которому предикцировано финитное сказуемое – в таком случае всю конструкцию мы называем моносубъектной (например, таковы русские конструкции предложений с деепричастными предикативными единицами – "оборотами"); либо собственный субъект, выраженный специальной словоформой – функциональным аналогом подлежащего финитных конструкций, или специальными грамматическими показателями. Конструкции с собственным субъектом зависимой части мы называем разносубъектными. Сюда же относим конструкции, зависимая часть которых, в соответствии с действующими в язы-

ке правилами, представляет действие как бессубъектное, – например, русские безличные модели односоставных предложений типа "Было тепло". "Подмораживает".

3. Структуру ППК мы представляем себе следующим образом.

Зависимая часть, в соответствии с определением полипредикативной конструкции, содержит позиции предиката и субъекта, между которыми усматриваются предикативные отношения. Зависимая часть содержит также показатели факта и характера своей подчинительной связи с главной частью.

А. В позиции предиката в бурятских ППК регулярно встречаются три причастия: очень часто – причастия прошедшего времени на –ан и будущего времени на –ха, и значительно реже – многократное причастие на –даг. Как говорилось выше, уже сама причастная форма с показателем определенного падежа указывает на зависимый характер этой предикативной единицы. Конкретный характер семантики связи уточняется, а иногда существенно модифицируется послелогом. Обилие послелогов, употребляющихся с причастиями в современном бурятском языке, позволяет передавать разнообразные смысловые отношения между событиями: причинные, целевые, временные – с детальной дифференциацией соотношений во времени (одновременность разного типа, следование, предшествование с большими или меньшими промежутками и т.д.). Список послелогов, встреченных нами в составе ППК, который не претендует на полноту в связи с ограниченностью выборки (около 1000 примеров из современной бурятской литературы и некоторых других источников), будет приведен ниже.

Б. Словоформу, выступающую в роли субъекта зависимой части ППК (в случае ее разносубъектности) будем называть субъектным членом. В большинстве языков алтайского типа субъектный член в причастных, деепричастных и других зависимых предикативных единицах закономерно принимает форму родительного падежа (в халха-монгольском также винительного), тогда как в простом предложении, в главной части, а также обычно в придаточной части, вводимой союзами⁸, подлежащее ставится в форме именительного (или неопределенного) падежа. В бурятском языке субъектный член ППК обычно, по общему правилу, принимает форму родительного падежа, но в случаях, когда зависимая часть описывает какое-то явление природы, используемое в качестве точки

⁷ Черемисина М.И. О перспективах и первых результатах сопоставительно-типологического исследования сложного предложения в языках разных систем. – В кн.: Способы выражения полипредикативности. Новосибирск, 1978, с. 3–18. Она же. Моносубъектная конструкция. Понятие и типология. – В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980.

⁸ Мы говорим "обычно" – но это очень условно, так как неясно, что считать и что не считать союзом в бурятском и других языках этого строя. Например, служебные слова наа и хада в БРЯ отмечены как союзы, так же они трактуются в ГБЯ, – однако субъектный член в оформляемых ими зависимых конструкций регулярно принимает форму родительного падежа, а сами эти союзы – притяжательные показатели грамматического лица.

отсчета при измерении времени или являющееся естественной мерой времени (восход, закат, полдень и т.п.), название этого явления или меры времени может стоять в неопределенном падеже. Например:

- (2) "Уур хираал-ха-хаа урда ядахын сагта нуугад-аа хүрэхэ хэрэгтэй..." (Шойд., с. 65) - 'До того как начнется рассвет, на худой конец до засады-своей добраться нужно'.

Здесь при причастии на -ха в исходном падеже (-haa) видим послелог урда - 'до того (как)'. Субъектный член уур - 'рассвет' имеет форму неопределенного падежа.

- (3) "Тэдэн-эй (р.п.) гара-хан-ай хуулээр балай удааншье болоногуй зуун хуршынхи-нь орожо ерэбэд". (Б., 1976, № 6, с. 22) - 'Они ушли после того как, очень скоро многие соседи-их пришли' 'После того как они ушли, вскоре пришло много их соседей'.

Здесь причастие на -хан в родительном падеже (-hanai) сочетается с послелогом хуулээр - 'вслед за тем как, после того как'. Субъектный член тэдэ - 'они' - в форме родительного падежа.

В. Требуется комментарий грамматическое лицо зависимых предикатов. В бурятском, как и во многих других алтайских языках, существует возможность выразить субъект действия зависимой части с помощью специальных аффиксов, указывающих грамматическое лицо зависимого предиката. При наличии в зависимой части субъектного члена они становятся факультативными и играют согласовательную, "координационную" роль. Это показатели притяжения - личного и субъектного (термин этот, предложенный В.М. Наделяевым, нам представляется более адекватным, чем традиционные термины "безличное" и "возвратное" притяжение).

Самая характерная функция этих аффиксов, отраженная в их названии, состоит в выражении отношений принадлежности, обладания в составе изафетной конструкции: два существительных или местоимение и существительное в этой конструкции вступают в обоюдную связь, причем имя субъекта обладания принимает форму родительного падежа, а имя объекта обладания оформляется показателем личного притяжения в соответствии с грамматическим лицом субъекта. В 1 и 2 лицах название субъекта обладания регулярно опускается, что нередко и в 3 лице, если оно названо в близком контексте: зүрхэ-мни - 'сердце мое', машина-мнай 'машина-наша'. Ср. также:

- (4) "Энэ-шни... үхэхэн гүрөөхэ олоод, тугсэг дээрэ гэдэ-һээр-ынь зогсоолоод..." (Б., 1976, № 1, с. 30) - 'Он-твой... мертвую косулю найдя, на пень животом-ее положив...' - где существительное гэдэһэ/н/ - 'живот' оформлено личным притяжением 3 лица -нь, соотносящимся со словом гүрөөхэ/н/ - 'косуля', которое принадлежит существующей предикативной единице.

Как отмечалось в статье Е.К. Скрибник⁹, при оформлении показателями притяжения зависимых причастных и деепричастных предикатов отношения принадлежности наполняются существенно новым содержанием и по сути дела становятся качественно, иными синтаксическими отношениями - не определительными, а именно предикативными.

Такое понимание функций аффиксов притяжения было подсказано концепцией сложного предложения Е.И. Убратовой (на материале якутского языка)¹⁰, а также мыслями и наблюдениями исследователей тунгусо-маньчжурских языков, занимавшихся причастными и деепричастными зависимыми конструкциями, - Л.М. Бродской, Л.М. Гореловой и др.¹¹. На материале монгольских языков очень ценные для нас мысли по этому вопросу развивались в лекционном курсе В.М. Наделяева, прочитанном аспирантам в 1976-1977 гг.¹². Мы попытались обобщить и несколько развить эти представления с опорой на факты прежде всего бурятского языка.

В бурятском языке зависимый предикат оформляется суффиксами субъектного притяжения в моносубъектных конструкциях (далее - МСК), личного притяжения - в разносубъектных конструкциях (далее - РСК). Субъектное притяжение, оформляющее зависимый предикат МСК, выражает идею тождества субъектов главной и зависимой части: показатель один и тот же, -аа (с гармоническими вариантами) независимо от грамматического лица этого общего субъекта. Лично-притяжательных аффиксов пять. Они выражают грамматическое лицо (а для 1 и 2 лица - также число) зависимого предиката. При отсутствии во фразе субъектного члена, что наиболее характерно для 1 и 2 лица, показатели притяжения служат единственным средством указания на субъект зависимого действия. Например:

⁹ См.: Скрибник Е.К. О синтаксическом функционировании показателей притяжения в монгольских языках. - В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980.

¹⁰ Убратова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка, ч. II, кн. 2, Новосибирск, 1976.

¹¹ Бродская Л.М. К вопросу о дифференциации именных глагольных форм в эвенкийском языке. - В кн.: Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972, с. 19-33; Горелова Л.М. О специфике аналитических форм эвенкийского глагола в функции зависимого сказуемого. - В кн.: Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, с. 55-77.

¹² Лекции В.М. Наделяева по сравнительной грамматике алтайских языков и по монгольскому языку, прочитанные в 1975/76 и 1976/77 уч. гг. аспирантам и сотрудникам Отдела филологии ИИФиФ СО АН СССР, записаны авторами статьи.

- (5) "Тубхын түрүүн Номогонова Пагма олон үхибүү түрэн-эйн-гөө түлөө "Эхэ герой" боложо, Алтан одо зуу-бэ". (Б., 1976, № 6, с. 33) - 'Прежде всего Номогонова Пагма много детей родила поскольку, "Матерью-героиней" став, золотую медаль получила'.

Эта конструкция моносубъектна. При послепологе түлөө - 'поскольку, из-за того что' стоит причастие на - хан в родительном падеже (-эйн). Причастие оформлено субъектным притяжением, указывающим, что субъект зависимого действия тот же, что субъект главного.

Приведем примеры разносубъектных конструкций с этим же послепологом:

- (6) "Иймэ үлзэтэй найхан эхи тата-хан-ай-мни түлөө нэгэ хундага аягалха ёһотой-п-та даа". (Б., 1978, № 1, с. 42) - 'Такое счастливое хорошее начало положил-я, поскольку, одну рюмку налить должны-ведь-вы, конечно'.

Зависимый предикат оформлен здесь показателем личного притяжения 1 лица единственного числа -мни; конечное сказуемое - лично-предикативным показателем 2 лица множественного числа -та.

- (7) "Парти ба арад зон-оо илалтаһаа илалта тээшэ үнэн зүб замаар хүтэлэн яба-хан-ай-шни түлөө шамд-аа, ленинскэ Центральна Комитет, баяртай-бди!" (УБЯ, с. 52) - 'Партию и трудящийся народ-свой от победы к победе правильным путем вел-ты, поскольку, тебе-своему, ленинский Центральный комитет, благодарны-мы!'.

Здесь при зависимом предикате - показатель притяжения 2 лица единственного числа -шни, при конечном сказуемом - лично-предикативный показатель 1 лица множественного числа -бди.

- (8) "Ажал хэ-һэн-эй-тнай түлөө энэ мүнгэн танда үгтэбэ". (УБЯ, с. 133) - 'Работу сделали-вы поскольку, эти деньги вам выданы'.

Здесь -тнай - показатель притяжения 2 лица множественного числа. Лично-предикативный показатель 3 лица у конечного сказуемого - нулевой.

Всех этих фактов достаточно, чтобы говорить о существовании в современном бурятском языке, как и в других алтайских языках, развивших систему притяжательного оформления зависимых предикатов, двух четко противопоставленных систем выражения предикации. Одна из них обслуживает свободные высказывания, от которых не требуется выражения соотнесенности представляемого ими события с каким-то другим событием. Другая используется в зависимых высказываниях, которые обязательно, т.е. именно грамматически выражают эту соотнесенность.

В европейских языках с их развитыми, богатыми средствами аналитического выражения связей между предикативными единицами (союзы) принципиальная схема устройства предикативных еди-

ниц одинакова для зависимых и независимых синтаксических групп. Поэтому здесь не стоит вопроса о грамматических показателях зависимости в рамках самого предикативного узла зависимого предикативного построения. На материале алтайских языков такой вопрос возникает закономерно. Функциональная оппозиция в плане содержания четко соответствует здесь оппозиции грамматического оформления предикативных узлов - как предикатов (финитные формы с лично-предикативными показателями: инфинитные формы, т.е. прежде всего причастия и деепричастия, с притяжательным оформлением), так и субъектов (именительный - неопределенный: родительный падеж).

Разумеется, мы говорим сейчас лишь о принципиальной схеме противопоставления, отвлекаясь от многих существенных частных особенностей. Реальная картина, которая дается на уровне наблюдения, всегда гораздо сложнее, и в каждом языке обнаруживаются различные, нередко значительные отклонения от этой схемы. Например, якутский и эвенкийский языки потеряли родительный падеж, а тем самым и базу противопоставления зависимого и независимого субъектов. Монгольские и тунгусо-маньчжурские языки наряду с личным развили субъектное притяжение, неизвестное языкам тюркским. В некоторых языках интенсивное втягивание причастных форм в систему финитного спряжения привело к тому, что функциональное противопоставление двух типов личного оформления если и не снялось, то потеряло прозрачность: показатели личного притяжения проникли в систему финитного спряжения вместе с причастиями. Так обстоит дело в эвенкийском. Не столь широко, но совершенно явно это же наблюдается и в бурятском: на базе причастия будущего с показателем -ха сейчас сложились две последовательно противопоставленные субпарадигмы будущего времени - общее будущее с лично-предикативными показателями и "будущее ближайшее", непосредственное - с показателями притяжения. Например:

1 лицо ед. числа <u>би</u> <u>ябахаб</u> - 'я пойду'	<u>би</u> <u>ябахам</u> (<u>ябахамни</u>) - 'я сейчас пойду'
2 лицо ед. числа <u>ши</u> <u>ябахаш</u> - 'ты пойдешь'	<u>ши</u> <u>ябахашни</u> - 'ты сейчас пойдешь'
3 лицо ед. числа <u>тэрэ</u> <u>ябаха</u> - 'он пойдет'	<u>тэрэ</u> <u>ябахань</u> - 'он сейчас пойдет'
1 лицо мн. числа <u>бидэ</u> <u>ябахабди</u> - 'мы пойдем'	<u>бидэ</u> <u>ябахамнай</u> - 'мы сейчас пойдем'
2 лицо мн. числа <u>та</u> <u>ябахат</u> - 'вы пойдете'	<u>та</u> <u>ябахатнай</u> - 'вы сейчас пойдете'
3 лицо мн. числа <u>тэдэ</u> <u>ябахад</u> - 'они пойдут'	<u>тэдэ</u> <u>ябахань</u> - 'они сейчас пойдут'

В связи с развитием союзных средств наблюдается и обратный процесс - проникновение лично-предикативных аффиксов в сферу зависимой предикации; предикативные единицы, вводимые сою-

зами, могут иметь финитные сказуемые с лично-предикативным оформлением.

Однако при всех этих отклонениях общая схема сохраняет действительность и очень важна для понимания и объяснения грамматической ситуации, общей для языков алтайского типа. Бурятский язык является ярким представителем этих языков; он особенно интересен тем, что многие тенденции и процессы, характерные для алтайской общности в целом, получили в нем очень четкое, в известном смысле "совершенное" развитие. Это дает нам основание думать, что наши наблюдения над причастно-последующими конструкциями данного языка смогут способствовать изучению этих языковых форм и на материале других языков.

Зафиксировав существование в бурятском языке (и в алтайских языках вообще) двух четко противопоставленных систем показателей лица для зависимых и независимых предикатов, мы должны были поставить перед собой вопрос: соответствует ли грамматическое содержание "зависимого спряжения", т.е. системы изменения зависимых предикатов "по лицам", тому представлению о содержании и о структуре грамматической категории лица, которое мы привычно связываем с парадигмой спряжения финитного? Если множество языков вырабатывает два набора показателей и четко противопоставляет их, естественно думать, что за этим стоят какие-то важные содержательные различия. Каковы же они?

Анализ материалов под этим углом зрения привел нас к выводу о том, что "зависимое спряжение" характеризуется явным своеобразием грамматического содержания и отражающими эту специфику особенностями устройства парадигмы по сравнению с независимым, личным спряжением "по лицам".

Финитное спряжение в плане содержания выражает категорию абсолютного грамматического лица, за которой стоит система отношений между действием (и его производителем) и коммуникативным актом, в котором о нем сообщается. Центром коммуникативного акта является отношение "говорящий – адресат". Все прочие значения в рамках категории фиксируются относительно этого центра. Это, с одной стороны, "лица множественного числа" или "расширенное лицо"¹³, т.е. обобщенные, грамматикализованные представления о группах, в которых участвуют "я" и "ты" (вместе и – или порознь), с другой – 3 лицо, за которым стоит представление о лице и – или предмете (лицах и – или предметах), не участвующих в коммуникативном акте.

"Зависимому спряжению" в плане содержания соответствует грамматическая категория относительного лица. Этой категории европейские языки, по-видимому, не знают – во всяком случае, ес-

ли иметь в виду систему глагола (а не местоименную анафору). Некоторые следы этой категории прослеживаются, правда, в языках иберо-романских, испанском и португальском; там, как и в алтайских, посредством показателей притяжания, восходящих к притяжательным местоимениям, выражается субъект действия, представленного инфинитивом¹⁴. Но нам неизвестно и в этих языках аналогичное оформление зависимых глагольных форм причастного типа.

Относительное грамматическое лицо, в нашем понимании, есть грамматическая категория, ориентированная на выражение наличия или отсутствия тождества между субъектами зависимого и главного действия (события). Видимо, все алтайские языки располагают грамматическими средствами этого отношения, но монгольские и тунгусо-маньчжурские языки выражают эту зависимость более четко и последовательно, нежели тюркские, включая и якутский, который многими чертами строя ближе к эвенкийскому и монгольскому, чем другие тюркские.

Монгольские языки, пожалуй, даже нагляднее тунгусо-маньчжурских представляют самую суть дела. Здесь четко противопоставлены личное и субъектное притяжение. В тюркских именно этой оппозиции нет, поскольку субъектного притяжания они не знают.

Этой "первой" оппозиции показателей точно соответствует и первое членение категории в плане содержания. Субъектное притяжение при зависимых предикатах отождествляет субъект зависимого действия с субъектом главного. Личное притяжение выражает отсутствие тождества между субъектами соотнесенных действий.

Далее, уже "внутри себя", категория относительного лица, выражаемого аффиксами личного притяжания (фиксирующими отсутствие тождества между субъектами действий), членится на две группы грамматических значений (или, может быть, лучше сказать – на два обобщенных значения), которым соответствуют выражающие их формы. Это, с одной стороны, значение 3-го относительного лица, выражаемое в бурятском языке аффиксом -нѣ, общим для обоих чисел, с другой – комплексное "собственно-личное" значение.

Аффикс 3-го относительного лица (-нѣ) наиболее последовательно несет в себе идею отсутствия тождества между субъектами главного и зависимого действий, поскольку он, по сути дела, не выражает почти ничего другого (т.е., конечно, он выражает еще факт неучастия субъекта зависимого действия в коммуникативном акте – это следует из его положения в системе).

¹³ Бенвенист Э. Структура отношений лица в глаголе. – В кн.: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974, с. 259–270.

¹⁴ Вольф Е.М., Никонов Б.А. Португальский язык. М., 1965, с. 93.

Существенно, что речь идет не о тождестве или нетождестве формальных грамматических лиц, но о тождестве или нетождестве реальных исполнителей действия или носителей признаков, независимо от отношения субъекта главного действия к коммуникативному акту. Субъектом главного действия может быть лицо или предмет, не участвующий в коммуникативном акте, т.е. "абсолютное 3 лицо". Аффикс -нх при зависимом предикате указывает в таком случае, что это действие совершается другим человеком или предметом, тоже не участвующим в коммуникативном акте и, возможно, не названном в данном предложении. Этот человек или предмет может быть назван именем существительным или указан местоимением (обычно в форме родительного падежа), но может быть и просто реконструирован из контекста или из ситуации. Лично-притяжательным аффиксом -нх выражается именно и только то, что это другой исполнитель (и не участник коммуникации). Например:

(9) "Уудэр гара-ха-тай-нх зэргэ ургадажа бариха-б". (Дорж., с. 5) - 'Из ворот выйдет-он как только укроком поймал', (Здесь субъект главного действия - говорящий, субъект зависимого - кто-то другой, не участвующий в коммуникации).

(10) "Дэлгэр Базар-ай (р.п.) мориёо тата-ха-тай-нх адли мэн-дэшэлэншьегуй нурана". (ГБЯ-2, с. 138) - 'Дэлгэр, как только Базар (натянув повод) остановил лошадь-свою, не поздоровавшись спрашивает'.

Это примеры с синонимичными послелогами адли и зэргэ, которые, сочетаясь с причастием будущего времени на -ха в форме совместного падежа, выражают значение немедленного следования главного события за зависимым (непосредственного предшествования зависимого события главному). В обоих случаях причастие оформлено показателем -нх. Во втором примере налицо субъектный член зависимой части в форме родительного падежа. В первом примере реальный исполнитель зависимого действия (речь идет о коне) восстанавливается только из контекста.

"Собственно-личные" показатели притяжания - 1 и 2 лицо обоих чисел - идею нетождества субъектов зависимого и главного действий выражают на уровне категории, т.е. постольку, поскольку это аффиксы притяжания, относительной категории, а не абсолютной. В случае тождества исполнителя двух действий показатели личного притяжания обязаны уступить место показателю субъектного притяжания. Сами же по себе, в своей противопоставленности друг другу, они указывают на лицо в абсолютном понимании этой категории, с точностью "до отождествления" производителя зависимого действия с одной из ролей в данном коммуникативном акте. Примеры можно посмотреть выше - (6), (8).

Изменение в аспекте моносубъектности - разносубъектности, а в случае разносубъектности - по лицам, мы рассматриваем как

закономерное грамматическое варьирование бипредикативных конструкций, частным случаем которых являются причастно-послеложные конструкции. Грамматическое варьирование конструкций не нарушает их тождества самим себе (и в этом смысле отлочно от трансформационных преобразований). Оно может быть представлено парадигмой, упорядочивающей определенное множество позиций. Каждая позиция характеризуется определенным соотношением синтаксического содержания (смысла) и способа выражения этого смысла. В понимании схемы и парадигмы конструкций мы следуем идеям Н.Ю. Шведовой¹⁵ и их развитию в применении к сложному предложению - В.А. Белошапковой¹⁶. Заметим, однако, что применительно к бурятскому языку парадигма конструкций "синтетического", не союзного типа, в меньшей мере следует за морфологическим варьированием глагола как части речи.

Грамматическое варьирование инфинитных глагольных форм в аспекте лица, связанное с притяжательным оформлением, обычно не подводится под категорию спряжения, - тем более что в тюркских языках, располагающих специфической категорией лично-притяжательного склонения, склонение и спряжение оказываются теснейшим образом переплетены. В бурятском это не так. Но и здесь осмысление этих отношений именно как специфического зависимого спряжения не является традиционным. Конструирование синтаксической парадигмы не может на него опираться, - скорее наоборот: такое осмысление отношений между глагольными формами может базироваться на представлении о синтаксической парадигме, парадигме конструкций.

Кроме того, существенно, что система позиций, включаемых нами в парадигму конструкций, содержит и позицию с нулевым притяжательным оформлением, которой в парадигме глагольных форм вряд ли может найтись место. Значимость и синтаксический смысл этой позиции определяются не самим отсутствием показателя (как это происходит в финитной парадигме с позицией абсолютного 3 лица), а устройством зависимой части, составом ее присутствующих компонентов - и ее отношениями с главной частью в составе полипредикативного целого. При отсутствии референционного тождества между субъектами действий и при наличии в зависимой части субъектного члена, как уже говорилось, притяжательное оформление зависимого предиката становится избыточным - и факультативным.

¹⁵ Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке. - В кн.: Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967.

¹⁶ Белошапкова В.А. Структурные схемы предложения. - В кн.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 557, 591 и др.

Ниже мы попытаемся представить парадигму зависимой предикации для бурятского языка, которая, видимо, едина и для причастно-последних, и для причастных и деепричастных, и для некоторых других типов зависимых предикативных конструкций. Но сначала сформулируем некоторые общие положения и принципы, из которых мы исходили в построении этой парадигмы.

Во-первых, говоря о парадигме предикативных единиц, выражающих зависимость собственной формой, мы исходили из представления о предикативном узле как о принципиально двучленной структуре, — или, точнее, о структуре "двуфункциональной". Предикацию, будь то в независимом или в зависимом синтаксическом построении, мы не мыслим вне аспекта предикирования действия-признака определенному носителю. При этом, однако, структурная "глубинная" позиция субъекта не всегда может и должна мыслиться как особая линейная позиция словоформы — подлежащего или субъектного члена. В определенных условиях, которые можно сформулировать в достаточно общей форме (а значит, и теоретически обосновать), предикирование может быть выражено вполне однозначно и другими способами, прежде всего — личным оформлением предиката, конечного или срединного сказуемого.

В соответствии с этим представление о конструкции — инварианте варьирования, описываемого парадигмой, мы задаем формулой:

$P(S \vee S)$ или, конкретнее, $(S \vee S) P$ прич. + последог.

Между отдельной линейной позицией "S" (позиция субъектного члена) и "S" как аспектом грамматической семантики предиката, выраженным личным (лично-притяжательным) показателем, имеют место определенные, закономерные соотношения, которые отражаются в структуре парадигмы и существенно определяют ее облик (таблица).

Проиллюстрируем парадигму следующим примером:

1. "Ажал хэһэнэйнгээ түлөө би энэ мунгэн абахаб".

ши	абахаш
бидэ	абахабди
та	абахат
Бадма	абаха

'За то, что (я) сделал эту работу, деньги эти получу-я' — и соответственно — 'за то что (ты) сделал..., ты... получишь' и т.д.

2. "Ажал хэһэнэймни түлөө энэ мунгэн намда үгтэбэ". — 'За то, что я сделал эту работу, эти деньги мне дали'. Ср.: "... энэ мунгэн намда үгтэбэт" — 'эти деньги мне дали'.
3. "Ажал хэһэнэйшни түлөө энэ мунгэн шамда үгтэбэ". — Ср.: "Энэ мунгэн (би) шамда үгтэхэб" — 'За то, что ты сделал эту работу, тебе деньги дали (я тебе деньги эти дам)'.

Парадигма

Номер позиции	Отношения между S-2 и S-1	Показатели позиций		Примечания
		Оформление предиката-2	Позиция субъектного члена	
1	Тождество (моно субъектный вариант)	-аа	Отсутствует	-
	Различие (разно субъектные варианты)			Лично-притяжательные аффиксы однозначно определяют субъект:
2		-мни	Факультатив-	→ минии (~би)
3		-шни	татив-	→ шинии (~ши)
4		-мнай	-на	→ манай (~бидэ)
5		-тнай		→ танай (~та)
6		-нь (3 лицо ед. и мн. ч.)	Обязательна*	Грамматическое 3 лицо, как относительное, так и абсолютное, указывает на участие исполнителя действия в акте речи, но не на него самого.

* Если эта позиция пуста, конструкция реализуется как неполная.

4. "Ажал хэһэнэймнай түлөө энэ мунгэн манда үгтэбэ". — 'За то что мы работу сделали, нам эти деньги дали'.
 5. "Ажал хэһэнэйтнай түлөө танда энэ мунгэн үгтэбэ". — 'За то что вы эту работу сделали, вам эти деньги дали'.
 6. "Ажал хэһэнэйн түлөө тэрээндэ энэ мунгэн үгтэбэ". — Ср.: "Бадма ажал хэһэнэйн түлөө эзэн манда энэ мунгэн үгтэбэ". — 'За то что (неназванное 3 лицо) сделал работу, ему деньги дали'. Ср.: 'За то что Бадма сделал работу, нам эти деньги хозяин дал'. Если позиция субъектного члена пуста, предложение остается неполным, исполнитель действия неизвестен. В других позициях этой неполноты нет.
- Тот факт, что грамматическое варьирование рассматриваемого типа может быть описано парадигмой, свидетельствует о том, что сами эти отношения строго грамматичны, что и дает основание рас-

смагивать категорию относительного грамматического лица в общем ряду с прочими признанными грамматическими категориями, — разумеется, с учетом того, что сферой ее реализации является полипредикативное предложение.

Нужно отметить, что причастно-последложные зависимые конструкции в составе полипредикативного построения далеко не всегда действительно получают притяжательное оформление. Наоборот, гораздо чаще они появляются без этого оформления. Однако отсутствие оформления у отдельных, даже многочисленных реализаций конструкции мало говорит об отношении к этому оформлению самой конструкции как единицы языка, а не речи. Чтобы судить о значимости отсутствия показателей притяжания, нужно учитывать общие закономерности его появления при глагольных формах бурятского языка. Эти закономерности, общие для причастных, причастно-последложных и деепричастных конструкций в функции зависимых блоков, состоят в следующем.

1. Личное притяжание оформляет разносубъектные построения (далее — РСК). При наличии во фразе субъектного члена — обычно в форме родительного падежа — зависимый предикат может не принимать показателей притяжания. Такое оформление становится сугубо факультативным, поскольку субъект действия уже выражен. При отсутствии субъектного члена в составе зависимой части, действие которой должно мыслиться отнесенным к определенному лицу или предмету (отличному от исполнителя главного действия, — в противном случае конструкция не была бы разносубъектной), показатели притяжания становятся обязательными.

2. Субъектное притяжание регулярно оформляет моносубъектные конструкции. Однако, если подлежащее, общее для главной и зависимой части, стоит в абсолютном начале предложения, имея форму неопределенного падежа, субъектное притяжание может опуститься.

Это, разумеется, лишь самые общие закономерности, требующие уточнения в процессе дальнейших исследований. Но в качестве отправной точки мы можем опереться на них в построении общей модели синтаксического поведения интересующих нас конструкций.

Наша картотека объемом около 1000 примеров включает в себя фразы из современных бурятских текстов, оригинальных и переводных (с русского), а также примеры из работ по грамматике бурятского языка и из "Бурятско-русского словаря" К.М. Черемисов¹⁷. В ней представлены также некоторые контрольные фразы, полученные нами от информантов — носителей бурятского языка.

¹⁷ Бурятско-русский словарь. Составитель К.М. Черемисов. М., 1973.

На базе этой картотеки мы составили список послелогов, встречаемых в составе ППК. Он не вполне совпадает со списком других авторов, в частности авторов ГБЯ: видимо, в бурятском языке, как и в якутском¹⁸, с причастиями употребляются не все послелогии. Полный наш список включает более 60 единиц, но некоторые послелогии представлены единичными невыразительными примерами (абан — 2 примера, ашаар — 1 пример), и с ними мы практически не работали.

С другой стороны, число моделей ППК несколько превышает число послелогов. Под моделью мы понимаем схему построения конструкции, которая определяется конкретным послелогом в сочетании с определенной падежной формой одного из причастий. Многие послелогии были встречены с несколькими причастиями, а некоторые обнаружили способность сочетаться с разными падежными формами. Дальнейшее исследование привело нас к мысли о том, что различие причастий может не нарушать тождества модели ППК как единицы языка. Но этот вопрос требует более глубокого анализа и предполагает постановку вопроса о дальнейшем развитии приведенного выше представления о парадигме за счет включения в нее субпарадигмы грамматического времени. Что касается падежной вариативности — таких случаев в наших материалах немного, и они отчетливо связаны с нетождеством моделей как единиц языка. Например, послелог адли встречен в сочетании с совместным падежом причастия на -ха и с дательно-местным падежом причастий на -хан и на -даг. Первая конструкция выражает временную зависимость (немедленное следование: как только А, сразу Б); вторая выражает сравнительные отношения и соответствует русскому союзу "подобно тому как". Несколько конструкций формируют также послелогии дээрэ, тула и некоторые другие.

В итоге нами зафиксирована сейчас 51 модель ППК.

Опираясь на изложенное теоретическое представление, попытаемся наметить классификацию ППК бурятского языка в зависимости от их синтаксического поведения, связанного с выражением категории относительного лица и специфики устройства относительно-личной парадигмы этих конструкций.

Исследование показало, что для разных моделей ППК характерно разное синтаксическое поведение относительно этой важнейшей предикативной категории. Эти различия связаны прежде всего с локализацией показателей притяжания.

На это различие обратил внимание Ц.-Ж. Цыдыпов¹⁹, который использовал его как критерий при отграничении аналитических суб-

¹⁸ См.: Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка, ч. II, кн. 2, с. 167.

¹⁹ Цыдыпов Ц.-Ж. Аналитические конструкции в бурятском языке, с. 239.

стантивно-послепожных конструкций (сочетаний) от смежных явлений. К аналитической конструкции он предъявил требование высокой степени грамматикализации, выражающейся в том, что сочетание существительного с послепогом в такой конструкции не должно допускать "вопросов от знаменательного компонента к служебному". При этом оказалось, что недопустимость постановки такого вопроса тесно связана с недопустимостью вклинивания аффиксов притяжания между существительным и послепогом: когда они нужны, их принимает на себя не существительное, а послепог. В сочетаниях, допускающих постановку вопроса, показатель притяжания принимает имя. Например: городой-мнай газза - 'за городом-нашим', но конторо соо-мнай - 'в-нашей конторе'. Им отмечена также промежуточная группа форм, не допускающих постановки вопроса, но допускающих "вклинивание аффиксов притяжания": это конструкции с послепогами адли, гадна, орондо и др.

Поскольку причастно-послепожные конструкции не выделялись Ц.-Ж. Цыдыповым как особый объект анализа (такие примеры даются у него в одном ряду с субстантивными), мы проверили, в какой мере это различие наблюдается в сфере причастных конструкций и какова его значимость здесь. При этом, естественно, возникло много вопросов, которые обусловлены именно контекстом полипредикативного синтаксиса.

Применив предложенный Ц.-Ж. Цыдыповым критерий к нашему материалу, мы выделили три группы моделей по их отношению к притяжательному оформлению: первая группа принимает оформление на послепог, вторая - на причастие; в третью мы отнесли модели, ни разу не встреченные нами с притяжательным оформлением. Возможно, увеличение выборки и лингвистический эксперимент покажут, что и они (или некоторые из них) способны принимать притяжательное оформление по определенному типу, но пока мы должны фиксировать то, что наблюдали.

Чтобы определить принадлежность конструкции тому или иному типу, в принципе достаточно встретить несколько (или хотя бы один) пример с притяжательным оформлением. Но так как при наличии субъектного члена такого оформления не требуется (а иногда оно опускается даже при его отсутствии, если субъект выражен другими средствами), отсутствие в выборке таких примеров не гарантирует принадлежности конструкции к третьему типу. Условно мы приняли статистический критерий: 25 примеров, в числе которых должны быть и разносубъектные, и моносубъектные фразы. Если в этом массиве притяжательно-оформленных нет, мы относим конструкцию в третий класс (из которого она будет исключена, коль скоро хоть один такой пример встретится). Заметим однако, что низкая доля притяжательно оформленных построений останется специфической характеристикой этих моделей в рамках того типа, в который они могут перейти.

Второй критерий, на котором базируется наша классификация и который вначале мы вводили как независимый - падежное оформление причастий в составе ППК. Исследование показало, что основным противопоставлением в этом плане является противопоставление неопределенного и всех остальных косвенных падежей. Существенно, что разбиение по этим двум "разноприродным" основаниям: локализация показателя притяжания и падеж ("прямой": косвенные), дало "совмещающиеся" классы. Общее число групп составилось тем же: три. Видимо, существует глубокая внутренняя связь между наличием - отсутствием падежного оформления причастия и локализацией показателей притяжания. Она должна иметь семантическую интерпретацию, - но на данном этапе мы сознательно ограничиваем свою задачу формальным описанием.

Все модели ППК с причастием в неопределенном падеже, принимающие притяжательное оформление, относят его на послепог. И наоборот: все модели с причастием в косвенном падеже требуют, чтобы притяжательное оформление принимало само причастие; показатели притяжания непосредственно следуют за показателями падежа. В третьем типе представлены только модели с падежно неоформленными причастиями, поэтому следует ожидать, что если в будущем обнаружатся среди них притяжательно оформленные, то только по первому типу, с оформлением на послепог.

Оба основных класса, первый и второй, представлены значительным множеством различных моделей, которые подлежат дальнейшей классификации и структурно-типологическому осмыслению. Но, оставляя эту задачу на будущее, сейчас ограничимся представлением самих этих общих типов.

Первый тип - ППК с причастием в неопределенном падеже, в составе которых притяжательное оформление ложится на послепог.

Модели, которые мы включаем в этот тип, представлены ниже формально-символической записью, где символ T_V обозначает глагольную основу, знак // - место показателей притяжания, ха, нан и даг - символы соответствующих бурятских причастий:

- $T_V + \text{ха бури} //$ - 'всякий раз как'; 'по мере того как'
- $T_V + \text{ха дээрэ} //$ - 'сразу после того как'
- $T_V + \text{ха зуура} //$ - 'в то время как'; 'между тем как'
- $T_V + \text{нан хойно} //$ - 'после того как'
- $T_V + \text{ха/нан муртэ} //$ - 'как только'; 'тогда как'; 'пока'
- $T_V + \text{ха/нан саг} //$ - 'в то время когда'
- $T_V + \text{ха/нан соо} //$ - 'в течение, в продолжение того как'
- $T_V + \text{ха/нан тээшэ} //$ - 'в сторону, туда... куда'
- $T_V + \text{ха/нан уедэ} //$ - 'в то время когда'
- $T_V + \text{ха/нан/даг тухай}$ - 'о том, что' (изъяснительный послепог)
- $T_V + \text{ха/нан/даг тухайда}$ - " -
- $T_V + \text{нан тупада}$ - 'поскольку, из-за того что'

В рамках данной статьи мы не можем, конечно, проиллюстрировать каждую из этих моделей всеми случаями грамматического варьирования. Не для всех мы располагаем достаточно полной выборкой, но если бы и располагали, это избыточно. Поэтому мы избрали другой путь. Ниже мы покажем по возможности полно грамматическое варьирование этого типа на примере одной модели, — с послепогом хойно, сопровождая примеры необходимым анализом. Затем проиллюстрируем минимумом характерных примеров остальные модели.

Модель ППК с послепогом хойно. Формула: $T_v - \text{хан хойно} //$.

Назначение полипредикативной конструкции с зависимой частью этой структуры — выражение временных отношений, предшествования зависимого действия главному, без указания на непосредственный характер предшествования. По-русски эти отношения выражаются союзом "после того как". Но в русской речи соответствующее отношение между событиями часто выражается и союзом "когда". В литературном переводе с бурятского этот союз правомерен как соответствие хойно, но в грамматическом переводе мы будем его избегать, так как он выражает лишь общую соотнесенность событий во времени, конкретизация которой всегда идет из конструкции.

Рассмотрим вначале моносубъектные фразы. Во всех без исключения наших примерах послепог в этом случае оформлен субъектным притяжением: хойн-оо. Подлежащее, общее для обеих частей, стоит в именительном падеже, но может и отсутствовать.

- (11) "Хэды алахам яба-хан хойн-оо Бата (и.п.) командиртаа: "... гэбэ". (Шойд., с. 24) — 'Несколько шагов пройдя (букв. — после того как прошел), Бата командиру "... " сказал'.

Мы употребили в переводе русское деепричастие предшествования, поскольку оно всегда моносубъектно и выражает примерно те же отношения между событиями.

- (12) "Нэгэтэ иигэ-хэн хойн-оо сухариха хэрэггүй". (БРС, с. 337) — 'После того как так поступили однажды, не следует отступать'.

В этом примере подлежащее отсутствует, но само субъектное притяжение показывает, что субъект обеих событий один и тот же.

Во фразах рассматриваемой модели могут появляться усилительные частицы, которые принимают участие в выражении смысловых и синтаксических отношений. Они, как и показатели притяжения, могут крепиться на послепог — но могут занимать и самостоятельную позицию между причастием и послепогом:

- (13) "Газарта таби-хан лэ хойн-оо анхаржа харахаб". (Дорж., с. 16) — 'Только после того как поставил на землю, (я) обратил внимание'.

- (14) "Хонидоо асаржа хорёодонь хаагаад, гэртээ оро-хон хойн-оо-л, гайтай ехээр эсэшэһэнээ Алдар мэдэрбэ". (Дорж.,

- с. 31) — 'Приведя овец-своих, в загон-их загнав, лишь после того как домой пришел, Алдар понял, что устал слишком сильно'.

Разносубъектные конструкции с послепогом хойно делятся на два подтипа: 1) со свободным лексическим наполнением зависимой части, 2) с зависимой частью, описывающей течение времени. Рассмотрим сначала первый подтип.

Значительная часть примеров этой группы имеет в составе зависимой части субъектный член, закономерно оформленный родительным падежом. В этом случае личное притяжение факультативно: одновременно то и другое наблюдается примерно в 25% случаев.

- (15) "Харин мүнөө стоп дээрэ эдээн-эй (р.п.) бай-хан хойно, эдээлээ даа". (Вор., с. 22) — 'А теперь, после того как еда стоит на столе (раз уж стоит), давай поедем'. Так как в зависимой части субъектный член — эдээн — 'еда' в родительном падеже, послепог притяжением не оформлен.
- (16) "Энээн-эй (р.п.) баруулжа унгер-хэн хойно-нь Петров эскадронной ябаһан бүхы уурунуудаар ябажа, эскадронной командирай захиралтаар суглуулагдаһан буу зэбсэгые хуряан абаба". (ГБЯ-2, с. 141) — 'После того как тот проехал на запад, Петров, разъезжая по селениям, где проходил (белый) эскадрон, захватит все оружие, собранное по приказу командира эскадрона'. В этом примере в зависимой части есть субъектный член — энэ — 'этот, он' в родительном падеже — и соотнесенный с ним показатель личного притяжения 3 лица — нь при послепого.

Следующие пять примеров иллюстрируют лично-притяжательное оформление зависимой части без субъектного члена в ней. В этих условиях аффикс 3 лица — нь указывает только на нетождество субъектов зависимого и главного действий, тогда как аффиксы 1 и 2 лица обоих чисел однозначно (с точностью до данной ситуации) представляют субъект зависимого действия через его отношение к участникам коммуникации.

- (17) "Дэгэл-ээ тайпа-хан хойно-нь тэрэнэй ташуур буугай модон хобто үбдэгтэнь хүрээсэ ханжажа байгаа хэн". (Б., 1978, № 2, с. 118) — 'Шубу-свою снял после того как он, его револьвера деревянная кобура до колен-его свисала'.
- (18) "Үхэ-хэн хойно-мни, хугшэндэ-мни түлээ залһые-нь, үбһэ, уһые-нь хамһалсажа байгаарай гэжэ захиаб". (Б., 1976, № 1, с. 19) — 'После того как-я умру, старушке-моей (-жене) дрова-ее, сено, воду-ее помогайте, наказываю' (т.е. помогите ей с дровами, сеном, водой).
- (19) "Тиэхэдэшни үхэ-хэн-шье хойно-ш шамайе хүн зон сэдхэлд-ээ дурдажа ябаха". (Б., 1976, № 1, с. 46) —

'Тогда даже после того как-ты умрешь, народ тебя в мыслях-своих вспоминать будет'.

Здесь при причастии – усилительно-уступительная частица -шье – 'даже'. По-русски было бы естественнее сказать 'после твоей (моей) смерти'. Но в грамматическом переводе мы не считаем возможным слово ухэ-һэн передавать существительным смерть: бур. 'смерть' – ухэл. Ср.: "ухэл тухай бү бодо" (Б., 1976, № 1, с. 63) – 'О смерти не думай' – но не 'о том, что ты умрешь, умираешь, умер'. Слово ухэһэн вне данной конструкции значит 'умерший, мертвый, мертвец'. Но значение 'буду, стану мертвым, мертвецом' было бы выражено иначе, с помощью вспомогательных глаголов. Поэтому и здесь, и в других случаях, когда напрашивается именно перевод, мы предпочитаем ему более точный глагольный, хотя он, может быть, и усиливает несколько процессуальность бурятской формы.

(20) "Архияа дууһа-һан хойно-мнай ерэбэш!" (Б., 1976, № 6, с. 36) – 'Водку-свою кончили после того как-мы, пришел-ты!' Ср. также: "Архияа дууһа-һан хойно-тнай ерэбэ-бди" – 'Водку-свою после того как-вы кончили, пришли-мы'.

Однако надо отметить, что фразы со свободным наполнением зависимой части для конструкции с послелогом хойно не особенно характерны.

Второй подтип, составляющий около 70% выборки по данному послелогу – это фразы, где главное событие оказывается единственным "настоящим" событием. Вторая, зависимая единица описывает само течение времени и "вехи" этого процесса: после того как прошло несколько лет (месяцев, год, четыре дня и т.п.), после того как прошло некоторое время, после того как солнце зашло или взошло, как наступил полдень и т.п. В грамматическом плане фразы этого типа отличаются тем, что субъектный член стоит здесь обычно в неопределенном падеже, оформляющем подлежащее и в простом предложении, и в главной части полипредикативных конструкций:

(21) "Нэгэ һара унгер-һэн хойно нохойн эзэн ерэжэ, нохойгоо эрибэ". (УБЯ, с. 104) – 'После того как прошел один месяц (месяц спустя) хозяин собаки придя, собаку-свою потребовал'. Слово һара – 'месяц' не имеет показателя падежа.

(22) "Горитойхон саг унгер-һэн хойно японтой офицер гаража ерээд: – Юун хэрэгтэйб? Хаанаһаа ябаһан ноёмта? – гэжэ асууба". (Тум., с. 77) – 'После того как прошло порядочно времени, японский офицер, выйдя: – Какое у вас дело? Откуда прибыли, господа-вы? – спросил' (слово саг в неопределенном падеже).

Однако и во фразах этого типа встречаются случаи оформления субъектного имени показателями родительного падежа:

(23) "Нилээн сагай (р.п.) унгер-һэн хойно зуун тээһээ дүллий дунгиноон дуундажа: Хубуун!.. Манайхин!.. Самолёдууд!.. – гэжэ Бата шэбтээ". (Шойд. с. 31) – 'После того как прошло порядочно времени, с южной стороны послышалось (букв. – послышавшись) глухой гуп: – Ребята! Наши! Самолеты! – прошептал Бата'. Слово саг – 'время' здесь оформлено аффиксом родительного падежа.

Заметим попутно, что в позиции субъектного члена встречаются также формы наречного типа: орой – 'поздно', удаан – 'долго'. Например:

(24) "Удаан боло-һон хойно муухай гарнуудаа саһаан уга-һаар гаража, Золтодо хандабад". (Б., 1978, № 1, с. 16) – 'После того как стало долго (т.е. продолжительное время спустя) грязные руки –свои снегом вымыв, к Золто обратились они'.

Возможно мы имеем здесь дело с конструкциями односоставного типа, где слово удаан (и подобные) следует рассматривать не как окказиональный эквивалент субъектного имени, а как компонент составного зависимого сказуемого.

Переходим теперь к другим моделям с различными послелогам, принимающими показатели притяжания на себя. Так как их синтаксическое поведение в принципе аналогично поведению рассмотренной модели с послелогом хойно, ограничимся несколькими характерными примерами:

(25) "Алексей Платонович, танда округой инженер бай-һан тулада-тнай горитой ехэ эрхэ угтэнэ бэээ?" (Б., 1978, № 1, с. 65) – 'Алексей Платонович, вам, поскольку-вы округной инженер (есть), весьма значительные права предоставлены, должно быть?'.

Эта фраза разносубъектна. Ее главная часть – пассивная конструкция (сказуемое в специальной залоговой форме). В зависимой части глагол бай – 'быть, являться' стоит в форме причастия на -һан. Послелог тулада – 'поскольку' оформлен показателем притяжания 2 лица множественного числа (в данном случае форма вежливого обращения к одному лицу).

(26) "Машинымнай жопоошон һонин зугааша хүн бай-һан тулада-аа, огтошье дуугай ябанагүй". (УБЯ, с. 81) – 'Машины-нашей шофер, поскольку (он) очень разговорчивый человек, ни минуты не молчит'.

Фраза моносубъектна. Послелог оформлен показателем субъектного притяжания -аа.

(27) "Прииснууд болон тэдэнэй тоног тухээрэлгэнүүд тухай ямар үндэһэн дээрэ хэмжээ абажа бай-һан тухай-тнай хөөрэлдөөн болоногүй ха юм". (Б., 1978, № 4, с. 29) – 'Касательно приисков и их оборудования на каком основании приняли меры-вы, (об этом) разговор, конечно, не идет'.

В этом примере послелог тухай - 'о том, что' оформлен притяжательным аффиксом 2 лица множественного числа -тнай. Фраза разносубъектна.

(28) "Тахир тантай нүхэд бай-һан тухай-гаа намда хэлээ юм". (Б., 1978, № 1, с. 119) - 'Тахир с вами другом был / о том что, мне говорил' (-'Тахир говорил мне, что был вашим другом'). Фраза многосубъектна, послелог тухай оформлен показателем субъектного притяжания -аа.

(29) "Тамхинтаяа носолдохо зуура-нь боожонь алдагдажа үб-һэтэй шаргань хажуу тээшэ хэлтышэбэ". (Б., 1978, № 4, с. 62) - 'В то время как он возился с табаком-своим, вожжи-его выпали (букв. - выпав), наполненные сеном сани-его набок наклонились'.

Здесь в зависимой части нет субъектного члена - кто возился с табаком, неизвестно из фразы. Показатель притяжания -нь указывает на различие субъектов зависимого и главного действий: возился с табаком какой-то человек, наклонились сани.

Нужно заметить, что послелог зуура появляется в текстах преимущественно в моносубъектных конструкциях (95% всех примеров). Ср. очень редкий случай личнo-притяжательного оформления этого послелога: "Иигэжэ болохо зуурамни нааша ерэжэ ябахадаа, Эдиртэй хөөрэлдөөшэм һанагдаба", - 'В то время как я таким образом размышлял, идучи сюда, вспомнился мне разговор с Эдиром'.

Ср. также: "Ниидэжэ ябаха үедэ-мнай..." - 'В то время как мы летели'. (Б., 1978, № 3, с. 124); "Хоргодон ошоһон тухай-тнай..." - 'О том, что вы бежали...' (ГБЯ, с. 252) и др.

Обращает на себя внимание тот факт, отраженный и в списке, который мы привели выше, что некоторые послелогической группы сочетаются только с одним причастием, причем чаще с причастием на -ха, в то время как другие могут сочетаться с разными причастиями, - на -ха, на -һан, а некоторые и на -даг. По-видимому, причастие на -ха, если оно прочно закреплено за данной конструкцией, теряет в ее составе свое значение будущего времени. Если же в рамках данной модели противопоставлены друг другу два или даже три причастия, то они имеют возможность реализовать собственные временные значения. Насколько мы можем судить по имеющимся у нас примерам, в составе зависимых конструкций время причастий становится относительным: причастие будущее на -ха обозначает действие, которое должно совершиться после главного события, принимаемого за точку отсчета (но не после момента речи); причастие прошедшего времени на -һан выражает действие, относимое в план прошедшего "предшествующего" - и моменту речи, к моменту главного действия. Ср., например:

(30) "Таровай (р.п.) ерэ-хэ тухай тэрэ мэдэһэн байгаа". (Б., 1976, № 5, с. 105) - 'О том, что Таров придет, он заранее знал'.

(31) "Жамбал аха, Бадма ахын (р.п.) галуу ала-һан тухай-нь хөөрөжэ угыт". (Б., 1976, № 1, с. 27) - 'Дядюшка Жамбал, расскажите, пожалуйста, о том, как дядя Бадма гуся убил'.

В первом примере перед послелогом тухай причастие будущее, обозначающее, что действие зависимой части предстоит после главного: 'Знал до того, как Таров приехал'. Оба эти события отнесены в план абсолютного прошедшего времени - до момента речи о них. Конечное сказуемое выражено предикативным причастием на долгий гласный. Во втором примере перед послелогом причастие прошедшего времени на -һан, выражающее предшествование зависимого действия главному. В этом примере налицо и субъектный член в родительном падеже, и притяжательное оформление на послелого.

Причастие на -даг, по-видимому, выступает либо аналогом причастия на -һан, добавляя смысловой оттенок многократности или обычности действия в прошлом, либо же обозначает "обычное", как бы вневременное событие:

(32) "Илья Ильич... анханда өөрөө сэбэр бэшэгээр хододоо магтуулдаг тухай-гаа хөөрэнэ". (ГБЯ-1, с. 216) - 'Илья Ильич рассказывал о том,... как его самого хвалили за каллиграфию' (букв. - 'как он сам был хвапим за каллиграфию' - фраза моносубъектна). Неоднократность похвал передана формой причастия на -даг.

Теперь рассмотрим второй тип причастно-послеложных конструкций - модели, в составе которых причастия имеют форму одного из косвенных падежей, а показатели притяжания оформляют не послелог, а само причастие.

Из семи падежей бурятского языка: неопределенный, родительный, дательный-местный, винительный, орудный, совместный и исходный - в интересующих нас конструкциях для оформления причастий используются родительный, совместный и исходный. В выборке представлены также единичные примеры с дательным падежом в сочетании с послелогом адли, - но ввиду своей единичности, а также с учетом того, что послелог адли в сравнительной функции часто сочетается с именами, оформленными компаративной частицей -дап, которая омонимична цепочке "показатель датива + усилительная частица -д", эти случаи заслуживают специального целенаправленного исследования.

Винительный падеж, а также, за этим исключением, дательный в причастно-послеложных конструкциях фактически не используются. Возможно, это связано с тем, что эти падежи несут большую нагрузку в составе причастных зависимых построений другого типа, без послелогов: дательный падеж оформляет причастную временную конструкцию с причастием на -ха (типа древнеславянского "дательного самостоятельного; эта функция широко представлена у дательного падежа и в других алтайских языках); причастие на

-нан в этой форме выражает предшествование во времени, представляя это предшествующее событие как причину главного действия. Винительный падеж оформляет изъяснительную причастную конструкцию при глаголах говорения и мыслительной деятельности, а также выражает некоторые другие отношения, например, целевые. Оба эти типа конструкций высокочастотны. Например:

(33) "Хэлэ-гш-ые-ш нюдөөрөө хаража, гараараа барижа үзэ-хэ-д-өө-л үнэншэхэб". (ГБЯ-2, с. 13) - 'Поверю только тогда, когда увижу своими глазами и пощупаю своими руками то, о чем ты сказал'.

В этом примере представлены обе указанные конструкции: однократное причастие на -гша с показателем винительного падежа -ые и лично-притяжательным оформлением 2 лица единственного числа: хэлэ-гш-ые-ш - 'то, что ты сказал'; причастие на -ха в дательном падеже, с субъектным притяжением и выделительной частицей -л - 'лишь, только': үзэ-хэ-д-өө-л - 'лишь когда попробую (я сам)'.

Нужно отметить, что орудный падеж причастия на -ха также используется при построении причастных (не послеложных) зависимых конструкций с значением цели. Некоторые исследователи называют его целевым деепричастием на -хаар: яба-хаар - 'чтобы идти'²⁰. Есть мнение, что причастие на -ха в дательном падеже в современном бурятском языке также представляет собою деепричастие²¹.

Что касается причастно-послеложных конструкций с косвенно-падежными формами причастий, то здесь естественно возникает вопрос: управляет ли послелог падежом причастия - или же послелог является лишь уточнителем того значения, которое выражено причастием без послелога? В ГБЯ представлена первая точка зрения, - что падеж причастия диктуется послелогом. В пользу второго предположения может свидетельствовать тот факт, что общий набор послелогов второго типа оказывается разделен на семантические группы, объединяющие иногда почти до десятка конкретных форм. В составе таких групп послелоги оказываются не только близки по смыслу, что следует из самого основания деления, но сходны и по своим конструктивным свойствам: они требуют одного и того же падежа. И, соответственно, наоборот: группы, сформированные по признаку "падежная форма", включают конструкции, совпадающие или очень близкие по выражаемым содержательным отношениям. Так, например, подгруппа послелогов непосредственного предшествования зависимого события главному

²⁰ Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, с. 249

²¹ Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка..., с. 241.

включает послелоги хамта, адли, ээргэ, шахуу и сасуу - 'как только... (сразу)...'. Все эти послелоги сочетаются с причастием в совместном падеже. И наоборот: совместный падеж причастия в составе рассматриваемых конструкций появляется только с этими послелогом и в выражении других содержательных отношений между действиями участия не принимает. Нужно отметить, что он может употребляться в этом же значении и без послелога, напр.:

"Тэрэн хашаршаһан хэбэртэй удхэн хара нидхэээ үргэжэ, тэгшэ-хэн сагаан шүдэнүүдээ харуулаад, ёһын тэдьсэ минэржэ, бодохи хүжүүнээр гараа харбай-ха-тай-гаа: -Занхар! - гэжэ гүбэрбэ". (Б., 1978, № 5, с. 78). - 'Он-его со скучающим видом густые черные брови-свои подняв, ровненькие белые зубы-свои показав, для виду улыбнувшись, неловко руку-свою протянул-как только: - Занхар! - пробурчал'.

Исходный падеж употребляется с послелогом двух семантических групп: это послелоги временного следования урид и хойшо - 'с тех пор как' и послелоги исключения: гадна, бэшэ, байтагай, дээрэ, ондоо - 'кроме того что, кроме как'. Сочетаемость родительного падежа шире всего. Он употребляется с временными послелогом одновременности и предшествования, с послелогом причины и цели и с заместительным послелогом орондо - 'вместо того чтобы'.

Модели причастно-послеложных конструкций "второго типа" можно представить следующим списком (мы включили в него модели, представленные в выборке относительно представительными сериями примеров):

I. Послелоги с родительным падежом причастия:

T_v + нан-ай // орондо - 'вместо того чтобы'
+ х-ын // орондо
T_v + хын // тула - 'ради, для того чтобы'
T_v + хын // тулада
T_v + нан-ай // тулөө - 'по причине того что'
T_v + хын // тулөө - 'ради того чтобы'
T_v + нан-ай // удаа - 'после того как'
T_v + хын // урда - 'перед тем как'
T_v + хын // хажуугаар - 'наряду с тем что'
T_v + хын // хойноһоо - 'после того как'
T_v + нан-ай // хуулдэ - 'после того как'
T_v + нан-ай // хуулээр - 'после того как'

II. Послелоги с исходным падежом причастия:

T_v + ха-һаа // байтагай - 'кроме того что'
T_v + ха-һаа // бэшэ - " "
T_v + ха-һаа // гадна - " "
T_v + ха-һаа // дээрэ - " "
T_v + ха-һаа // ондоо - " "
T_v + ха-һаа // урид - 'с тех пор как, после того как'
T_v + ха-һаа // хойшо - " "

III. Послепоги с совместным падежом причастия:

T_v + ха-тай // адли - 'одновременно с тем как (как только..., сразу)'

T_v + ха-тай // ээргэ - " - "

T_v + ха-тай // хамта - " - "

T_v + ха-тай // сасуу - 'одновременно с тем как'

T_v + ха-тай // шахуу - " - "

IV. Послепог с дательно-местным падежом причастия:

T_v + нан-да // адли - 'подобно тому как'

T_v + даг-та // адли - " - "

T_v + ха-да // адли (?) - " - "

Причастия на -ха без -л нами пока не встречены.

Ниже мы представим примерами позиции парадигмы на материале одной конструкции - T_v + ха-тай // хамта, после чего приведем несколько примеров других конструкций этого типа. Как уже сказано, семантика конструкции с послепогом хамта - 'как только..., сразу'; аффиксы притяжания локализуются непосредственно вслед за показателем падежа причастия.

В моносубъектных конструкциях причастие оформляется субъектным притяжением:

- (33) "Дамбын бэри Рэгээд хуулшынгээ үнээе наажа дүүргэ-хэ-тээе хамта, ... Сэсэгмаада: "... " гэнэ". (Тум., с. 5) - 'Невестка Дамбы Рэгээд, как только кончила доить последнюю корову, ... Сэсэгме "... " говорит'. Фонетически сочетание -тэй + ээ дает -тээе. Другой вариант -тэйгээ (соответственно -таяа и -тайгаа).

В разносубъектных конструкциях при наличии субъектного члена на притяжательное оформлении в 50% случаев опускается, в 50% сохраняется:

- (34) "Ним-ын (р.п.) ураг дундаханаар үүдээе тата-ха-тай-нь хамта, Янжама мадажа ерэнэ". (Тум., с. 64) - 'Как только Нима немного приоткрыл дверь, Янжама вышла на встречу'.
- (35) "Пулеметчигууд, солдадуудыень хиргатты! - гэгхэн захи-ралтын (р.п.) соносто-хо-той хамта пулемёдууд нжагар-хай буужа, фашистууд алдалан унадад". (Шойд., с. 11) - 'Пулеметчики, уничтожайте солдат-их! - эта команда как только раздалась, пулеметы застрочив, фашисты, навзничь раскинув руки, падают'.

В обоих примерах налицо субъектный член - имя в родительном падеже. Но в первом примере, кроме того, есть показатель 3-го лица -нь, во втором он опущен. При отсутствии субъектного члена аффиксы притяжания не опускаются:

- (36) "Гэрхээ гара-ха-тай-нь хамта бороо ороо". (БРС, с. 543) - 'Как только он-вышел из дома, пошел дождь'.
- (37) "Ойромни морин ерэбэ гу гэжэ нана-ха-тай-мни хамта, хүндэ юмээр хүл руум буулгажархиба". (Дамд., с. 55) -

'Как только подумал-я, что лошадь подошла ко мне, чем-то тяжелым ударили по ногам-моим'. Здесь показатель притяжания 1 лица единственного числа -м, эквивалентный полному варианту -мни.

- (38) "Үүдэ хаа-ха-тай-шни хамта би сонхоёо тайлахаб". - 'Как только закроешь-ты дверь, я открою окно'.
- (39) "Сонхо тайлаха-тай-мнай хамта гэр соо нэрюун зохид болошобо". - 'Как только открыли-мы окно, в доместа-ло прохладно'.
- (40) "Мүнгөө абажха-тай-тнай хамта бидэ танда билет абуужа-хабди". - 'Как только получите-вы деньги, мы вам купим билет'. (Три последние фразы получены от информантов).

Примеры других причастно-последовых конструкций этого типа:

- (41) "Буугаа шагаа-ха-тай-м адли нидэшэнэ". (Лубс., с. 22) - 'Как только из ружья своего прицеливаюсь я, улетаёт'.
- (42) "Яба-нан-ай-ш хуулдэ ерээ". (ГБЯ, с. 133) - 'Приехал (3 лицо) после того, как уехал-ты'.
- (43) "Яба-хын-шни урда дуулгаха ёхотой-бди". (Б., 1978, № 2, с. 21) - 'Перед тем как ты уедешь, рассказать должны-мы'.
- (44) "Эдэ бүхы юмэ хэ-хэн-эй-м хуулээр хамаг зөөримни тэнсуури алдагдаа бшуу даа". (Б., 1978, № 3, с. 42) - 'Все эти вещи сделал-я после того как, состояние-мое равновесие потеряло ведь'.

Ср. также: "... нэгэ багахан шэрэнгидэ хуу-ха-тай-шни ээргэ... - 'как только в одной маленькой роще сел-ты...'; "... газгаа гара-ха-тай-тнай шахуу..." - 'как только вышли-вы...' и т.п.

Последовые конструкции с исходным падежом причастия - временные с послепогами хойшо и урид и выражающие отношения исключения с послепогами группы гадна показатели личного притяжания принимают очень редко, а с показателями субъектного притяжания нами ни разу не были встречены. По этим моделям фразы строятся в основном так, чтобы, в соответствии с общими закономерностями, притяжательные показатели можно было опустить. Нами отмечено три типа таких построений:

- 1) РСК с субъектным членом (с послепогами хойшо и урид);
- 2) МСК с подлежащим в неопределенном падеже, которое вынесено в начало предложения (с послепогами бэшэ, гадна);
- 3) конструкция с главной частью стандартной семантики - ничего не оставалось, кроме как... , характерная для всех последовых группы гадна. Лексическое наполнение главной части в подобных фразах очень мало варьирует от примера к примеру: обязательный компонент - местоимение (юмэн - 'ничто', юуншыэ - 'что-либо' и т.п.). Сказуемое принимает отрицательную форму; в основном это глаголы типа улэхэ-гуй - 'не оставаться', олохо-гуй - 'не находить' и т.п. Например:

- (45) "Хүбууд-тэ (д.п.) "олзоо" дороо дараад хэбтэ-хэ-нээ ондоо юмэн үлөөгүй". (Шойд., с. 19) - 'Парням ничего не оставалось, кроме как лежать, подмяв под себя пленного'.

Формально это РСК - в главной части есть собственное подлежащее юмэн - 'нечто' (при отрицании 'ничто'). Логический же субъект тут только один - парни: им ничего не оставалось, они ничего не могли сделать другого. В конструкциях данного типа он обычно бывает назван - либо в форме дательного падежа (кому ничего не оставалось?), либо в притяжательной форме, например:

- (46) "...зальбарха-һаа ондоо юмэ тийхэдэ ухаанда-мни ороогүй бэлэй даа". (Дорж., с. 20) - 'Кроме того что молиться, ничего тогда на ум-мой не пришло ведь'.

Именно специфическая семантика этой конструкции как единицы языка, по-видимому, предопределяет ее структуру, разрешающую регулярное опущение притяжательных аффиксов.

Подавляющее большинство фраз в нашей выборке построено именно по этому типу: с послелогами дээрэ и ондоо - около 95%, с послелогом бэшэ - около 50%. Фактически только послелог гадна и в какой-то мере бэшэ встречаются в предложениях со свободным наполнением главной части. Семантика послелога гадна тоже шире, чем у других послелогов этой группы, - слово гадна функционирует и как союз с значением 'не только..., но и'. Эта семантика союза отчетливо связана с базовой семантикой послелога, выводится из нее, и в послеложном употреблении гадна встречается в функции, близкой к этой.

Приведем примеры употребления послелогов этой группы с притяжательным оформлением:

- (47) "...гэдэргээ сухариха-һаа-мнай ондоо юмэ үлөөгүй". (Шойд., с. 82) - '...кроме того как назад отступать-нам, ничего не остается' (дательный падеж местоимения диктуется здесь нормой русского языка, в оригинале скорее 'отступать будем (должны мы)').
- (48) "...бидэншье яаха аргагүй туһатай: мунгөө зөөрээр дэмжэлгэ зүүлхэхэ-нээ-тнай гадна, улас түрын талаар ашаг олзо оложо абахабди". (Б., 1978, № 2, с. 121) - '... нам также чрезвычайно полезно: кроме того что можете-вы материальную помощь, и по политической линии пользу получим-мы'. На этом примере как раз отчетливо видно сближение семантики послеложной конструкции с семантикой союзной связи посредством гадна - ср. возможность перевода через "не только..., но и ...".

Ср. примеры с временным послелогом хойшо:

- (49) "Лейтенант Саханаевтай хөөрэлдэжэ зугаалжа хоно-һоо-мнай хойшо горитойхоншье саг үнгэрбэ". (ГБЯ, с. 86) - 'С лейтенантом Саханаевым беседа ночь провели мы после того как, немало времени прошло'.

Ср. также: ... наһа бара-һан-һаа-нь хойшо - 'с тех пор как он-умер'; хэшэ-хэ-һөө-мни урид - 'до того как я-умру'.

Выше мы отмечали, что некоторые послелоги могут участвовать в формировании двух и более причастно-послеложных конструкций, различающихся как по семантике, так и по оформлению. В формальном плане такие модели различаются прежде всего падежом причастия, а если это не два косвенных, а косвенный и неопределенный падеж, то и отношением к локализации показателей притяжения. Поэтому один послелог может быть задействован в моделях, относящихся к разным выделенным нами типам. Так, например, послелог дээрэ формирует следующие модели:

- 1) $T_v + \text{ха дээрэ} //$ - 'перед тем как'. Поскольку притяжание ложится на послелог, это модель первого типа.
- 2) $T_v + \text{ха-һаа} // \text{дээрэ}$ - 'кроме..., чем; лучше... чем'. Это модель второго типа: притяжание на причастие.
- 3) $T_v + \text{һан} // \text{дээрэ}$ - 'пока'. Малое количество примеров не позволило определить место показателей притяжения.

Проиллюстрируем эти конструкции:

- (50) "Ябаха дээрэ-м нухэр-ни ерээ: (БРС, с. 219) - 'Прямо перед тем как мне уйти, пришел мой-товарищ'. Здесь послелог оформлен показателем притяжения 1 лица единственного числа.
- (51) "Петруухэдэ машина руу-гаа гүлдирха-һаа-нь дээрэ юмэн үлэбэ-гүй". (Б., 1976, № 6, с. 38) - 'Петрухе ничего не оставалось (лучше), кроме как залезть в свою-машину'. Эта модель из семантической группы гадна - 'кроме', подробно описанной выше. Показатель притяжения 3 лица, как видим, крепится на причастие.
- (52) "Энэ үбһэ хурялгышье абаад үзэхэдэ, хэндэшье мэдэжэ ажал ха юм: бороо хурагуй, хуурай бай-һан дээрэ үбһээ сабшажа, соможо абаха хэрэгтэй". (Хр.-10, с. 30) - 'Взять даже эту уборку сена; ведь всем (любоmu) понятное дело: дождя нет, сухо (есть) пока, сено накосить и заготовить нужно'.

Очень интересны в этом аспекте послелоги тула и тулее. Оба они формируют конструкции с двумя вариантами: один - с причастием прошедшего времени - имеет причинный характер, 'поскольку, из-за того что'; второй - с причастием будущего времени - целевой, 'чтобы, для-ради того чтобы'. Такое варьирование семантики языкового знака закономерно и наблюдается во многих языках. В сущности, выражается нерасчлененное причинно-целевое значение, и цель представляет как причина, смещенная в план будущего. Однако, поскольку при нерасчлененности семантики послелога формируемые им причастно-послеложные конструкции (варианты) оказываются взаимно противопоставленными по признаку "форма

причастия", можно заключить, что в бурятском языке намечается дифференциация этих значений и способов их выражения.

Два варианта конструкции с послеполом түлөө различаются также и отношением к притяжательному оформлению: причинный вариант с родительным падежом причастия на -һан регулярно принимает показатели притяжания (см. примеры 5-8); целевой вариант с родительным падежом причастия на -ха в выборке из художественной литературы с притяжательным оформлением ни разу не встретился. Но в анкетных примерах, полученных от информантов, есть несколько примеров с лично-притяжательным оформлением в 1 лице единственного числа:

- (53) "Институтта оро-хы-мни түлөө минии аха намтай хүдэлөө". - 'Чтобы я поступил в институт, мой брат (много) со мной занимался'.

В конструкциях с послеполом тула, напротив, притяжательное оформление достаточно регулярно прослеживается в целевых вариантах с родительным падежом "ха-причастия" и не встречается в вариантах причинных. Больше того, причастие на -һан с этим послеполом употребляется только в форме неопределенного падежа. Поэтому если применительно к послеполу түлөө еще можно говорить о двух вариантах одной формируемой им конструкции, то в случае с послеполом тула полисемия конструкции явно оказывается нарушенной. При этом в причинном значении слово тула есть основания считать уже не послеполом, а союзом.

В задачу этой статьи не входит обсуждение очень важного, но и сложного вопроса о границах понятия "послепог" и об отношении послеполов с другими типами служебных слов, в частности с союзами. Однако на фоне общего множества рассмотренных нами синтаксических форм, в составе которых послеполог сочетаются с определенными причастными формами, не может не привлечь к себе внимания тот факт, что у слова тула (в причинном значении) сочетаемость весьма специфична и явно отклоняется от общего принципа: "при нем" встречены, кроме форм причастия на -һан, и такие глагольные формы, которые регулярно встречаются в роли конечных сказуемых: причастие на долгий гласный - по сути дела, одна из основных форм выражения прошедшего времени индикатива; причастие на -даг со сказуемой связкой һэн, а также и без нее; формы причастия на -ха и др. Например:

- (54) "Хүсэд бодогдоһон юмын толгой соонь үшөө бии болоогуй тула Нимаев тэрэ орёо асуудалда тиймэ түргөөр ойртохо дурагуй байһан хэбэртэй". (Хр.-10, с. 35) - 'Так как чего-то вполне решенного (обдуманного) в голове у него еще не сложилось (букв. - не стало), Нимаев, казалось, не хотел подходить к этому вопросу так поспешно'.

Здесь перед словом тула видим форму бол-оо-гуй - отрицательная форма предикативного причастия на долгий гласный.

- (55) "Теэд фермэдэ тиймэ шэгнүүрэй байдаггүй һэн тула үхэрөө колхозой амбаарай шэгнүүртэ абаашаха гэлсэбэд". (Б., 1976, № 6, с. 31) - 'Так как таких весов на ферме не было, быка-своего (скот-свой) на колхозные амбарные весы вести договорились-они'. Здесь перед словом тула причастие на -даг в отрицательной форме со связкой һэн.

- (56) "Михаил Степанович Минжуурһаа хэды наһа аха байһан ба ажа байдалай дүршэлтэй тула тэрээндэ саг үргэлжэ туһалагша һэн". (ГБЯ-2, с. 136) - 'Так как Михаил Степанович был несколько старше Минжура и имел жизненный опыт, (он) ему постоянно помогал'.

Здесь слово тула соотносит с главной частью, которая следует далее, в качестве ее причинного обоснования, все предшествующее синтаксическое построение, которое в свою очередь бипредикативно: первая предикативная единица со сказуемым наһа аха байһан связана со второй, со сказуемым дүршэлтэй, союзом ба - 'и'.

В этих и других подобных примерах функцию слова тула нам кажется правомерным оценить как союзную.

Теперь коротко остановимся на третьем, "остаточном" типе причастно-послепожных конструкций, - на моделях, которые ни разу не встретились нам с притяжательным оформлением, несмотря на достаточно высокую их частотность. В этой группе оказались представленные модели одной семантической группы: все это сравнительные конструкции. Они формируются служебными словами мэтэ, мэтээр, шэнги, шэнгээр, юмэдэл / юмэндэл. С ними употребляется преимущественно причастие на -һан в неопределенном падеже - или "без падежного оформления". Например:

- (57) "Ябыш! Жалма-а! - гэхэн Аламжын абяан шанга һалхитай тэмсэн газар дороһоо гараһан мэтэ соностоно". (Цыд., с. 245) - 'Иди! Жалма-а! - голос Аламжи против сильного ветра слышится (так), как будто выходит из-под земли'.

- (58) "Жухлицкий унахаяа байһан шэнгээр урагша халта нэнгэжэ: - Ууха аргамнигуй, бээдээ гамтайб, - гээд аалиханаар аад, хүсэд хатуугаар харюусаба". (Б., 1978, № 1, с. 41) - 'Жухлицкий, как будто падая, подавшись слегка вперед: - Пить я не могу. Здоровье-свое оберегаю, - тихо, но твердо ответил'. Конструкция эта моносубъектна, что позволяет в переводе использовать деепричастную форму.

- (60) "Яюурын галда шаруулһан мэтээр халуу бусалба". (Хр.-10, с. 4) - 'Лицо его, как будто обожженное в огне, запылао'. В этом примере глагольный и деепричастный переводы затруднительны: конструкция в оригинале не дает оснований для введения второго потенциального

субъекта, - ср.: 'словно его обожгло огнем, обожгли огнем'. В оригинале - залоговая форма глагола. Для перевода 'как будто оно было обожжено огнем' мы также оснований не видим. Функцию этой конструкции здесь, видимо, следует считать определительной. Сравним:

- (61) "Энэ бэшэгын бээдээ буряад нютагайн амисхаал шэнгээнэн шэнги Батада үзэгдэнэ". (Шойд., с. 55) - 'Это письмо-его словно впитавшим в себя дыхание бурятской родины видится Бато' (д.п. - кому?).

Здесь одно подлежащее - бэшэгын - 'письмо-его'. Весь оборот, заканчивающийся группой шэнгээнэн шэнги, раскрывает содержание модального предиката үзэгдэнэ - 'казалось, видепись' - как, каким? Слово шэнги выполняет в его составе функцию модального показателя, семантически согласованного с модальным предикатом: видепись Бато, казалось ему таким, а не было таким действительно.

- (62) "Зүрхэмни амаараа гарахаяа һанаһан шэнги түшэгэнэнэ". (Мунг., с. 49) - 'Сердце-мое колотилось, как будто собиралось (собираясь) выскочить изо рта-своего'. В этой фразе функция причастной конструкции со словом шэнги иная: ею выражается ирреальное событие, которое призвано пояснить меру и степень соотнесенного с ним реального события. Аналогично:

- (63) "Газар дээгуур мухариһан толгойн, үшөө дахин "алтан" гэжэ хашхархые оролдоһон юумэндэл амаяа ангайһан шэгтээ үлэбэ". (Цыр., с. 244) - 'Голова-его, покотившаяся по земле, еще раз "золото." крикнуть старалась (ясь) как будто, осталась с разинутым ртом'.

В обоих последних примерах конструкция сохраняет глагольный предикативный характер, поскольку определение должно было бы предшествовать определяемому имени. Здесь же эта конструкция предшествует предикату - и осмысливается как его ирреально-компаративный уточнитель.

Чтобы судить о природе этих построений в зависимой функции, сопоставимой с теми функциями, которые выполняются рассмотренными выше причастно-последовательными конструкциями, нужно иметь в виду, что слова группы шэнги встречаются и в составе ирреализованного конечного сказуемого. Например:

- (64) "Оһоо, ши яһала сэхэ руунь хэлэдэг хүн байнаш! - гээд, Смирнов энеэбхилһэн шэнги болобо". (Б., 1976, № 5, с. 64) - 'Ого, ты довольно правильно (прямо) рассуждающим человеком стал (являешься), - Смирнов словно бы улыбнулся'.

- (65) "Командирайнгаа будуун хоолойн хунхинэые хоёр шэхээрээ шагнажа байхада, Батын досоо наран гарашаһан шэнги". (Шойд., с. 13) - 'Когда (Бато) обоими ушами-своими успышал, (как) гремит командира-своего гопос-его, в душе у Бато словно солнце взойшло'.

Наблюдения над конструкциями этой группы привели нас к выводу о том, что все три отличительные особенности этих синтаксических форм, т.е., во-первых, их несочетаемость с показателями притяжания, во-вторых, специфика синтаксических функций, и в-третьих - очень своеобразная ирреально-модальная семантика, которая в определенных случаях, и нередко, приобретает дополнительно компаративный характер, - все это ставит под сомнение "последовательную" природу этих служебных слов. Вопрос о том, в какой именно разряд служебных слов следует их относить, выходит за рамки этой статьи. Но думается, что это прежде всего именно показатели ирреальной модальности, которые указывают, что описываемая "знаменательной частью" конструкции ситуация должна интерпретироваться как продукт воображения. В случае, если эта мнимая ситуация в рамках целого (фразы) оказывается противопоставлена реальной ситуации, между ними возникают отношения, синтаксические и смысловые, которые принято называть ирреально-сравнительными.

Подведем теперь некоторые итоги сказанному.

1. В бурятском языке, как и в других алтайских языках, различаются два грамматических типа предикации - независимая, "конечная", и зависимая. Зависимая предикация используется для обозначения действий (событий), которые тем самым представляются как грамматически и по смыслу не самостоятельно-ценные, но подчиненные чему-то другому, формально выраженному в главной части. Противопоставление независимой предикации, реализующейся в простом предложении и в главной, конечной части полипредикативного предложения, и зависимой предикации, реализующейся в зависимых частях полипредикативных конструкций, проявляется через регулярные, закономерные различия в оформлении предикативного узла, обоих его основных компонентов.

Подлежащее в ситуации независимой предикации имеет форму неопределенного (именительного) падежа. Его аналог - субъектный член в составе зависимой конструкции зависимого предикативного узла закономерно принимает форму родительного падежа. Функцию оформления субъектного члена следует рассматривать как особую, и очень важную функцию этого падежа, принципиально отличную от функции оформления именного определения.

Сказуемое в ситуации независимой предикации оформляется финитными формами, которые предполагают использование лично-предикативных показателей для выражения абсолютного грамматического лица. Аналог сказуемого в зависимой предикативной единице, ее предикат, выражается инфинитными формами, в морфологической или синтаксической (в случае аналитических форм) структуре которых присутствуют показатели факта и характера синтаксической зависимости. Эти формы предполагают использование притяжательных показателей для выражения относительного (и относительно-абсолютного) грамматического лица.

При этом подлежащее независимого (главного) построения никогда не принимает формы родительного падежа, но субъектный член зависимого построения в определенных случаях может иметь форму неопределенного (именительного) падежа. Предикат зависимой части, по нашим наблюдениям, никогда не оформляется показателями лично-предикативного типа, тогда как конечное сказуемое в определенных случаях принимает показатели личного притяжания для выражения абсолютного грамматического лица – например, при выражении “будущего ближайшего” и в некоторых других случаях.

2. Специфика зависимой предикации и относительного грамматического лица была рассмотрена нами на одном из многих конкретных типов зависимых предикативных конструкций – на причастно-послеположных конструкциях. В результате исследования установлено, что эти конструкции как единицы языка характеризуются закономерным грамматическим варьированием, которое может быть представлено парадигмой. В числе парадигматических вариантов (позиций) представлены моносубъектные и разносубъектные варианты. Последние сводятся в систему относительно конкретных относительно-абсолютных грамматических лиц: четыре варианта для 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа и один вариант для 3-го лица различения по числу.

Предложенная парадигма, согласно нашему ожиданию, должна описывать грамматическое варьирование в аспекте относительно-го лица не только причастно-послеположных, но также и причастных и деепричастных зависимых построений, а также некоторых аналитико-синтетических моделей “союзного” типа, “союзные скрепы” которых принимают притяжательное оформление (например, хада). Но этот вопрос требует специального изучения.

3. Проведенное исследование показало, что общее множество причастно-послеположных конструкций бурятского языка, которых выявлено несколько десятков, может быть сведено к двум четко противопоставленным типам: конструкции, в составе которых показатели притяжания принимают послепог, и конструкции, в составе которых позиция показателей притяжания локализуется при причастии, после показателя падежа. В конструкциях этого типа используются родительный, исходный и совместный падежи причастий. В конструкциях первого типа причастие показателей падежа не имеет. Вопрос о том, имеем ли мы здесь дело с “формой неопределенного (именительного) падежа” – или с внепадежной причастной формой – заслуживает специального изучения.

Очевидно, однако, что синтаксическая (и формальная, и содержательная) связь между причастием и послепогом в этих двух случаях существенно не одинакова. Если во втором случае есть основания рассматривать послепог как уточнитель – и может быть “трансформатор” падежного значения, т.е. того отношения, которое в какой-то мере выражено показателем падежа причастия, – то в первом случае послепог и только он один выражает факт и

характер зависимости. Если иметь в виду существование причастных зависимых конструкций без послепогов, выражающих факт и характер синтаксической зависимости на уровне предикативных единиц в составе полипредикативного целого, то можно сказать, что послепог в конструкциях первого типа является функциональным аналогом падежного аффикса. О конструкциях второго типа так сказать нельзя.

Это дает основание задуматься о своего рода “шкале” в сфере синтетических и аналитико-синтетических моделей построения зависимой части в бурятском языке и в других языках алтайского типа. Причастно-послепожные конструкции первого типа на некоторый “шаг” ближе к собственно-синтетическим, причастным и деепричастным без послепога, нежели причастно-послепожные конструкции второго типа.

4. Анализ причастно-послепожных конструкций второго типа показал, что группы, выделяемые на формальном основании – по падежам причастий, оказываются специфичными и в функционально-семантическом плане. Было бы неверно сказать, что падежная форма причастия однозначно предопределяет функциональную семантику причастно-послепожной модели. Это, по-видимому, так только в случае совместного падежа. Исходный и особенно родительный падежи обнаруживают связь с несколькими (каждый) семантическими группами моделей. Вопрос об “индивидуальном вкладе” падежного показателя и послепога в итоговую семантику причастно-послепожных моделей заслуживает дальнейшего специального исследования.

5. В этой статье мы почти не касались вопроса о месте послепогов в общей системе служебных слов, о тех признаках, которые следует считать необходимыми и достаточными для того, чтобы обосновать или опровергнуть включение некоторой служебной лексической единицы в число послепогов. По существу, мы не обсуждали и вопроса о том, не свидетельствует ли описанное выше различие конструктивных свойств единиц типа хойно и хамта о том, что эти единицы следует по-разному квалифицировать: если “послепоги” – это слова типа хамта, то хойно – это нечто уже иное. То есть, если понятие “послепог” считать родовым, охватывающим эти две группы слов (а возможно, и какие-то еще типы служебных слов) – то как следует определять это понятие и как – соответствующие видовые понятия? Если же закрепить его за одним из видов – то как называть и определять “род” и другой вид.

Видимо, постановка этих и некоторых других связанных с ними вопросов пока преждевременна. Она предполагает привлечение к исследованию целого ряда других построений, и в первую очередь, как нам представляется, конструкций “союзного” типа – с “союзными” скрепами, восходящими к послепогам (тула, гадна и некоторые другие) и со скрепами хада и һаа.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Б. - журнал "Байгал" (цифрами далее указываются год, номер, и страница).
- БРС - Бурятско-русский словарь. Под ред. К.М. Черемисова. М., 1973.
- ГБЯ-1 - Грамматика бурятского языка. Ч. I. Фонетика и морфология. М., 1962.
- ГАНИИЯЛ - Горно-Алтайский научно-исследовательский институт языка, истории, литературы.
- ГБЯ-2 - Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962.
- Вор. - Воронкова Л. Городой басаган. Улаан-Удэ, 1975.
- Дамд. - Ламдинов Д.Г. Семантико-стилистическая характеристика послепогов бурятского языка с пространственно-временным значением. - В кн.: Стилистика и лексикология бурятского языка. Улан-Удэ, 1972, с. 51-59
- Дорж. - Доржиев Ц. Эрэ хүн уйпадаггүй. Улаан-Удэ, 1973.
- Лубс. - Лубсанов Вл. Дагба таабайн хууруун. Улаан-Удэ, 1976.
- Мунг. - Мунгонов Б. Хара һалхин, Улаан-Удэ, 1971.
- Тум. - Тумунов Ж. Нойrhoо һэриһэн тапа. Улаан-Удэ, 1973.
- УБЯ - Дондуков У.-Ж.Ш., Пахутова Е.Г. Учебник бурятского языка. Улан-Удэ, 1962.
- Хр-10 - Буряад литература. 10 класста үзэхэ хрестомати. Улаан-Удэ, 1976.
- Шойд. - Шойдоков Б. Дархан соло. Улаан-Удэ, 1971.
- Цыд. - Цыдыпов Ц.-Ж. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972.

Л.М. Горелова

О СЕМАНТИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ МЕЖДУ ПРОСТЫМИ И СЛОЖНЫМИ ДЕЕПРИЧАСТИЯМИ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В тунгусоведении деепричастия рассматриваются в основном в работах общего характера - грамматиках, учебниках по эвенкийскому языку. Специально деепричастиям посвящена только одна статья О.А. Константиновой¹.

В различных работах изучаются разные стороны этого класса глагольных форм, но так или иначе всеми исследователями признается необходимость разделения деепричастий на две группы в зависимости от их "морфологической и функционально-синтаксической специфики".

В морфологическом плане все эвенкийские деепричастия делятся на имеющие показатели лица и на не имеющие таковых. Соответственно, первая группа называется личными деепричастиями (иначе - притяжательными), а вторая - безличными. Хотя, как показала М.И. Черемисина, в отношении безличных деепричастий речь идет не о том, что лицо представляется этими формами, а о том, "что их личное значение выражается опосредованно, через главную, финитную (конечную) форму"².

В плане функционально-синтаксическом безличные (иначе их называют простыми) деепричастия характеризуются отсутствием "субъектно-подлежащей валентности". Иными словами, они не имеют ни собственного субъекта, относясь к субъекту главного действия, ни собственного подлежащего. Правда, если говорить о невозможности для этих форм иметь собственное подлежащее, то здесь существует одно исключение. Форма на -на (деепричастие одновременное) иногда, очень редко, может иметь при себе

¹ Константинова О.А. Деепричастия в эвенкийском языке. - В кн.: В помощь учителю школ Крайнего Севера. М.-Л., 1953, с. 98-122.

² Черемисина М.И. Деепричастия как класс форм глагола в языках разных систем. - В кн.: Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977, с. 19-20.

собственное подлежащее, которое выражает одну из сторон общего, единого для всего высказывания субъекта³.

Личные (иначе их называют притяжательными, а также сложными) деепричастия обозначают действия зависимые, вторые. Они имеют либо общий субъект с главным действием, и в этом случае присоединяют субъектные, иначе, возвратные аффиксы; либо выражают зависимые действия, которые имеют свой собственный субъект, отличный от субъекта главного действия (и в этом случае присоединяют личные аффиксы). Это свойство сложных деепричастий М.И. Черемисина определила как "наличие собственной субъектно-подлежащей валентности"⁴.

В свою очередь, эта группа деепричастий как бы разбивается на две подгруппы: в первую входят деепричастия, которые функционируют как в односубъектных, так и в разносубъектных конструкциях – к ним относится большинство деепричастий, а во вторую – формы, функционирующие только в разносубъектных конструкциях: это формы на -рак и на -нма.

Анализируя источники различного типа, мы пришли к выводу о том, что и простые и сложные деепричастия выражают одни и те же типы отношений между главной и зависимой частями сложного предложения: временные (сюда входят отношения предшествования, одновременности и следования), условные, причинные, целевые, уступительные и отношения следствия. Правда, выражая уступительные отношения, деепричастия присоединяют особые уступительные частицы: -да, -кат, -вал/-мал, которые существенно модифицируют значение деепричастия.

Таким образом, целью данной статьи является установление семантических соответствий между простыми и сложными деепричастиями в эвенкийском языке. Исследуя семантику деепричастных форм, мы опирались на следующий тезис М.И. Черемисиной: "Реальная грамматическая семантика деепричастия определяется не только его формой, но и его отношением с ведущей формой глагола, конструкцией, в которую оно включается, его местом в линейной структуре фразы и целым рядом других обстоятельств, требующих пристального исследования"⁵.

В соответствии с этим мы исследовали значения деепричастных форм в зависимости от нескольких факторов: вида глаголь-

³ Горелова Л.М. Модели полипредикативных конструкций в эвенкийском языке. – В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980.

⁴ Черемисина М.И. Деепричастия как класс форм глагола в языках разных систем, с. 19.

⁵ Черемисина М.И. Конструкция с деепричастными оборотами. Научный отчет, 1976, рукопись.

ной основы, от которой деепричастие образовано; от позиции деепричастной формы в предложении; от формы, реализуемой в качестве финитной.

Понятно, что по некоторым причинам мы не могли осветить многие аспекты, касающиеся изучения эвенкийского деепричастия. Не говоря о причинах технического порядка (объем статьи), мы не всегда располагаем и достаточным фактическим материалом. Именно поэтому в статье не рассматриваются отрицательные деепричастные формы, а также сочетания имени с одной из деепричастных форм, образованной от глагола би- 'быть, существовать'. Здесь нужно сказать, что хотя тунгусо-маньчжуроведами накоплен большой фактический материал по деепричастным формам, ощущается необходимость дальнейшего целенаправленного накопления первичного языкового материала. Так, поскольку частотность появления в текстах отрицательных деепричастных форм небольшая по сравнению с положительными формами, то, видимо, следует разрабатывать методы, позволяющие прогнозировать нужную информацию. К таким, например, методам относится составление анкет на интересующую исследователя тематику и получение анкетного материала.

Некоторые вопросы, связанные с названной выше задачей, так или иначе уже были освещены в других статьях: так, например, аналитические конструкции с деепричастием в качестве второго компонента были рассмотрены в статьях Л.М. Бродской и Л.М. Гореловой⁶. Разумеется, мы не считаем степень изученности этих аналитических конструкций вполне удовлетворительной, но, по-видимому, на данном этапе их изучения она и не может быть иной.

Прежде чем непосредственно перейти к предмету исследования данной статьи, скажем несколько слов об источниках, которые были использованы для получения фактического материала (список этих источников помещен в конце статьи).

В работе используются материалы различных говоров эвенкийского языка (общеизвестно, что в составе литературного эвенкийского языка лежит тоже один из тунгусских говоров – полигусовский), опубликованные в работах тунгусоведов Г.М. Василевич, О.А. Константиновой, Е.П. Лебедевой, В.Д. Колесниковой. Сведение фактов различных говоров дает представление о деепричаст-

⁶ Бродская Л.М. Вспомогательные глаголы в структуре сложноподчиненного предложения в эвенкийском языке. – В кн.: Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977, с. 36–54; Горелова Л.М. О специфике аналитических форм эвенкийского глагола в функции зависимого сказуемого. – Там же, с. 55–75.

ной системе для всего языка в целом, понимаемого не как один основной говор, но и как совокупность говоров.

В статье были использованы также материалы Л.М. Бродской, записанные ею в пос. Хантайское Озеро Таймырского национального округа в 1965 г., и материалы М.Д. Симонова, записанные им в пос. Нижнеангарск БурАССР в 1975 г. Некоторые фразовые примеры взяты из материалов, записанных автором от эвенков пос. Хамакар Катангского района Иркутской области в 1968 г. Используются также материалы, полученные методом анкетирования в 1976 г.

Все эвенкийские фразы приводятся в том виде, в каком они взяты из источника. Цифра в скобках около каждого примера обозначает номер источника, из которого этот пример взят.

Перейдем теперь к теме исследования. Описание деепричастной системы эвенкийского языка начнем с рассмотрения деепричастных форм, относящихся к группе простых деепричастий. Эта группа насчитывает пять деепричастных форм.

Простые деепричастия

Деепричастие одновременное на -на, -нэ, -но. В существующей литературе деепричастия в форме на -на называются одновременными, поскольку основным их значением является значение зависимого действия, одновременного с главным. Кроме того, у этого деепричастия исследователями отмечаются значения предшествования, условия и причины⁷.

Мы уже неоднократно писали о том, что варьирование значения "одновременность или предшествование" у этого деепричастия зависит от вида глагольной основы⁸. Деепричастие, образованное от глагольной основы с видовым показателем -3я (длительного вида), всегда имеет значение одновременности с главным действием:

"Нэнэдэнэ, арсаран гускэвэ". (Мат.-65) - 'Идя, встретил волка'.

⁷ Константинова О.А. Деепричастия в эвенкийском языке; Константинова О.А., Лебедева Е.П. Эвенкийский язык. Учебное пособие для педагогических училищ. М.-Л., 1953; Константинова О.А. Эвенкийский язык. М.-Л., 1964.

⁸ Горелова Л.М. О категории вида в эвенкийском языке. - В кн.: Вопросы преподавания русского, родных языков и литератур в национальной школе. М., 1975, с. 74-75; Горелова Л.М. Категория вида в эвенкийском языке. Новосибирск, 1979.

"Бирали дэврадьянал, бу эендерилвэ олдоксолво ичэрэв".

(Конст.-53). - 'Плывя (на лодке) по реке, мы увидели плывущие доски'.

Деепричастие в форме на -на, образованное от глагольной основы недлительного вида чаще всего имеет значение предшествования.

"Асал асасина сулакйва, сукэчэнмэр ганал". (Конст.-64). -

'Женщины погнались за лисицей, захватив свой топор'

"Би, эниндукви пактырэвунмэн делум гана, агитки суручэв".

(Конст.-53). - 'Я, взяв потихоньку ружье своей матери, пошла к тайге'

Но эта же форма может выражать и значение одновременности в том случае, если глагольная основа, от которой деепричастие образовано, лексически выражает длительность:

"Тар-мал амаски бунэдутын эхикэкэн аят индерэ, элэвэн бултанал". (Мат.-75). - 'Там, где раньше люди умирали, сейчас хорошо живут, все промышленя'

"Би туксанал эмэрэв: бэюн хуклэдерэн". (Конст.-53). -

'Мы прибежали (бежа пришли): зверь лежит'

С отрицательными формами одновременного деепричастия дело обстоит сложнее. Во-первых, если положительная форма имеет видовой показатель -3я, то соответствующая отрицательная форма не содержит этого показателя: эмэдэнэ - 'приходя', энэ эмэрэ - 'не приходя', анадяна - 'толкая', энэ анадяра - 'не толкая'. Во-вторых, некоторые другие деепричастия, помимо одновременного, свою отрицательную форму образуют с помощью того же форманта -на. Так, например, образует свою отрицательную форму разновременное деепричастие в форме на -кса: эмэкэим - 'придя', энэ эмэрэ - 'не приходя'⁹.

Таким образом, одну и ту же отрицательную форму можно трактовать по-разному. Форму "энэ гара" во фразе "Энэ сукэвэ гара, агила экэл цэнэрэ". (Конст.-Леб.). - 'Не взяв топора, не ходи в тайгу' можно считать отрицательной формой разновременного деепричастия на -кса, либо отрицательной формой одновременного деепричастия на -на, образованного от основы недлительного вида, к тому же лексически не выражающей длительность.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы обнаруживают, что форма Энэ Т+рэ, где Т - глагольная основа, может иметь следующие значения.

1. Одновременности:

"Би, энэ хэлинчэрэ, мурэли ичулиденэ, цэнэдечэв". (Конст.-53). - 'Я шел, не торопясь, поглядывая кругом'.

⁹ Об отрицательных формах деепричастий см.: Константинова О.А. Эвенкийский язык, с. 223-227.

"Куңакан татыми, энэ амакан ханнуктара, хурупки одан". (Мат.-65). - 'Ребенок, выучившись, не спрашивая деда, стал уходить'.

2. Разновременности:

"Олдово ванэвэр икэрилэхэлвэ, энэл хилавундук гада, нуңартын амуттула ноданкитын гунденэл: "Эр хи олдор хуски га-кал". (Мат.-65). - 'Добытую рыбу с позвоночником, не сняв с вертела, они бросали в озеро говоря: "Забирай назад свою рыбу"'. "

3. Существуют также фразы, в которых значение отрицательной деепричастной формы можно трактовать и как значение одно-временности, и как значение разновременности (предшествования):

"Аминми, энэ эя-да тыллэ, секталва ануллан". (Конст.-53). - 'Брат ничего не понимая (ничего не поняв), стал раздвигать кусты'.

"Ева-да энэл хэнурэ, хуруңкитын". (Мат.-65). - 'Ни о чем не догадавшись (не догадываясь), они уходили'.

Как уже говорилось выше, имеющихся у нас примеров с отрицательными деепричастными формами, в частности с отрицательной формой деепричастия одновременного, явно недостаточно, а потому в данной статье мы ограничиваемся лишь постановкой проблемы, и в дальнейшем будем говорить только о положительных деепричастных формах.

Кроме уже отмеченных значений одновременности и предшествования, деепричастие на -на может передавать значение уступки: в этом случае оно присоединяет особую уступительную частицу -вэл:

"Шамасал нимңанивкил бисилбэ, нимнамэтчэвун, эдянэ-вэл, эксэсчэнэ, долчатчана". (Мат.-75). - 'Как шаманы сказки рассказывали, мы слушали, что-нибудь делали еще, таскали, слушали (букв. - хотя что-нибудь делая, таская, но и слушая)'.

"Биглэ тугэниду ичэтчэнэ-вэл, эңнэм варэ". (Мат.-75). - 'Я зимой хоть и вижу (букв. - видя), не убиваю'.

Редко, но все же могут выражать формы на -на значения условия и причины. Формы на -на с этими значениями приводятся в работе О.А. Константиновой "Эвенкийский язык"¹⁰.

Вот все те значения, которые имеет одновременное деепричастие, и которые нам известны в настоящий момент¹¹.

До сих пор мы рассматривали значения деепричастных форм в зависимости от вида, к которому они принадлежат, и от типа лексической характеристики глагольной основы, от которой они

¹⁰ Константинова О.А. Эвенкийский язык, с. 208.

¹¹ В данной статье мы не рассматриваем адвербиализацию деепричастий.

образуются. Но этого явно недостаточно при исследовании реальных значений деепричастных форм.

Рассмотрим теперь те относительные временные значения формы на -на, которые образуются у нее в результате реализации той или иной глагольной формы в качестве финитной, конечной.

Предшествование и одновременность, выражаемые формой на -на, теоретически могут осуществляться в плане прошедшего, настоящего и будущего, в зависимости от формы главного сказуемого.

Предшествование в прошедшем осуществляется тогда, когда конечное сказуемое выражается следующими формами:

1) на -ңки:

"Тамнал олгокира гарака́рэ, бу илаиңкивун гулув́унма".

(Конст.-64). - 'Собрав сухие ветки, мы собирались зажечь костер';

2) на -ча:

"Би, эниндуки пэктырэвунмэн делум гана, агитки суручэв".

(Конст.-53). - 'Я, взяв потихоньку ружье своей матери, пошла к тайге';

3) на -ра:

"Тэгэнэ дундэду, мэргэлден: Он мусудям дюлаи? Атырками ваден минэ каробалдулин". - (Мат.-65). - 'Сев на землю, подумал: "Как вернусь домой? Старуха убьет меня за ее коров"'. "

Предшествование в настоящем осуществляется тогда, когда конечное сказуемое выражено формой на -ңки (-вңки):

"Аят иннэ́хивэр эва-вал ванэл, нуңартын хокасипкил ванэвэр бултава". (Мат.-65). - 'Пока хорошо живут, добыв что-нибудь, они хвастаются добычей (букв. - тем, что добыли)'.

Одновременность в прошедшем выражается тогда, когда главное сказуемое выражено следующими формами:

1) на -ңки:

"Качикан, хаңиктадяна, гогодеңкин, писканадяңкин, халгар-дукив кикчаңкин". (Конст.-53). - 'Шенок, гоняясь за мной, лаял, фыркал (пыхтел) и кусал меня за ноги';

2) на -ча:

"Бэюмимнил, бирали дяврадянал, мотыва ичэчэтын". (Конст.-Леб.). - 'Охотники, плывя по реке, увидели лося'.

Финитная форма может быть образована и от основы длительного вида: "Нуңан, орондуви угучадяна, агили нэ́нэдечэв".

(Конст.-Леб.). - 'Он, сидя верхом на своем олене, ехал по тайге';

3) на -ра:

"Хуктыбденэ, амардуи долдыран эбэчи лиргидяриван". (Мат.-68). - 'Бежа, позади услышал, как медведь храпит'.

Одновременность в настоящем выражается тогда, когда конечное сказуемое имеет следующие формы:

Таблица 1

Время	Финитные формы	Предшествование	Одновременность		Условие	Причина	Уступка
		недлит. вид	длит. вид	не-длит. вид	длит. вид	недлит. вид	длит. вид
Настоящее	- <u>зара</u>		+	+			+
	- <u>ра</u>	+	+				+
	- <u>дяпки</u>		+				
	- <u>пки</u>	+	+				
Прошедшее	- <u>дяча</u>		+				
	- <u>ча</u>	+	+				
	- <u>дяңки</u>		+				
	- <u>ңки</u>	+					
Будущее	- <u>дя</u>	+					
	- <u>Этэ-Т+ра</u> (отрицат. форма)				+	+	

1) на -дяра (форма деепричастия может быть как длительной, так и недлительной):

"Бу, мамегилвэр ичэтмэтчэнэл, симуладярав". (Конст.-64). - 'Мы, глядя друг на друга, молчим'.

"Тар-мал амаски бээл бунэдутын эхикэкэн аят индерэ, элэ-вэн бултанал". (Мат.-65). - 'С тех пор люди хорошо живут, все промышленя'.

2) на -пки (финитная форма образована от глагольной основы длительного вида):

"Этэетчэнэ, думайдыпки: Эр эва атыркан гусэн каробалтыкин: "Туксакалду"? (Мат.-65). - 'Сторож думает: почему старуха сказала коровам, убегайте?'.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают всего лишь два примера с формой будущего времени в роли конечного сказуемого, причем в одном случае деепричастие имеет значение предшествования, а в другом - условия. Примеры:

"Хи бивук вадеденде, эя-да энэ-нун хи нитки-дэ хилбара, хи минэ баканан". (Мат.-65). - 'Ты будешь все время промышленя, никому ничего не сказав, что меня встретил' (предшествование в будущем).

"Асинденэ долбон дулйини, тэгэдэнэ үнэ, си этённи аят әрә". (Конст.-Леб.). - 'Ложась спать в полночь и вставая рано, ты будешь хорошо выспаться' (реальное условие в будущем).

Конечно, это не значит, что в случае употребления формы будущего времени в качестве главного сказуемого деепричастие может иметь только два эти значения - предшествования и условия в будущем, но это значит, что корреляция "деепричастие на -на: будущее время" - редка. Попутно заметим, что нами описаны, видимо, не все финитные формы, встречающиеся в конструкциях с одновременным деепричастием; причиной этому - ограниченное число текстов, на материале которых шла работа. Вполне возможно, что с введением в материал исследования новых текстов будут зарегистрированы и другие финитные формы. Это относится не только к конструкциям с одновременным деепричастием, но и к конструкциям с другими деепричастиями, изучающимися в данной статье.

Позиция одновременного деепричастия в предложении строго не фиксируется, хотя чаще всего оно употребляется препозитивно. Значения одновременного деепричастия в форме на -на в зависимости от вида глагольной основы и формы конечного сказуемого наглядно представлены в табл. 1.

Из таблицы видно, что деепричастие на -на имеет значение предшествования только тогда, когда соблюдаются два условия: во-первых, само деепричастие должно быть образовано от основы недлительного вида (отсутствие показателя - зя) и, во-вторых, финитная форма также должна быть образована от основы недлительного вида. Если же форма конечного сказуемого содер-

жит показатель длительного вида - зя, то отношения между главным сказуемым и зависимым, выраженным деепричастием на -на, и соответственно между главной и зависимой частями сложного предложения могут определяться как отношения одновременности.

Деепричастие разновременное на -кса, -ксэ, -ксо (его варианты по говорам: -каним, -кэним, -коним; -каим, -кэим, -коим; -ха, -хо, -хэ) в литературе называется разновременным, поскольку оно выражает зависимое действие, которое имеет значение предшествования по отношению к главному. В этом случае деепричастие образуется от глагольной основы недлительного вида:

"Тулиски лопорорэн болконим". (Мат.-65). - 'Наружу выскочил, заметив'.

"Нурговул нурви гакаим, ңэнэрэн гарпаткиттула иллан".

(Мат.-68). - 'Нурговуль, лук свой взяв, пошел на то место, где стреляют, остановился'.

"Тар бэе, турэн асин бикэним, эбгут турэсипки одан". (Мат.-65). - 'Тот человек, побыв без языка, потом снова стал разговаривать'.

Но это деепричастие может образовываться от глагольных основ длительного вида, и тогда оно имеет значение зависимого действия, одновременного с главным. В этом случае оно функционально сближается с деепричастием одновременным на -на:

"Дулин буга Кэдэрэиндён, сбиливи килдынчакса, дуннэлй гиркудякса Гарпаниткй ичэтчэрэн". - 'Кэдэрэинде средней земли, выскочив из дымного отверстия и идя по земле, смотрит на Гарпани'.

"Уркэн-куңакан бидексэ, бн-мал умун бугадүви сагданмув-
дзян?" - 'Как молодцу (будучи) до старости на одном мес-
те усидеть?'¹²

О.А. Константинова отмечает еще одно значение у деепричастия разновременного: непосредственное следование во времени за главным действием, совмещенное со значением следствия. Это значение реализуется тогда, когда деепричастие на -кса находится в постпозиции:

"Би бурум, мўвэ уңкукэим". (Конст.-64). - 'Я упал, расплескав воду'.

"Хэгдымэмэ асикта бурурэн, дюканмэ тырэксэ". (Конст.-53). - 'Огромная ель упала, придавив юрточку'.

Рассмотрим теперь, в соотношении с какими финитными формами реализуются значения разновременного деепричастия в различных временных планах.

Предшествование в прошедшем имеет место тогда, когда конечное сказуемое выражено следующими формами:

1) на -ра (и это наиболее частотная корреляция):

"Нюрви гакаим, үнэрэ гарпаткиттула, илла". - 'Луки свои взяв, пошли на место побоища, остановились';

2) на -ча:

"Нуңан, дюлави эмэксэ, ңинакинми уличэн". (Конст.-Либ.). - 'Он, придя домой, собаку накормил';

3) на -ңки:

"Эвгилэнчиги истарэ оңкивун, бэелбун, утэчил оксал". (Мат.-75). - 'Здесь-то мы станы делали, мужья наши, детные сделавшись'.

"Явкасал нулгисинкивун, утэлбэрнун угивуксал илатал орор-
ду". (Мат.-75). - 'Пешие кочевали, детей по трое своих на оленей посадив'.

Среди многочисленных соотношений "кса : ча" встретился только один пример, когда форма на -ча образована от основы длительного вида:

"Бэе илитчачан, ңалэлви угириксэ". (Конст.-53). - 'Человек стоял, подняв руки'.

Предшествование в настоящем имеет место в том случае, когда конечное сказуемое выражено следующими формами:

1) на -вки:

"Этыркэн оканам аят хавалдыран, планми выполнянки". (Мат.-

65). - 'Стариком став, хорошо работает, план выполняет';

2) на -дяра:

"Хэгдынча бэңилин элаха эмэкэнимил алатчара эмеривэтын". (Мат.-65). - 'Люди Хэгдынчи (в это время придя), ждут их приход'.

Значение одновременности реализуется только в том случае, когда имеет место корреляция "дякса : дяра" (где дяра - показатель настоящего времени индикатива) или же "дякса : дя" (где -дя - показатель будущего времени индикатива)¹³.

И, наконец, нерасчлененное значение следования и следствия предполагает, во-первых, постпозицию деепричастия, а, во-вторых, форму на -ра в качестве конечного сказуемого:

"Бэеткэн свечаэ нуллан, дю дован ңэриликсэ". (Конст.-53). -

'Мальчик зажег свечу, осветив внутренность юрты'.

Значения разновременного деепричастия в форме на -кса в зависимости от вида и форм конечного сказуемого даны в табл. 2.

Таблица 2

Время	Финитные формы	Предшествование	Одновременность		Следование, следствие
		недлит. вид	длит. вид		недлит. вид, постпозиция деепричастия
Настоящее	-вки	+		+	
	-дяра	+			
Прошедшее	-ра	+			+
	-ча	+			
	-дяча	+			
	-ңки	+			
Будущее	-дя			+	

Следовательно, для конструкций с разновременным деепричастием характерна такая ситуация, когда форма конечного сказуемого образуется от глагольной основы неопределенного вида. Возможны и другие случаи, но они редки (во всех материалах, рассмотренных во время подготовки этой статьи, встретился лишь один пример, когда финитная форма образована от основы длительного вида).

¹³ См. приведенные выше примеры Г.М. Василевич, с. 11-12.

¹² Примеры взяты из работы Г.М. Василевич "Исторический фольклор эвенков" (М.-Л., 1966).

Деепричастие последовательного действия на -ммен. В тунгусоведческой литературе у деепричастия в форме на -ммен (варианты по говорам: -мнен, -мнин, -ммин) отмечается два значения: непосредственного следования за главным действием, а также непосредственного предшествования ему. В последнем случае зависимое действие, выраженное этим деепричастием, на некотором участке может совпадать с главным.

Анализ материалов показал, что значения предшествования/следования реализуются в зависимости от положения этого деепричастия в предложении: в препозиции – предшествование, в постпозиции – следование. Нужно сказать, что значение следования наблюдается у этого деепричастия значительно чаще, чем предшествования.

Следование может осуществляться в трех временных планах: прошедшем, настоящем и будущем.

Следование в прошедшем имеет место тогда, когда конечное сказуемое выражено следующими формами:

1) на -нқи:

"Таду иргэвэн солиңкивун, тэкэчимнер имуксэду". – 'Там мозг мешали и хлебали в жиру'.

Э! Агиксэлду утэчил одявуңкин, эмнер доңоторо-вол, доңоторо-вол". (Мат.-75). – 'Э! Прямо в тайге детей рожали и не мерзли, не мерзли';

2) на -ча:

"Ака хорокива вачан, мучуммен". (Конст.-53). – 'Дядя глухаря убил и вернулся'.

Форма на -ча может быть образована и от глагольной основы длительного вида:

"Би иланасчэчэв, депимнен". (Мат.-75). – 'Я пошла разжигать и стала есть';

3) на -ра:

"Бу анарав дйвва, дяврасинимнесал". (Конст.-64). – 'Мы столкнули лодку и поплыли по реке'.

Следование в настоящем осуществляется тогда, когда конечное сказуемое выражается формой на -вки, причем и форма конечного сказуемого, и зависимого включают показатель длительности -зя:

"Качикнами манапи калакачандула дыдевки, таду уркудяммен". (Конст.-53). – 'Шенок лапу в котелок сует и шарит (мешает) там'.

Следование в будущем может иметь место в тех случаях, когда конечное сказуемое выражается (всеми тремя) формами будущего времени индикатива:

1) на -дя:

"Эденты сурукамирэ, тыматнэ адемнен". (Мат.-75). – 'Наверное, не уйдет, утром спать будет';

2) на -дял:

"Икатвэ солосчэлдэв, сундулэ эмэмнер". (Мат.-75). – 'По Икату поднимемся и к вам придем';

3) на -дяңа:

"Окин-ка Като эминдиңэн, дюгувкэнимнен". (Мат.-75). – '(А) Когда Катя придет, (она) заставит перекочевать'.

Значение предшествования у деепричастия на -ммен встретилось нам в тех фразах, когда конечное сказуемое было выражено следующими формами:

1) на -ра:

"Бэе таре, орон иелдукин дявамнён, элгэрэн". (Конст.-64). – 'Мужчина, схватив оленя за рога, привел его';

2) на -дяңа:

"Тэли эситкэн уйдиңэтын, тьми окинмал, дявамнер, нян уйдиңэтын тэлдэкэдук". (Мат.-75). – 'Сразу сейчас привяжут, (а) завтра или когда-нибудь поймав, опять привяжут, там, где раньше олень был привязан'.

Значения деепричастия последовательного в форме на -ммен в зависимости от положения в предложении и от формы конечного сказуемого наглядно показаны в табл. 3.

Таблица 3

Время	Финитные формы	Предшествование (препозиция)	Следование	(постпозиция)
		недлит. вид	длит. вид	недлит. вид
Прошедшее	<u>-нқи</u>			+
	<u>-ча</u>			+
	<u>-дяча</u>			+
	<u>-ра</u>	+		+
Настоящее	<u>-дявки</u>		+	
Будущее	<u>-де</u>		+	
	<u>-дял</u>			+
	<u>-дяңа</u>	+		+

Деепричастие попутного действия на -мнак, -мнэк, -мнок. Деепричастие в форме на -мнак чаще всего обнаруживает два значения: одновременность с главным действием и следование. Обозначая одновременное зависимое действие, деепричастие на -мнак функционально сближается с одновременным деепричастием

на -на. О.А. Константинова и Е.П. Лебедева отмечают у этого деепричастия еще и значение цели¹⁴.

Материалы М.Д. Симонова обнаруживают у этого деепричастия значение предшествования:

"Но, эмэмдэк, туксасчав". - 'Ну, как пришли-мы, победил я'.

"Тымагнэ тэгэмдэк, эмэкэлду*": озорби увэй". (Мат.-75). -

'Утром встали (букв. - после того как встали), пришли: оленей своих нет'.

М.Д. Симонов отмечает, что в баунтовском говоре форма императива на -калду имеет значение действия, завершившегося непосредственно к моменту речи, и результат его противоположен ожидаемому.

Значение одновременности реализуется в том случае, если главное сказуемое выражается следующими формами:

1) на -ра:

"Куңакар, эвимнэкил, молва тавра". (Конст.-Леб.). - 'Дети, играя, собирали дрова';

2) на -ча, причем эта форма может образовываться как от глагольной основы длительного вида, так и недлительного:

"Би, удякитва дутэмнэк, бираява ичэм". (Конст.-53). - 'Я, пересекая дорогу, увидел речку'.

"Бу, хуримнэкил бирала, гэлэктэдечэвун эпчэвэ авсаканмэ". (Конст.-64). - 'Ныряя в речку, мы искали затопленный ящик'.

Деепричастие в форме на -мнак со значением следования всегда находится в постпозиции; одновременность же проявляется у этого деепричастия в препозиции.

Значение следования реализуется в том случае, когда главное сказуемое выражено формой на -ра:

"Бу эмерэв, тоговор илалимнак". (Конст.-64). - 'Мы пришли и сразу же стали разжигать костер'.

Среди рассмотренных нами примеров не нашлось ни одного, где это деепричастие было бы образовано от глагольной основы длительного вида.

Значения деепричастия в форме на -мнак в зависимости от позиции в предложении и от формы конечного сказуемого наглядно могут быть представлены в табл. 4.

Условно-временное деепричастие на -ми. Поскольку этому деепричастию посвящена наша отдельная подробная статья, в которой были рассмотрены значения формы на -ми в зависимости, во-первых, от вида производящей глагольной основы и,

Финитные формы		Предшествование (препозиция)	Одновременность (препозиция)	Следование (постпозиция)	Цель
Прошедшее время	<u>-ча</u>	+			
	<u>-дяча</u>		+		
	<u>-ра</u>		+	+	+
Повелительное наклонение	<u>-калду</u>	+			

во-вторых, от форм конечного сказуемого¹⁵, то в данной статье мы ограничимся таблицей, которая сводит все эти данные воедино, сделав предварительно лишь несколько замечаний.

1. Значение причины у деепричастия на -ми реализуется (независимо от формы конечного сказуемого) в том случае, когда зависимое сказуемое представляет собой сочетание существительного либо прилагательного с формой бими (деепричастие на -ми от глагола би- 'быть, существовать').

2. Значение уступки реализуется только в том случае, когда деепричастие на -ми присоединяет какую-нибудь уступительную частицу: -да, -кат, -вал/-мал.

3. Это деепричастие может иметь значения, которые можно охарактеризовать как:

а) значение, в котором нейтрализуется различие между отношениями времени и условия (обозначим это как Вр. = Ус.);

б) значение, в котором нейтрализуется различие между отношениями времени и причины (обозначим это как Вр. = Пр.).

4. У деепричастия на -ми есть еще одно значение, которое сопоставимо со значением инфинитива в индоевропейских языках и, в частности, в русском. Поскольку это значение реализуется в основном в простом предложении (а в этой статье деепричастия интересуют нас как выразители второго зависимого действия), то в табл. 5 инфинитивные значения не приводятся.

Из таблицы видно, что формы конечного сказуемого со значением настоящего представлены только формой на -вки. При этом примеры, содержащие корреляцию "ми : вки" очень немногочисленны, и деепричастие в них имеет значение, нейтральное по отношению ко времени и условию.

¹⁴ Константинова О.А., Лебедева Е.П. Эвенкийский язык, с. 184.

¹⁵ Горелова Л.М. Условно-временные формы в эвенкийском языке. - В кн.: Языки и народы Сибири. Новосибирск, 1979.

Таблица 5

Финитные формы	Пред- шество- вание	Одно- времен- ность	Усло- вие	Вр.= Ус.	Вр.= Пр.	Причина	Уступ- ка
	недлит. вид	длит. вид	недлит. вид				
Будущее время	- <u>дя</u>		+				+
	- <u>дял</u>				+		
	- <u>дяца</u>		+				
Настоящее время	- <u>вки</u>			+			
Прошедшее время	- <u>ра</u>	+	+			+	
	- <u>ча</u>	+	+			+	
	- <u>нки</u>		+	+		+	
Повелительное наклонение	- <u>на</u>			+			
	- <u>гин</u>		+				
	- <u>калгу</u>		+				
	- <u>кал</u>		+				
Сослагательное наклонение	- <u>мча</u>		+				+

Большинство же значений деепричастия на -ми реализуется в плане прошедшего и будущего (формы повелительного наклонения в качестве конечного сказуемого также ориентируют деепричастие на -ми в план будущего).

Итак, заканчивая обзор простых деепричастий, в котором исследовались их значения в зависимости от вида, позиции в предложении и форм конечного сказуемого, можно сказать, что несмотря на свою немногочисленность по сравнению с деепричастиями сложными, простые деепричастия выражают целую гамму отношений между зависимыми и главными сказуемыми. Это происходит потому, что простые деепричастия полисемантичны, обычно они выражают от двух (деепричастие последовательное в форме на -ммен) до семи значений (условно-временное деепричастие в форме на -ми).

Семантический диапазон простых деепричастий наглядно можно представить в табл. 6.

Таблица 6

Формы дее- причастий	Предшест- вование	Одновре- менность	Следо- вание ¹⁶	Вр.= Ус.	Ус- ло- вие	Ус.= Пр.	При- чи- на	Цель	Ус- туп- ка
- <u>кса</u>	заштрихован		+ след- ствие						
- <u>ммен</u>		заштрихован							
- <u>на</u>		заштрихован			заштрихован		заштрихован		заштрихован
- <u>мнак</u>		заштрихован	заштрихован						
- <u>ми</u>	заштрихован	заштрихован		заштрихован	заштрихован	заштрихован	заштрихован		заштрихован

Примечание. Клетки, заштрихованные полностью, означают, что это основное значение деепричастия, клетки, заштрихованные не полностью, означают, что это значение у какого-либо деепричастия выражается сравнительно не часто. Особого комментария требует схематическое изображение значений деепричастия на -ммен: выражая предшествование, эта форма захватывает область одновременности; выражая следование, эта форма может обозначать действие, которое некоторое время совершалось одновременно с главным.

¹⁶ Как уже говорилось, в постпозиции разновременное деепричастие на -кса может совмещать значения следования во времени и следствия.

Деепричастие предшествующего действия на -ча-ла, -чэлэ, -чоло.

У деепричастия предшествующего действия в форме на -чала в литературе отмечается только одно значение – предшествование по отношению к главному действию.

Проанализировав все имеющиеся в нашем распоряжении материалы, мы пришли к выводу, что, во-первых, это деепричастие образуется только от основ неидеального вида, во-вторых, оно всегда находится в препозиции по отношению к главному сказуемому, в-третьих, почти все формы, встречающиеся в качестве финитных, относятся к плану прошедшего. Исключением является форма отдаленного будущего повелительного наклонения:

"Дерумкитчэлэтын, дюдыва хававэ мэрын оннатын". (Мат.-75). – 'Отдохнув, пусть домашнюю работу сами делают'.

Значение предшествования в прошедшем реализуется в том случае, когда конечное сказуемое выражено следующими формами, представленными в табл. 7:

Таблица 7

Финитные формы		Предшествование в односубъектной конструкции	Предшествование в разнوسубъектной конструкции
Прошедшее время	<u>-ра</u>	+	+
	<u>-ча</u>	+	+
	<u>-дяча</u>	+	+
	<u>-дяңки</u>	+	
Повелительное наклонение	<u>-ңна</u>	+	

1) на -ра:

"Токтонки гиркин хурусэлэн даяви хаңарван липкилдэн". (Мат.-65). – 'После того как она ушла, дятел дыру законопатил' (субъекты зависимой и главной частей предложения разные).

"Куңакар, амуттула элбэскэтнэсинчэлэвр, бэюимнилвэ ичэксэл, дэлдулавэр туксара". (Конст.-Леб). – 'Дети, прежде чем охотников увидели, в свои дома побежали, отправились на озеро купаться (зависимая и главная части предложения имеют общий субъект куңакар 'дети')';

2) на -ча, которая может быть образована как от длительной глагольной основы, так и неидеальной:

"Улкат куңакар суручэлэтын, Сережа девкитту эмэммучэн". (Конст.-53). – 'После того как все дети ушли, Сережа остался в столовой' (субъекты зависимой и главной частей разные).

"Байкитва исчэлэвр, суручэвун гиркивр дюлан". (Конст.-64). – 'После того как приехали в Байкит, мы пошли в дом своего друга' (зависимая и главная части предложения имеют один субъект, который выражен в главной части лично-предикативным аффиксом конечной формы -вун – 'мы', а в зависимой – возвратно-притяжательным аффиксом множественного числа -вр);

3) на -ңки:

"Би, эдук суручэлэви, горово нуңанман денчадяңкив". (Конст.-Леб.). – 'После своего отъезда я долго его вспоминал (букв. – После того как я уехал, я долго его вспоминал)' (субъект главной и зависимой частей один и тот же, в главной части он выражен лично-предикативным аффиксом 1 лица единственного числа -в, а в зависимой – возвратным аффиксом единственного числа -ви).

Деепричастие непосредственно-предшествующее на -ктава, -ктэвэ, -ктово

О.А. Константинова в работе "Эвенкийский язык" отмечает деепричастие в форме на -ктава со значением непосредственного предшествования¹⁷. По-видимому, это деепричастие встречается довольно редко, поскольку в других работах по эвенкийскому языку оно не упоминается.

Примеры, приведенные О.А. Константиновой, показывают, что свое значение это деепричастие реализует в плане прошедшего; конечное сказуемое выражено формой на -ра (табл. 8). Это относится как к односубъектным конструкциям, так и к разносубъектным:

Таблица 8

Финитные формы	Непосредственное предшествование (односубъектная конструкция)	Непосредственное предшествование (разносубъектная конструкция)
<u>-ра</u>	+	+

¹⁷ Константинова О.А. Эвенкийский язык, с. 218-219.

"Долбо асиктаван Оринчу, Чапчу дюлан ирэн". - 'Как только Оринчу лег спать, Чапчу вошел в его чум' (разносубъектная конструкция).

"Коңатпи мунгэктэви гулэлэи сурумэлчэм". (Конст.-64). - 'Как только я засмолил лодку, сразу же ушел домой' (односубъектная конструкция).

Деепричастие параллельного действия в форме на -наси, -нэси, -нрси. Так называемое деепричастие параллельного действия в форме на -наси обозначает зависимое действие, протекающее одновременно с главным. Оно функционирует как в односубъектных конструкциях, присоединяя возвратные (субъектные) аффиксы, так и в разносубъектных, присоединяя лично-предикативные аффиксы. Это деепричастие образуется от глагольных основ длительного и недлительного видов, при этом вид не меняет семантики деепричастия.

Основная позиция формы на -наси - это препозиция по отношению к главному сказуемому.

Исследователи уже отмечали, что в качестве конечных форм, коррелирующих с этим деепричастием, выступают формы прошедшего времени: на -ча, -нчи, - реже форма будущего времени на -дяча. Нам встретилось несколько примеров с формой настоящего времени на -вки в функции конечного сказуемого.

План прошедшего это деепричастие реализует в том случае, если конечное сказуемое выражается следующими формами; отраженными в табл. 9:

1) на -нчи, причем эта форма может быть образована от основ длительного и недлительного видов:

"Аят инуэхивэр утэлэ Некондагон нуңартын хитэмэнэт некэңкитын". (Мат.-65). - 'Раньше, пока жители Неконды хорошо жили, они плохо поступали'.

"Бэел олломидяңаситын бу орорвор этэетчэңкивун". (Конст.-64). - 'В то время, когда мужчины рыбачили, мы оленей караулили'.

2) на -ча; эта форма может образовываться как от основы длительного так и недлительного видов:

"Отдел культурадуг гэлэчэн, таду биңэсиви". (Мат.-75). - 'Из отдела культуры просил (он) (что-то), когда там был (он же)'.

"Дюгәндү, бу акйиннунми эду дэрумкйдеңэсивэр, колкосниклва бэлэдечэвун". (Кол.-66). - 'Летом, когда мы с братом здесь отдыхали, мы помогали колхозникам'.

3) на -ра:

"Тар ахи индеңэхин улгусэнэн: Би таргасин инкиттук эмэхикэним, таргасин эрупчу улгурва исэсэв". (Мат.-65). - 'Та женщина пока жила, рассказывала: Я от такой жизни приди (такое плохое рассказанное) видела'.

Финитные формы		Одновременность			
		в односубъектных конструкциях		в разносубъектных конструкциях	
		длит. вид	недлит. вид	длит. вид	недлит. вид
Прошедшее время	<u>-(дя)н ки</u>	+	+	+	+
	<u>-(дя)ча</u>	+	+	+	+
	<u>-ра</u>	+			+
Наст. время	<u>-деркэ</u>			+	+
Настоящее время	<u>-вки</u>			+	+

"Энинми, бы дыгинделэкэ аннайчэ биңэсив, мэкчэрэрэн". (Кол.-66). - 'Моя мать умерла, когда мне было 14 лет'.

4) на -ркэ (форма наклонения вероятности)¹⁸:

"Урьэ, армидук эмэңэсим, Баргидаду бидеркэт". (Мат.-75). - 'Давно, когда я из армии пришел, мы на той стороне жили'.

"Ниду, Нирундаду, Шубин хавалдяңасин, утэрудеркэн". (Мат.-75). - 'В этой самой, в Нирунде, когда Шубин работал, она родила'.

План настоящего это деепричастие реализует тогда, когда конечное сказуемое выражается формой на -вки/-пки:

"Аят инуэхивэр, эва-вал ванэл, нуңартын хокаспикил ванэ-вэр бултава". (Мат.-65). - 'Когда хорошо живут, что-нибудь добыть, они хвастаются убитой добычей'.

"Тыкин би бэюмидеңэсив, аминми дюдуви эмэңмувки". (Конст.-Либ.). - 'Теперь, когда я охочусь, отец (мой) дома остается'.

¹⁸ форма на -рка - это форма так называемого наклонения вероятности. Оно обозначает действие, которое могло совершиться до момента речи, т.е. прошедшее с модальностью вероятности.

Деепричастие ограничительного действия на -нма, -нмэ, -нмо. Так называемое ограничительное деепричастие в одних работах отмечается как форма на -нма¹⁹, а в других – на -дянма(-денмэ, -дёнмо)²⁰. Дело в том, что это деепричастие чаще всего образуется от глагольной основы длительного вида. Случаи, когда форма на -нма образована от глагольной основы недлительного вида, редки, и значение деепричастия в этих случаях не меняется:

"Орорвор онинмавун, асаткар тэвлидечатын". (Конст.-64). –

'Пока мы искали оленей, девочки собирали ягоды'.

Характерной чертой этого деепричастия, которую отмечают исследователи, является то, что формы на -нма употребляются только в разносубъектных конструкциях и, таким образом, присоединяют только личные аффиксы.

Значение ограниченной одновременности с главным действием форма на -нма реализует в плане прошедшего и будущего (табл. 10).

Таблица 10

Финитные формы		Ограниченная одновременность	
		длит. вид	недлит. вид
Будущее время	<u>-дя(ра)</u>	+	
	<u>-дяңа</u>	+	
Прошедшее время	<u>-ра</u>	+	
	<u>-ча</u>	+	
	<u>-дяча</u>	+	+
Повелительное наклонение	<u>-кэл</u>	+	
	<u>-кэлү</u>		

План будущего возникает тогда, когда конечное сказуемое выражается следующими формами:

1) на -дя:

"Нуңан уллиденмэн, бу тэвлэсчэрэв". (Конст.-53). – 'Пока она шьет, мы пойдем за ягодами';

¹⁹ Константинова О.А. Эвенкийский язык, с. 217.

²⁰ Константинова О.А. Деепричастия в эвенкийском языке, с. 110; Константинова О.А., Лебедева Е.П. Эвенкийский язык, с. 118.

2) на -дяңа:

"Би тандянмав, экинми сунэ улиденэн". (Конст.-64). – 'Пока я читаю, сестра вас накормит'.

План прошедшего возникает тогда, когда конечное сказуемое выражается следующими формами:

1) на -ра:

"Нуңартын онидянмав орорвор, бу дёвар нисоллэв". (Конст.-64). – 'Пока они искали оленей, мы сняли свой чум и сложили вещи';

2) на -ча: эта форма может быть образована как от основы длительного, так и недлительного видов:

"Си тандянмас, нуңан дукучан". (Конст.-53). – 'Пока ты читал, он написал'.

"Бу депнеденмэвун, нуңан орорвор этэетчэчэн". (Конст.-Леб.). – 'Пока мы ходили есть, он оленей караулил'.

Конечное действие часто выражается формами повелительного наклонения, при этом зависимое действие, выраженное деепричастием, мыслится в плане настоящего:

"Би еду тэгэтчэнмэв, си мулэкэл!". (Конст.-53). – 'Пока я сижу здесь, ты сходи за водой!'

"Одянмав, су мулэкэллу мұе". (Конст.-64). – 'Пока я шью, принесите воды'.

Деепричастие последующего действия на -дала, -дэлэ, -доло. Так называемое деепричастие последующего действия в форме на -дала выражает зависимое действие, которое следует за главным действием. Эта семантика реализуется в плане прошедшего, настоящего и будущего (табл. 11).

План прошедшего возникает тогда, когда конечное сказуемое выражено следующими формами:

1) на -ңки; причем эта форма может образовываться от основ длительного и недлительного видов:

"Энинмун, бу хэгдыл одалавун, эмукин хавалдяңкин". Конст.-64). – 'Наша мать, до того как мы большими стали, одна работала';

2) на -ча; причем эта форма может образовываться от основ длительного и недлительного видов:

"Би эмэдечэв сундулэ, гороттула сурудэлэв". (Кон.-66). – 'Я приходил к вам, до того как вы уехали в город'.

"Удячавундак, имандая увэй одалан". (Мат.-75). – 'По следу шли, пока снега не стало';

3) на -ра:

"Бу сурурэв, книгави сокордолос". (Конст.-64). – 'Мы ушли до того, как ты потерял свою книгу'.

"Би дэрүм, аран иличилдалави". (Конст.-64). – 'Я устал до то-

Таблица 11

Финитные формы		Следование в одно- субъектных конструк- циях	Следование в разно- субъектных конструк- циях
Прошедшее время	- <u>(дя)ңки</u>		+
	- <u>(дя)ча</u>	+	+
	- <u>ра</u>	+	+
Настоя- щее вре- мя	- <u>дяра</u>	+	
Будущее время	- <u>дя (ра)</u>		+
	- <u>дяңа</u>		+
Сослаг. накл.	- <u>рка</u>	+	+

го, что едва держался на ногах'.

План настоящего возникает тогда, когда конечное сказуемое выражено формой на -дяра:

"Волко хуюкэкун одалави туксатчаран, туксатчаран". (Конст.-64). - 'Волк бежит, бежит, пока не становится маленьким'.

План будущего возникает тогда, когда конечное сказуемое выражается следующими формами:

1) на -дя(ра):

"Бираду Полпороду бу бодосиндярав, покос манабдалан". (Кол.-66). - 'На реке Полпоро мы будем жить, пока покос не кончится';

2) на -дяңа:

"Си урэвэ туктыдеңэс, оелин ңэнедеңэс, урэ муданин одалан". (Конст.-53). - 'Ты на гору залезешь, по вершине пойдешь, пока не станет конец горы'.

Как видно из примеров, деепричастие в форме на -дала может функционировать как в односубъектных, так и в разносубъектных конструкциях. Из всех рассмотренных примеров ни разу не встретилось это деепричастие, образованное от основы длительного вида. Позиция этого деепричастия в предложении строго не фиксируется: оно может находиться и в препозиции, и в постпозиции.

Деепричастие предела на -кнан, -кнэн, -кнон. Так называемое деепричастие предела имеет значение следствия, являюще-

гося результатом главного действия, а также значение предела, которого достигает главное действие. О.А. Константинова пишет, что значение этого деепричастия близко по значению деепричастия последующему на -дала и в ряде случаев может быть им заменено²¹. Видимо, это происходит потому, что деепричастие на -кнан, выражая следствие из главного действия, во времени всегда следует за главным действием; в свою очередь, деепричастие на -дала, обозначая следование во времени за главным действием, может сочетать это значение со значением следствия. Кроме того, как одно, так и другое деепричастие имеют значение предела.

Деепричастие на -кнан обычно образуется от основы недлительного вида. Нам встретился только один пример, когда это деепричастие было образовано от основы длительного вида, причем семантика деепричастия не менялась:

"Некундуви эрегэчэн нян туксадысикнанин". (Мат.-75). -

'Сестре опять наговор сделал (он), так что она стала убежать'.

Позиция деепричастия на -кнан строго не фиксирована: оно может находиться как в препозиции, так и в постпозиции; однако постпозиция более характерна.

Свое значение деепричастие на -кнан реализует в двух временных планах: прошедшем и будущем (табл. 12). План прошедшего возникает тогда, когда конечное сказуемое выражается следующими формами:

1) на -ча; эта форма может быть длительной и недлительной:

"Пёючән хутэлин сонодечётын, ёсалтын хуларгакнантин".

(Кол.-66). - 'Дети сороги так плакали, что глаза их покраснели'.

"Умнэ, аминдулави ңэнеденэ, амутту чипкарвэ дерукнэнми, пэктыручэв". (Конст.-53). - 'Однажды, идя к отцу, на озере я стрелял уток до того, что устал';

2) на -ра:

"Би сёт дивэлим, хэңкэмэтье экнэнми гүнэ". (Кол.-66). -

'Я так сильно удивился, что не смог вымолвить ни слова'.

План будущего возникает тогда, когда конечное сказуемое выражается следующими формами:

1) на -дя(ра):

"Бу эвипгэлдерэв сунэ, ахсакнансун". (Конст.-64). - 'Мы будем шутить над вами, пока вы не рассердитесь';

2) на -дяңа:

"Амака хуркэкэнмэ гүллэн: хоктовёс сувулвэн турэтчедеңэ-тын, дёвйи исикнанин". (Конст.-64). - 'Старик стал говорить

²¹ Константинова О.А. Эвенкийский язык, с. 217.

Таблица 12

Финитные формы		Следствие в одно- субъектной конструк- ции		Следствие в разно- субъектной конструк- ции	
		длит. вид	недлит. вид	длит. вид	недлит. вид
Прошед- шее вре- мя	-(дя)ча		+	+	+
	-ра		+		+
Будущее время	-дя(ра)				+
	-заңа				+
Повелит. накл.	-кэллү				+

мальчику: всю дорогу будут слышаться слова, пока не дойдешь до дому';

3) формой повелительного наклонения:

"Тэгэминдин, тулиски юми, хуркэкэн долдыран атырками гундеривэ каробалтыкин: Эхи элэху туксакаллу экнэнин боконо". (Мат.-65). - 'Наутро, выйдя из чума, парень услышал, как старуха говорит своим коровам: "Сегодня вы так убегайте, чтобы он не догнал"'.

Условно-временное деепричастие на -рак, -рэк, -рок. Формы на -рак функционируют только в разнотелесных конструкциях и, следовательно, могут присоединять только личные аффиксы. Это свойство уже не раз отмечалось исследователями эвенкийского языка²². Последнее обстоятельство наряду со свойством полисемантической выделяет форму на -рак среди других сложных (притяжательных) деепричастий. В статье "Условно-временные формы в эвенкийском языке" мы попытались показать, что условно-временное деепричастие на -рак может выражать временные (одновременные и разновременные), условные, причинные, уступительные отношения между зависимой и главной частями сложного предложения, обнаруживая полные семантические

²² Василевич Г.М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. М.-Л., 1940, с. 112; Константинова О.А. Деепричастие в эвенкийском языке, с. 108; Она же. Эвенкийский язык, с. 220-221; Константинова О.А., Лебедева Е.П. Эвенкийский язык, с. 186.

кие параллели с простым условно-временным деепричастием на -ми²³

Хотя уже говорилось о зависимости значений этого деепричастия от вида глагольной основы, от формы конечного сказуемого, а также от лексического наполнения предложения, и эта зависимость была показана Л.М. Бродской в ее статье "Вспомогательные глаголы в структуре сложноподчиненного предложения в эвенкийском языке"²⁴, попробуем рассмотреть эти явления более подробно и на другом материале.

Большое значение для семантики форм на -рак имеет категория вида, представляющая собой в эвенкийском языке оппозицию "длительный вид : недлительный вид".

Деепричастие на -рак имеет значение одновременности только в том случае, если оно образовано от основы длительного вида. Нам встретилось всего два примера, в которых форма на -рак образована от основы недлительного вида, но тем не менее имеет значение одновременности. Приведем эти примеры:

"Дявиңиллакив, эңнэс мўлэрэ, умдāv". (Конст.-64). - 'Когда я делал лодку, ты не приносила (воды) мне напиться'.
"Бирадū олокотми аямама; дюгаракин, уруңиңэм ологилдāвй, диктэлэ депдэй". (Конст.-64). - 'В реке купаться очень хорошо; когда наступает лето, я рада купаться, собирать ягоды'.

В этих примерах оба деепричастия дявиңиллакив - 'когда делал лодку (я)' и дюгаракин - 'когда наступает лето' выражают зависимые действия, одновременные с главным, и вместе с тем они образованы от основ недлительного вида. Возможно, что семантика одновременности вызывается в деепричастной форме показателем -на в финитной форме, коррелирующей с деепричастием. Об этом показателе стоит говорить особо. Традиционно его считают показателем обычного вида, но вместе с тем его поведение не является характерным для аспектологического показателя. Так, В.А. Горцевская считает, что "вид общности действия характеризует не столько оттенок действия, сколько отношение говорящего к действию, и, следовательно, ближе стоит к категории наклонения"²⁵. Так ли это? Еще не совсем ясно, но особое положение форманта -на среди других аспектологических показателей очевидно.

²³ Горелова Л.М. Условно-временные формы в эвенкийском языке.

²⁴ Бродская Л.М. Вспомогательные глаголы в структуре сложноподчиненного предложения в эвенкийском языке. - В кн.: Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977, с. 47-49.

²⁵ Горцевская В.А. Формы отрицания в эвенкийском языке. Л., 1941, с. 42.

Выражая все остальные значения, форма на -рак употребляется от основы недлительного вида. Хотя и здесь есть исключения. Так, в условном значении это деепричастие может образовываться от основы длительного вида:

"Нуңартын аят хавалдырактын, нуңардутын премиява будеңзэтын". (Конст.-Леб.). - 'Если они будут хорошо работать, им дадут премию'.

"Эмэбдерэкис уллэвэ, хаван эсикэкэн улэдем, хаван иридем". (Конст.-64). - 'Если ты принесешь мясо, я часть сварю сейчас же, а часть пожарю'.

Позиция этого деепричастия в предложении строго не фиксирована. Выражая одновременность, форма на -рак чаще всего находится перед главным сказуемым, для остальных значений этого деепричастия возможна как препозиция, так и постпозиция.

Рассмотрим теперь различные корреляции формы на -рак с финитными формами, характерные для разных семантических областей этого деепричастия.

Значение одновременности у формы на -рак чаще всего реализуется в плане прошедшего и настоящего, реже - будущего.

План прошедшего возникает тогда, когда конечное сказуемое выражено следующими формами:

1) на -ча; причем эта форма может быть длительного и недлительного видов:

"Нуңан аялчан, буркилэдерэкив". (Мат.-75). - 'Она поправилась, когда я болела'.

"Тыманне унемеме тыргадыракин, неңдэлэду би нулгидечэв", (Конст.-64). - 'Утром очень рано, когда стало рассветать, я кочевал по насту'.

2) на -ра:

"Хунатни хуктышдерэкин, учакин бурурэн". 'Когда девушка (его) бежала, олень упал'.

План настоящего возникает в том случае, когда финитная форма выражена следующими показателями:

1) на -дйара:

"Неңедерэкин хоктодутын урегэнду надан бэел хукулэдерэ".

(Мат.-65). - 'Идет он, по дороге на горе семь человек лежат'.

2) на -вки; причем эта форма может быть образована как от длительной, так и от недлительной основы:

"Халтын асәл нулгисинипкил, эдэлтын улумэсинэктын, гап-кыл мёрдүвэр хутэлвэр". (Кол.-66). - 'Некоторые женщины отправляются кочевать, когда мужья идут на промысел, и берут с собой своих детей'.

"Элэкэс бирал дукэлдерэкин хулаки неңәнепки дукэ оёлин". (Мат.-65). - 'Как только реки покрываются льдом, лиса идет по льду'.

Исследователи отмечают, что одновременность может возникать, правда, в единичных случаях, и тогда, когда конечное сказуемое выражается формой будущего времени, но нами такие случаи не зафиксированы²⁶.

Деепричастие на -рак, выражая зависимое действие, предшествующее главному, функционирует во всех трех временных планах (табл. 13).

Предшествование в прошедшем возникает в том случае, когда конечное сказуемое выражается следующими формами:

1) на -ча: эта форма может образовываться как от длительной, так и от недлительной основы:

"Нуңартын мол чагидадун иллакитын, бэюн нян оңкочон".

(Конст.-Леб.). - 'Когда они остановились за деревьями, зверь опять стал есть мох'.

2) на -ра:

"Эр дуннэлэ лучал эмэрэктын нуңан баллэн дюлави будями".

(Мат.-68). - 'Когда на эту землю русские пришли, он не захотел дома умирать'.

Предшествование в настоящем возникает тогда, когда конечное сказуемое выражается формой на -дйара:

"Тар турэчиксэ этэрэкин, ахи турэтчэрэн". - 'Когда он кончил говорить, женщина (ему) и говорит...'²⁷

Предшествование в будущем возникает тогда, когда конечное сказуемое выражается формой на -дйана:

"Иландяр-дыгиндяр анңанил илтәнэктын, эрмәмәду бикитту илмакта дядгаг илдяңан". (Конст.-53). - 'Когда пройдет тридцать-сорок лет, поднимется вот на этом самом месте молодой сосняк'.

Формы на -рак могут выражать особые отношения, которые допускают двоякую их оценку, т.е. они могут быть интерпретированы и как условные, и как временные. Этот тип отношений возникает в том случае, когда конечное сказуемое выражается формой прошедшего времени на -ңки, которое совмещает временное значение с аспектологическим значением повторяемости, и формой будущего времени на -дйа(ра):

"Би пэктырудечэв, дэги бурурэкин, ңинакинми, таравэ гән-нэсиниңкин, тадук минду буңкин". - 'Я стрелял, когда (если) птица падала, моя собака за ней отправлялась, потом мне давала' (3).

"Хагды хеңан дялви гулдэн: Би, хулакива эмэрэкин гундем нуңантыкин: Кэ, бэе гокчаңнат". - 'Старый налим своим родственникам сказал: "Я, когда (если) придет лиса) скажу ей: "Ну, лиса, давай соревноваться"' (Мат.-65).

²⁶ Бродская Л.М. Вспомогательные глаголы..., с. 47.

²⁷ Там же, с. 48.

Таблица 13

Аспект- тологич- ный человек	Финитные формы	Одноре- менность		Предше- ствоание		Ус.=Вр.		Условие		Пр.=Ус.		Причина		Уступка	
		длит.	недлит.	длит.	недлит.	длит.	недлит.	длит.	недлит.	длит.	недлит.	длит.	недлит.	длит.	недлит.
Про- шедшее время	-рки														
	-дя)ча	+	+	+	+					+		+	+	+	+
	-ра	+	+												
На- стоящее время	-дья	+		+										+	
	-дя)вки	+													
Буду- щее время	-за(ра)							+							
	-за			+	+			+							
	-зяча			+	+										
Пове- датель- ное на- личие	эин							+							
	эин														
Сосла- тельное наличие	мча									+					
	мча														
Накто- вание	-де)рке	+													
	-де)рке	+													
Аспект- тологич- ный человек	-дья														
	-дья														

Примечание. Длит., недлит. - длительный и недлительный виды.

Тунгусоведы отмечают, что значение условия у формы на -рак возникает тогда, когда конечное сказуемое выражается формами будущего времени индикатива, повелительного и сослагательного наклонений²⁸.

Конечное сказуемое - формы будущего времени:

1) форма на -дя(ра):

"Тыманне бурурекин сиңилгэн, асилганас сулаки удялин аят ичэвулдерэ сиңилгэндү". (Конст.-64). - 'Если утром выпадет снег, то следы лисы, которую ты приметил, будут хорошо видны на снегу';

2) форма на -дьяча:

"Илаллая дылачарэкин, орокте олгодеңбн аят". (Конст.-64). - 'Если три дня будет солнце, то сено высохнет хорошо'.

"Улакчирэкин, тындиңэв, мучусимнен". (Мат.-65). - 'Если обманет; отпущу и назад вернусь'.

Конечное сказуемое - форма сослагательного наклонения:

"Си бмактава газетава эмэврэкис, эсй бу таңимчавун". (Кол.-66). - 'Если бы ты принес свежую газету, мы бы сейчас ее прочитали'.

Л.М. Бродская отмечает, что отрицательная форма деепричастия на -рак всегда имеет условное значение²⁹.

Формы на -рак могут выступать в особой позиции, в которой их значения можно интерпретировать и как условные, и как причинные:

"Асив эрекин сурурэ, би-дэ этам сурурэ". (Мат.-76). -

'Раз жена моя не пойдет, и я не пойду' (конечное сказуемое выражено отрицательной формой будущего времени индикатива).

Формы на -рак могут выражать причинные отношения между частями сложного предложения, при этом конечное сказуемое выражается формой прошедшего времени на -ча:

"Матал унетмэрит суруректын, бу долболтоно кинола суручэвун". (Мат.-76). - 'Так как гости раньше ушли, мы вечером пошли в кино (конечное сказуемое выражено формой прошедшего времени индикатива на -ча)'.

Формы на -рак могут выражать уступительные отношения между частями сложного высказывания. При этом деепричастие присоединяет одну из особых уступительных частей:

"Плаш-да бирэкин, би упкачин улапчав". (Мат.-76). - 'Хотя плаш и был, я весь промок' (конечное сказуемое выражено формой прошедшего времени индикатива на -ча)'.

"Дылачэ бурурекин-мэл, манмактал, хунмиктэл-дэ бу оеглб-

²⁸ В материалах, с которыми мы работали, императивных форм в подобных конструкциях встречено не было.

²⁹ Бродская Л.М. Вспомогательные глаголы..., с. 48.

вун хата хороликтаткыл". (Кол.-66).— 'Хотя солнце и садится, но комары и мошка все еще кружатся над нами'.

Деепричастие цели на -да, -дэ, -до. Деепричастие цели в форме на -да оформляет второе зависимое сказуемое со значением цели. Оно функционирует как в моносубъектных конструкциях, так и в разносубъектных.

Функционирование форм вида в этих деепричастиях не меняет существенно их семантики.

Позиция форм на -да в предложении также не влияет на их значение. Она строго не фиксирована, формы на -да могут находиться как в препозиции, так и в постпозиции, хотя постпозиция целевого деепричастия встречается гораздо чаще.

В данной статье мы рассматриваем только целевое значение этого деепричастия. Но форма на -да обладает еще и некоторой другой областью значений, которую можно соотнести со значением инфинитива в русском языке. Эта функция деепричастия на -да — тема отдельного разговора, равно как и соответствующая функция простого условно-временного деепричастия в форме на -ми.

Деепричастие на -да реализует значение цели в трех временных планах (табл. 14).

Таблица 14

Финитные формы		Цель в односубъектной конструкции		Цель в разносубъектной конструкции	
		- за	-	- за	-
Прошедшее время	<u>-ңки</u>	+			+
	<u>-ча</u>		+	+	+
	<u>-ра</u>	+	+		+
Настоящее время	<u>-дяра</u>		+		
	<u>-(дя)вки</u>		+		
Будущее время	<u>- заңа</u>				
Повелительное наклонение	<u>-кал</u>		+		+

План прошедшего возникает тогда, когда конечное сказуемое выражено следующими формами:

1) на -ңки:

"Аярик долболтонотыкин эмэңкин, мунду газеталва таңдыда-ви". (Конст.-Леб.). — 'Аярик приходила каждый вечер, чтобы читать нам газету'.

"Этыркэн, хуклэсинми, няма-да, немумэ-дэ бидэн, сот ая-вункин". (Конст.-Леб.). — 'Старик, укладываясь спать, очень любил, чтобы было тепло и мягко';

2) на -ча:

"Элэ унчатын минэ хавалдыдэв вет-фельшердү". (Конст.-64).— 'Меня сюда послали, чтобы я работал ветфельдшером';

3) на -ра:

"Бэе ахинун хутэвэр эмэврэ этэеттэн умукэн ахиду". (Мат.-65).— 'Мужчина с женой принесли своего ребенка одной женщине, чтобы она присмотрела'.

План настоящего возникает в том случае, если конечное сказуемое выражается следующими формами:

1) на -дяра:

"Чипкэнэ бакадэвй, дылй гиркудям". (Кол.-66).— 'Чтобы найти соболя, брожу по тайге';

2) на -вки:

"Хуркэкэн аямаат исэсипки эдэтын туксанмура". (Мат.-65).— 'Парень очень хорошо смотрит, чтобы не вздумали убежать'.

"Тара эңдепкыл, куликэнмэ вадэвэр, мэрвэр эдэвэр куликэн-дү вэврэ". (Мат.-75).— 'Так говорят иносказательно, чтобы не дать медведю убить себя'.

План будущего возникает в том случае, когда зависимое сказуемое выражается формами:

1) на -дяңа:

"Эми бидерэ, Тулдэ-вэл, Петя гундиңэн угучакилдуви суру-дэн ңилэ". (Мат.-75).— 'Если их не будет, Анатолий или Петя скажет, чтобы на своих ездовых уезжали к этому самому...'

2) формами повелительного наклонения:

"Агмил-нун, хулаки гиркин гулдэн: Би нютэлэктэ дяввар мунгэдэвэр". (Мат.-65).— 'Пристав, лиса своему другу сказала: "Возьму-ка я смолу, чтобы свою лодку законопатить"'.
"Хаман хуңатпи гунэн если болгилдыңатын, урэвэ туктынэ екодои". (Мат.-68).— 'Шаман своей дочери сказал, если обижать будут, на гору заберись, чтобы закричать'.

Деепричастие назначительное в форме на -вуна, -вунэ. Деепричастие назначительное в форме на -вуна со значением цели отмечается только в работах О.А. Константиновой "Эвенкийский язык" и В.Д. Колесниковой "Синтаксис эвенкийского языка"²⁹.

Приведем примеры, взятые из работ этих авторов:

"Би бӯдем синдӯ котовй токтовӯнас марилва". (Конст.-64).-

'Я дам тебе пальму, чтобы ты очищал дорогу'.

"Эвенкйл колкостук ороро гапкйл, улукйлэ вавӯнавар". (Кол.-66).- 'Эвенки берут оленей в колхозе, чтобы охотиться на белку'.

О.А. Константинова считает, что значение этого деепричастия очень близко значению деепричастия цели на -да. Поскольку материалов по деепричастию на -вуна пока мало, как различается семантика этих деепричастий, сейчас сказать трудно. Это пока остается открытой проблемой.

Все же попробуем описать форму на -вуна аналогично описанию других деепричастий.

Деепричастие на -вуна ни разу не встречалось с показателем длительного вида -за. Позиция его, видимо, строго не фиксируется, хотя случаев, когда оно в постпозиции, больше.

В табл. 15 приводим те финитные формы, которые встречались в конструкциях с этим деепричастием в качестве конечных сказуемых.

Таблица 15

Финитные формы		Цель в односубъектных конструкциях	Цель в разносубъектных конструкциях
Прод-шедшее время	<u>-ра</u>	+	+
Настоящее время	<u>-вки</u>	+	
Будущее время	<u>-дя</u>		+
Повелительное наклонение	<u>-кал</u>		+

Кроме деепричастий, описанных в данной статье, тунгусоведы отмечают еще и некоторые другие. Так, О.А. Константинова выделяет так называемое отрицательное деепричастие в форме на -дели; область его значений для нас пока не представляется строго очерченной, видимо, она еще требует дополнительных исследований³⁰. Л.М. Бродская зафиксировала деепричастие в фор-

ме на -чали с уступительным значением, известное в восточных говорах эвенкийского языка³¹. Вполне возможно, что в языке существуют и другие до сих пор не зафиксированные деепричастия, которые предстоит выявить и описать.

Семантический диапазон сложных (притяжательных) деепричастий наглядно можно определить в табл. 16.

Характерной чертой сложных деепричастий в отличие от простых является то обстоятельство, что каждая из этих деепричастных форм однозначна, т.е. выражает только один тип отношений между зависимой и главной частями сложного предложения. Исключением из этой закономерности является условно-временная форма на -рак, которая, как уже говорилось выше, полисемантическая, а также деепричастная форма на -дели, хотя семантический диапазон последней нуждается в уточнении.

Сопоставление двух групп деепричастий, сложных и простых, показало, что они охватывают, в основном, одни и те же области семантических значений. Обе деепричастные группы относятся к одним и тем же областям семантических значений. Обе деепричастные группы выражают одни и те же типы синтаксических отношений между зависимой и главной частями высказывания. Как те, так и другие выражают временные, условные, причинные, целевые, уступительные отношения, а также отношения следствия между частями сложного предложения. Кроме того, они охватывают и такие значения, которые можно определить как нейтральные по отношению ко времени и условию, к условию и причине (это справедливо по отношению к условно-временным формам на -ми и на -рак).

Здесь для эвенкийских деепричастий естественным образом возникает вопрос, поставленный ранее М.И. Черемисиной по отношению к деепричастиям языков различных систем³². Это вопрос о "функциональных соотношениях" между двумя группами деепричастий, т.е. между простыми и сложными деепричастными формами.

Известно, что простые деепричастия выражают зависимые действия в односубъектных конструкциях; но и сложные деепричастия в случае их оформления возвратными (субъектными) аффиксами также выражают зависимые действия в односубъектных конструкциях. Если деепричастия, принадлежащие к разным группам (простые и сложные деепричастия), выражают один и тот же тип отношений между частями предложения, то каковы различия в функционировании этих форм в односубъектных конструкциях?

³¹ Бродская Л.М. Об употреблении относительных слов в сложноподчиненном предложении в эвенкийском языке.- Изв. Сиб. отд. АН СССР. Серия обществ. наук, 1978, № 1.

³² Черемисина М.И. Деепричастия как класс форм глагола в языках разных систем, с. 21.

³⁰ Константинова О.А. Эвенкийский язык, с. 220.

Таблица 16

Формы деепри- частия	Предше- ствова- ние	Одно- времен- ность	Следова- ние	Вр.=Ус.	Условие	Ус.=Пр.	Причина	Следст- вие	Цель	Уступка
-чала	■									
-ктава	■									
-наси		■								
-нма		■								
-дала			■							
-рак	■	■		■	■	■	■			■
-кнан								■	■	
-да									■	
-вуна									■	
-дели							■	■		
-нали										■

Попробуем высказать некоторую гипотезу, объясняющую механизм различия в функционировании простых и сложных деепричастий в односубъектных конструкциях.

Как уже отмечалось, простые и сложные деепричастия различаются в зависимости от наличия – отсутствия такого признака их функционально-синтаксической характеристики, как субъектно-подлежащая валентность.

Нам представляется, что для сложных деепричастий будет актуальным "разведение" понятия субъектно-подлежащая валентность на два понятия: субъектная валентность и подлежащая валентность. Поясним, почему такое "разведение" нам представляется существенным. Как уже говорилось, сложные деепричастия не всегда имеют свой собственный субъект. Притяжательные деепричастия, оформленные субъектными показателями, относят действие к субъекту главной части сложного предложения и тем самым теряют субъектную валентность. Однако они не теряют способности иметь свое собственное подлежащее, поскольку известно, что "один и тот же субъект в ряду положенных, в частности, грамматически связанных предикативных конструкциях может быть выражен дважды, – например, именем собственным или нарицательным, а затем анафорическим местоимением, которое формально гарантирует тождество референции с очень высокой степенью вероятности"³³.

Таким образом, сложные деепричастия, функционирующие в односубъектной конструкции (принимаящие аффиксы возвратно-притяжательные), не имея субъектной валентности, обладают валентностью подлежащей. Следовательно, личные и возвратные (субъектные) деепричастия, относясь к группе сложных, различаются тем, что одни из них обладают субъектной валентностью, другие же – нет. Но как те, так и другие обладают валентностью подлежащей. Поясним это на конкретных примерах:

"Нуңан химāt тухсадяңан, упкачин неknәнмй". (Кол.-66). – 'Он так быстро бежал, что весь вспотел'.

В этом примере субъектное деепричастие предела на -кнан относит зависимое действие, выраженное им, к субъекту-подлежащему главной части – нуңан – 'он' (на это указывает субъектный показатель единственного числа -ви, который деепричастие присоединяет), но имеет собственное подлежащее упкачин – 'весь', выраженное местоимением.

"Оллол горово дяпкаду бидечэтын, упкачин коңномол окнамар". (Конст.-64). – 'Рыбы так долго лежали на берегу, что все стали черные'.

³³ Черемисина М.И. Деепричастия как класс форм глагола в языках разных систем, с. 20–21.

Этот пример однотипен с предыдущим. Пока мы не располагаем достаточным количеством примеров на подобные конструкции, но сейчас нам важен сам факт их существования, который свидетельствует, что возвратные (субъектные) деепричастия обладают подлежащей валентностью.

Таким образом, простые и сложные субъектные деепричастия возглавляют различные по степени сложности зависимые конструкции. Следовательно, соответственно различаются по сложности (точнее, по степени сложности) и сложные предложения, содержащие эти зависимые конструкции. Зависимые конструкции, возглавляемые притяжательными деепричастиями, обладающими подлежащей валентностью, являются более сложными, так как могут в принципе организовывать свой собственный предикативный узел, поскольку в простейшем случае предикативный узел есть грамматическое единство сказуемого и подлежащего.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Кол.-66 - Колесникова В.Д. Синтаксис эвенкийского языка. М.-Л., 1966.
Конст.-53 - Константинова О.А. Деепричастия в эвенкийском языке. - В кн.: В помощь учителю школ Крайнего Севера. М.-Л., 1953, с. 98-122.
Конст.-64 - Константинова О.А. Эвенкийский язык. М.-Л., 1964.
Конст.-Леб. - Константинова О.А., Лебедева Е.П. Эвенкийский язык. Учебное пособие для педагогических училищ. М.-Л., 1953.
Мат.-65 - Материалы Л.М. Бродской, записанные ею в Таймырском национальном округе в пос. Хантыйское Озеро в 1965 г.
Мат.-68 - Материалы автора, записанные им в пос. Хамакар Катангского района Иркутской области в 1968 г.
Мат.-75 - Материалы М.Д. Симонова, записанные им в пос. Нижнеангарск БурАССР в 1975 г.
Мат.-76 - Материалы, полученные автором методом анкетирования в 1976 г. от эвенков, владеющих различными говорами эвенкийского языка.

М.В. Яковлева

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ДЕЕПРИЧАСТИЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

В лингвистической литературе выделяются обычно две синтаксические функции деепричастия: функция "второстепенного сказуемого" и функция обстоятельства¹.

Анализ лингвистической литературы свидетельствует о несоответствии терминов "второстепенное сказуемое" и "обстоятельство" тому содержанию, которое заключено в понятиях, ими обозначаемых. Содержание же, заключенное в понятиях, обозначаемых данными терминами, не похоже на то явление, которое должно именоваться "синтаксической функцией".

Понятие "синтаксической функции" должно, на наш взгляд, опираться прежде всего на понятие синтаксической связи. А синтаксическая связь предполагает как содержательную, так и формальную сторону. Критерием разграничения синтаксических функций деепричастия в лингвистической литературе признается способность или неспособность деепричастия заменяться спрягаемой глагольной формой. Если деепричастие способно заменяться спрягаемой глагольной формой, ему приписывается функция "второстепенного сказуемого", если нет - функция обстоятельства². Легко понять, что способность или неспособность деепричастия заменяться спрягаемой глагольной формой не может отражать структурных особенностей связи деепричастия с другими словами. Она отражает только семантическую сторону связи. В лингвистической литературе деепричастные формы трактуются как примыкающие³. Это значит,

¹ Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И., Папукевич В.В. Современный русский язык. М., 1971; Грамматика русского языка. т.2. М., 1954; Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 1973 и т.д.

² Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И., Папукевич В.В. Современный русский язык; Грамматика русского языка, т. 2; Дерibas Л.А. Деепричастные конструкции в роли обстоятельства. - Русский язык в школе, 1953, № 4.

³ Валгина Н.С. Розенталь Д.Э., Фомина М.И., Папукевич В.В. Современный русский язык; Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. М., 1973.

что указывается только на связь деепричастия с глаголом-сказуемым главной части высказывания. Из одной этой связи деепричастия и выводятся две его синтаксические функции: не только функция обстоятельства, но и функция "второстепенного сказуемого".

По всей видимости, было бы логично, если бы каждой синтаксической функции деепричастия соответствовала своя синтаксическая связь.

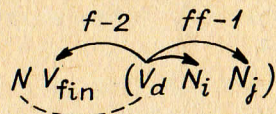
В грамматиках вскользь упоминается о связи деепричастия с зависимыми словами, однако эта связь исключается из вопроса о синтаксических функциях деепричастия.

О.С. Ахманова определяет синтаксическую функцию формы как "особенность употребления в словосочетании и предложении; значение и свойство данной единицы как части более сложного целого"⁴. Если взглянуть на деепричастие с точки зрения этого определения, то можно увидеть, что деепричастие (обособленное) входит в состав предложения только через посредство обособленной конструкции как ее часть. Таким образом, уже обособленная конструкция является для деепричастия своеобразным "сложным целым". Это заставляет предположить, что деепричастие, являясь частью конструкции, выполняет внутри нее определенную синтаксическую функцию. Эта функция деепричастия проявляется в его ярко выраженной глагольной валентности:

вернувшись из длительной командировки в родной город...

Глагольные свойства деепричастия проявляются также в том случае, если деепричастие присоединяет к себе придаточное предложение.

Кроме того, деепричастие, как вершина конструкции, должно "представлять" синтаксическую функцию этой конструкции относительно главной части высказывания. Таким образом, нам представляется целесообразным различать две синтаксические функции деепричастия: функцию относительно зависимой части высказывания (это функция сказуемого) и функцию относительно главной части высказывания. Эти две синтаксические функции воплощают структурные особенности деепричастия, представляют синтаксический механизм связей деепричастия с другими словами. Сказанное представим следующей схемой:

⁴ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.

Он стоял на холме, рассматривая в бинокль берега Днепра⁵.

Любое обособленное деепричастие, являющееся частью деепричастной конструкции, выполняет обе эти функции одновременно. Как уже отмечалось, так называемое "второстепенное сказуемое" и "обстоятельство" (трактующееся в литературе как синтаксические функции) выводятся из одной синтаксической связи – из отношения деепричастия к главному сказуемому. Кроме того, для разграничения данных "синтаксических функций" применяется чисто семантический критерий замены деепричастия спрягаемой глагольной формой.

Все это заставляет предполагать, что в понятиях, обозначаемых в литературе терминами "второстепенное сказуемое" и "обстоятельство", объективно заключено иное содержание: они выражают не синтаксические функции, а два семантических варианта одной синтаксической функции – функции, выполняемой деепричастием относительно главной части высказывания. По-новому осмысленное содержание данных понятий требует и некоторого терминологического уточнения.

Итак, любое обособленное деепричастие выполняет две синтаксические функции – внутреннюю (сказуемого зависимой части высказывания) и внешнюю (относительно главной части высказывания). Внешняя функция деепричастия может выступать в двух семантических разновидностях: обстоятельственной и необстоятельственной. Необстоятельственную семантическую функцию можно назвать функцией "второго сказуемого".

Дальнейшей нашей задачей явились поиски наиболее адекватного критерия разграничения данных семантических вариантов. Прежде чем установить границу между семантическими вариантами, необходимо избрать основание для их сравнения. Таким основанием можно считать степень семантической сложности фраз, иначе говоря, степень семантической связанности глагольного и деепричастного действий.

Проанализировав лингвистическую литературу, мы пришли к заключению, что функция "второго сказуемого" может усматриваться (и усматривается обычно) у деепричастия в тех формах, которые характеризуются малой степенью семантической связанности.

⁵ Обозначенные на схеме (и в примере) стрелки являются обобщенным выражением синтаксических функций деепричастия, поэтому в ряде случаев могут не отражать реальной зависимости слов в предложении. Например, стрелка $f-2$ направлена от деепричастия к глаголу. Между тем реальная зависимость слов в предложении требует противоположного направления стрелки (от глагола к деепричастию).

Если степень связанности высока, функция деепричастия обычно оценивается как обстоятельственная. На это различие мы и опирались в дальнейшем анализе, постаравшись по мере возможности показать его объективный характер.

В целях установления степени семантической сложности фраз мы провели два этапа трансформационных операций⁶. На первом этапе трансформаций мы пытались заменить деепричастие спрягаемой глагольной формой, однако не задавали трансформацию изначально, а в каждом конкретном случае искали путь к получению трансформации, имеющего тождественный смысл, и фиксировали этот путь. Основным путем, ведущим к получению тождественного трансформации, явилось введение союзов при трансформации:

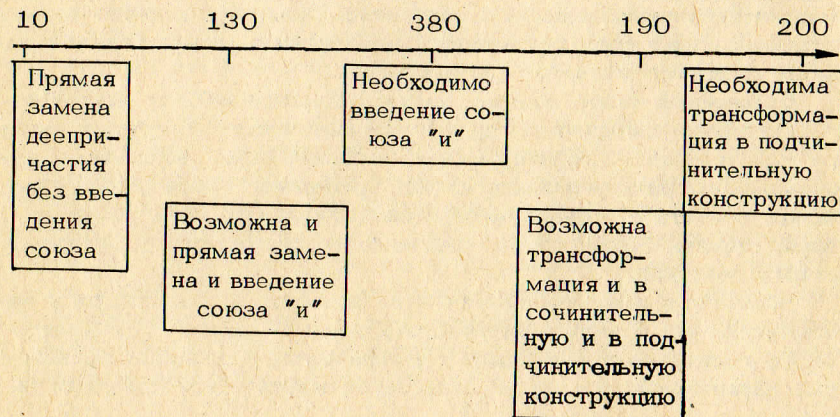
1) "Сменяясь каждый час, они шаг за шагом углублялись к тюрьме".

Тф.: "Они сменялись каждый час и шаг за шагом углублялись к тюрьме".

2) "Так ли уж неправ был Масклайн, заподозрив ассистента в недобросовестности?"

Тф.: "Так ли уж неправ был Масклайн, когда заподозрил ассистента в недобросовестности?"

Результатом первого этапа трансформаций явилось построение шкалы, на которой трансформации расположены в порядке возрастания структурной сложности (от сочинения к подчинению) и эксплицируют нарастание семантической сложности фраз с деепричастными оборотами (цифры - количество примеров на каждый случай):

⁶ Трансформационный анализ (в том числе - операция элиминации) проводился с фразами, отобранными из художественной, научной и научно-популярной литературы последних лет. Общее число фраз составляло около 800.

Основные группы шкалы	Можно сократить и собственно и субпредикативную единицу	Можно сократить только субпредикативную единицу	Нельзя сократить ни собственно, ни субпредикативную единицу
1. Фразы, допускающие прямую замену деепричастия спрягаемой глагольной формой без введения союза	100%	-	-
2. Фразы, допускающие как прямую замену, так и замену с введением союза "и".	70%	23%	7%
3. Фразы, в которых при замене деепричастия спрягаемой глагольной формой необходимо введение союза "и".	52%	42%	6%
4. Фразы, допускающие трансформацию как в сочинительную, так и в подчинительную конструкцию	4%	54%	42%
5. Фразы, допускающие трансформацию только в подчинительную конструкцию	-	28%	72%

Однако, как выяснилось, шкала только констатирует факт нарастания семантической сложности фраз с деепричастными оборотами (т.е. факт нарастания связанности глагольного и деепричастного действий), но не дает представления о том, какова степень связанности глагольного и деепричастного действий в каждом конкретном случае (т.е. в каждой группе фраз, обозначенной на шкале точкой). Тем более на основании полученных данных мы не могли судить о том, где проходит качественная граница между семантическими вариантами. Поэтому на следующем этапе исследования нам потребовалась такая трансформационная операция, которая позволила бы установить степень семантического равноправия (или степень семантической связанности) действий глагола и деепричастия во фразах с деепричастными оборотами, а также определить границу между семантическими вариантами. На наш взгляд, наиболее адекватной операцией подобного рода является поочередное "сокращение" (элиминация) собственно-предикативной и субпредикативной единиц в каждой фразе. Очевидно, если можно сократить одну из предикативных единиц без особого ущерба для семантики контекста или фразы, значит, действия, выраженные глаголом и деепричастием, коммуникативно равноправны. Необходимо отметить, что операцию элиминации мы проводим не с исходными фразами, а с трансформами, полученными на первом этапе трансформаций. Если бы мы проводили эту операцию с исходными фразами, мы заранее исключили бы возможность элиминации главного действия, так как не могли бы поставить точку после деепричастного оборота.

Для того, чтобы выявить степень связанности действия, необходимо иметь четкую систему оценок результатов трансформации. Такая система оценок возникла, как только мы приступили к операции "сокращения". Эта система включает в себя три ступени оценок:

I. Можно поочередно элиминировать и деепричастное и главное действие без ущерба семантической правильности контекста и фразы.

Исходная фраза:

"Он снял руки со стола, удобно отвалившись на спинку стула, протяжно зевнул, пожаловался: ..."

1-й уровень трансформаций:

"Он снял руки со стола, удобно отвалился на спинку стула, протяжно зевнул, пожаловался: ..."

2-й уровень трансформаций:

тф-1 (элиминация субпредикативной единицы):

"Он снял руки со стола, протяжно зевнул, пожаловался: ..."

тф-2 (элиминация одной из собственно-предикативных единиц):

"Он удобно отвалился на спинку стула, протяжно зевнул, пожаловался: ..."

Данная фраза свободно допускает сокращение как главного, так и деепричастного действий. Это сокращение не влияет качественно ни на смысл контекста, ни на смысл самой фразы. Читатель просто получает меньше информации в чисто количественном плане. Это дает нам право говорить о семантическом равноправии глагольного и деепричастного действий в данной фразе.

II. Можно элиминировать только деепричастное действие, так как сокращение главного действия ведет к нарушению общего смысла контекста.

Исходная фраза:

"Следуя своей давней привычке, Прохоров искал дом вдовы не по названию улицы и номеру, а по одному ему ведомым признакам".

"Прохоров подошел к дому, который явно мог быть домом Анны".

1-й уровень трансформаций:

"Прохоров следовал своей давней привычке и искал дом вдовы не по названию улицы и номеру, а по одному ему ведомым признакам".

2-й уровень трансформаций:

тф-1 (элиминация субпредикативной единицы):

"Прохоров искал дом вдовы не по названию улицы и номеру, а по одному ему ведомым признакам".

тф-2 (недопустимый):

* "Прохоров следовал своей давней привычке".

Данная фраза так же, как и все другие фразы этой группы, не допускает элиминации главного действия, так как основная информация, содержащаяся во фразе, падает на собственно-предикативную единицу. Ни в предшествующем, ни в последующем контексте нет никаких сведений о привычках Прохорова. Единственным источником подобного рода информации является собственно-предикативная единица, которая поэтому не может быть элиминирована. Недопустимость элиминации главного действия говорит о возросшей степени семантической связанности глагольного и деепричастного действий.

III. Нельзя сократить ни деепричастное, ни главное действие, так как элиминация любого из них ведет к нарушению общего смысла контекста. Кроме того, элиминация главного действия ведет к нарушению не только смысла, но и структуры фразы.

Исходная фраза:

"Никогда не подходи к человеку, думая, что в нем больше плохого, чем хорошего".

1-й уровень трансформаций:

"Никогда не подходи к человеку, если думаешь, что в нем больше плохого, чем хорошего".

2-й уровень трансформации:

тф-1 (попытка элиминации деепричастного действия):

"Никогда не подходи к человеку".

Тф-2 (попытка элиминации главного действия):

"Если думаешь, что в нем больше плохого, чем хорошего".

Как видим, смысл фразы при элиминации полностью теряется. Это говорит о том, что глагольное и деепричастное действие в данной фразе не просто связаны, но семантически обуславливают друг друга.

Результаты проведенной операции элиминации можно представить.

Как показывает таблица, процент фраз, допускающих поочередное сокращение обеих предикативных единиц, постепенно падает (от 1-й к 5-й точке шкалы), а процент фраз, не допускающих никаких сокращений, наоборот, возрастает. Эти количественные результаты подтвердили нашу гипотезу о постепенном нарастании семантической связанности действий, переходящей затем в семантическую взаимообусловленность.

Количественные данные подтвердили также и положение о том, что действия, находящиеся в состоянии семантической связанности, еще не перешедшей в новое качество (т.е. в семантическую взаимообусловленность), можно считать равноправными (см. таблицу: самый большой процент среди фраз, сосредоточенных во 2-й и 3-ей точках шкалы, составляют фразы, свободно допускающие элиминацию как собственно-предикативных, так и субпредикативных единиц).

Количественные соотношения между группами, выделенными по результатам элиминации, резко меняются во фразах, допускающих трансформацию как в конструкции сочинительного, так и в конструкции подчинительного типа: резко падает (по сравнению с 3-ей точкой шкалы) процент фраз, допускающих сокращение как собственно-предикативной, так и субпредикативной единицы (с 52 до 4%) и резко возрастает процент фраз, вообще не допускающих элиминации (с 6 в 3-ей точке шкалы до 42% в 4-й).

Такое резкое количественное изменение позволяет сделать вывод о переходе количества в качество: постепенно нарастающая семантическая связанность действий, выраженных финитным и деепричастным предикатами, переходит в их семантическую взаимообусловленность.

Таким образом, качественная граница между семантическими вариантами "второе сказуемое" и "обстоятельство" проходит между фразами третьей и четвертой точек шкалы: фразы, составляющие 1-ю, 2-ю и 3-ю точки шкалы, содержат деепричастие в его семантической функции "второго сказуемого" (или "второго равноправного действия"), а фразы, входящие в 4-ю и 5-ю точки шкалы - деепричастие в семантической функции "обстоятельства" (или, точнее, в функции "второго действия, связанного с первым отношениями обстоятельственного характера).

Установленная качественная граница между семантическими вариантами не означает их резкого противопоставления. Наше

исследование показало, что нельзя провести резкой грани между семантической функцией "второго сказуемого" и семантической функцией "обстоятельства". Ярко выраженное семантическое равноправие или взаимообусловленность деепричастного и глагольного действий можно наблюдать только в крайних точках шкалы (т.е. в сравнительно небольшом числе случаев). Основная же масса фраз представляет собой случаи взаимоперехода, которые, выстраиваясь в шкалу, дают общую картину уменьшения семантического равноправия действий глагола и деепричастия и нарастания их семантической связанности.

В ходе анализа условий, допускающих или не допускающих элиминации, было выяснено, что главным условием подобного рода является общий смысл контекста или фразы: если элиминация не нарушает общего смысла контекста и фразы, значит, действия, выраженные деепричастным и финитным предикатами, можно считать семантически равноправными; если же общий смысл контекста или фразы нарушается, то налицо либо возросшая степень семантической связанности действий, либо уже их семантическая обусловленность.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА
ЯКУТСКИХ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ
НЕДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ТЕМПОРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Синтаксической семантикой полипредикативных конструкций как единиц языка мы называем смысловые отношения между соединяющимися в их составе предикативными единицами¹, получающие свое формальное выражение в структурных элементах конструкций, главным образом в показателях синтаксической зависимости их частей. В якутских полипредикативных конструкциях (далее – ППК) показатели синтаксической зависимости бывают как аналитические (частицы, союзы), так и синтетические (специализированные формы сказуемого зависимой части). Соответственно этому ППК данного языка подразделяются на два типа: аналитический и синтетический.

Сказуемое зависимой части конструкции синтетического типа в силу двойственности его синтаксических функций мы называем предикативно-соотносительным членом зависимой части (далее – ПСЧ зависимой части). На первом этапе исследования структурные схемы (модели) ПСЧ зависимой части представляют модели самих ППК.

В процессе анализа собранного нами эмпирического материала было выявлено всего 69 моделей временных конструкций. Из них в нашей выборке зафиксировано 64. Выборка объемом около 3 тыс. фраз не претендует на полноту, и в дальнейшем могут встречаться примеры и других, пока не зарегистрированных моделей. Тем не менее можно считать, что в ней уже представлена основная система временных конструкций синтетического типа. Поэтому исследование синтаксической семантики, выражаемой этими 64 моделями, можно рассматривать как исследование семантической системы темпоральных конструкций синтетического типа в целом.

Все обнаруженные модели в плане выражаемых отношений делятся на модели дифференцированного и недифференцированного темпорального значения. Последних значительно меньше, всего шесть

¹ Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977, с. 166.

моделей. Они сложнее, потому что как единицы языка они не выражают какого-то определенного, одного временного соотношения; в речи, реализуясь в конкретных фразах с определенным лексико-грамматическим наполнением позиций, и прежде всего позиций предикативных (ПСЧ и главного сказуемого), каждая модель может выражать различные отношения событий во времени. Каждой конструкции соответствует свой определенный набор темпоральных значений. Эти наборы, "потенции", у разных конструкций разные. Задачей нашей статьи и является выявление семантических возможностей полипредикативных моделей недифференцированного темпорального значения и изучение основных условий, в которых каждая из этих конструкций реализует то или иное из своих потенциальных значений.

Синтаксическая семантика темпоральных ППК якутского языка пока еще не была предметом специального изучения. Элементарные сведения по этому вопросу содержатся в школьных грамматиках якутского языка, где выделяются три вида синтаксической семантики²: 1) действия главной и зависимой частей происходят одновременно; 2) действие зависимой части совершается после действия главной части; 3) действие главной части совершается до того, как совершается действие зависимой части.

Детальный анализ семантики темпоральных ППК с синтетической зависимой частью впервые был предпринят Е.И. Убрятовой³. Выявленные модели темпоральных конструкций автор делит на четыре вида по выраженным им синтаксическим отношениям:

1) Действие зависимого предложения предшествует действию главного предложения. В этот тип включены пять моделей⁴:

² Черосов М.А., Барашков П.П., Каратаев И.И., Тимофеев С.И. Саха тыла. Синтаксис. УП-УШ кылаастарга үөрэнэр кинигэ. Якутский, 1974, с. 118; они же. Саха тыла. Синтаксис. 2-с тахсыта. Якутский, 1976, с. 117; они же. Саха тыла. Синтаксис. 3-с тахсыта. Якутский, 1978, с. 115.

³ Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. II. Сложное предложение. Новосибирск, 1976, с. 253-263.

⁴ Здесь и далее темпоральные модели описываются символически. В данной статье они представлены следующими элементами: T_v – глагольная основа; $T_{v\text{ых}}$, $T_v\text{быт}$, $T_v\text{батах}$, $T_{v\text{ар}}$ – соответственно: причастия будущего, преждепрошедшего, преждепрошедшего (отрицательного аспекта), настоящего-будущего времени; $T_{v\text{тах}}$ – причастие на -тах (конкретного временного значения не имеет); $T_{v\text{а илик}}$ – глагольная форма на -а илик; $T_{v\text{аат}}$, $T_{v\text{ан}}$ – деепричастия на -аат, -ан; $T_{v\text{тах}}//$ на – форма условно-временного наклонения; $T_{v\text{ыы}}$ – отглагольное имя существительное на -ыы; $T_{\text{н баар}}$ – имя наличия баар; // – позиция показателя притяжания

$T_{\text{вях}} // + \text{в кытта}$; $T_{\text{вях}} // + \text{исх. ыла}$; $T_{\text{быт}} // \text{исх. ыла}$; $T_{\text{ба-тах}} // + \text{исх. ыла}$, $T_{\text{быт}} // \text{кэннэ}$.

2) Действие зависимого предложения непосредственно предшествует действию главного предложения. Это три модели: $T_{\text{аат}} // + \text{в кытта}$; $T_{\text{ар}} // + \text{в кытта}$, $T_{\text{аат}}$.

3) Действие зависимого предложения протекает одновременно с действием главного предложения. Это следующие 12 моделей: $T_{\text{ан}}$, $T_{\text{тах}} // \text{аайы} // \text{тухары}$; $T_{\text{быт}} // \text{тухары}$; $T_{\text{баар}} // \text{тухары}$; $T_{\text{быт}} // \text{устатыгар}$; $T_{\text{бар}} // \text{устатын тухары}$; $T_{\text{ар}} // + \text{д. } T_{\text{быт}} // + \text{д. } T_{\text{тах}} // \text{на}$; $T_{\text{ыы}} // + \text{ТА/А}$, $T_{\text{тах}} // \text{сағана}$; $T_{\text{ыы}} // \text{сағана}$.

4) Действие зависимого предложения наступает после действия главного предложения. Это три модели: $T_{\text{вях}} // \text{иннинэ}$; $T_{\text{вях}} // + \text{д. диэри}$; $T_{\text{а илик}} // + \text{м.}$

Наше исследование синтаксической семантики темпоральных конструкций имеет целью дополнить, систематизировать и развить эти наблюдения.

При исследовании семантической системы временных конструкций якутского языка мы опираемся на методику исследования значений русских временных союзов, разработанную и примененную в диссертации В.С. Хализевой. В основу ее работы положены идеи и методы современной структурной лингвистики, рассматривающей семантический аспект языка как систему. Исходя из этого, В.С. Хализева поставила и разрешила задачу – рассмотреть набор временных союзов как замкнутую семантическую систему, имеющую свое специфическое для данного языка строение. Лучше других отвечающим задаче системного исследования значения она считает метод компонентного анализа, который представляет собой ряд последовательных разложений значения слова (шире – языкового знака) на “семантические составляющие” (“семи”, “семантические множители”, “дифференциальные семантические признаки”) ⁵.

и сказуемости (она же показатель лично-притяжательного характера склонения падежей); послелоги представляются в своем непосредственном виде (например: кытта – послелог кытта); д., м., исх. – соответственно формы дательного, местного, исходного падежей; ТА/А – формы стяженного местного падежа отглагольного имени на -ы (3 лица единственного и множественного числа). Посредством таких символов условно описываем и представляем модели ПСЧ, а значит, и сами временные ППК. Например: $T_{\text{вях}} // + \text{д. диэри}$ – конструкции, ПСЧ которой – причастие будущего времени в сочетании с послелогом кытта (данный послелог управляет дательным падежом причастия на -вях). См.: Ефремов Н.Н. Структурные модели временных полипредикативных конструкций в якутском языке. – В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1979.

⁵ Хализева В.С. Значения временных союзов и комбинирование видо-временных планов форм глаголов сказуемых в современном русском языке. Автореф. канд. дис. М., 1970, с. 2.

В якутском языке значение временной связи событий частей ППК синтетического типа выражается прежде всего моделями ПСЧ зависимой части, а мы изучаем значения именно этих моделей. Общий набор якутских моделей, выражающих временные зависимости, тоже будем считать замкнутой семантической системой, имеющей специфическое для данного языка строение.

При выделении исходных дифференциальных семантических признаков временных конструкций мы используем термины одновременность, следование, предшествование, вкладывая в них понятия в соответствии с “Грамматикой современного русского литературного языка” (1970) ⁶. Значение временной связи определяется здесь темпоральной локализацией события главной части относительно события зависимой части. Если главное событие следует за событием зависимой части, то мы говорим о следовании. Если же главное событие предшествует зависимому событию – говорим о предшествовании ⁷.

Одними из основных элементов, конституирующих семантику временной связи событий (помимо модели ПСЧ), являются видо-временные планы частей фразы ⁸. Однако в якутском языке, как и в других тюркских языках, внутри категории аспектуальности традиционно не вычленяются такие абстрактные бинарно-привативно противопоставленные блоки, которые по своим значениям соответствовали бы совершенному и несовершенному виду русского глагола, составляющим грамматическое ядро семантико-функциональной категории аспектуальности русского языка ⁹.

⁶ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 729-733.

⁷ Здесь и далее понятия “главное событие” и “зависимое событие” употребляются не для обозначения их значимости по отношению друг к другу, а в значении “событие, описываемое главной частью” и “событие, описываемое зависимой частью”.

⁸ В.А. Белошапкова в русском языке в качестве одного из средств, создающих качественно различные типы сложных предложений, называет соотношение форм глаголов в них (см.: Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967, с. 4). Она отмечает наличие ограничений (шесть родов), налагаемых структурой сложного предложения на характер предикативных единиц, образующих его части. В числе этих ограничений – ограничения, связанные с аспектуальными значениями и модально-временными отношениями (см.: она же. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977, с. 185 и др.).

⁹ Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л., 1967, с. 74.

Категория аспекта (вида) в тюркских языках обычно представляется как система, включающая в себя множество элементов, характеризующих различные оттенки протекания глагольного действия. По значению они близки способам действия славянских и германских языков, где они выступают как периферийные элементы категории аспектуальности. В германских языках, где категория аспектуальности имеет очень слабую грамматическую экспликацию, исследователи выделяют ядро аспектуальности, соответствующее русскому совершенному и несовершенному виду¹⁰.

В тюркских языках некоторые исследователи вообще отрицают категорию глагольного вида, признавая существование только "идеи вида" или "грамматических эквивалентов" грамматической категории вида¹¹.

В якутском языке категорию глагольного вида специально исследовал Л.Н. Харитонов. Он различает "видовые формы" якутского глагола, служащие для выражения таких особенностей действия, "как мгновенность и длительность, прерывность и непрерывность, ускоренность и замедленность, усиленность и ослабленность, окончательность и незавершенность, полнота и неполнота проявления и т.п."¹².

При исследовании временных конструкций тюркологи обычно не оперируют понятием "категория вида", мотивируя это спорностью и теоретической неясностью названной категории. Однако К.С. Чонбашев, изучавший в сопоставительном плане русские и киргизские сложно-подчиненные предложения времени, отмечал, что "видовые различия русских глаголов на киргизский язык передаются полностью и всегда"¹³.

В нашей статье категория аспекта (шире – аспектуальности) не является предметом специального анализа и мы ее касаемся только в той мере, в какой это необходимо в связи с задачами нашей работы.

Синтаксическая семантика полипредикативных конструкций моделей недифференцированного значения, по данным нашей выборки,

в большинстве случаев обусловливается соотношением аспектуально-темпоральных значений их частей, а также конситуацией. Под аспектуальным значением предикативных единиц понимается представление о характере протекания описываемых ими событий¹⁴. Важнейшие из таких особенностей, учитываемые в нашей работе, это длительность (протяженность) и недлительность (краткость, точность). Темпоральным значением называется соотношенность событий, описываемых в частях конструкций, с определенным планом абсолютного синтаксического времени: настоящего, прошедшего или будущего. В якутском языке система грамматических времен очень сложна и богата. В нем грамматическая категория времени тесно связана с категорией наклонения и некоторые грамматические формы времени выражают другие характеристики событий (например, значение аспектуальности)¹⁵.

Теперь переходим к анализу полипредикативных моделей недифференцированного темпорального значения. По нашим данным, в этот класс входят следующие шесть моделей: Т тах//на, Т ан, Т_убыт// + д. Т_утах//аайы, Т_уар//быыһыгар, Т_уых//икки ардыгар. Поскольку речь идет о многозначных моделях, за каждой из них предполагается несколько вариантов (модификаций), которые нужно выявить и оценить.

На первом этапе компонентного анализа в общем наборе семантических возможностей исследуемых конструкций фиксируются три семьи: "одновременность" (символически О), "следование" (С), "предшествование" (П). Объединяя следование и предшествование по основанию "разновременность", получаем два типа синтаксических смыслов – одновременность и разновременность, которые могут выражаться исследуемыми синтаксическими формами.

Поскольку в дальнейшем будет речь идти о том, какие синтаксические смыслы (какие отношения событий) могут выражаться перечисленными выше недифференцированными моделями при определенном лексико-грамматическом наполнении их предикативных позиций, мы не будем называть эти формы термином "конструкция"; но назовем модификациями конструкций. Например, конструкция Т ан – с модификациями "одновременность" и "предшествование".

Общее множество модификаций, т.е. все шесть конструкций, в соответствии с группировкой сем подразделяются на группы – со значением одновременности и со значением разновременности.

¹⁴ Кадыров Ш.К. Аспектуальная характеристика временных сложноподчиненных предложений в современном русском языке. Автореф. канд. дис. М., 1974, с. 2.

¹⁵ Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970, с. 29, 122.

¹⁰ Кульбакин А.А. Средства выражения аспектуальности в современном немецком языке в сопоставлении с русским. Автореф. канд. дис. М., 1976, с. 5.

¹¹ Серебренников Б.Н. Проблема глагольного вида в тюркских языках. – В кн.: Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958, с. 15–19.

¹² Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. М.–Л., 1960, с. 4.

¹³ Чонбашев К.С. Сложные предложения в русском и киргизском языках. Фрунзе, 1969, с. 91–92.

Значение одновременности в дальнейшем анализе уточняется и предстает в виде двух значений: полная одновременность и неполная одновременность (соответственно семы O^+ и O^- или O и $\approx O$). Значение разновременности уже задано как интегрирующие взаимно противопоставленные семы P и C . Сема P , в свою очередь, при дальнейшем анализе членится на общее предшествование и непосредственное предшествование (символы этих сем: P и $непоср. P$ или P и $:P$).

В этом порядке мы будем проводить анализ фактического материала.

А. Модификации, выражающие полную одновременность. Полная одновременность событий, описываемых в обеих частях конструкций, понимается как совпадение этих событий на всем их протяжении¹⁶. Это отношение передается всеми вышеназванными шестью моделями подсистемы моделей недифференцированного темпорального значения. Основным условием реализации этой семантики является следующая комбинация аспектуальных значений их частей: длительность события в зависимой части: длительность события в главной части. Например, $T тах//на$:

"Оттон биһиги разведзводы кытта тохтоон турдахпытана, эйэгэһэ сүрдээх этэ". (ГО-227) – 'А когда мы стояли с разведзводом, она была очень приветливая'.

Здесь оба события длительны. Длительность зависимого события выражена лексической семантикой ПСЧ (турдахпытана – 'когда стояли-мы'), длительность главного события – формой конечного сказуемого: показателем прошедшего незаконченного времени – прилагательное + *этэ* (эйэгэһэ сүрдээх этэ – 'была очень приветливая'). Названные события совпадают в плане полной одновременности.

Некоторые модификации моделей внутри этой группы, выражая общее для группы значение одновременности событий, оказываются противопоставленными в другом отношении – в аспекте монотемпоральности – разнотемпоральности¹⁷. Так, фразы модели $T тах//на$ с семантикой одновременности обычно бывают разнотемпоральными, а полипредикативные построения с $T ан$ – монотемпоральными. Например:

"Аһы олорон, хаһыат ааҕан тахсыбыта". – 'Когда кушал, он все время читал газету'.

Однако это противопоставление может нарушаться при определенных аспектуально-темпоральных характеристиках частей фраз. Так нам встретилась монотемпоральная фраза модели $T тах//на$,

¹⁶ Грамматика современного русского литературного языка. с. 728.

¹⁷ Черемисина М.И. Монотемпоральность и разнотемпоральность. Понятие и типология. – В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980.

главный предикат которой имеет форму прошедшего незаконченного времени изъявительного наклонения:

"Быыпсай хотонугар сырыттаһына, холоон хотун этиң". (ЛП ТС-40) – 'Когда ты находилась (в значении 'работала') в хотоне Быышего (прозвище князья), ты была не такой уж важной госпожой'. (Князец – дорев.: титул главы наслега).

В этой фразе ПСЧ зависимой части без существенного изменения ее синтаксического смысла можно заменить формой $T ан$. Ср.:

"Быыпсай хотонугар сылдьан холоон хотун этиң". – 'Когда ты находилась в хотоне Быышего, ты была не такой уж важной госпожой'.

Разнотемпоральные фразы модели $T тах//на$ при замене ПСЧ

" $T тах//на$ " на " $T ан$ " меняют свою семантику. Ср.: $T тах//на$ (разнотемпоральная):

"Татыһаас лэкээҕэ сыттаһына, көхсүгэр от кирибит". (СД ДЬББДЬ-65) – 'Когда Татьяна лежала на копне, ей в спину попало сено' (неполная одновременность);

$T ан$ (разнотемпоральная):

"Татыһаас лэкээҕэ сытан көхсүгэр от кирибит". – 'Так как Татьяна лежала на копне, ей в спину попало сено' (каузальное отношение).

Темпоральные фразы модели $T ан$ в разнотемпоральном оформлении нам не встретились.

Как показывают наблюдения, темпоральные планы фраз моделей $T тах//на$, $T ан$ соотносятся чаще всего с прошедшим абсолютным временем и реже с будущим абсолютным.

Свойство монотемпоральности – разнотемпоральности важно для фраз модели $T ар//быһыгар$, но здесь значимость его другая: если разнотемпоральные фразы с $T ар//быһыгар$ всегда выражают значение одновременности, то монотемпоральные построения (с этой же моделью) в зависимости от семантики послелога могут репрезентировать и отношения несколько иного характера. Например:

1) разнотемпоральная $T ар//быһыгар$:

"Дьахтаппар ардах сэлпириин быһыгар оһо сылдьыбытта". (АФ ТА-1-103) – 'В тех промежутках, когда утихает дождь, женщины продолжали косить' (одновременность);

2) монотемпоральная $T ар//быһыгар$:

"Эрбэхтэй хаартылырын быһыгар, киһэ чэйдии олорон эмээхсинигэр киһинэйдэ..." (АА ТА-4-287) – 'В перерыве между тем как играет в карты, вечером сидя за чаем, Эрбэхтэй пробормотал своей старухе...' (отношение чередования).

В следующей монотемпоральной фразе модели $T ар//быһыгар$ послелог имеет значение "во время"¹⁸ и конструкция выражает значение одновременности:

¹⁸ Якутско-русский словарь. М., 1972, с. 97.

"Аһырын быһыгар тугу эрэ кэпсиір". (ИН ИБ-43) - 'Он ест и в то же время что-то рассказывает'.

Фразы модели $T_v \text{тах} // \text{икки ардыгар}$ сему О репрезентируют, когда в их семантической структуре содержится указание на то, что зависимое событие совершается в определенном отрезке времени:

"Берт түргәнник киірэн тахсын икки ардыгар, Маайыс, би-ир икки тылын да буоппар, дьону барытын кытта кэпсэт-тэ..." - (АА ТА-4-41) - 'В том промежутке времени, когда она зашла на минутку и вышла, Мария, хотя и в нескольких словах, поговорила со всеми' (букв. - в промежутке того как она на очень короткое время зайдя-вышла).

Здесь событие зависимой части представляется как совершившееся в определенном (недлительном) отрезке времени. Во фразе акцентируется факт, что Мария зашла на очень короткое время, но поговорила со всеми (оттенок уступки).

Модель $T_v \text{быт} // + \text{д.}$ "одновременность" репрезентирует обычно тогда, когда событие главной части представляется как происходящее на фоне зависимого события и полностью укладывающееся в нем. Эта модель разносубъектная. Пример:

"Ньукуу атыһыт мичээрдээбитигэр, кыһыл көмүс тиистэр кылбачыстылар". (ИГ ХК-159) - 'Когда купец Нику улыбнулся, у него засверкали золотые зубы'.

В этой фразе ПСЧ зависимой части не заменяется формулой $T_v \text{тах} // \text{на}$, поскольку зависимое событие в первой - недлительное (совершенное), конкретное, и временные планы соотносены с прошедшим абсолютным временем. Ср. $T_v \text{тах} // \text{на}$:

"Ньукуу атыһыт мичээрдээтэҕинэ, кыһыл көмүс тиистэрэ кылбачыстылар" (неправильная фраза).

Здесь трансформация допускалась бы, если бы временные планы исходной фразы были ориентированы на будущее или аспектуальные значения ее частей характеризовались повторяемостью и обычно-стью (узусом) в плане прошедшего абсолютного времени. Однако события фраз модели $T_v \text{быт} // + \text{д.}$ всегда прошедшие и конкретные. Трансформация, оказывается, имеет место, когда зависимое событие фраз с $T_v \text{быт} // + \text{д.}$ характеризуется конкретизированной длительностью (событие состоялось, длилось и закончилось в плане прошедшего абсолютного времени). Например:

"Узбекский ССР НА тылга, литератураҕа, историяҕа институтыгар бара сылдыбыппар, ученайдар, ол иһигэр филологической наука кандидата Мукаш Тулегабылов уонна филологической наука доктора Седир Эркинов ордук Г. У. Эрғиһи уонна Н.К. Антоновы билэппэр, сураһаллар". (ХС-76-7-83) - 'Когда я сходил в институт языка, литературы, истории АН Узбекской ССР, ученые, в том числе кандидат филологических наук Мукаш Тулегабылов и доктор филологических наук

Седир Эркинов, больше всех знают Г.У. Эргиса, Н.К. Антонова и спрашивают о них'.

Событие зависимой части представлено аналитической формой ПСЧ $T_v \text{а} T_v \text{быт} // + \text{д.}$ (бара сылдыбыппар - 'когда сходил'; букв. - 'сходя побыл'). Второй компонент этой формы сылдыбыппар (от сырыт - 'находиться, побыть') - функционально-спу-жебный, и в контексте показывает, что событие, выраженное за-висимой частью, состоялось, длилось и закончилось в плане про-шедшего абсолютного времени. ПСЧ данной фразы существенного изменения ее синтаксического смысла заменяется формой $T_v \text{тах} // \text{на}$. Ср.:

"Узбекский ССР НА тылга, литератураҕа, историяҕа инсти-тутыгар бара сырыттаһына, ученайдар, ол иһигэр филопо-гической наука кандидата Мукаш Тулегабылов уонна филопо-гической наука доктора Седир Эркинов, ордук Г.У. Эрғиһи уонна Н.К. Антоновы билэппэр, сураһаллар" (перевод тот же).

Нужно отметить, что зависимое событие фраз модели $T_v \text{быт} // + \text{д.}$ чаще всего выражается глаголами с недлительной семанти-кой. Глаголы аналитической формы со значением длительности ти-пичны для ПСЧ фраз модели $T_v \text{тах} // \text{на}$, выражающих одновремен-ность.

Во фразах модели $T_v \text{тах} // \text{аайы}$ одновременность имеет мес-то в случае, когда событие зависимой части служит фоном, на котором совершается, полностью укладываясь в него, событие главной части. События частей характеризуются повторяемостью. Например:

"Хас нуктуу түстэҕин аайы, эдэр сүөһү туйаҕын тыһаа... этиңни этэр..." (НЗ КДУ-286) - 'Каждый раз как он не-много засыпает, звон копыт молодняка... гремит как гром...'

В модели $T_v \text{тах} // \text{аайы}$ сема О обнаруживается и в тех слу-чаях, когда события обеих частей характеризуются постепенным изменением. Например:

"Кинээс олохуттан тэйэн истэхтэрин аайы, Сөдүөччүйэ "Суо-баһа суох ырданчаҕа" абаланара улам күүһү рэн истэ". (АА ТА-4-426) - 'По мере того как они отдапались от стойбища князья, у Федосьи обида "на бессовестную пуза-тую" становилась все сильнее'.

В русском языке ППК с подобной семантикой классифицирует-ся двояко. Так, одни исследователи называют их сложноподчинен-ными предложениями¹⁹, другие - сложноподчиненными предложе-ниями времени²⁰.

¹⁹ Грамматика современного русского литературного языка. с. 734.

²⁰ Хализева В.С. О значении временных союзов...; Никити-на Э.Г. Система временных сложноподчиненных предложений в рус-

Б. Модификации, выражающие неполную одновременность. В этих модификациях одно событие – недлительное – совершается на фоне другого – длительного. Эти отношения могут передаваться всеми вышеназванными моделями, если в их структуре имеют место комбинации аспектуальных значений типа длительность : недлительность и недлительность : длительность. Примеры:

1) длительность : недлительность ($T_{\text{дл}}//на$):

"Микиитэ кинилэргэ ыстанан истэҕинэ, Марков букатын бай-
ыаннайа суохтук икки илиитин быпасты уунна". (АА ТА-4-
616) – 'Когда Никита бежал к ним, Марков совсем не по-
военному вытянул обе руки в размахе'.

Здесь в зависимой части выражается длительное событие "ыста-
нан истэҕинэ" – 'когда бежал (букв. – вскакивая–шел)'. Длитель-
ность названного события выражается аналитической формой ПСЧ
 $T_{\text{дл}} ан T_{\text{дл}}//на$. В главной части констатируется недлительное со-
вершившееся событие уунна – 'вытянул', о чем свидетельствует фор-
ма причастия недавнопрошедшего категорического времени $T_{\text{дл}}//$
(здесь ассимилятивно: $T_{\text{дл}}//$). Модель $T_{\text{дл}}//на$ при такой ком-
бинации своих аспектуальных значений (длительность в зависи-
мой части : недлительность в главной части) эксплицирует непол-
ную одновременность.

2) недлительность : длительность ($T_{\text{дл}}// + д.$):

"Дабыт Дьэкириэмнээххэ кирибитигэр, Муочаҕа Даарыйа
кэлэн опорор этэ". (ХС-77-9-61) – 'Когда Давид зашел в
дом Ефрема, в гостях у Моти сидела Дарья'.

В зависимой части представлено недлительное событие, его недли-
тельность (совершенство) в контексте репрезентирована формой
ПСЧ – причастием преждепрошедшего времени на -быт. В главной
части представлено длительное событие, что выражается формой
конечного сказуемого – показателем причастия незаконченного вре-
мени – ор этэ. Модель $T_{\text{дл}}// + д.$ при такой комбинации аспек-
туальных значений (недлительность : длительность) выражает не-
полную одновременность.

В. Модификации, выражающие разновременность. Они подразде-
ляются на две подгруппы: 1) модификации, выражающие следова-
ние, 2) модификации, выражающие предшествование.

Модификации, выражающие следование (событие главной части
следует за событием зависимой части), представлены следующими
четырьмя моделями: $T_{\text{дл}}//на$, $T_{\text{дл}}// + д.$, $T_{\text{дл}}//аайы$,
 $T_{\text{дл}}//быһыгар$.

ском языке. Автореф. канд. дис. М., 1973; Кадыров Ш.К. Аспек-
туальная характеристика . . . ,

У фраз модели $T_{\text{дл}}//на$ значение следования, как показыва-
ют наблюдения, обычно связано с их ориентированностью на бу-
дущее время или с повторяемостью и обычностью в плане прошед-
шего времени и абстрактного настоящего. Помимо всего этого, со-
бытия частей фраз с $T_{\text{дл}}//на$ (с семой С) характеризуются не-
длительностью. Примеры:

1) события частей ориентированы на будущее:

"Эн манна күүтэ түс, мин кэллэхпинэ, атааран биэриэм".
(ХС-76-7-92) – 'Ты здесь подожди пока, когда приду, я
провожу тебя';

2) события частей, повторяющиеся и обычные в плане прошед-
шего времени:

"Трофим Морозов Кулукановы көрүстэҕинэ, бэрт буола са-
таан мичээрдиэр". (ГО-79) – 'Когда Трофим Морозов встре-
чал Кулуканова, он заискивающе улыбался';

3) события частей, повторяющиеся и обычные в плане абстракт-
ного настоящего:

"Манна сылдыар бырааба суох буопан, упахан начаалынньык-
тар кэллэхтеринэ, саһан хаалар". (ПЕ ББО-8) – 'Так как
он не имеет права заходить сюда, когда приходят большие
начальники, прячется'.

Существенно также, что синтаксическая связь во фразах моде-
ли $T_{\text{дл}}//на$ со значением следования может пониматься как ус-
ловная или темпорально-условная соотнесенность двух событий.
При определении характера синтаксической соотнесенности собы-
тий значительная роль отводится конситуации. Если событиям час-
тей фразы свойственна альтернативность²¹, то синтаксическая се-
мантика таких фраз представляется как условие или темпорально-
условная соотнесенность. Отсутствие же альтернативности событий
предопределяет сему С, т.е. темпоральную соотнесенность.

Если фразы модели $T_{\text{дл}}//на$ с семой O^+ , O^- оказываются
более или менее противопоставленными в аспекте моносубъектно-
сти – разносубъектности, то фразы этой же модели с семой С та-
кого противопоставления не допускают.

Фразы модели $T_{\text{дл}}// + д.$ значение следования выражают в
зависимости от характера аспектуально-темпоральных значений их
частей, а также конситуаций. События этих фраз обычно бывают
представлены как прошедшие конкретные и недлительные. При этом
событие зависимой части не должно мыслиться только как фон,
на котором происходит событие главной части. Например:

²¹ Об альтернативности обусловливающего и обусловленного
событий, создающих значение условия, на материале русского язы-
ка (см.: Бабалова Л.Л. Семантические разновидности причинных
и условных предложений в современном русском языке. Автореф.
канд. дис. М., 1975, с. 19).

"Сэбиэскэй көңүл былаас, дыадаңы былааһа кэплэ диэбиттэ-ригэр тайҕаттан дойдубун булбутум". (ЛП ТС-24) - 'Когда сказали, что пришла власть свободы, Советская, власть бедных, я из тайги вернулся на родину'.

Во фразах модели T_vтах//аайы сема С выражается также в зависимости от конситуации и события характеризуются повторяемостью. Например:

"Хас киһи бүттэҕин аайы ытыстарын таһыммытара". (ПА ОТО-55) - 'Всякий раз как каждый выступающий заканчивал говорить, они аплодировали'.

Фразы модели T_vар//быһыгар с отношением следствия (чередования) моносубъектны и послепог быһыгар характеризуется значением типа "между", "в промежутках". Например:

"Кини оһох отторун, мас кыстыырын быһыгар, халың баҕайы кинигэлэри учуутал кыыстан уларсан ааҕара". (Н КЫ-15) - 'В перерыве между тем как он топил печи, заносил поленья (в помещение), читал очень толстые книги, которые брал у девушки-учительницы'.

Модификации, выражающие предшествование (событие зависимой части опережается событием главной части или последнее предшествует событию зависимой части). Это значение выражается следующими тремя моделями: T_vтах//на, T_vан, T_vых//икки ардыгар. Первая обычно бывает разнотелъектной, вторая - монотелъектной. Примеры:

1) T_vтах//на:

"Лука хоруйдаары гынан эрдэҕинэ кэннигэр Тохороон суодас гына түһэр". (АА ТА-4-584) - 'Когда Лука собрался было уже ответить, вдруг сзади него появляется Тохорон с внушительным видом' (ср. рус. - 'не успел ответить, как').

2) T_vан:

"Саргылаана ити дьэ диэки туоруохча буолан иһэн, тохтоото". (СД СТТ-101) - 'Саргылана, чуть не свернув в сторону этого дома, остановилась'.

В этих модификациях ПСЧ зависимой части имеют аналогичные формы, состоящие из трех компонентов: два из них выполняют служебную функцию (они выражают аспектуальные характеристики событий), последний компонент - номинативную функцию (деепричастие на -аары, форма древнего падежа на -ча причастия на -ых). События зависимых частей представляются как непосредственно подошедшие к своему совершению, а события главных частей - как опередившие первые во времени совершения.

Семантику таких фраз мы понимаем как непосредственное предшествование (:П).

Предикативно-соотносительные члены зависимой части полипредикативных моделей T_vтах//на, T_vан при выражении подобной семантики характеризуются аналитическими формами. Они в нашей выборке следующие:

Модель T_vтах//на: T_vаары гынан эрдэх//нэ, T_vых курдук буолан/гынан эрдэх//нэ, T_vыхча буолан эрдэх//нэ, T_vыхча курдук гынан/буолан эрдэх//нэ.

Модель T_vан: T_vаары гынан иһэн, T_vых курдук гынан иһэн, T_vыхча буолан иһэн, T_vыхча курдук гынан/буолан иһэн.

Кроме того, ПСЧ зависимой части этих конструкций может иметь и такие аналитические формы: T_vаары T_vтах//на, T_vаары T_vан. Например:

1) T_vаары T_vтах//на:

"Мин кэлээри опордохтуна Куандык эвоноктаата". (СР КТ-64) - 'Непосредственно перед тем, как я приехал (сюда), позвонил Каундык (букв. - когда я сидел с целью приехать)';

2) T_vаары T_vан:

"Хата кэлээри туран иһиттим". (ББ СДБ-313) - 'Кстати, непосредственно перед тем как прийти (сюда), я услышал (букв. - стоя, чтобы прийти)'.

В этих построениях событие главной части непосредственно предшествует событию зависимой части.

Модель T_vых//икки ардыгар с модификацией "предшествование" выражает такой синтаксический смысл, при котором сема П осложняется экспрессивными элементами внезапности, подчеркнутой быстроты и интенсивности совершения главного события. Условием реализации подобного синтаксического значения служат определенные аспектуальные характеристики событий частей фраз. Зависимое событие обычно представляется как недлительное, неконкретизированное, главная часть - как внезапное, подчеркнутое быстрое и интенсивное. При этом в зависимости от конситуации совершение главного события может помешать или не помешать осуществлению зависимого события. Например:

1) Өйдөнүн икки ардыгар, түңнэри сөрөөн түһэрдилэр". (ИГ ХК-185) - 'Не успел прийти в себя, как его свалили с ног'.

Динамичное, мгновенное событие главной части помешало осуществлению зависимого события.

2) "Арай үтүпүктээх бэргэһэбин устуом икки ардыгар кыһыл оҕо саңата бэбээрэ түстэ". (ВО ХМ-39) - 'Не успел я снять рукавицы и шапку, как вдруг раздался плач младенца'.

Динамичное, внезапное событие главной части опередило зависимое событие, но не помешало его осуществлению.

В следующей фразе модели T_vых//икки ардыгар констатируется факт, что зависимое событие вот-вот должно совершиться и в этот момент реализуется мгновенное событие главной части:

"Кыысчаан ааны аһа баттаан хаһытаабыта халҕан сабылпыйан икки ардыгар иһиллэн хаапта". (ХС-77-11-104) - 'Девушка быстро открыла дверь и крикнула, и это (крик) послышалось в тот момент, когда дверь еще не успела захлопнуться' (букв. - 'То, что девушка крикнула, быстро отворив дверь, послышалось в тот момент, когда дверь еще не успела захлопнуться').

Некоторые выражения, представленные схемой $T_{\text{улах}} // \text{икки ардыгар}$, в речи функционируют в качестве фразеологических оборотов со значением типа 'быстро', 'моментально' и т.п. Например:

"Онтон чыпчылыыах икки ардыгар тура экирээр, икки кулгаагың ыһылааччы туттубутунан чугастаагы тыа диэки муустуу турда". (НЗ КДУ-284) - 'Потом он (медведь) моментально вскакивает на ноги и, опустив уши, мчится в сторону ближайшего леса'.

Конструкт $\text{чыпчылыыах икки ардыгар}$ (букв. - глазом моргнуть - в промежутке-этого) здесь выражает значение типа 'моментально'.

Итак, мы рассмотрели "наборы" синтаксических смыслов, выражаемых полипредикативными моделями недифференцированной темпоральной семантики и условия их реализации. Установили, что якутские ППМ данного множества характеризуются разными наборами значений. Реализация каждого из значений в этом наборе предопределяется разными грамматическими значениями. Полученные нами результаты отнюдь не претендуют на полное представление системы синтаксической семантики моделей недифференцированного значения и условий их реализации. Это лишь первый опыт наблюдения и описания данной системы на эмпирическом материале.

Выявленные семантические наборы темпоральных моделей представляем следующей таблицей (+ - данная семантика реализуется в нашей выборке):

Модели	Семантика			
	Одновременность		Разновременность	
	полная	неполная	следование	предшествование
$T_{\text{улах}} // \text{на}$	+	+	+	+
$T_{\text{уан}}$	+	+		+
$T_{\text{убыт}} // + \text{д}$	+	+	+	
$T_{\text{улах}} // \text{аайы}$	+	+	+	
$T_{\text{уар}} // \text{быһыгар}$	+	+		
$T_{\text{улах}} // \text{икки ардыгар}$	+	+		+

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АА ТА-4 - Амма Аччыгыйа. Талыппыбыт айымнылар, т. 4. Якутский, 1970
 АФ ТА-1 - Афанасий Федоров. Талыппыбыт айымнылар, т. 1. Якутский, 1962
 ББ СДБ - Болот Боотур. Сааскы дьыбардар, Якутский, 1971

- ВО - Василий Ойуурускай. Хара мэңнэр. Якутский, 1970
 ГО - Герой-оһолор. Якутский, 1970
 ИГ ХК - Иван Гоголев. Хара кыталык. Якутский, 1977
 ИН ИБ - Исай Никифоров. Илин былдьаһыы. Якутский, 1972
 ЛП ТС - Леонид Попов. Тоҕой салэ. Якутский, 1976
 МД КС - Михаил Доғордуурап. Кэпсээннэр, сэһэннэр. Якутский, 1968
 Н КЫ - Нэртэ. Кыталык ырыата. Якутский, 1972
 ПА ОТО - Петр Аввакумов. Окко түспүт оһоһуум. Якутский, 1975
 СД ДЬБЕДЬ - Софрон Данилов. Дьоллоох буолуң, бар-дьонум. Якутский, 1972
 СД СТТ - Софрон Данилов. Сүрэх тэбэрин тухары. Якутский, 1977
 СР КТ - Семен Руфов. Куораттарга, тыаларга. Якутский, 1976
 СФ АЛМА - Степан Федотов. Аал-пуук мас анныгар. Якутский,
 ХС-76-7 - Журнал "Хотугу Сулус", Якутский, № 7, 1976
 ХС-77-9 - Журнал "Хотугу Сулус", Якутский, № 9, 1977

ЗАВИСИМЫЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИЧАСТНЫМ СКАЗУЕМОМ (на материале шорского языка)

Зависимое определительное предложение в шорском языке, как и в большинстве тюркских языков, представляет собой развернутое определение, которое имеет самостоятельное подлежащее и причастное сказуемое. Следовательно, такое зависимое предложение можно рассматривать как причастное определение в форме целого предложения.

"Кок олень оспеен черде кок олень озужуп..." (Ш.ф., с. 198) - 'На земле, на которой ¹ не росла зеленая трава, зеленая трава появилась'. Подлежащее зависимого определительного предложения 'олень, трава' выражено именем существительным в основном падеже, сказуемое оспеен - 'не росла' выражено отрицательной формой причастия на -ган (-пеен < -пеген, где -пе - аффикс отрицания).

Как и всякое определение, определительное зависимое предложение всегда расположено перед тем членом главного предложения, который оно определяет.

"Каргыш четпес кара брекен черине парарзынь". (Ш.ф., с. 188). - 'В землю Черной старухи, до которой не достигает проклятье, отправляйся!'. Подлежащее зависимого предложения каргыш - 'проклятье' выражено именем существительным в основном падеже, а сказуемое четпес - 'не достигает' - отрицательной формой причастия на -р (-пес < -пе + с, где с < э < р).

Так как каждый член предложения может иметь при себе определение, зависимое определительное может относиться к любому члену предложения, выраженному именем существительным или другим субстантивированным именем. Например:

"...улу кизи адаган ат сийинчик теп, укчаным". (Ш.ф., с. 164). - 'Я слышал, что имя, которое назвал старый человек, устойчивое - нерушимое' (определение к подлежащему).

¹ Так как в шорском языке отсутствует относительное местоимение "который", то оно встречается лишь в русском переводе (см.: Чиспияков Э.Ф. Определительные придаточные предложения в шорском языке. - В кн.: Вопросы тюркской филологии. Кемерово, 1973, с. 77).

"Пир оолак чааскыда суг пузулчыткан тушта муус устуне оодуруп саарыг шааштыг кыс шаажын тааранчиткан кооруб алган". (Ш.ф., с. 270). - 'Один юноша увидел весною, в то время, когда вскрывается река, как на льдине девица, сидя рыжие волосы расчесывала' (определение к обстоятельству времени).

"Мен кооленген кыстынь еми аал сонда турча". (Серб.) - 'Дом девушки, которую я полюбил, стоит на краю селения' (определение к определению).

"Абазы айткан состу ол укпаан салды". (Чуд.) - 'Он не послушал слов, которые сказал отец' (определение к дополнению).

"По таг пир-да кизи пар полбас мөзүк таг." (Серб.) - 'Эта гора, через которую никто не может перейти, - высокая гора' (определение к сказуемому).

Подлежащее шорского определительного зависимого предложения может быть выражено:

1) именем существительным (как нарицательным, так и собственным):

"Карлыгаш учук шыкпас кун полча". (Ш.ф., с. 168) - 'Такой день наступил, что ласточка-птица не может взлететь'.

"Андиг полганд аба кулак олчиткан черге парарым!" (Ш.ф., с. 202) - 'Если так, то я поеду в ту землю, где умирает Аба Кулак';

2) местоимением:

"Езе, покая сарыг пече, по чер устунде сен ылгачань чер парок-па?" (Ш.ф., с. 226) - 'О, Покая Сарыг сестра, разве на этой земле есть что-нибудь, из-за чего ты бы плакать стала?' (подлежащее - сен - 'ты').

Подлежащее определительного зависимого предложения в шорском языке может оформляться:

1) основным падежом:

"Мен парчень чер чер раагы чер!" (Ш.ф., с. 112) - 'Путь, по которому я пойду - далекий путь, ...' (подлежащее - мен - 'я', личное местоимение в основном падеже).

"Мен туган аалым мөзүк тагда турча". (Чуд.) - 'Селение, в котором я родился, высоко в горах';

2) родительным падежом²:

"Анань кам наньп шыгарга еткенде аань керген ежиги пектелип паартыр". (Ш.ф., с. 270) - 'Когда шаман, возвращаясь, оттуда выходить хотел, дверь, через которую он вошел, была заперта' (подлежащее - аань - 'его', личное местоимение ол - 'он' в родительном падеже).

"Абакайдын кирар чари чок адин тудуш чур чар. - '

² О форме подлежащего зависимого предложения в шорском языке см.: Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М.-Л., 1941, с. 290, 298, Чиспияков Э.Ф. Определительные придаточные..., с. 78-79.

Dem Mädchen lässt er keine Stelle, wo es hingehen kann, hält es fest'. (Радл., с. 365-366,50) ('Он не оставляет места, где девушка могла бы пройти. Удерживает ее'. - Перевод наш). Подлежащее - абакайдын, имя существительное абакай - 'девушка' в родительном падеже.

Подлежащее зависимого определительного предложения может иметь при себе определения (примыкающие и изафетные). В случае изафетного определения подлежащее оформляется аффиксом принадлежности. Например:

"Каан мергеннин ак малы, албаты чоны пир оймакка шыга шабылар кун поолча". (Ш.ф., с. 146). - 'Наступает день - белому скоту и подданому народу Кан Мергена в одной яме скутиться'. Подлежащее - малы - 'скот' и чоны - 'народ' - имена существительные в основном падеже с аффиксом принадлежности -ы и с предшествующим существительным в родительном падеже.

"Сеен аг ой адын кежи чорбее суг калбазын!" (Ш.ф., с. 144) - 'Да не будет воды, по которой не прошел бы твой бело-сивый конь!' Подлежащее - адын - 'твой конь'. имя существительное в основном падеже с аффиксом принадлежности -н и с предшествующим притяжательным местоимением сеен - 'твой'.

Подлежащее зависимого определительного предложения в посессивной форме может выступать и без определения, так как, просоединяясь к основе имени, аффиксы принадлежности заменяют притяжательные местоимения. Например:

"Оолак алтын оргоге паас-енип, абазы чатчан алтын шерке кыратка чадып, узубусту". (Ш.ф., с. 188) - 'Мальчик к золотому дворцу спустился и на кровать лег, на которой обычно спал его отец, (лег) и заснул'. Подлежащее - абазы - 'отец его', имя существительное в основном падеже с аффиксом принадлежности -зы.

В ряде случаев подлежащее определительного зависимого предложения может отсутствовать.

"Ас коп карбашчаткан шенде кара кылыш сурунмес черден сурун саалб одур, ..." (Ш.ф., с. 136) - 'В то время, когда много ли, мало ли они боролись, Кара Кылыш на земле, на которой не поскальзываются, поскальзываться стал'.

"Аарыг кузум албаан, чарык черден чаазып ашчан шеним четти! (Ш.ф., с. 134) - 'Чистой силы моей не хватает, настало время, когда я, отделяясь от солнечного света, погибнуть должен!'.

В функции сказуемого определительного предложения, как и в других видах зависимых предложений, выступает причастие, но в отличие от них, оно, как правило, не принимает личных аффиксов. Поэтому в зависимом определительном предложении часто отсутствует согласование подлежащего и сказуемого в лице и числе. Например:

"Сен ашпаан ажыг-даа пудун калбазын". (Ш.ф., с. 132) - 'Пусть не останется перевала, через который бы ты не перевалил ...'

"Меен оглым слердин палларын ургенчикан школда иштеча". (Чуд.) - 'Мой сын работает в школе, где учатся ваши дети'.

В первом примере подлежащим зависимого предложения является личное местоимение 2-го лица единственного числа сен - 'ты', а в последнем предложении подлежащим является имя существительное во множественном числе слердин палларын - 'ваши дети', но сказуемое зависимого предложения и в том и в другом случае выражено причастием, имеющим нулевое личное оформление - ашпаан - 'не перевалил', ургенчикан - 'учится'.

Для сравнения приведем примеры с другими видами зависимых предложений, в которых согласование подлежащего и сказуемого выражено при помощи аффиксов лица:

"Сен эмде калып, чагыска одурганче, ачыкка парбайын". (Серб.) - 'Лучше я не пойду на охоту, чем тебе одной сидеть дома'.

"Мен ыларга чорчитканымга, ол кобленменча". (Чисп.) - 'То, что я хожу к ним, ему не нравится'.

Принято считать, что в отличие от других видов зависимых предложений, которые могут подчиняться главному при помощи падежных аффиксов и послелогов, а также при помощи особых служебных слов (вопросительных слов, частиц, глагола те), определительное зависимое предложение в шорском языке не имеет формальных средств связи с главным³, т.е. оно подчинено главному посредством примыкания. Однако проведенное нами исследование позволило выявить наряду с примыканием наличие и других способов подчинительной связи определительного зависимого предложения с главным. К ним относятся: 1) изафет, 2) связь посредством частиц, 3) связь посредством послелога ош-каш - 'словно, подобно'. Например:

"Кун чыгар йаны пос полор, алтынды туткан ус полор". (Верб. с. 437). - 'Та сторона бывает светла, где восходит солнце; тот бывает мастер, кто работает с золотом'. Зависимое определительное предложение, подчиненное главному посредством изафета.

"Слер пилбес-те небе чок!" (Ш.ф., с. 142) - 'Нет ничего, чего бы вы не знали!' Зависимое определительное предложение, подчиненное главному посредством частицы те.

"Мага пеккей кеп чорчиган ошкас кунк ал, вер". (Чуд.) - 'Купи мне такое платье, какое носит Пеккей'. Зависимое определительное предложение, подчиненное главному посредством послелога ошкас. Два последних вида связи в литературе о шорском языке пока не рассматривались, и они заслуживают специального изучения. В настоящей статье они рассматриваться не будут.

Порядок слов в определительном зависимом предложении такой же, как и в самостоятельном предложении: определения под-

³ Чиспияков Э.Ф. Определительные придаточные..., с. 77-78.

лежащего и определители сказуемого, как правило, стоят в предпозиции.

"Паалалыг кат палазын таппас кун полду". (Ш.ф., с. 114) – 'Был день, когда имеющие детей женщины детей не находили'.

Нами отмечены случаи нетипичного расположения зависимого определительного предложения.

"Сен пилбес те, кан арга пече, по куну чарыкта алып чок". (Ш.ф., с. 124) – 'На этом солнечном свете нет такого богатого, которого бы ты Кан Арга, сестра моя, не знала'.

В данном примере определение сен пилбес те – 'которого бы ты не знала' расположено дистантно по отношению к определяемому алып – 'богатый'.

В шорском языке зависимые определительные предложения чаще всего сочетаются с определяемым посредством примыкания и изафета.

Примыкающие зависимые определительные предложения. Зависимый характер примыкающего определительного предложения со сказуемым-причастием выражается в том, что оно стоит перед определяемым, а также тем, что сказуемое его не имеет личного оформления. Примыкающие зависимые определительные предложения по характеру определения делятся на две группы: сравнительно-определительные и определительные, не имеющие значения сравнения.

Примыкающие сравнительно-определительные предложения по форме всегда бывают простыми нераспространенными предложениями со сказуемым, выраженным причастием; причем ни подлежащее, ни сказуемое никаких аффиксов не имеют. Например:

"Карактыг арактыг, кан чапшырган нактыг чадыр". (Ш.ф., с. 186) – 'У него были глаза как у ястреба, щеки румяны, словно сквозь них проступила кровь'.

Вероятно, это очень древние сравнительные обороты. В современном языке они выглядят застывшими. При таких оборотах определяемым почти всегда бывают одни и те же предметы:

"Чазы парган сагры". – 'Раскинувшийся, как степь, круп' (букв. – (степь раскинулась) круп).

"Чазы парган чарын". – 'Плечи, раскинувшиеся, как степь'.

"Кан чапшырган на". – 'Словно кровью замазанные щеки'.

"Кан чапшырган шырайы". – 'Словно кровью замазанное лицо'.

Подобные примыкающие сравнительно-определительные предложения, но со сказуемым, выраженным прилагательным, были ранее описаны Е.И. Убрятовой в якутском языке. По ее мнению, для современного якутского языка примыкающие сравнительные предложения типа "муус манан" – 'белый как лед' являются застывшими оборотами, стоящими на грани перехода в оформители степени качества имен прилагательных⁴. По-видимому, аналогич-

ное явление прослеживается и в шорском языке на примере примыкающих сравнительно-определительных предложений с причастным сказуемым. Может быть, поэтому сравнительно-определительные предложения так часто встречаются в определительных сочетаниях наряду с именами прилагательными в сравнительной степени, с именами существительными в сравнительном падеже или с именами существительными с послелогом – аффиксом -че. Например:

"Чазы парган сагрылыг казаннаа улуг ааштыг кан!" (Ш.ф., с. 346) – 'Хан, имеющий круп (т.е. бедра) раскинувшийся как степь, имеющий рот больше казана!'

В данном примере сравнительно-определительное предложение употребляется параллельно с прилагательным улуг – 'большой' в сравнительной степени. Например:

"Картыгадыг карактыг, кан чапшырган наактыг олак тууб алды". (Ш.ф., с. 142) – 'Мальчик с глазами как у ястреба, со словно кровью замазанными щеками родился'.

В этом случае сравнительно-определительное предложение употребляется параллельно с существительным картыга – 'сокол' в сравнительном падеже.

"Чазы парган чарынныг, туйуук кайа-че енменниг алып толлери мындагы черде пажынын чоборчалар". (Ш.ф., с. 126) – 'Потомки богатых, имеющие лопатки как раскинувшаяся степь, имеющие плечи с целую скалу, в здешней земле расхаживают'.

Этот пример иллюстрирует параллельное употребление сравнительно-определительного предложения со сравнительным сочетанием туйуук кайа-че, имеющим послелог – аффикс -че, который выражает отношения сравнения.

Сравнительно-определительные предложения или непосредственно примыкают к определяемому, или входят в определительное сочетание, примыкая к основе, от которой образовано имя на -лыг (-тыг -ныг, -лиг ~ -тиг ~ -ниг, -луг ~ -туг ~ -нуг, -луг ~ -туг ~ -нуг)

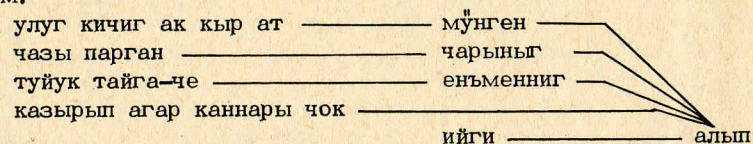
"Кыдат парган изенъени кына тепти, ак кор аттынъ чазы парган сагрызын чара шапты". (Ш.ф., с. 208) – 'Натянутые китайские стремена ногой нажал (и) крепче оперся. По раскинувшейся, как степь, широкой спине коня ударил ...' Сравнительно-определительное предложение примыкает непосредственно к определяемому.

"... улуг кичиг ак кыр ат мунген чазы парган чарынныг, туйук тайга-че енменниг, кыйыл парар тыннары чок, кызарып агар каннары чок ийги алып алтын шырчын тозуна казала тушкен". (Ш.ф., с. 174) – '... к основанию золотой коновязи рысью спустились два богатыря, сидящие верхом на двух бело-серых конях – на большом и малом, имеющие раскинувшиеся, как степь, лопатки и плечи, как целая тайга, не имеющие души, которая может погибнуть, не имеющие крови, которая может вытечь'.

⁴ Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Кн. 2. Сложное предложение. Новосибирск, 1976, с. 235.

Пример интересен тем, что в нем сравнительно-определятельное предложение входит в определятельное сочетание, примыкая к основе, от которой образовано имя на -ниг (-ныг), наряду с примыкающими определениями, выраженными отдельным словом (ийги — 'два') и определятельными сочетаниями.

Графически это можно было бы представить следующим образом:

В роли сказуемого сравнительно-определятельного предложения выступает лишь причастие на -ган.

Ко второй группе относятся примыкающие определятельные зависимые предложения, не имеющие значения сравнения. В функции сказуемого таких предложений могут выступать причастия на -р (-бас), на -ган (-баан), на -чаткан, на -чанъ, а также причастие на -галак. Например:

"По чердинъ устунде мен корыгар кичи чок, — 'Auf der Oberfläche der Erde ist kein Mensch, den ich fürchte!' (Радл., с. 364, 515). — ('На этой земле нет человека, которого бы я боялся'. — Перевод наш).

"Алып ашпас тебир шеден пудурдүлөр". (Ш.ф., с. 152). — 'Железный забор, через который богатырь не перейдет, построили'.

"Менинъ йылан перген агач кайа?" (Верб., с. 115) — 'Где мое дерево, которое дала змея?'

"Сен, алтын ок текшилеп ертпеен калык чон калбазын!" (Ш.ф., с. 144) — 'Да не останется народа, промеж которого не прошел бы ты, Алтын Ок!'

"Суг паарчыган туштерде суг еези муустуг кара анъ-чыла-бок кобрунче". (Ш.ф., с. 272) — 'В то время, когда идет лед (на реке), хозяина воды видят похожим на рогатого черного зверя'.

"Мен тазычанъ урда алында шор кижилер тебир агыскан чер-де казылча". (Чуд.) — 'Руда, которую мне предстоит возить, добывается на месте, где раньше шорцы плавилы железо'.

"Меенъ чегибре пеш час полгалак абам фронтада одурткен". (Чуд.). — 'Мой отец, которому еще не было двадцати пяти лет, погиб на фронте'.

В собранном нами материале отсутствуют примеры на отрицательную форму причастий на -чанъ (-бачанъ) и причастий на -чаткан (-баанчаткан) в функции сказуемого примыкающего зависимого определятельного предложения.

Нередко при одном определяемом встречаются несколько определятельных зависимых предложений этого вида:

"Тужеп туш четпес, саанап сагыш четпес чер-бе паарча". (Ш.ф., с. 126). — 'По земле, которую спя, сон не достигнет, думая, мысль не достигнет, он едет'.

Примыкающее определятельное предложение очень часто употребляется наряду с определениями, выраженными отдельными словами или определятельными сочетаниями. При этом оно в отличие от определятельного предложения, связанного с определяемым посредством изафета, часто отделяется от определяемого каким-либо другим простым определением. Например:

"Ок обтпес кара шойун куйак кеес-салды". (Ш.ф., с. 102) — 'Он надел кольчугу из черного чугуна, сквозь которую пуля не пройдет'.

В приведенном примере примыкающее определятельное предложение ок обтпес — 'пуля не пройдет' отделено от определяемого куйак — 'кольчугу' двумя простыми определениями кара — 'черный' и шойун — 'чугунный', которые также связаны со своим определяемым посредством примыкания.

Примыкающее определятельное предложение, не имеющее значения сравнения, может быть простым нераспространенным предложением, как в приведенном выше примере; простым распространенным предложением или сложным, имеющим в свою очередь зависимое предложение. Например:

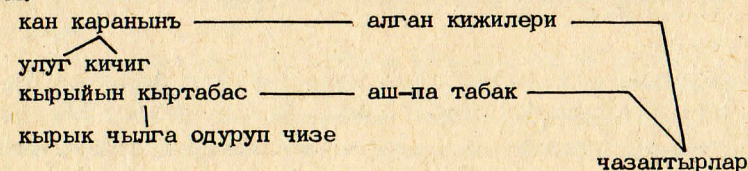
"Алтон алып албанын перип ара кирчаткан чер полтур..." (Ш.ф., с. 98) — 'Это была земля, куда шестьдесят богатырей, дань принося, входили...'.

В этом примере зависимое определятельное примыкающее предложение алтон алып албанын перип ара кирчаткан — 'шестьдесят богатырей, дань принося, входили' представляет собой простое распространенное предложение, включающее в себя деепричастный оборот албанын перип — 'дань принося'.

"Улуг кичиг кан каранын алган кижилери...; кырык чылга оодуруп чизе, кырыын кыртабас аш-па табак чазаптырлар". (Ш.ф., с. 118). — 'Жены Кан Кара, большого и малого (это два человека), приготовили вино и пишу, которой нельзя истребить половину, если в течение сорока лет сидя (т.е. не вставая) есть'.

Здесь интересно то, что зависимое примыкающее предложение состоит из главного предложения: кырыын кыртабас — 'которой нельзя истребить половину', и зависимого: кырык чылга оодуруп чизе — 'если в течение сорока лет не вставая есть'.

Графически это можно было бы представить следующим образом:

Определительные зависимые предложения, сочетающиеся с определяемым посредством изафета. В зависимых определительных предложениях, сочетающихся с определяемым посредством изафета, сказуемое имеет согласование в лице и числе (факультативно) со своим подлежащим. В этом случае определительное зависимое предложение ставится, как правило, перед своим определяемым, а личный оформитель сказуемого зависимого определительного предложения, выражающий его согласование со своим подлежащим в лице, принимает тот член главного предложения, который оно определяет.

Изафет занимает сравнительно небольшое место среди способов выражения подчинительной связи зависимого и главного предложений, так как он используется только при сочетании таких определительных зависимых предложений с членами главного предложения, в которых действие (или состояние), выраженное в причастном сказуемом, не принадлежит определяемому члену главного предложения. Например:

"Сааскан сылдыш алар еди калбады". (Верб., с. 319) – 'Не осталось мяса, которое могла порвать сорока'.

В приведенном примере определение выражено предложением сааскан сылдыш алар ... –и – 'сорока могла порвать... –она'. Отношение зависимого предложения к члену главного предложения ет – 'мясо' выражено прежде всего тем, что оно занимает место непосредственно перед определяемым, и, во-вторых, аффиксом принадлежности –и при определяемом, который в лице сказуемого зависимого определительного предложения (алар... –и – 'могла порвать ... –она') выражает согласование со своим подлежащим (сааскан – 'сорока'), а также зависимый характер самого определительного предложения.

Сочетание зависимых определительных предложений с главным посредством аффиксов принадлежности при определяемом впервые было отмечено О.Н. Бетлингом⁵ для синтаксиса якутского языка. Этот способ связи был исследован Е.И. Убратовой и назван ею "причастным изафетом"⁶. Аналогичный тип связи зависимого предложения с главным отмечен В.М. Надеяевым для тувинского языка. Анализ фактического материала позволяет нам сделать вывод о наличии подобных синтаксических конструкций также и в шорском языке. Выделению причастного изафета в синтаксисе шорского языка, по-видимому, мешало то обстоятельство, что внешне он часто совпадает с именным изафетным сочетанием, так как подлежащее зависимого определительного предложения

может иметь форму родительного падежа. Ср. например: 1) "меень көргөн аргыжым" – 'мой увидевший друг'; 2) "меень көргөн аргыжым" – 'друг которого я увидел'.

Эти внешне совпадающие сочетания имеют не только не совпадающее, но прямо противоположное значение. В первом случае определяемое имеет два определения: одно – личное местоимение в родительном падеже, характеризующее определяемое по признаку принадлежности этому лицу и связанное с определяемым посредством изафета; другое – причастие, выражающее собой действие, производимое определяемым. Это определение примыкает к определяемому. Таким образом, определяемое имеет два разных определения, каждое из которых связано с ним разными способами связи.

Во втором случае определяемое имеет одно определение (в форме целого предложения), которое связано с определяемым одним способом связи – изафетом. Так как определение, выраженное предложением меень көргөн – им – 'я увидел' связано с определяемым посредством изафета, то личный оформитель его сказуемого несет определяемое. Во втором сочетании слова меень и көргөн связаны прежде всего между собой как члены предложения, выступающего в роли определения. Поэтому и причастие выражает действие, которое производит подлежащее предложения – определения.

Аффикс принадлежности при определяемом в этом случае не выражает принадлежности лицу. Он выполняет здесь другие функции, а именно:

1) выражает согласование в лице и числе (факультативно) причастного сказуемого зависимого определительного предложения со своим подлежащим, т.е. выражает не принадлежность предмета лицу, а принадлежность действия подлежащему зависимого определительного предложения;

2) выражает синтаксическое отношение определительного предложения к своему определяемому.

При выражении согласования подлежащего и сказуемого определительного предложения посредством аффикса принадлежности при определяемом следует отметить несколько моментов.

1. Аффиксом принадлежности оформляется лишь определяемое:

а) определяемое стоит в основном падеже:

"Ой молаттын ак молаттын туньмазы мен алджан кижим полган, аны маа пер". (Радл., с. 374). – 'Сестра Ой Молата и Ак Молата – та женщина, которую мне предназначено взять (в жены), отдай мне ее!'

В этом примере определяемое (именная часть составного именного сказуемого) имеет форму основного падежа. Аффикс принадлежности 1-го лица единственного числа –м при определяемом выражает согласование в лице и числе сказуемого и подлежащего определительного зависимого предложения.

⁵ Böhlingk O., Über die Sprache der Jakuten. Jakutische Grammatik. Spb., 1851, S. 615–616, 698.

⁶ Убратова Е.И. Исследование по синтаксису якутского языка. 1. Простое предложение. М.-Л., 1950, с. 45.

б) определяемое имеет форму одного из косвенных падежей:
 "Аг-ол анань кѳрунмѳскенин - камчы теген черинень кезек-
 тиг еттер тозушча". (Ш.ф., с. 318). - 'Когда Ак-ол взглянул
 на себя - с тех мест, которых коснулась плеть, мясо кусками
 отваливается'.

Так как определяемое в этом примере является обстоятель-
 ством места, то оно имеет форму исходного падежа лично-при-
 тяжательного склонения, потому что при нем находится аффикс
 принадлежности 3-го лица единственного числа, выражающий согла-
 сование в лице и числе сказуемого и подлежащего зависимого
 определительного предложения камчы теген ... -и- (-нень) ... -
 'плеть коснулась'.

Согласование в лице с подлежащим выражается аффиксами
 принадлежности независимо от времени и наклонения причастия.

II. В ряде случаев аффиксом принадлежности оформляется как
 определяемое, так и причастие-сказуемое определительного за-
 висимого предложения:

"Ол сеень айткань газетиньни кырыбысты". (Чуд.). - 'Он про-
 читал ту газету, которую ты ему советовал'.

III. Возможно также оформление аффиксом принадлежности лишь
 одного причастного сказуемого определительного предложения:

"По пуун пис четкедигибис аймак". (Чуд.). - 'Это то селение,
 до которого мы сегодня возможно дойдем'.

Определительное предложение, подчиненное главному посредст-
 вом изафета, как правило, ставится непосредственно перед опре-
 деляемым членом главного предложения. Однако иногда оно мо-
 жет быть отделено от своего определяемого простым примыкаю-
 щим определением.

"Чарык кѳрбее тум кара тайгабыска чаарык чадыг кир-желди".
 (Ш.ф., с. 374) - 'В глухую темную тайгу, в которой мы не ви-
дели света, светлая жизнь пришла'.

"Кан арго печези кан мергенни ат паажынань коолап чѳлеп
 тѳжурду. ажаберди, теп санагам арга чагыс туньмам айланып
 келди; ерте-берди, теп санагам, ерке туньмам ебирелип келди!
 теп айтты". (Ш.ф., с. 140) - 'Кан Арго, сестра, Кан Мергена
 за руки взяла и, поддерживая (его), с коня (на землю) сойти
 помогла. Брат мой единственный, которого я считала погибшим,
 возра-ился! (говоря). Любимый мой брат, которого я считала
 умершим, вернулся!' - (говоря) Кан Арго сказала'.

Местоположение аффикса принадлежности при причастном иза-
 фете схематически можно изобразить следующим образом:

Prt	∅	+	N	//	
Prt	∅	+	AN	//	Prt// + AN ∅
Prt	//	+	N	//	Prt// + N ∅

Prt - причастие, N - имя существительное, A - простое
 определение, // - позиция аффикса принадлежности, ∅ - нуль аф-
 фикса. Схема составлена с учетом частотности употребления каж-
 дого случая. Наиболее часто встречающиеся случаи расположены
 на верхней границе схемы, а наименее часто - на нижней.

Дополнительного исследования требует вопрос о том, какова
 тенденция развития языка: либо аффикс принадлежности, оформ-
 ливший ранее причастие, переходит к определяемому, либо на-
 оборот - аффикс принадлежности от определяемого переходит
 к причастию - сказуемому определительного зависимого пред-
 ложения.

При подчинении определительного зависимого предложения
 главному посредством изафета согласование в лице в шорском
 языке соблюдается строго, а согласование в числе непосле-
 довательно:

'Стрелы, которыми стреляли эти богатыри, выше облаков летели,
 через горные хребты перелетали'.

"Кара картыга-ба чылаш кар' оолактынъ тудуш-чѳрген черине
 парды". (Ш.ф., с. 54). - 'К месту, где Кара Картыга и Черный
юноша борются, пошла'.

В последнем примере подлежащее зависимого предложения 'ка-
ра картыга-ба чылаш кар' оолактынъ - 'Кара Картыга и Черный
 юноша' выражено сочетанием однородных членов, а определяемое
 имеет аффикс принадлежности единственного числа, т.е. в данном
 случае соблюдается только согласование в лице. Однако необхо-
 димо отметить, что согласование в лице и числе для шорского
 языка более характерно, чем согласование только в лице.

При причастном изафете чаще всего встречается конструкция,
 в которой определяемое выражено одним словом, а определение -
 одним предложением. Однако есть и такие примеры, где при од-
 ном определяемом имеется определительное предложение с одно-
 родными сказуемыми. Например:

"Тууган ѳскен черибистень нѳре паарбыстыбыс". (Ш.ф., с. 288).
 'Зачем мы ушли из земли, где мы родились и выросли?'.

В приведенном примере слово чер - 'земля, место' имеет оп-
 ределение, выраженное предложением тууган ѳскен ... -ибис -
 'родились (и) выросли ... мы', в котором опущено подлежащее.
 Аффикс принадлежности при слове чер - 'земля' относится одно-
 временно к обоим сказуемым.

Все определительные предложения с однородными сказуемыми,
 подчиненные главному посредством изафета (в нашей выборке из
 200 примеров их 7), не имеют второстепенных членов предложе-
 ния и в них опущено подлежащее.

Изафетный способ связи зависимого определительного предло-
 жения с главным наблюдается в таких тюркских языках как тувин-

ский⁷, узбекский⁸, якутский⁹, туркменский¹⁰. В шорском языке, как и в тувинском, в определительном предложении лицо и число субъекта могут указываться посредством личного аффикса у причастного сказуемого¹¹ (при факультативном выражении самого субъекта именным или местоименным подлежащим этого зависимого предложения) или дублированным аффиксом в составе причастного сказуемого определительного предложения и в составе определяемого именного члена главного предложения¹². Однако в отличие от тувинского языка эти виды подчинительной связи главного и зависимого предложений в шорском языке встречаются крайне редко. Если определяемое в якутском языке является сказуемым главного предложения, то оно может иметь два личных показателя¹³, чего в шорском языке наблюдать не приходилось. В узбекском языке аффикс принадлежности при определяемом ставится в том случае, если субъект действия в определительном зависимом предложении не совпадает с подлежащим главного предложения¹⁴. В шорском языке это не имеет значения.

Таким образом, посредством изафета определительное зависимое предложение присоединяется к любому именному члену предложения, если:

⁷ Сат Ш.Ч. Синтаксические функции причастий в тувинском языке. Кызыл, 1960, с. 15-17.

⁸ Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, с. 364.

⁹ Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка, ч. I, с. 45-48. Она же. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. II. Сложное предложение. Новосибирск, 1976, с. 154-162, 238-242.

¹⁰ Подробное описание словосочетаний туркменского языка, имеющих следующий состав: субстантивное слово в р.п. + причастие + субстантивное слово (определяемое), оформленное соответствующим аффиксом принадлежности, т.е. аналогичных одной из разновидностей описанного выше причастного изафета в шорском языке, дал Е.А. Поцелуевский в своей книге "Тюркский трехчлен" (М., 1967).

¹¹ Сат Ш.Ч. Синтаксические функции..., с. 15.

¹² Там же, с. 17.

¹³ Убрятова Е.И. Согласование в якутском языке. Исследования по синтаксису тюркских языков. М., 1962, с. 136.

¹⁴ Иванов С.Н. Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на -ган и ее производные). Л., 1959, с. 73.

1) действие или состояние, выраженное причастием, не принадлежит определяемому;

2) подлежащее определительного предложения, независимо от его падежной формы, не является частью определяемого;

3) определение (в форме целого предложения) не выражает свойства, присущего определяемому.

Иногда связь посредством изафета дополняется связью посредством частиц. Например:

"... еебье таварлар ууп сала-берип, сунь еези айткан: "хоо-ны аларзынь? мен сага коленген-не небеньни перерим". (Ш.ф., с. 238) - 'Кругом товар разложил. Хозяин воды говорил: "Что возьмешь? Я любую вещь, какую ты поллюбишь, тебе дам!"

"Чегирбенчи октябрде ьлардынъ келчътченьнер лене кун". (Чуд.). 'Двадцатое октября будет день, когда, пожалуй, они приедут".

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Ш.ф.	-	Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. М.Л., 1940
Верб.	-	Вербицкий В.И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.
Радл.	-	Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Спб., 1866
Горьк.-Чисп.	-	Горький А.М. Избранные произведения (перевод на шорский язык Ф.С. Чиспиякова). Новосибирск, 1936
Чуд.	-	А.И. Чудояков
Чисп.	-	Ф.С. Чиспияков
Серб.	-	А.А. Сербегешева

ПРИТЯЖАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ
ИМЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРИДАТОЧНОГО
В СЛОЖНОПОДЧИНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ
ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА

Задачей этой статьи является анализ суффиксов принадлежности с точки зрения их роли в формировании структуры сложноподчиненного предложения и выражении подчинительных отношений между его частями.

Значение притяжательных суффиксов в простом предложении хорошо известно. Оформляя слова с предметным значением, чаще всего существительные, они указывают на обладателя, характеризую его одновременно в двух отношениях: к субъекту и к говорящему лицу.

Тождество обладателя с субъектом выражается едиными для всех лиц и различающимися только по числу возвратными суффиксами -ви/-вар. Указывая на совпадение обладателя с субъектом, возвратный суффикс тем самым определяет и его отношение к говорящему. Например, в предложении: "Бэе ороervi тахихинан". - 'Человек погнал своих оленей' суффикс -ви, указывая на совпадение обладателя с субъектом (бэе), опосредованно выражает и его отношение к говорящему (3-е лицо).

Несовпадение обладателя с субъектом выражается лично-притяжательным суффиксом, который непосредственно характеризует обладателя по отношению к говорящему. Например, в предложении: "Би пуртавас эчэв гада". - 'Я не брал твоего ножа' лично-притяжательный суффикс -с характеризует обладателя по его отношению к говорящему (2-е лицо), но одновременно указывает и на его отношение (несовпадение) к субъекту ("би" - 'я').

Таким образом, уже в простом предложении притяжательные суффиксы не однозначны: обладатель определяется прежде всего по его отношению не к говорящему, а к субъекту, и только в случае их несовпадения устанавливается непосредственное отношение обладателя к говорящему.

Еще более сложный диапазон отношений выражается суффиксами принадлежности, оформляющими члены придаточной части сложноподчиненного предложения, так как в основе притяжательного оформления этих членов может лежать отношение обладателя к одному из двух субъектов: зависимому (субъекту придаточного) и главному (субъекту главной части). Отражая отношение обладателя к зависимому субъекту, притяжательные суффиксы в большинстве случаев способствуют формированию придаточного как

относительно самостоятельной, замкнутой структуры, и наоборот, отражая отношение к главному субъекту, они служат одним из показателей синтаксической зависимости придаточного от главного. Разумеется, суффиксы принадлежности не являются основным показателем этой зависимости, уступая в этом отношении суффиксам, оформляющим сказуемое придаточного: с одной стороны, падежным суффиксам причастия и суффиксам деепричастия, с другой - личным суффиксам тех и других. Роль притяжательных суффиксов менее значима, во-первых, потому, что они оформляют именные члены, не являющиеся обязательным компонентом структуры придаточного, и, во-вторых, потому, что само притяжательное оформление этих членов не является обязательным и регулярным. Тем не менее притяжательные суффиксы, наряду со своей основной функцией - указанием на обладателя, косвенно выполняют другую, формальную, служа средством проявления как центробежных, так и центростремительных тенденций внутри придаточного.

Анализ особенностей притяжательного оформления именных членов придаточного позволяет определить (разумеется, только в рамках посессивно-агентивных отношений) глубину влияния главной части (а именно ее субъекта) на структуру придаточного, а также установить границы, дальше которых это влияние не распространяется.

В случае несовпадения главного и зависимого субъектов¹ притяжательные суффиксы могут обозначать обладателя по его отношению к каждому из них в соответствии со следующими закономерностями.

1. Притяжательное оформление второстепенных членов придаточного (дополнений, обстоятельств) определяется всегда только зависимым субъектом. Влияние главного субъекта на них не распространяется. Наличие возвратно-притяжательных суффиксов указывает на тождество обладателя с зависимым субъектом. Например:

"Манадяракин улгурби, ахин бучэ". - 'Когда (он) кончил свой рассказ, умерла его жена'.

"Де, дюлавэр иридутым, энэ савра били Хуругучон илдычэ тар хуниллун". - 'В то время, как девушки входили в дом, Хуругучон незаметно проник вместе с ними'².

Лично-притяжательный суффикс при второстепенных членах придаточного указывает на несовпадение обладателя с зависимым субъектом. При этом обладатель может быть тождествен главным субъекту и может от него отличаться. Второй случай не пред-

¹ В случае тождества субъектов вопрос о том, какой из них влияет на притяжательное оформление членов придаточного, снимается сам собой.

² Материалом для этой статьи послужили тексты, собранные и опубликованные Г.М. Василевич в книге "Исторический фольклор эвенков" (М.-Л., 1966) и А.В. Романовой, А.Н. Мыреевой в кни-

ставляет интереса и может быть исключен из поля зрения, так как употребление лично-притяжательного суффикса при несовпадении обладателя с обоими субъектами не позволяет выяснить, отношение к какому из них является определяющим для притяжательного оформления. Интерес представляет первый случай, поскольку употребление лично-притяжательного суффикса, несмотря на тождество обладателя с главным субъектом, свидетельствует о том, что это отношение на притяжательном оформлении второстепенных членов придаточного не отражается. Например:

"Хэвэке Эптэкен ашиван гунэн, кэрчимэвэ кармандун ашудан". - 'Хэвэко сказал жене Эптэкона, чтобы она положила сушеное мясо в его карман'.

"Эмэрэкин дюлатың, оронмо тэпуттэ, улидэвэр нуңанман". - 'Когда он пришел в их чум, они забили оленя, чтобы его накормить'.

"Ахи алэтпи молидечан, хэлэмэ дэги эдэн хутэлвэн хуруврэ". - 'Женщина из всех сил молилась, чтобы железная птица не унесла ее детей'.

"Эсикис хутэвэв даянара, эмчэв деммудерэ". - 'Если бы ты не спрятала моего ребенка, то я бы не голодал'.

2. Если притяжательное оформление второстепенных членов осуществляется всегда по одному принципу, то оформление подлежащего характеризуется гораздо большим многообразием. В основу его может быть положено отношение обладателя к обоим субъектам. Этот фактор наряду с прочими показывает, насколько тесной является связь придаточной и главной частей в составе сложноподчиненного предложения.

Исключением в этом смысле можно считать сложноподчиненные предложения с придаточным-подлежащим. В главной части этих предложений вообще нет своего субъекта, его замещает само придаточное. Следовательно, подлежащее этого придаточного образует формы принадлежности, отражающие отношение обладателя только к внутреннему, зависимому субъекту. В связи с тем, что эти отношения не могут быть тождественными, подлежащее придаточного-подлежащего может принимать только лично-притяжательные суффиксы. Как видим, независимое притяжательное оформление в данном случае не свидетельствует о большей по сравнению с другими видами придаточных самостоятельности придаточного-подлежащего, а объясняется особенностями структуры всего сложноподчиненного предложения данного типа. Например:

"Эр амардукин нюриң илэ-дэ иснан эхин савра". - 'Куда потом полетела его стрела, не было известно'.

"Тэрбис гэеннэн горо одан". - 'О твоём имени (букв. - 'то, как звучит твоё имя') слышно давно'. Характеризуя значение притяжательных суффиксов при подлежащем в других видах придаточного, необходимо сделать следующие предварительные замечания.

ге "Фольклор эвенков Якутии" (Л., 1971), а также тексты, записанные автором в поселках Чирингда Эвенкийского автономного округа и Наканно Катангского района Иркутской области.

Обладатель не может совпадать с зависимым субъектом, поскольку такое совпадение означало бы принадлежность этого субъекта самому себе, что противоречило бы здравому смыслу. Например, в предложении Этыркэн унатпи давданаван эхин элэксидэ". - 'Старику не понравилось, что его дочь проиграла', обладатель, выраженный возвратно-притяжательным суффиксом -пи при существительном "унатпи" - 'своя дочь', не может быть тождествен зависимому субъекту "унат" - 'дочь'³.

Отношение обладателя к главному субъекту может быть различным: возможно их совпадение и несовпадение. Второй случай не проясняет значения притяжательного суффикса и поэтому рассматриваться не будет. Наибольший интерес представляет случай, когда обладатель тождествен главному субъекту. Тогда наличие возвратно-притяжательного суффикса является признаком того, что в основе притяжательного оформления зависимого подлежащего лежит отношение обладателя (тождество) к главному субъекту, а употребление лично-притяжательных суффиксов свидетельствует о том, что определяющим является отношение обладателя (отсутствие тождества) к зависимому субъекту. Ниже будет рассмотрено притяжательное оформление зависимого подлежащего в придаточных разных видов при условии тождества обладателя с главным субъектом.

В этом случае во всех видах придаточного подлежащее обычно принимает возвратно-притяжательный суффикс. Например:

"Тадук хоңолчол, эхалбар холбаргакнэнтын". - 'Потом стали плакать, пока их (свои) глаза не покраснели'.

"Эмэчэ, дюла ичэ, энинми дютадырилан". - 'Вошел в чум, где жила его (своя) мать'.

"Тар экинмэр турэхиннэлэн, сагды нэкунин Нэлэликсэк бэркэ-нмэн лангалича". - 'Старший брат, испугавшись, направил лук в ту сторону, где кричала его (своя) сестра'.

Во всех этих предложениях возвратно-притяжательные суффиксы, оформляющие подлежащее придаточного, отражают совпадение обладателя с главным субъектом. Именно эта функция возвратно-притяжательного суффикса - указывать на субъект другого предложения - делает возможным его употребление при подлежащем⁴.

Вместе с тем, в отдельных видах придаточных возможно лично-притяжательное оформление подлежащего, отражающее несовпадение обладателя с зависимым субъектом. Такое независимое от главной части притяжательное оформление подлежащего особенно распространено в придаточных, сказуемое которых выраже-

³ По этой же причине невозможно употребление возвратно-притяжательного суффикса и при подлежащем независимого предложения.

⁴ О невозможности возвратно-притяжательного оформления подлежащего в независимом предложении см. выше.

но спрягаемыми деепричастиями на -рак, -чалл, -чэлл, -кнан и др. Например:

"Илдяна, эддат дэрэи тыпача, эдэн энинин тагра". - 'Входя, вымазал лицо углем, чтобы его мать его не узнала'.

"Ами, уруктэдуи, нэкилиң, эмэрэктын умнан, хокторон". - 'Папа от радости, когда пришли его братья, выпил, опьянел'.

"Бу-кэ, илмактал, хукитэлвун энүликнэнтын хактанчэрэв". - 'Мы же, молодежь, хохотали до тех пор, пока наши животные не заболели'.

В диалектах, распространенных на территории Якутии, судя по материалам А.В. Романовой и А.Н. Мыреевой, опубликованным в книге "Фольклор эвенков Якутии", лично-притяжательное оформление зависимого подлежащего при спрягаемом деепричастии встречается чаще, чем возвратно-притяжательное, причем подлежащее с лично-притяжательным суффиксом обычно распространено определением, а подлежащее с возвратно-притяжательным суффиксом чаще является одиночным. Ср., например:

"Эмцэ кэңтырэс тыелдэкин, нунум дэлис урумүлдэкин, эдынду иччилэк турэнни уңдэви". - 'Когда сузится твоя широкая грудь, укоротятся твои длинные мысли, пошли мне по ветру свое волшебное слово'.

"Эр би багдарин мэнун удэккэв эксэкэл, солкомо нюркитэс чэлкэлдэлэн эксэктэкэл". - 'Возьми с собой мое серебряное нагрудное украшение и держи при себе, пока не поседеют твои шелковые волосы'.

"Бугави дагаңахин, мучукал". - 'Возвращайся, пока твоя (букв. - 'своя') родина близка'.

"Мэнунди-ка моривча, алтанди-ка дянивча, гирамнави маңаллакин, гиркудави". - 'Золотом расшитый, серебром распестренный, когда окрепнут твои (букв. - 'свои') кости, тогда и отправляйся странствовать'.

Лично-притяжательное оформление зависимого подлежащего распространилось, по-видимому, в недавнее время в результате влияния русского языка, в котором подлежащее придаточного всегда определяется лично-притяжательными, а не возвратно-притяжательными местоимениями, независимо от того, тождествен обладатель главному субъекту или нет. Например: "Когда мой брат уехал, я еще спал".

Если зависимое сказуемое выражено формой спрягаемого причастия, то подлежащее придаточного обычно оформляется возвратно-притяжательными суффиксами. Лично-притяжательное оформление встречается в единичных случаях только в обстоятельственных придаточных, со сказуемым в форме конкретных, семантических падежей. Например:

"Соңоликсо, Чоколды-муриниң гуннэлин, инямуктаки сэргэлтыки тыкивчэ". - 'Заплавав, (он) уронил слезу на столб, как горючил его конь Чоколды'.

"Эмцэт дэлэгэйт гэрбит дэлэйдидин, сураки́т сурури́дин, девуксэл, эвиксэл... умипчи́нат". - 'Соберемся поесть и поиграть так, чтобы широко гремело наше имя и далеко распространилась наша слава'.

Если же зависимое сказуемое выражено причастием в форме падежей, имеющих абстрактное значение (чаще всего в винительном), то подлежащее придаточного может быть оформлено только возвратно-притяжательным суффиксом, указывающим на более тесную связь этих придаточных с главным. Примеры:

"Силэвэн бими силуксэ, симтундэви манавнаван хэелэви куңкухиниксэ саттан". - 'Выпив навар, он узнает, что (свой) котел опустел, стукнувшись лбом о его край'.

"Дулин буга Иркисмэн хутэви депривэн чинчийнэ ичэтчэрэн". - 'Иркисмон средней земли внимательно следил за тем, как ест его (букв. - 'свой') сын'.

В придаточных определительных подлежащее принимает обычно возвратно-притяжательные суффиксы, однако возможно и лично-притяжательное оформление, которое является обязательным в том случае, когда главный субъект выражен определяемым словом, т.е. если придаточное определяет подлежащее главной части. Например:

"Таду баргуман эхи ичэврэ морапчанак бихин ивит". - 'Там оказалось море с невидимыми противоположными берегами (букв. - 'море, противоположный берег его не виден')'.

"Амаргунтын дүлэң-амариң эхи савра улгур огин". - 'Потом будет разговор без конца и края (букв. - 'разговор, начало и конец его не известны')'.

"Эвгидэн, баргидаң эхи ичэврэ дү бичэ". - 'Стоял чум, обе стороны которого не видны (букв. - 'чум, эта и противоположная сторона его не видны')'.

Эти предложения характеризуются наиболее тесной смысловой и синтаксической спаянностью главного и придаточного, которая проявляется в тождестве обладателя с определяемым главным субъектом. Необходимостью их разъединения, отделения придаточного от главного и вызывается лично-притяжательное оформление зависимого подлежащего.

Подобная функция-выделение подчиненной синтаксической конструкции, тесно спаянной по смыслу и формально с главной частью, выполняется лично-притяжательными суффиксами и в предложениях, осложненных деепричастными оборотами, главный член которых - неспрягаемое деепричастие - сочетается со вторым, т.е. несовпадающим с главным, субъектом⁵. Существительное, обозначающее этот второй субъект, оформляется лично-притяжательными суффиксами, несмотря на тождество обладателя с главным

⁵ Такие конструкции распространены в восточных диалектах эвенкийского языка. Приводимые ниже примеры взяты из сборников "Исторический фольклор эвенков" и "Фольклор эвенков Якутии".

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
С ЦЕЛЕВЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ ЧАСТЕЙ
В ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ XI-XII вв.

субъектом. Это тождество является весьма характерным признаком рассматриваемых конструкций: второй субъект в них представляет собой нечто, принадлежащее первому субъекту, — обычно часть тела или какое-нибудь свойство. Этот факт и обуславливает ту смысловую и формальную спаянность оборота с главной частью, следствием которой является возможность употребления неспрягаемого деепричастия, несмотря на наличие (формально) особого субъекта. Например:

"Энэхитын манавдяна, давдылдырива аламатчэрэ". — 'Ждут, кто победит, в то время как их силы иссякают (букв. — 'их силы иссякая')'.

"Сэнелин муздандянал, сигдылэду муздандяран". — 'Измучилась в пути, и силы ее иссякают (букв. — 'силы ее кончаясь')'.

"Арай нуңаннунин сомат колкут, дяланин энэ хавахина эвилдыри умун мата оскеча-гыванча-эвит арай". — 'Оказалось, что живет-растет лишь один мата, который мог свободно, без напряжения потягаться с ним (букв. — 'поиграть так, что его сус-тав не шевелясь')'.

Во всех этих предложениях деепричастный оборот не может быть признан придаточным, так как у деепричастия отсутствует уподобление в лице с зависимым субъектом, которое в эвенкийском языке является важным признаком двусоставного предложения. Тем не менее субъект оборота характеризуется независимым притяжательным оформлением, в то время как субъект придаточного со сказуемым — спрягаемым деепричастием — в тех же условиях, т.е. в случае тождества обладателя с главным субъектом, может принимать как возвратно-притяжательные, так и лично-притяжательные суффиксы, причем, как выше отмечалось, более свойственным эвенкийскому языку является возвратно-притяжательное оформление зависимого субъекта, отражающее влияние на него главного субъекта.

Итак, отмеченное в деепричастных оборотах независимое притяжательное оформление второго субъекта не свидетельствует, на наш взгляд, об относительной самостоятельности этой конструкции, а напротив, способствует преодолению ее чрезмерной несамостоятельности, зависимости. Наличие возвратно-притяжательного суффикса затруднило бы понимание предложения, а именно, синтаксической позиции второго субъекта. Ср.: "Энэхивэр манавдяна, аламатчэрэ". — 'Ждут, кончаясь свои силы'.

Таким образом, в случае оформления именных членов придаточного притяжательными суффиксами последние играют значительную роль в структуре сложноподчиненного предложения, с одной стороны, способствуя более тесной связи придаточного с главным, а с другой — подчеркивая относительную самостоятельность придаточного, являясь средством его отделения, обособления.

В языках разных типов отчетливо прослеживается тенденция к разграничению с помощью средств глагольной парадигмы действий, имеющих в представлении говорящего первостепенное значение, и действий "второплановых", мыслимых лишь в определенной связи с основными¹. Назначение действий второго плана — служить фоном для главных событий, комментировать их с точки зрения различных обстоятельств.

Стремление к передаче иерархии действий с достаточной определенностью проявляется в славянских языках, обнаруживается оно и в языке древнейших памятников славянской письменности². По свидетельству этих памятников, литературный язык славян XI-XII вв. (далее — древнеславянский язык) располагал значительными возможностями для разграничения действий первого и второго планов. За последними была закреплена часть времен изъявительного наклонения (плюсквамперфект, futur ex. и др.)³, а также неличные глагольные формы: причастия, супин, инфинитив. Для обозначения второплановых действий могли быть употреблены и отглагольные имена существительные (купля, спасение и подобные).

Предмет анализа — древнеславянские предложения, содержащие сообщение о двух действиях, одно из которых комментирует другое с точки зрения цели. Например: сь единомѣ сьходаѣ пить во-

¹ Черемисина М.И. Деепричастия как класс форм глагола в языках разных систем. — В кн.: Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977.

² Статья написана на материале следующих памятников: "Супрасльская рукопись" (СПб., 1904), "Синайский патерик" (М., 1967), "Выголексинский сборник" (М., 1977). Далее соответственно — Супр.; Си.; Выг.

³ Бунина И.К. История глагольных времен в болгарском языке. М., 1970.

ды от ердана набоде сѧ на трѣсть" (Син., с. 50); "въ врѣмѧ жѧтѣ шѣдѣши да събереть класы на пиштѣ себѣ" (Супр., с. 43); "възѧхъ книги да быхъ почитѣ (Син., с. 100); "ови устрѣмишѧ сѧ убити и" (Супр., с. 30) и т.д.

Предложения анализируемого типа состоят из двух частей: основной, сообщающей о действии первого плана, и целевой, второплановой. Во главе каждой части – глагольная словоформа, создающая в предложении свой очаг предикативности⁴. Все приведенные предложения (в том числе предложения с целевым инфинитивом и супином) неоднородны в модально-временном и других отношениях. Так, в примере "ови устрѣмишѧ сѧ убити и" наряду с модальной характеристикой, передаваемой формой наклонения и времени глагола "устрѣмишѧ сѧ" (реальность), имеет место дополнительная модальность, присущая инфинитивной группе, – значение потенциальности выражаемого этой группой содержания. Целевая инфинитивная часть имеет и собственную временную характеристику. При отнесении действия "устрѣмишѧ сѧ" в план прошлого содержание инфинитивной группы рисуется как ожидаемое в будущем. Действия в анализируемых двуглагольных конструкциях всегда одновременны: одно изображается как должное произойти позже другого. Отражая естественную последовательность событий, основная часть, как правило, находится перед целевой. Например: "по лѣтѣ же приде братъ его бѣльць въ райту, да видѣть брата своего мѣниша" (Син., с. 252). Нередко основная и целевая части различаются и по линии синтаксического лица, локализирующего содержание частей высказывания относительно речевой ситуации. Например: "дажѣ ми мало дръвѣце, да покрѣѧ клѣтьщю мою" (Син., с. 310).

Таким образом, предложения анализируемого типа бипредикативны. Однако составляющие данного бинома не равноценны: целевая часть носит зависимый характер, что соответствует представлению о содержании этой части как о явлении второго плана.

Одно из выражений предикативной несамостоятельности целевой части – относительность ее модально-временной характеристики. Эта характеристика всегда представлена комплексом "потенциальность + синтаксическое будущее время", независимо от модально-временного облика основной части. В качестве точки отсчета при отнесении содержания целевой части к плану будущего выступает момент, обозначенный формой основного глагола.

В монопредикативной конструкции субъективная оценка всех частей высказывания исходит от одного лица и осуществляется с точки зрения момента речи. Позиция говорящего в период речево-

⁴ Мы присоединяемся к пониманию предикативности как сочетания значений модальности, синтаксического времени и синтаксического лица.

го общения – основа предикативности. В анализируемых же предложениях имеет место субъективно-авторская двойственность.

Представление о возможности и желательности содержания целевой части, как правило, принадлежит не автору полипредикативного целого, а субъекту действия основного компонента, и относится это представление не к моменту речи, а ко времени совершения указанного действия. Например: "моѧху сѧ старшю припадающе ему, да бы иѣблилъ друга ихъ" (Син., с. 127). Исцеление одного из варваров представляется возможным и желательным не рассказчику во время повествования о данных событиях, а друзьям пострадавшего в тот момент, когда они молятся и кланяются старику-монаху. Следовательно, в приведенном примере относительной является не только временная, но и модально-эмоциональная характеристика постпозитивной части.

Еще примеры: "въставъ идохъ близъ его цѣловать его" (Син., с. 159); "помыслихъ приложити мѣздѣ моѧ да и азъ имамъ часть съ тобоѧ" (там же, с. 335). В этих предложениях модально-эмоциональная характеристика содержания целевых частей принадлежит говорящему, который, однако, передает нам свою оценку некоторых фактов как потенциальных не в момент речи, а в прошлом. Фактически это уже иной, "посторонний" источник модальной оценки.

Относительность временной и модально-эмоциональной характеристики целевой части и шире – положение ее как зависимого компонента высказывания не всегда в одинаковой мере отчетливы. Это связано с разными обстоятельствами, прежде всего с особенностями возглавляющей целевую часть глагольной формы, не способные к функционированию во главе самостоятельного простого предложения (причастие, инфинитив, супин), более наглядно указывают на зависимый характер организуемой ими группы, чем формы, могущие быть ядром отдельного, независимого предложения.

Памятники письменности свидетельствуют о существовании в древнеславянском языке нескольких структурных вариантов оформления целевых отношений между двумя действиями. Различия между ними связаны со строением целевых частей.

Целевой компонент в составе каждого структурного типа должен передавать представление о некотором действии как:

- а) о зависимом, связанном с действием "первого плана" и комментирующем его (второплановость);
- б) о должном осуществиться позже другого действия (синтаксическое будущее время);
- в) об ожидаемом как следствие активных, целеустремленных поступков субъекта (значение цели);
- г) о желательном для этого субъекта (оптативность);
- д) о представляющемся ему возможным (потенциальность);

е) о производимом тем же самым лицом или другими лицами, охарактеризованными по их месту в речевой ситуации (синтаксическое лицо).

Весь этот сложный комплекс значений целевая часть должна выражать по возможности наиболее компактно. Соответствие требованию экономии языковых средств – один из критериев при оценке анализируемых типов, т.е. при решении вопроса об основаниях для выбора и предпочтения, о заложенных в том или ином типе возможностях дальнейшего развития.

Глагол целевой части в форме супина. Примеры: "възиде архидиякъ иулиянь поклонить сѧ (Син., с. 239); "идаше паки пышеница продать въ стый градъ" (там же, с. 185); "единоу приде два перьсбыни кръститъ сѧ" (там же, с. 44).

Древнеславянский супин представлял собой глагольную форму, специализированную на выражении значения цели. Эта форма являлась монофункциональной и потому очень выразительной, благодаря чему не возникало потребности в служебных словах, подчеркивающих целевые отношения. Предложения других типов в качестве таких экспликатов могли включать союз "яко", корреляты "сего ради" и "сего дѣла" и др. Отсутствие подобных элементов в предложениях с супином облегчало конструкцию, способствовало ее компактности.

В составе супинной группы нет ни лексических, ни грамматических указаний на производителя потенциального действия (неизменяемая форма супина лишена значения лица, числа, рода). Существование супинной конструкции как ограниченно предикативной единицы обеспечено односубъектностью называемого супином действия и события первого плана. Благодаря этому на содержание супинного оборота распространяется значение синтаксического лица, синтетически или аналитически выраженное в основной части. Например: "идохъ въ римъ, поклонить сѧ гробомъ стхъ петра и павъла" (Син., с. 247). Субъект обоих действий – говорящий, указание на это осуществлено формой лица глагола ИДОХЪ.

"Пришѣдше же посълании къ двѣремъ тмничьнымъ послушать" (Супр., с. 184). Оба действия осуществляются лицами, не причастными к коммуникативному акту; значение синтаксического 3-го лица передано аналитически – использованием в основной части в качестве подлежащего субстантивированного причастия ("Имя вообще... есть 3 лицо"⁵).

Проекция на супинную группу синтаксического лица основной части высказывания разгружает группу от необходимости привлекать для выражения данного значения специальные средства, спо-

собствует лаконичности конструкции. Однако с этим достоинством супинного оборота связан и его недостаток – непригодность для передачи целевых отношений разносубъектных действий.

По происхождению супин является втянутой в систему глагола формой отглагольного существительного. Он лишен морфологических показателей наклонения и времени. Однако модально-временной комплекс "потенциальность + синтаксическое будущее время" проявляется в супинной группе вполне отчетливо, благодаря закреплённости супина за сферой выражения целевых отношений: цель – это предмет стремления, "маяк", светящий из будущего, нечто предстоящее, ожидаемое. Понятно, что в конструкциях с супином нет нужды и в особом указании на желательность потенциального факта (в предложениях других типов для такого указания используется оптативная частица "да").

При всей своей выразительности и краткости супинная конструкция имела, однако, довольно узкое распространение. Уже в XI-XII вв. она значительно уступала по употребительности другим способам передачи целевых отношений. Значительные ограничения в использовании супинного оборота были связаны с семантикой глагола первого плана: супин мог указывать лишь на цель действия, связанного с перемещением в пространстве. В наших материалах роль ядра основной части предложений с супином играют различные приставочные образования от глаголов "ити/ходить", "лѣсти/лазити", а также "пустити, посылати" (побудить идти) и т.д. Например: "одиною възидохъ от манастирѧ, въ стый градъ цѣловать стго крста" (Син., с. 179); "съ единою сходоу пить воды отъ ерда на (там же, с. 50); "и тако паки отидоша искусити другихъ" (Выг., с. 24); "вълѣзохъ въ црквъ стаго фомы молить ся" (там же, с. 13 об.); "въстахомъ съпать" (Син., с. 301); "пусти само въ манастирь нѣкого уношу мниха кръститъ сѧ" (там же, с. 228) и т.д.

Как отмечала З.Д. Попова, целевые отношения возникли в результате преобразования пространственных – путем развития переносных значений у форм, обозначающих конечный пункт перемещения⁶. И то, что в наших материалах в предложениях всех структурных типов основные части возглавляются по преимуществу глаголами движения, несомненно, связано с историей (и предисторией) формирования целевых конструкций.

Ради достижения определенной цели может быть предпринято любое активное действие, в том числе и не связанное с перемещением. Например: "се же рече, дабы устрасиль патриарха" (Син., с. 80). Однако в конструкциях с супином подобные случаи не представлены. Очевидно, супинные обороты отражают один из древнейших этапов оформления целевых отношений.

⁶ Попова З.Д. Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII века. Воронеж, 1969, с. 124.

⁵ Потёбня А.А. Из записок по русской грамматике, т. 1-2. М., 1958, с. 246.

Глагол целевой части в форме инфинитива. Пример: "и текѡшти иде плачѡшти сѧ до стааго мѡжа, повѣдати ему своѡ бѣдѡ" (Супр., с. 43); "нѣции же отъ исавръ погнаша въслѣдъ во-еводѡ ати его и убити" (там же, с. 51); въ тѣ днь възѡхъ книги чисти" (Син., с. 111) и т.д.

В основной части предложений с инфинитивом также очень распространены глаголы движения (възвращааѣ сѧ, яви сѧ, тече, градеѣ и др.), однако встречаются и обозначения действий, не связанных с перемещениями (прѣбыѣ, продаста, зѣрѣхъ, стрѣжаше сѧ и др.). Целевой инфинитив в своем употреблении характеризуется большей свободой, чем супин.

Будучи неизменяемой глагольной формой, инфинитив обнаруживает сходство с супином в способах выражения синтаксического лица. Он называет действие, односубъектное с действием основной части, благодаря чему возможно распространение присущего данной части личного значения на содержание инфинитивного оборота. Например: "и печаловавъ придохъ сѣтворити тебѣ утѣху" (Син., с. 353); "егда бо придетъ дѣлатель сѣ лопатомъ потрѣбити тока" (Супр., с. 127) и т.д.

В отличие от супина, не употребляющегося вне сферы целевых отношений, инфинитив полифункционален. Синтаксические функции его в древнеславянском предложении чрезвычайно многообразны. Испытывая тяготение к зоне потенциальности, инфинитив способен, однако, передавать и реальные действия, относимые к разным временным планам. В связи с этим целевые инфинитивные конструкции обнаруживают стремление привлечь к выражению значений потенциальности, желательности, цели, однозначно не заключенных в форме инфинитива, дополнительные языковые средства, например, союз "яко", оптативную частицу "да" и др. Например: "егда бѣхъ унѣ, желяхъ ходити къ великымъ именитымъ старьцемъ, яко блвити сѧ от нихъ и пользу приимати" (Син., с. 227); "авва же манастирѣ врачѣ призва, яко да въ помощь утѣшити болашааго" (там же, с. 295); "посъла же по въсему цѣсарству своему, якоже въсѧ нарицаѣ штаѣ имѧ христосово, привлѣшити на сквѣрюнае" (Супр., с. 174).

Желая подчеркнуть значение цели (необходимость такого подчеркивания особенно ошутима при примыкании инфинитива к глаголам, не связанным с перемещением), древнеславянский автор нередко помещает инфинитивный оборот в ряд однородных или уточняющих членов, один из которых выражен существительным с характерными причинно-целевыми послелогами "ради" и "дѣла". Например: "прѣбыѣ усоровѣ вси, нищоже иного ради, нѣ убити стааго сѣ нисинѣ" (Супр., с. 47); "и свободы своѣ не продаста, имѣния дѣла. възѣти и пушенома быти" (Син., с. 308).

В памятниках имеет место специфический прием подчеркивания желательности называемого инфинитивом действия: употребление в составе инфинитивных групп глаголов со значением заверщенного

действия: "въста ноши службу сѣтворити" (Син., с. 248); "тѣ же видѣвъ господинѣ нивы тоѣ тече изгнати нѣ" (Супр., с. 218); "отътоли пусти без мѣтежа призвати стааго конона" (Супр., 46).

В подчеркнутых и аналогичных глаголах внимание фиксируется на конечной фазе процесса. Как отмечено выше, именно на базе представления о конечном пункте движения сформировалось в процессе абстрагирующей работы человеческого сознания понятие цели (конец пути – предмет стремления). Завершенность – достижение конечного пункта, цель – направленность к этому пункту, желание достичь его.

Инфинитивы глаголов заверщенного действия (в особенности приставочных глаголов⁷) способны передавать оттенок желательности не только в составе целевых конструкций, но и во многих других случаях. Это позволяет предположить, что во всех древнеславянских глаголах заверщенного действия потенциально присутствует элемент оптативности. В определенных ситуациях этот потенциальный элемент значения проявляется, актуализируется.

Значение желательности является одним из постоянных спутников потенциальности. Сообщая о реальном факте, говорящий сравнительно редко испытывает потребность указать на соответствие/несоответствие происходящего его субъективным желаниям. "Процесс в прошедшем – это факт, о котором говорят объективно, процесс в будущем ждут, на него надеются или его опасаются, невозможно говорить о будущем, не внося, в свою очередь, определенного оттенка аффективности", – утверждал А. Мейе⁸.

Будучи спутником потенциальности, оптативность помогает в выявлении значений возможности и синтаксического будущего времени, что особенно важно при отсутствии других достаточно надежных признаков потенциальности. Наши материалы указывают на значительное преобладание в целевых инфинитивных оборотах глаголов со значением завершенности действия: они составляют 77% от общего числа инфинитивов. Отметим для сравнения, что в оборотах с супином, где нет необходимости подчеркивать потенциальность и оптативность, также глаголы составляют лишь около 30%.

Целевые обороты с инфинитивом и супином выступали в древнеславянском языке как конкурирующие синтаксические конструкции. Исторически в этом соперничестве победил инфинитив. О наи-

⁷ Глагольные приставки по происхождению представляли собой слившиеся с основой глагола предлоги, развившиеся из наречий пространственного значения, и характеризовали конкретное действие как совершающееся в определенном направлении и границах (см.: Никифоров С.Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности II пол. XV в. М., 1952).

⁸ Цит. по Э. Коссериу (см.: Коссериу Э. Синхрония, диахрония и история. Новое в лингвистике, вып. 3. М., 1963, с. 258).

более частом употреблении инфинитивных оборотов свидетельствуют и изученные нами тексты, где примеров с инфинитивом цели вдвое больше, чем предложений с супином.

Глагол целевой части в форме причастия будущего времени. В передаче действий второго плана наиболее активную роль играли в древнеславянском языке причастия. Однако употреблению причастий в бипредикативных конструкциях с целевыми отношениями частей препятствовало отсутствие в морфологической системе языка причастных форм будущего времени.

Предназначенные для относительного выражения модальности и времени, древнеславянские причастия чаще всего выступали в предложениях с общим модальным планом реальности и наиболее отчетливо передавали отношения одновременности и предшествования. В текстах отмечены попытки использования причастий и для передачи следования второстепенного действия за основным – при условии реализации обоих действий в одном временном плане.

Бипредикативные структуры с целевыми отношениями частей общаются о действиях не только разновременных, но и "разноплановых": при любом временном плане основной части содержание целевой должно относиться к плану будущего.

Противоречие между назначением причастия служить для передачи действий второго плана и неспособностью его выполнить это назначение в конструкциях с зависимым целевым компонентом обусловило поиски описательных форм "причастий будущего времени", в качестве образца для которых послужила форма одного из сложных будущих времен изъявительного наклонения. "Причастие будущего времени" представляет собой сочетание формы "хотѣ" с инфинитивом. Например: "извлѣче мечъ, и въздвиже руку, ударити и хотѣ" (Син., с. 127); "възиде въ корабль съ отроки своими, хотѣ ити на кѣплю" (там же, с. 340); "сице глаше хотѣ прельстити стаго" (Выг., с. 9 об.) и т.д.

Оборот "хотѣ + инфинитив" синонимичен целевому инфинитиву и супину, о чем свидетельствует наличие в текстах конструктивных вариантов оформления одинакового содержания: "възиде одиноѣ въ алеѡдриѣ, рукодѣля своего продаяти хотѣ" (Син., с. 319) – "възиде старьѣ одиною въ терфинѣ рукодѣляния своего продаять" (там же, с. 197); "иде плачѣшти сѣ до стааго мѣжа, повѣдати ему своѣ бѣдѣ" (Супр., с. 43) – "приде къ брату повѣдати ему хотѣ" (Син., с. 351).

По поводу одного из примеров с "хотѣ + инфинитив" у А.А. Потебни есть следующее замечание: «Верно то, что хотѣ стоит здесь не по описке вместо хотѣше и не вместо хотѣвъ, которое имело бы здесь вещественное значение "имел намерение", а потому, что лишь настоящее, а не другое время глагола "хотѣти" сообщает неопределенному другому глаголу значение будущего времени, а причастие настоящее хотѣ – неопределенному значению причастий будущего»⁹.

Судя по данному высказыванию, для характеристики сочетания "хотѣ + инфинитив" как описательной формы причастия будущего времени А.А. Потебня считал необходимой утратой словом "хотѣ" вещественного значения. Эту утрату мы в ряде древнеславянских предложений имеем возможность наблюдать. Например: "бѣ бо издавна заветѣшавъ и разоривъ и пасти сѣ хотѣ" (Син., с. 240). Однако все примеры подобного рода находятся за пределами интересующих нас конструкций. В предложениях с целевыми отношениями частей форма "хотѣ" всегда сохраняет свое вещественное значение: семантика желания, стремления, намерения – неотъемлемая черта целевого компонента.

Причастие "хотѣ" сочетается преимущественно с инфинитивами глаголов "завершенного действия", заключающими в себе потенциальный элемент оптативности (пострашити, сѣсти, купити, донести и т.д.). Выражения типа "хотѣ убити" могут служить примером "семантического согласования"¹⁰ при соединении слов. С эксплицитно выраженной оптативностью связан модально-временной комплекс потенциальности.

Основную часть в наших примерах с "хотѣ + инфинитив" возглавляют глаголы активного действия, обычно связанные с движением (иде, приде, възидохъ, текохъ, извлѣче и т.д.). Следовательно, назначение оборота "хотѣ + инфинитив" – сообщить о действии, являющемся не только предметом желания субъекта, но и стимулирующей причиной для определенных его поступков.

Подобно инфинитиву и супину, "хотѣ + инфинитив" употребляется в таких предложениях, где действия частей односубъектны, что определяет возможность проекции значения синтаксического лица с основной части предложения на зависимую.

Оборот с причастием "хотѣ" уступает целевому инфинитиву и супину в компактности. Он состоит из двух слов; форма причастия характеризуется вариативностью суффиксов (ѣ – ѣш), а также наличием флексии со значением рода, числа и падежа (хотѣши, хотѣше и т.д.). Передаваемая с помощью флексии информация о числе и поле действующих лиц часто бывает избыточной, так как соответствующие сведения уже содержатся в основной части предложения или в предшествующем контексте. Например: "воевода же хотѣ его пострашити, повелѣ прѣдъ нимъ положить мѣкы" (Супр., с. 48).

⁹ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике, т. 1-2, с. 262.

¹⁰ Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики. – В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972, с. 379 и т.д.

Предложения с целевым инфинитивом, супином и причастием "хотѣ" объединяет отчетливо выраженная второплановость передаваемого данными формами действия. Во главе целевых компонентов этих предложений стоят предикативно ограниченные глагольные формы, не могущие функционировать самостоятельно и выступающие лишь в качестве зависимых, второстепенных сказуемых.

Отличительной чертой двух описываемых ниже типов предложений является употребление в их составе личных форм глагола. Это освобождает целевой компонент от зависимости по линии синтаксического лица и позволяет изобразить в двуглагольной конструкции разносубъектные действия. Например: "обрѣтохъ врьпѣль малъ, и въ нъ вънидохъ да бы възлеглъ" (Син., с. 42); "се посплахъ ѿ на блѣдъ, да проидѣтъ ѿ вси хотѣштеи" (Супр., с. 4).

Принадлежа к одному из наклонений, личная форма глагола, возглавляющего целевую часть, способна выразить и модально-временную оценку содержания данной части. Все это придает целевому компоненту значительную самостоятельность, в связи с чем возникает потребность в специальных приемах подчеркивания его синтаксической зависимости и смысловой второплановости.

Глагол целевой части в личной форме настоящего будущего времени в сочетании с частицей "да" (для краткости назовем этот широко распространенный в древнеславянских текстах оборот "да-конструкцией").

Примеры: "и выньмъ три златику дасть старьцемъ, да купѣть осьль в потрѣбу себѣ" (Син., с. 185); "и шѣдше приведохъ попы, да творѣть молитвы на мѣстѣ" (Супр., с. 219); "помоли сѣ убо за мѣ къ богу, да встанѣ и избѣдѣ мѣкы сеѣ" (Супр., с. 222).

В "да-конструкции" с помощью оптативной частицы ярко выражено значение желательности называемого глагольной формой действия, с чем связано представление о данном действии как о возможном. При употреблении в составе "да-конструкции" форм будущего времени значение потенциальности получает повторное выражение. Временную последовательность событий подчеркивает и позиция "да-конструкции". В "семантическом согласовании" с оптативной частицей в значительном количестве случаев (68%) в состав названной конструкции входят глаголы "завершенного действия".

Из суммы значений, обязательных для целевой части полипредикативного предложения, "да-конструкция" наиболее четко выражает три (следование во времени, потенциальность, оптативность), но недостаточно ярко передает второплановость своего содержания и не всегда в должной мере отчетливо демонстрирует целевые отношения. Вследствие этого возможно неоднозначное восприятие многих фрагментов текста. Положение осложняется тем, что "да-конструкция" — один из наиболее популярных в древнеславянских текстах способов передачи оптативно-потенциальных значений.

Она очень многозначна, и диапазон ее употребления исключительно широк. Помимо предложений с целевыми отношениями "да-конструкция" используется как ядро придаточного изъяснительного компонента при глаголах со значением волеизъявления ("хощю да мѣ тако погребете"), в частности, при выражении побуждения в форме косвенной речи ("сотона мѣ наустѣ да украду"). Сочетание частицы "да" с личной формой настоящего/будущего времени употребляется и в составе независимых простых предложений при выражении разных оттенков волеизъявления: побуждения, адресованного "третьему" лицу (в сочетании с соответствующими личными формами); категоричного распоряжения, увещания (глагол 2 лица) или, наоборот, смягченного ненастойчивого приглашения (формы 1 лица множественного, двойственного числа); неожиданного внутреннего решения говорящего, зависимости его в выполнении своего намерения от воли другого лица¹¹ и др. Следует упомянуть о наличии у древнеславянской частицы "да" ряда омонимов в виде начинательного, соединительного, выделительно-сопоставительного и других союзов, соседство которых с глагольными формами настоящего/будущего времени могло приводить к образованию групп, напоминающих "да-конструкцию". Следовательно, не исключено, что во многих отрывках древнеславянского текста допускается различное понимание отношений смежных предикативных единиц — толкование их как следование друг за другом независимых простых предложений; как смысловую зависимость одной предикативной единицы от другой в составе двучленного блока, подобного современному бессоюзному предложению; как сочинительную связь ("да" — соединительный союз или слово, синкретически совмещающее значение союза и частицы); как синтаксическое подчинение, когда оптативная частица начинает переходить на позиции подчинительного союза. С указанными синтаксическими отношениями, разумеется, связаны определенные различия в содержании, уловить которые подчас затруднительно. В устной речи в разграничении смысловых связей и синтаксических отношений предикативных единиц, несомненно, играли большую роль интонационные средства. Но наряду с этим реальным представляется существование фрагментов, недифференцированно сочетающих в себе несколько смысловых оттенков, а потому не поддающихся однозначной синтаксической квалификации. Наличие их отражает определенный уровень развития логического мышления и один из ранних этапов формирования гипотаксиса.

Древнеславянские тексты свидетельствуют о попытках авторов сделать полипредикативные построения, включающие "да-конструк-

¹¹ См.: Фролова И.А. Информативно-императивные конструкции прямой речи в "Синайском патерике". — В кн.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1972.

цию", в смысловом и синтаксическом отношении более отчетливыми. Один из приемов подчеркивания целевых отношений – употребление в первой части полипредикативной структуры указательного местоимения с послелогом "ради" и "дѣла". Например: "да сего ради есмь пришлъ да плачу сѧ грехъ своихъ" (Син., с. 233);

"сего дѣла си стражу да сущимъ тамо мучениемъ симъ зломъ не искусьнѣ буду" (там же, с. 231); "сего ради убо хошу ити оче да дѣтиша ради умръѧ" (Син., с. 265) и т.д. Другие предложно-падежные формы местоимения позволяют эксплицировать иные отношения. Например: "И се сътворяѧ да и остатъка ихъ не бѣдетъ" (Супр., с. 79) – "Так сделаю, что и следа их не останется".

Целевое значение "да-конструкции" более наглядно при сообщении в препозитивной части о действии, связанном с перемещением, менее наглядно – в прочих случаях. Например: "намакаше же и посмагы и на хлѣвины възметаше, да птица дасть" (Син., с. 292); "и на земли помешташе себе, да не ведены бѣдѣтъ въ кумирнищѧ" (Супр., с. 137).

Показатели зависимого положения целевого компонента – относительность модально-временной оценки его содержания и субъективно-авторская неоднородность. Относительность временной характеристики проявляется с полной отчетливостью благодаря наличию резкой противопоставленности временных планов главной и целевой частей. Такая противопоставленность имеет место при сообщении в основной части о событиях прошлого. Например: "пустихъ въ весь, да придуть и погребуть старьца" (Син., с. 165); "доидоша на село, да почиѧть мало" (Супр., с. 18). При использовании же в основной части форм настоящего/будущего времени повелительного наклонения, действия основной и целевой частей воспринимаются как следующие друг за другом в пределах одного временного плана. Например: "нѣ придѣте да ꙗ въврѣжемъ въ рѣкѧ" (Супр., с. 80); "пойми мѧ въ илмѣ, да цѣлюю стѣи крстѣ" (Син., с. 162).

Наличие наряду с авторским высказыванием второго источника модально-эмоциональных оценок ощутимо при сообщении в главной части о реальных событиях, не характеризующихся в плане их желательности/нежелательности для говорящего. Например: "даша ему съмъртно, да чъвануѧщу митрополиту. възложить отраву въ чашю его" (Син., с. 166). Некие лица дали слуге яд – событие, при сообщении о котором говорящий своей эмоциональной оценки не высказывает. Слуга должен отравить митрополита – факт, представленный желательным для упомянутых заговорщиков. Налицо субъективно-авторская неоднородность в оценке частей сообщения. Подобная неоднородность отсутствует, если оптативно окрашенным является содержание основной части, что особенно характерно при наличии в данной части форм повелительного наклонения (побуждение всегда связано с желанием). Например: "гради и покажи намъ, да видимъ извѣстьнѣ мѣсто то" (Супр., с. 218); "въврѣ-

зѣте и въ огонь, да погубиты и огонь" (там же, с. 164). В приведенных примерах факты, о которых сообщается с помощью "да-конструкции", воспринимаются как желательные/нежелательные не для субъекта действия препозитивной части (побуждаемого лица), а для субъекта волеизъявления (говорящего). Отсутствие второго источника модально-эмоциональной оценки способствует "эмансипации" "да-компонента", которую, используя средства современной пунктуации, можно было бы передать следующим образом: "Бросьте его в огонь! Пусть погубит его огонь!"

Так колеблются чаши весов, характеризующие относительную самостоятельность "да-конструкции" в предложениях с целевыми отношениями частей. Желание подчеркнуть синтаксическую и смысловую зависимость названной конструкции обуславливало попытку соединить ее с предшествующей предикативной единицей при помощи подчинительного союза "яко": "въчѣти мѧ въ нѧ, и съподоби мѧ искушение мѧкъ приѣти, яко да и азъ искушень бѣдѧ" (Супр., с. 78).

Глагол целевой части в личной форме сослагательного наклонения в сочетании с частицей "да". Примеры: "съматраше кое бы примышление избобрѣсти, да би длѣгѧ и люгѧ им сътворишь съмръѣ" (Супр., с. 88); "а слъзныя силы въ мѣнѣ нѣсть о грѣсѣ бѣхъмоих да быхъ судию умолилъ" (Выг., с. 25 об.); "и на всѧку суботѧ хождахъ къ нему, да би въкушал пиша" (Син., с. 110).

Глагольная форма сослагательного наклонения создает атмосферу ирреальности в ее наиболее общем виде. Оптативная частица конкретизирует это широкое значение, характеризуя названное глагольной словоформой действие как желаемое и возможное. Оттенек желательности поддерживается преимущественным употреблением и в данном структурном типе приставочных глаголов (ицѣ-лилъ, въкусилъ, възлеглъ, погреблѣ и др.).

Форма сослагательного наклонения имела в древнеславянском языке показатели лица, что позволяло передавать разносубъектность действий в полипредикативных конструкциях, представленных приведенными примерами.

Во многом близкая к описанной выше "да-конструкции" целевая предикативная единица с формой сослагательного наклонения уступает ей в компактности структуры. В данной предикативной единице три обязательных элемента: оптативная частица, вспомогательный глагол, причастие; помимо лица и числа, эксплицитно представлено значение рода; указание на количество производителей потенциального действия осуществляется дважды (формами числа вспомогательного глагола и причастия).

К числу достоинств последнего структурного типа по сравнению с предшествующими относится отсутствие той широкой многозначности, которая характерна для "да-конструкции".

Рассматривая способы оформления в древнеславянском языке целевых отношений между двумя действиями, для полноты картины остановимся в заключение на обстоятельствах цели, выраженных предложно-падежными формами отглагольных существительных.

Примеры: "и съѣдѣ нашего спсѣния дѣла" (Син., с. 182); "дрѣжащѣ же его савинѣ за ризы, отѣрѣванѣ ради отѣ народа" (Супр., с. 133); "одинокѣ же иде епсѣ въ монастырь въ присѣщение сестрѣ своей" (Син., с. 216); "призывашѣ кораблѣ на помощѣ имѣ прѣти" (Супр., с. 151).

Функциональная близость предложно-падежных форм "событийных" существительных и предикативных единиц с целевым значением подтверждается возможностью употребления их в качестве однородных членов: "емуже и подараашѣ трѣбамѣ не на успѣхѣ нь да не бѣде отѣ него врѣда" (Супр., с. 35).

В целевых предложно-падежных конструкциях особенно ярко выступает второплановость передаваемого ими содержания. Зависимый характер данных конструкций обусловлен доведенной до предела синтаксической конденсацией – "свертыванием" предикативной единицы в непредикативную путем имплицитации временных, модально-эмоциональных и личных значений¹². Действие, называемое отглагольным существительным, односубъектно с действием глагола-сказуемого. Целевая семантика (в неразрывном комплексе значений "потенциальность, оптативность, стимулирующая причина") выражается благодаря соединению характерной предложно-падежной формы (род. пад. + ради, дѣла, на + вин. пад. и т.д.) и глагольной основы, выступающей в качестве словообразовательной базы "событийного" существительного. Примечательно, что большинство отглагольных существительных в примерах, которыми мы располагаем, словообразовательно связано с глаголами "завершенного действия" (на помощь – помощи; на послужение – послужити; купа дѣла – купити; на благословение – благословити; съпасения ради – съпасти, ошѣствия дѣла – отити и т.д.).

Существование в синтаксической системе древнеславянского языка несколько структурных типов предложений, предназначенных для передачи целевых отношений, предоставляло пишущему широкие возможности выбора и стилистического варьирования.

Наличие и сознательное использование средств синтаксической синонимии свидетельствуют об определенной стилистической разработанности древнейшего литературного языка славян.

¹² Пиша И. Семантическая и синтаксическая конденсация в научном стиле русского и чешского языков. – В кн.: Сборник материалов II международного семинара преподавателей русского языка высших учебных заведений социалистических стран. М., 1961.

ПРОСТЫЕ ОСЛОЖНЕННЫЕ И СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПОКАЗАТЕЛЕМ "КУРДУК" В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье автор продолжает исследование функций служебного слова "курдук", которое, как и другие сравнительные послелоги, имеет значение с широким диапазоном¹ и по полисемантической близок русскому "как". До этого были рассмотрены два случая построения простого предложения в современном якутском языке:

1. Когда "курдук" оформляет имя в составе простого сравнения²:

"Улэ чааһа бүтэн, уулуссаҕа киһи ыам бырдаҕын курдук". (ЭС М-75) – 'Рабочее время кончилось, на улице народу как весенних комаров (т.е. бесчисленное множество)'.

"Кини хайдах эрэ холуочуйбут киһи курдук буолбут". (АА СК-61) – 'Он как-то стал подобен подвыпившему человеку'.

"Хаар курдук сып-сырдык ырыаҕын Аймана истэбин, Чачаани". (СД ММА-46) – 'Как снег светлую-пресветлую песню твою, волнуясь, слушаю, Чачаани'.

2. Когда "курдук" непосредственно связан с конечной глагольной формой. В этом случае сказуемое принимает модальную функцию, а "курдук" соответствует русским показателям "как будто, будто, будто бы, словно, точно", а также модальному слову кажется и т.д. Например:

"Бу кэрэни ким да иннинэ мин эрэ аан маңнай арыыйбыт курдукпун". (НЛ НЧ-8) – 'Эту красоту первым раньше всех я как будто открыл'.

"Илибирии хамсыыр сэбирдэх кулгаахпар кистээн мүүттээх тылы сибигинэйэр курдук". (ВС Б-6) – 'Трепещущий лист как будто шепчет в мое ухо тайком медовые слова'.

¹ Петров Н.Е. Частицы в якутском языке. Якутск, 1978, с. 131.

² Васильев Ю.И. Именные сравнительные конструкции с показателем "курдук" в простом предложении якутского языка. – В кн.: Способы выражения полипредикативности. Новосибирск, 1978, с. 47–64.

"Онон үөрэн итирбит курдукпун". (АА-1-211) - 'Поэтому, обрадовавшись, я словно опьянел'.

"Саңардагына ытаан барыах курдукпун". (НЛ НЧ-32) - 'Если начну говорить, то заплачу, кажется'.

Рассмотрим употребление служебного слова "курдук" при частях. Сочетания "курдук" с причастиями функционируют в предложении как сказуемое зависимой части разносубъектных сложных конструкций и как главный член оборотов в моносубъектных сложных конструкций.

Как известно, в тюркологии (и шире - в алтаистике) давно идут споры по вопросу о границах между простым и сложным предложениями³. Одни ученые полагают, что причастные и деепричастные конструкции в тюркских языках не являются сложноподчиненными предложениями, а другие считают эти предложения сложноподчиненными. Наиболее последовательно на якутском материале это понимание изложено во второй части монографии Е.И. Убрятовой "Исследования по синтаксису якутского языка"⁴.

Здесь мы исходим из понимания сложноподчиненного предложения, как целостной конструкции, состоящей из двух и более частей с собственным предикативным узлом каждая. Сложноподчиненное предложение предполагает подчинительные отношения между частями. В отличие от сложноподчиненного предложения с двумя и более предикативными узлами, каждый из которых содержит не только свой предикат, но и свой субъект, для простого предложения с оборотом характерна моносубъектность. Например:

"Сэргэй кыһыһыбыт курдук саңарар"⁵. - 'Сергей говорит так, как будто рассердился'.

Предикативный узел данного моносубъектного предложения - "Сэргэй саңарар" - 'Сергей говорит'. Сочетание "кыһыһыбыт курдук" - 'как будто рассердился' соотносится с тем же самым грамматическим субъектом и является оборотом.

В простом предложении сказуемым может быть либо одно полносмысловое слово (именная или причастная форма) и показатель "курдук", либо полносмысловое слово, показатель "курдук", а также вспомогательный глагол (или глаголы). Например:

³ Вопросы грамматики тюркских языков. Материалы координационного совещания по проблемам глагольного вида и сложноподчиненного предложения в тюркских языках, состоявшегося 24-27 сентября 1956 г. Алма-Ата, 1958, с. 79-82; 91-93.

⁴ Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. II. Сложное предложение. Новосибирск, 1976.

⁵ Все якутские примеры без ссылок на литературные источники проверены и подтверждены пятью информантами-носителями якутского языка, окончившими среднюю национальную школу, выходцами из Мегинно-Кангаласского, Орджоникидзевогo, Чурапчинского и Верхневилуйского районов Якутской АССР.

"... бары кинини умнан кэбиспит курдуктар". (АА А-235) - '... все как будто забыли его'.

"Мас-от хайдах эрэ санаарҕаабыт курдук буолбуттар". (НН-153) - 'И деревья, и трава вроде как грустными стали'.

В этих случаях "курдук" вносит в предложение модальную характеристику. В первом примере причастием является аналитическая форма, выражающая вид - "умнан кэбиспит" - 'забыл', к которому и относится "курдук". В данном предложении сказуемым является все сочетание "умнан кэбиспит курдуктар" - 'как будто забыли'. Во втором примере "курдук" относится только к причастию "санаарҕаабыт" - 'загрустил'. Показатель множественного числа принимает слово "буол" - 'быть, становиться'.

В сложном предложении якутского языка служебное слово "курдук" участвует в выражении подчинения зависимого сравнительного предложения главному⁶.

"Ол кэнниттэн Чачыгыр Таас ойуун үс төгүл аат харата эрэ дунурун охсон дэгэлдьитэн дуугунатта уонна, торҕон бөрө улуйан эрэрин курдук, иһин түгэйдиктэн бэрт дириҕник дьөлө дьыһыйан, иҥсэлээх соҕустук дьааһыйталаан ылла". (ПО-2-52) - 'Затем шаман Чачыгыр Таас вяло загудел бубном, слегка ударив по нему три раза, и, издав из глубины утробы глухой звук, подобный тому, как воет голодный волк, несколько раз жадно зевнул'.

"Саамай кыра уоллара, Охонсоһой, Микиитэттэн эрэ аҕа, тыла айаҕар баппатах курдук, бөгүөстүгэстик саңарар уол, улаханньык үөрдэ..." (АА СК-53) - 'Сильно обрадовался их самый меньшой сын Афанасий, мальчик чуть старше Микиты, говорящий через силу, как будто его язык не влез в рот'.

Как в простом, так и в сложном предложении "курдук" может присоединяться к любому причастию. Ниже приводится таблица, показывающая все причастные и функционально подобные им формы якутского языка, составленная на основе исследований Е.И. Убрятовой⁷.

Анализ показал, что все эти формы способны сочетаться со словом "курдук", приобретая при этом модальное значение того типа, которое в других языках принято называть модально-сравнительным. В русском языке оно выражается показателями "словно, точно, будто, как будто" и др.⁸, в английском - as if и as though⁹.

⁶ Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису..., с. 192.

⁷ Там же, с. 46-62.

⁸ Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976, с. 128.

⁹ Размахнина Н.К. Сложные модальные сравнения в английском языке с союзами as if, as though. - В кн.: В помощь преподавателям иностранных языков, вып. 6. Новосибирск, 1975, с. 3-27.

Положительная форма	Отрицательная форма
1а <u>-ар, -ыыр</u>	1б <u>-бат</u>
2а <u>-быт</u>	2б <u>-батах</u>
3а <u>-ых</u>	3б <u>-мыах</u>
	3в <u>-ыа суох</u>
4а <u>-ыхтаах</u>	4б <u>-ыа суохтаах</u>
5а <u>-ааччы</u>	5б <u>-ааччыта суох</u>
	6 <u>-а илик</u>
7а <u>-баар</u>	7б <u>-суох</u>

В моносубъектном предложении показатель "курдук" в оборотах употребляется со всеми приведенными выше причастиями. Эти сочетания всегда препозитивны по отношению к сказуемому.

В аналогичных предложениях конечное сказуемое и причастие в составе оборота могут иметь одну и ту же или разные формы времени, что характерно для якутского языка. Например:

"Тохтуу түстэр эрэ тугу эрэ ботугуруу сатыыр курдук түргэн-түргэнник уоһун хамнапахтыыр". (АА А-66) – 'Как только остановится, он быстро-быстро двигает губами, словно старается шепнуть что-то'.

"... кыыс даҕаны кинини сөбүлүүр курдук майгыланара". (АС-2-13) – '... да и девушка вела себя так, как будто симпатизирует ему'.

В первом предложении сказуемое "хамнапахтыыр" – 'двигает' и причастие "ботугуруу сатыыр" – 'старается шепнуть' даны в форме настоящего времени, тогда как во втором предложении сказуемое "майгыланара" – 'вела себя' имеет форму прошедшего времени, а причастие "сөбүлүүр" 'симпатизирует' – форму настоящего времени, которая в зависимой позиции выражает одновременность.

Следует также отметить, что причастие в составе оборота в моносубъектном предложении не имеет показателя лица, потому что этот показатель принимает сказуемое:

"Дьибэр эрдэпинэ, мин да үгүһү билэр, элбэҕи кыйар курдук саныырым". (ХС, 1977, № 3, 63) – 'Когда был дома, я думал так, как будто и я многое знаю, многое могу'.

"Уолаттар итини харахтарынан көрөн сылдыар курдук саныылар". (АА А-142) – 'Юноши про это думают, как будто видят своими глазами'.

Рассмотрим подробнее употребления "курдук" с названными частями.

1а. -ар курдук, -ыыр курдук:

"Кини дорооболоһор курдук аҕар илиитинэн ол киһи илиитин харбаан ылла..." (АА А-21) – 'Как бы здороваясь, он одной рукой схватил руку того человека...'

"Самолет, үөһэ тыына сатыыр курдук, өрүтэ мәңҕитэлээн кэбинэ-кэбинэ, аллара түһэн истэ..." (АА А-19) – 'Самолет продолжал спускаться вниз, прерывисто пыхтя, словно глубоко вздыхая...'

1б. -бат курдук:

"Эн үөрэ-көтө олодоххуна, үлүгэрдээх олохпун үксүн өйдүбэт курдук, үөрэн-көтөн барабын". (АС-1-264) – 'Когда ты сидишь радостная, я начинаю радоваться, как будто не помню свою страшную жизнь'.

"Хайаабытын да иһин хаалбат курдук үлэлиэхпит". (К-329) – 'Что бы ни случилось, мы будем работать (так), как будто (хотим) не отстать'.

"Маайа... кини тылын-өһүн аанньа ахтыбат курдук туттар (НН-147). – 'Майя... ведет себя так, словно не слушает его слов (букв. – словно пренебрегает его словами)'.

2а. -быт курдук:

"Үмүөрүһүн тулар талахтар, саба сырсан кэлбит курдук, суодаһан-барыһан бардылар". (ВС Б-16) – 'Скучившиеся тальники начали казаться огромной темной тенью, как будто набежали (на нас)'.

"Онтон Ытанныах Мииккэ сүрүгүддьэбит курдук салбыһаан иһэрэ көһүннэ". (НД НЧ-15) – 'Затем стало видно, как вяло, словно поленившись, шел Митька-Плакса'.

Приведенные три типа построения "курдук" с причастиями (-ар, -бат, -быт) были отмечены Е.И. Убрятовой при описании послелога "курдук"¹⁰.

2б. -батах курдук:

"Эн хаһан да төрөөн-үөскээн сылдыбатах курдук, сурахтыын да сүтүөгүң!" (Софр. Д СА-43) – 'Ты исчезнешь без вести, словно никогда и не родился!'

"Күн аайы дуо?! – Вася итэҕэйбэтэх курдук көрдө" (АА А-70) – 'Каждый день, что ли?! – Вася посмотрел, будто не поверив'.

¹⁰ Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису..., с. 192-193.

"Дьон бары кинини билбэтэх курдук өрө көрөн олоһоллор" (ЭЭ-2-59) - 'Люди все смотрят, словно его не (у)знали'.

За. -ых курдук:

Уйбаан (дьэ ортотугар быһаҕынан анныныах курдук турар)" (АС-1-217) - 'Иван (стоит посреди дома так, словно готов ударить себя ножом)'.

"Мин хаһан даҕаны... - Даша Сенькина утарыах курдук саңаран иһэн, тохтоон хаалла". (АА А-52) - 'Я никогда... - Даша Сенькина, начав говорить так, словно возразит, прекратила (речь)'.

В этих фразах причастие будущего времени представляет ситуацию как предстоящую в будущем. Показатель "курдук" (соответствует русским "словно; так, словно") переводит ее в ирреальный план: она в действительности не совершится, но специфика проявления главного действия как бы побуждает говорящего предполагать некоторое следствие. Например:

"Марба эт сууламмыт отун кытта сиех курдук аччыктаабыт эбит". (К-100) - 'Оказывается, Марба проголодалась так сильно, как будто готова съесть даже траву, в которой было завернуто мясо'. В действительности Марба вряд ли будет есть траву. Но эта предполагаемая говорящим готовность съесть даже траву ярко, образно характеризует степень ее голода. Ср. также:

"Тигинэччи үүммүт Тиит мастар Тизэр түһүөх курдук Дьирэһэн тураллар..." (АС 2-134) - 'Шумно выросшие лиственницы стоят так выпрямившись (вытянувшись), как будто (словно) готовы упасть навзничь...'.

Русский перевод этих конструкций осложняется тем, что форма будущего времени, точно соответствующая оригиналу, не всегда отвечает нормам русского языка. Более литературным представляется перевод 'готов сделать', 'собирается, намерен сделать' (ср.: 'вот-вот сделает'). В русских предложениях с близким значением возможен выбор между союзами "словно (будто)" и "что", в якутском языке возможны предложения без "курдук".

"Тигинэччи үүммүт Тиит мастар Тизэр түһүөх Дьирэһэн тураллар". - 'Шумно выросшие лиственницы стоят так выпрямившись (вытянувшись), что готовы упасть навзничь'.

Различие в этих предложениях в том, что "курдук" вносит оттенок приблизительности, вероятности, предположительности. Приведем два предложения с показателем "курдук" и без него:

"Мин көрдөхпүнэ, биридэ эрэ буһарыах курдук эти киллэрдилэр". (АС-2-95) - 'Мне показалось, (что) они занесли приблизительно столько мяса, что хватит сварить только на один раз'.

"Мин көрдөхпүнэ, биридэ эрэ буһарыах эти киллэрдилэр". - 'На мой взгляд, они занесли столько мяса, что хватит сварить только на один раз'.

В собственно простом предложении:

"Атын кэмнэ киһи күлүөх курдук эбит". - 'В другое время человек наверняка мог бы засмеяться' и "Атын кэмнэ киһи күлүөх эбит". (АА А-138) - 'В другое время человек наверняка бы засмеялся'.

3б. -мых курдук. Предложения данного типа в современном якутском языке употребляются очень редко, а в случае употребления используются в основном с глаголами говорения. Сравнительное значение в предложениях с -мых курдук крайне ослаблено и соответствует русскому "так, что вроде бы":

"Уйбаан бултуу барымах курдук саңарар". - 'Иван говорит так, что вроде бы не пойдет на охоту'.

"Оттон бэҕэһээ эн путевканы ылымых курдук суруйбутуй". - 'А ведь вчера ты писал так, что вроде бы не возьмешь путевку'.

Конструкции с предикатом в форме причастия на -мых (без показателя "курдук") в якутском языке тоже очень редки и употребляются лишь в особых оборотах речи¹¹, когда выражается сомнение говорящего. При этом они принимают личные аффиксы. В этом случае форма на -мых обычно противопоставляется положительной форме -ых¹². Например:

"Барыам ини, барымах ини". (Хар., с. 202) - 'Пойду ли я или не пойду? (пойти ли мне)'.

"Этиэхпин да, этимиэхпин да билбэккэ олоһобун". (Хар., с. 202) - 'Скажу я, не зная, сказать или не сказать мне'.

Е.И. Убрятова отметила, что в языке долгая форма -мых может употребляться в форме 1 лица и указывать, что действие "не выполняет только определенное лицо или лица"¹³:

"мин барымах". (Убр., с. 53) - 'я-то не пойду (а кто-то другой пойдет)'.

В составе причастного оборота причастие на -мых, сочетающееся с "курдук", не принимает на себя личных аффиксов, как и остальные причастия (см. приведенные выше примеры с -мых курдук).

Так же, как вместо -мых употребляется аналитическая конструкция -иа суох¹⁴ ("суох" - имя отрицания), вместо -мых курдук в современном якутском языке обычно употребляется конструкция, образуемая с помощью имени отрицания "суох".

3в. -иа суох курдук:

"Салайан испит иккис летчик Черняков... штурвал көлүөһөтүтэн хаһан да араһыа суох курдук, икки илиитинэн сүрдэх ыксары харбаан олоһор этэ". (АА А-61 - 'Правивший второй летчик Черняков... так крепко держал в обеих руках колесо штурвала, словно никогда не выпустит его из рук (букв. - словно никогда не расстанется)'.

¹¹ Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970, с. 252.

¹² Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Ч. I. Фонетика и морфология, Якутск, 1947, с. 202.

¹³ Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису..., с. 53.

¹⁴ Харитонов Л.Н. Современный якутский язык, с. 202.

"...араас бэйэлээх үчүгэй дьиэлэр таас түннүктэрэ туох да кири-хаҕы сыһыарыа суох курдук килбэчиһэн тураллара көрүүххэ олус үчүгэй". (АС-2-45) - 'Очень приятно смотреть, как сверкают стеклянные окна разных прекрасных домов, словно к ним не прилипнет никакая грязь (букв. - словно не позволяя прилипнуть к себе)'.

4а. -ыахтаах курдук (аффикс -ыахтаах исторически образован от причастного аффикса -ыах и аффикса обладания -лаах¹⁵. В современном языке это единый аффикс долженствовательного причастия.

"Оҕолор оскуолаҕа бу киһэ барыахтаах курдук тэринэн эрэлэр". - 'Ребята стали собираться так, как будто должны идти в школу сегодня вечером'.

"Механизатор сыллааҕы былаанын аны биир ыйынан толоруохтаах курдук дакылааттаата". - 'Механизатор сделал доклад так, как будто должен выполнить свой годовой план через один месяц'.

Следует отметить, что форма -ыахтаах курдук совпадает по значению с формой -ардаах курдук (исторически форма на -ар - причастие настояще-будущего времени, -даах/-лаах - аффикс обладания. Например, ср. два предложения:

"Мин эйигин балыһаҕа сарсын илдьиэхтээх курдук санаабытым". Или: "Мин эйигин балыһаҕа сарсын илдьэрдээх курдук санаабытым". - 'Я думал так, как будто должен увезти тебя в больницу завтра'.

Форма -ардаах курдук в якутском языке используется сравнительно редко; возможно, она является диалектной, а не литературной, потому ее не находим в перечнях якутских причастий.

4б. -ыа суохтаах курдук. Отрицательная форма долженствовательного причастия по схеме должна была быть -ымыахтаах, но образуемая таким образом форма ныне в языке практически неупотребительна, она имеет "довольно узкое и специальное употребление (в особых оборотах речи)"¹⁶.

"Онно кини барымыахтаах". (Хар., с. 216) - 'Туда он не должен идти (должен отказаться идти)'.

Вместо нее в современном якутском языке употребительна форма на -ыа суохтаах, образованная сочетанием усеченной формы причастия на -ыах и формы долженствования от имени отрицания "суох"¹⁷. Показатель "курдук", присоединяясь к этому причастию, вносит модальное значение:

"Мандаарап бүгүн от хомууругар барыа суохтаах курдук налыччы чэйдии олорор". - 'Майдаров чаевничает спокойно, как будто не должен идти сегодня на уборку сена'.

¹⁵ Харитонов Л.Н. Современный якутский язык, с. 215.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. 216.

"Уолаттар табаарыстарын көрсө барыа суохтаах курдук оонньуу сылдыаллар". - 'Мальчики играют так, как будто не должны были идти на встречу своего товарища'.

Якутская форма -ыа суохтаах курдук близка русскому "думал (хотел было, собирался, мечтал и т.д.), что не должен...", но оказалось, что..." Например:

"Уйбаан бэҕэһээ киһэ кэлбит буолан, мин бүгүн кини онугар Кулуһуннаахха барыа суохтаах курдук санаан олорбутум, минигин эмиэ ыттар буолбуттар". - 'В связи с тем, что Иван приехал вчера вечером, я думал, что я не должен вместо него ехать сегодня в Кулусуннах, но оказалось, что меня тоже решили отправить'.

5а. -ааччы курдук:

"Оҕонньор эдэригэр саһылы элбэхтик бултааччы курдук кэпси-ир". - 'Старик рассказывает так, как будто он в молодости много охотился на лисицу'.

"Эн наар биэс сыанаҕа үөрэнээччи курдук тутта сырыт". - 'Ты веди себя так, как будто всегда учишься на пятерки'.

5б. -ааччыта суох курдук (-ааччыта суох - отрицательная форма причастия на -ааччы):

"Балбаара эмээхсин Сыырдаах диэки сылдыааччыта суох курдук сэхэргээтэ". - 'Старушка Варвара рассказала так, как будто не бывала в стороне Сырдах-а'.

"Мин суукка ол киһини хаһан да көрсөөччүтэ суох курдук көрдөрүүнү биэрбитим". - 'На суде я дал показание, как будто никогда не встречал того человека'.

В приведенной аналитической формуле -ааччыта суох курдук (отрицаемое действие, выраженное причастием на -ааччы) маркировка аффиксом -та, генетически восходящим к аффиксу принадлежности 3 лица -та.

6. -а илик курдук:

"Баһылай дьонугар телевизор атыылаһа илик курдук суруйбут". - 'Василий написал своим родным так, как будто еще не купил телевизор'.

"Ньургууна Крымҕа сылдыа илик курдук кэпсээбитэ". - 'Ньургуна рассказала так, как будто еще не была в Крыму'.

7а. -баар курдук (-баар - имя наличия; переводится как 'есть', был, имеется, находится').

"Эн биһигиттэн букатын кыбыстыма, дьиэҕэр баар курдук күлэ-үөрө сырыт, - диэтэ Арамаан". - 'Ты нас совсем не стесняйся, веди себя весело, как будто находишься у себя дома, - сказал Роман'.

"Бачча итии күңнэ Батас тоҕо тымныы полюһугар баар курдук таҕынна?" - 'Почему в такой жаркий день Батас оделся так, как будто находится на полюсе холода?'

7б. -суох курдук:

"Абыдал оҕонньор ол ынырык киһэ дьиэтигэр суоҕун курдук

эппитэ". - 'Старик Абыдал сказал так, как будто не был дома в тот страшный вечер'.

Предложения с -суох курдук более широко употребляются в разносубъектных предложениях.

Следует отметить, что в предложении показатель "курдук" может употребляться при однородных членах. Так, он может относиться одновременно к двум или более одинаковым причастным формам. Например, к причастиям настоящего времени:

"Чооруостар уруккуларын курдук соһуйбатылар-дьулайбатылар, хайдах эрэ соруйан оонньуур, эйэргэнэр курдук, арылла охсон, уолаттары аттыларынан хаары кырынан көтөн аастылар". (АА А-71) - 'Чечетки не испугались, не побоялись, как раньше, и, быстро раскрывшись, как будто как-то нарочно играют, мчатся, они пролетели низко над снегом мимо юношей'.

Один общий показатель "курдук" могут иметь и различные причастные формы:

"Аанчык өссө да ситэ билбэтэх, саараабыт курдук, кини сирэйин-хараҕын одуулуу турда". (ЭЭ-2-57) - 'Анчик стояла, глядясь в его лицо (букв. - в его лицо-глаза), как будто еще не узнала до конца, (как будто) колебалась'.

В данном примере две причастные формы, с которыми соотносится "курдук": отрицательная форма причастия прошедшего времени (-бэтэх) и причастие прошедшего времени (-быт).

Таким образом, показатель "курдук" в простой моносубъектной конструкции используется со всеми названными причастными формами. Сочетаясь с абсолютным большинством причастий, этот показатель вносит модально-сравнительное значение. Исключение составляет конструкция -ых курдук, где модально-сравнительное значение может почти исчезнуть, заменившись значением типа "так, что (будто)". Наиболее часто "курдук" употребляется с причастиями на -быт и -ар, реже - с причастиями на -ааччы и -а илик. Отрицательные формы -мыах курдук и -ымыахтаах курдук употребляются в современном якутском языке очень редко, их заменяют конструкции, образованные аналитическим путем.

Теперь перейдем к сложным предложениям с "курдук".

Сложные предложения якутского языка состоят из двух частей, имеют два субъекта, причем каждая часть имеет свой субъект и предикат. При этом служебное слово "курдук" в зависимом предложении присоединяется к любому причастию, как и в моносубъектном предложении. В сложном предложении "курдук" требует от причастия 3 лица единственного и множественного числа аффикса -ын. Например:

Быһыт быһынан күн тыган аһарын курдук, дьол киниэхэ даҕаны сырдык сирэйин көрдөрөн аһарар эбит..." (ИГ ХК-183) - 'Подобно тому как сквозь тучу выглядывает солнце, счастье и ему показывает свое светлое лицо, оказывается...'

"Онтон оҕотун сүтэрбит таба салгыны сытырҕалыы турарын

курдук сэгэйбэхтээн, тула көрбөхтөөтө". (АА СК-12) - 'Затем, озираясь, подобно тому как нюхает воздух олень, потравивший своего олененка, она быстро посмотрела вокруг'.

"Бары туох да буолбатаҕын курдук туттааллар". (АА А-206) - 'Все держатся так, будто ничего не случилось'.

В приведенных примерах причастия на -ар и -батах принимают аффикс -ын. Аффикс -ын может рассматриваться как показатель древнего родительного падежа, а по современной функции - как показатель 3 лица. По-видимому, в данном случае восстанавливается управление, утраченное послелогом "курдук". В этом проявляется частичное управление слова "курдук", что отмечала Е.И. Убрятова¹⁸.

В зависимом предложении причастие может иметь аффиксы 1 или 2 лица единственного и множественного числа:

"Дьаакып. Мин сүбэлээбитим курдук суруттардың ини?" (АС-1-382) - 'Яков. Наверное, ты записался так, как посоветовал я?'

"Силээхтэ Сэмэн. Ол, кырдьык, эн этэриң курдук, кыыс эйигин таптыыр буоллаҕына, тоҕо кэлбэт буолуой?" (НН-91) - 'Силихта Семен. И вправду, если девушка любит тебя так, как ты говоришь, то зачем бы не выйти ей замуж?' (букв. - зачем бы не прийти).

В первом примере причастие прошедшего времени сүбэлээбит - 'посоветовал' имеет аффикс 1 лица -им ('посоветовал + я'). Во втором же примере причастие настоящего времени этэр - 'говорит' имеет аффикс 2 лица -иң ('говоришь + ты').

В сложных предложениях якутского языка "курдук" часто присоединяется к -ыан - стяженной форме причастия будущего времени на -ых¹⁹. В отличие от других причастий форма на -ыан может употребляться только в сложном предложении, но не в моносубъектном.

"Сис тыа, киһи соһуйуон курдук, эмискэччи бүтөн хаалла".

(АА А-231) - 'Лес вдруг кончился так (быстро), что человек наизрядка бы удивился'.

Форма -ыан курдук не имеет яркого модально-сравнительного значения, а скорее всего, значение, близкое к неожиданности, к усилению и соответствует русскому "так (быстро, сильно и т.д.), что... как будто..."

"Киһи чайыһан курдук дэлби табахтаабыттар". (К-176) -

'Они накурили так сильно, что человек наверняка мог бы поперхнуться (букв. - как будто поперхнется)'.

"Ханаҕастар тахсаннар Туос ыаҕастара Туолуон курдук, Күүс-

¹⁸ Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису..., с.188-189.

¹⁹ Там же, с. 106.

тээхтик, Күрүлэччи-Күүгүнэччи ыатылар..." (К-47) - 'Женщины, выйдя, начали доить так сильно, бурно, что их берестяные ведра наверняка (словно) скоро наполнятся...'

Форма на -ьян является вариантом причастия будущего же времени на -ях и представляет собой стяженную форму винительного падежа 3 лица единственного числа: ях + ын > ьядын > ьян. Проверим это на предложении: 'Лес вдруг кончился так (быстро), что человек наверняка бы удивился'. Эту мысль можно выразить по-якутски тремя способами:

1. "Сис тыа, киһи соһуйуох курдук, эмискэччи бүтэн хаалла".
2. "Сис тыа, киһи соһуйуоҕун курдук, эмискэччи бүтэн хаалла".
3. "Сис тыа, киһи соһуйуон курдук, эмискэччи бүтэн хаалла".

Первый пример свидетельствует о том, что форма -ях курдук не выражает яркого модально-сравнительного значения. Здесь "курдук" может вообще быть опущено, но при этом оттенок предположительности, вероятности исчезает:

"Сис тыа, киһи соһуйуох, эмискэччи бүтэн хаалла" - 'Лес вдруг кончился так (быстро), что человек удивится'.

Отрицательной формой сочетания -ьян курдук является аналитическая форма -ья суоҕун курдук (форма -мыан не употребляется):

"Бу уол сүүрүк да эбит, киһи итэҕэйиэ суоҕун курдук сүүрэр дии". - 'Оказывается, этот юноша хороший бегун, ведь он бежит так (быстро), что человек наверняка (букв. - как будто) не поверит'.

Форма -ья суоҕун курдук не имеет сравнительного значения, но подобно уже рассмотренным формам на -ях курдук, -мыах курдук выражает значение вероятности, предположительности:

"Ити түбэлтэни Бохсургун эмээхсин кыһырыах да киһи кыһырыа суоҕун курдук эйэҕэстик, үөрөн-көтөн сэхэргээбитэ". - 'Про этот случай старушка Бохсургун рассказала так ласково, весело, что наверняка не рассердится даже человек, готовый рассердиться'.

В сложном предложении служебное слово "курдук" используется для выражения отношения сравнительных зависимых предложений к главному²⁰. При этом зависимое предложение может относиться ко всему главному предложению и строиться так же, как и главное.

"Саа тыаһа, үөр сылгы сүүрэн эрэрин курдук, тиһигэ быстыбакка биһигирэс буолла". (ЭЭ-2-46) - 'Выстрелы стали беспрестанными, подобными шуму бегущего табуна (букв. - подобно тому как начинает бегать табун)'.

В случае, когда зависимое предложение относится ко всему главному предложению, мы имеем дело со сравнительным параллелизмом. В анализируемых нами примерах одна часть является зависимым предложением благодаря наличию частицы "курдук":

"Аммосов. Социализм кыйыытын бөрүөгү оһохтон хостоон адалар курдук ким эмэ көтөҕөн адалан остуолга ууран биэриэ дии санаабытың дуо?" (Софр. Д СА-19) - 'Аммосов. Неужели ты думал, что кто-нибудь поднесет победу социализма и поставит на стол, подобно тому как подносят пирог, вынув из печки?'

Своеобразие сравнительного параллелизма заключается в том, что в главном и зависимом предложениях повторяется один и тот же глагол или формы более или менее синонимичных глаголов, а именные формы противопоставляются. Например:

"Кырыа кыһын кэнниттэн кэрэ саас кэйбэлдьийбэккэ кэлэрин курдук, кырдык хаһан да өрө көбөр, өрөгөйдүүр эрэ үгэстэх". (СО-1-165) - 'Подобно тому как после снежной зимы, колыхаясь (колеблясь), наступает прекрасная весна, правда имеет привычку всегда всплывать, торжествовать'.

В отличие от моносубъектной конструкции, в которой сочетание "курдук" + причастные формы" занимает препозицию по отношению к сказуемому, в сложноподчиненном предложении зависимая часть с показателем "курдук" занимает любое место по отношению к главному предложению. Чаще всего зависимое предложение стоит перед главным:

"Хойуу туман үллүбүтүн курдук, мас быһынан буруу күөгэлдьийэр". (ИГ ХК-191) - 'Подобно тому как вздулся густой туман, сквозь деревья колыхнется дым'.

Внутри главного предложения:

"Онтон туох да быһаарылаах санаата суох балачча өр хааман испэхтээн баран, ким эрэ ыңырытын курдук, эмискэччи тохтуу түстэ". (АА А-85) - 'Затем, пошагав довольно долго без какой-либо определенной мысли, он вдруг остановился, словно (его) кто-то позвал (букв. - словно кто-то (его) позвал, он вдруг остановился)'.

"Биһиги дьибитигэр учууталбыт билбэтин курдук тарҕаспыт". - 'Мы разошлись по домам так, чтобы наш учитель не узнал (букв. - мы по домам, так чтобы наш учитель не узнал, разошлись)'.

Во втором примере "курдук" выражает уже не сравнительное, а целевое отношение.

Реже зависимое предложение стоит после главного предложения:

"-Суох, тоойуом, абаҕаң тыыннаах эргиллибитэ буоллар... баҕар, саҕаһың буолуо этэ-диэбитэ эбэм өр баҕайы саҕарбакка олорон баран уонна түңнэри хайыспыта, мин ыйытыллыа суоҕу ыйыппытым курдук". (НЛ НЧ-26) - 'Нет, дитя мое, если

²⁰ Убратова Е.И. Исследования по синтаксису..., с. 193.

бы твой дядя вернулся живым... может, она стала бы твоей теткой, сказала моя бабушка после долгого молчания и повернулась спиной, как будто я спросил то, чего не надо было спрашивать'.

Иногда зависимое предложение может оформляться самостоятельно. Это особый случай, когда такое предложение распадается на части:

"... табалар айаннаан сэгэлдйиһэн истилэр. Ойуур тыа кэһэн иһэрин курдук". (АА А-333) - "... олени продолжали бежать легкой непринужденной походкой. Подобно тому как переселяется (кочует) лес'.

В данном случае мы имеем дело с парцелляцией, т.е. с реализацией предложения не в одной, а в нескольких коммуникативных единицах речи - фразах²¹.

Иногда встречаются конструкции, когда зависимое предложение как бы стоит за главным, например:

"Бу киһи кыһырбыта ыт ырдыгынаабытын курдук" - 'То, как рассердился этот человек, похоже на то, как заворчала собака'.

В приведенном примере отдельные предикативные единицы соотнесены как подлежащее и как сказуемое: первая предикативная единица является подлежащим, а вторая - сказуемым.

Итак, мы рассмотрели использование частицы "курдук" в сложном предложении якутского языка и можем сделать следующие выводы.

Если "курдук" присоединяет зависимое предложение к главному, то от причастия в зависимой части требует лично-притяжательного аффикса.

В сложноподчиненном предложении с "курдук" нередко наблюдается явление параллелизма, где главные и зависимые причастные формы близки по смыслу, а непредикативные формы попарно противопоставлены.

В отличие от моносубъектной конструкции в сложноподчиненном предложении "курдук" может присоединяться также к варианту причастия будущего времени на -ыах - к причастию на -ыаң, которое, представляя собой стяженную форму винительного падежа 3 лица единственного числа, употребляется только в разносубъектных конструкциях.

Зависимое предложение с показателем "курдук" может находиться в любом положении по отношению к главному предложению.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АА А - Амма Аччыгыя. Алдьархай. Якутский 1966
- АА СК - Амма Аччыгыя. Сааскы кэм. Якутский, 1952
- АА-1 - Амма Аччыгыя. Үс томнаах талыллыбыт айымньылар Маңнайгы том. Якутский, 1966
- АС-1 - Анемподист Софронов. Талыллыбыт айымньылар. Икки томнаах. Маңнайгы тома. Якутский, 1964
- АС-2 - Анемподист Софронов. Талыллыбыт айымньылар. Икки томнаах. Иккис тома. Якутский, 1965
- ВС Б - Василий Сыромятников. Бэрдьигэстэр. Якутский, 1977
- ИГ ХК - Иван Гоголев. Хара кыталык, Якутский, 1977
- К - Күндэ. Талыллыбыт айымньылар. Якутский, 1960
- НЛ НЧ - Николай Лугинов. Нуоралдьыма чараҕар. - "Хотугу сулус", 1977, № 8
- НН - Николай Неустроев. Талыллыбыт айымньылар, Якутский, 1959
- ПО-2 - Платон Ойуунускай. Айымньылар. Сэттэ томнаах. Иккис том. Якутский, 1958
- СД ММА - Семен Данилов. Манчаары маҕан ата. Якутский, 1973
- Софр.Д СА - Софрон Данилов. Сахалар ааттарыттан. Якутский, 1966
- СО-1 - Суорун Омоллоң. Талыллыбыт айымньылар. Маңнайгы том. Якутский, 1959
- Убр. - Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Часть II. Сложное предложение. Новосибирск, 1976
- Хар. - Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Ч. I. Фонетика и морфология. Якутск, 1947
- ХС - Журнал "Хотугу сулус".
- ЭС М - Эдуард Соколов. Мөккүөр. - "Хотугу сулус", № 8, 1977
- ЭЭ-2 - Эристиин Эрилик. Айымньылар. Икки томнаах. Иккис том. Якутский, 1969

²¹ Ванников Ю.В. Явление парцелляции в современном русском языке. Автореф. канд. дис. М., 1965, с. 1.

ОПТАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В ЕНИСЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Оптативные предложения указывают на желательность будущего действия или события для говорящего. В работах по синтаксису самых различных языков оптативные предложения обычно не упоминаются. Высказывания со значением желательности встречаются среди примеров повествовательных, побудительных или восклицательных предложений, но их своеобразие не может быть раскрыто в соответствующих разделах.

Мы полагаем, что оптативные предложения реально существуют и могут быть выделены как самостоятельный коммуникативный тип. В этом отношении мы полностью согласны с мнением В.А. Белошапковой, которая считает, что предложения, выражающие желательность, "имеют специфическое модальное значение и не могут быть отождествлены с побудительными. Вместе с тем они, подобно побудительным, не могут быть преобразованы в вопросительные"¹.

Таким образом, оптативные предложения можно считать самостоятельной формой человеческой мысли. Здесь нам представляется уместным высказать свое мнение о правомерности классификации предложений по модальному признаку. В современной синтаксической науке модальность в широком смысле этого слова понимается как особая категория, выражающая отношение говорящего к тому, что им сообщается, и вместе с тем отношение сообщаемого факта к действительности, т.е. к возможности его реального осуществления. Следствием такого двойственного понимания модальности явилась тенденция к отождествлению грамматических категорий с синтаксическими. Чтобы избежать путаницы, следует, как нам кажется, различать два вида модальности — фразовую и предикативную.

Определение сущности предикативной модальности содержится в известном высказывании академика В.В. Виноградова. По Вино-

градову, предикативная модальность, выражаемая главным образом глагольными наклонениями, "отражает точку зрения говорящего на характер связи говорящего с действующим лицом или предметом. Это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т.е. обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом"².

Когда мы говорим о коммуникативной целеустановке предложений, мы имеем в виду прежде всего выражение ими различных модальных значений, т.е. модуляцию форм мысли по их целевой направленности. На основании опыта, накопленного синтаксической наукой, можно выделить пять основных форм человеческой мысли, т.е. пять разновидностей фразовой модальности — повествовательную, побудительную, вопросительную, оптативную и восклицательную.

Мы исходим из того, что каждое предложение произносится с определенной целью и предполагает определенную ответную реакцию со стороны слушателя. Повествовательное предложение побуждает собеседника принять к сведению сообщаемую информацию; побудительное заставляет его совершить то или иное действие; вопросительное побуждает к ответу; оптативное информирует о том, какое действие или событие говорящий считает для себя желательным, и, наконец, восклицательное призывает слушателя согласиться с говорящим в оценке данного явления или события.

Итак, каждый тип предложений решает свою коммуникативную задачу и, следовательно, обладает своим специфическим модальным значением. В идеальном случае фразовая модальность совпадает с предикативной (повествовательное предложение и индикатив, побудительное предложение и императив и т.д.), однако достаточно часто имеет место обратное явление: модальное значение предложения не совпадает с модальностью предиката. В этом случае сам собой возникает вопрос: в какой степени оправдано употребление термина "модальность", приложимого к явлениям грамматического порядка, для такого широкого и сложного синтаксического понятия, как коммуникативная целеустановка предложения. Многие синтаксисты предпочитают вообще не говорить о модальности применительно к предложению в целом и, по-видимому, не совершают ошибки.

Оптативные предложения могут служить примером несовместимости категорий синтаксического и грамматического порядка. Специальное желательное наклонение в исследуемых нами языках отсутствует, так же как его нет и во многих других языках, однако трудно представить себе язык, который не допускал бы построения высказываний, выражающих желательность. Аналогичным образом обсто-

¹ Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977, с. 94.

² Виноградов В.В. Русский язык. М.-Л., 1947, с. 581.

ит дело и с вопросительными предложениями. Отсутствие вопросительного наклонения вовсе не означает, что вопросительные предложения не существуют и не должны выделяться как самостоятельный коммуникативный тип.

Для построения оптативных предложений используются глагольные формы индикатива, императива, эксортатива, а также сослагательного наклонения, однако главная роль принадлежит интонации. Оптативные предложения необходимо отличать от повествовательных, выражающих желание субъекта совершить то или иное действие.

Повествовательное предложение с помощью специальных лексических средств в составе предиката сообщает не о действии совершаемом или совершенном, а лишь об определенном отношении к действию со стороны субъекта. Носителем желания или намерения произвести то или иное действие, совершить тот или иной поступок всегда является субъект, т.е. подлежащее данного повествовательного предложения. В оптативном предложении субъект желания остается невыраженным, но им всегда оказывается говорящий, и сообщает он не о том, что сам намеревается что-то сделать, а о том, что заинтересован в каких-то событиях или действиях других людей.

В развернутом виде оптативное предложение можно схематически представить следующим образом: "я (мы) хочу (хотим), чтобы что-то произошло или кто-то что-то сделал".

Специальный глагол, наделенный модальным значением "хотеть, желать", в описываемых языках отсутствует. При выражении предиката желательность действия в неоптативном предложении чаще всего передается с помощью лично-временных форм глагола "кет. тос" с исходным значением 'подниматься, воспитывать, взращивать'. Ср.: "т?с' кет" - 'воспитанный человек'; "бу ат тос' киндет" - 'он меня воспитывать стал'.

Глагол "тос" в значении 'хотеть' (букв. - 'подниматься, чтобы пойти что-то сделать') употребляется в сочетании с целевой формой инфинитива (инфинитив с падежным аффиксом -ес'анг), а иногда и с личной формой настоящего времени основного глагола. Однако глагольные конструкции этого рода прослеживаются только в среднеенисейском диалекте кетского языка.

Например: "Сул. ат нан'бер'ес'анг диттос'." - 'Я хочу хлеб испечь'.

"У акус' бер'ес'анг кунтос'." - 'Что ты хочешь делать?'

"Бу деринга искоес'анг динутос." - 'Он хотел на озере рыбу ловить'.

"Бу ду'утос' кз'он ат бирак". - 'Она хочет мне лису отдать' (букв. - 'даст мне').

В этом же диалекте находит употребление модальное слово "кой" - 'охота, желание', восходящее, по-видимому, к глаголу

"кз'ой" - 'ходить, охотиться'. В морфологическом плане это слово представляет собой нечто среднее между глаголом и именем существительным. Оно может определяться притяжательными местоимениями, употребляться самостоятельно, кроме того, встречаются формы с субъектно-объектными показателями глагольной системы. Говорить о возникновении нового глагола пока рано, поскольку другие глагольные показатели (времени, залога, вида, наклонения) в этих формах отсутствуют.

В синтаксическом отношении слово "кой" ведет себя столь же непоследовательно: оно может иметь при себе прямое дополнение, целевой инфинитив, а также косвенное дополнение в форме целевого или дательно-направительного падежа. Например, кет.:

"У акс'ес'анг кой". - 'Ты чего хочешь?';

"Ат нан' баУой". - 'Я хлеба хочу'.

"Нан' ес'анг бур'а кой". - 'Она хлеба хочет'.

"Искоес'анг ап кой". - 'Я рыбачить хочу'.

"Бу бз'он сий, ал'динга бз'он даУой". - 'Он не ест, не хочет супа'.

"Ат бз'он баУой лесдинга". - 'Я не хочу в лес (идти)'.

В нижнеенисейском диалекте кетского языка отношение желательности действия со стороны субъекта действия передается, по-видимому, только лично-временными формами глагола "находить" в сочетании с целевой формой инфинитива или формой настоящего времени основного глагола, также оформленной аффиксом целевого падежа -ес'анг. В югском языке в значении 'хотеть, желать' прослеживается только глагол "хаштида"; сказать что-нибудь определенное о его происхождении не представляется возможным. Например, юг.:

"Ат хаштида нен' кид'абеташахан". - 'Я хочу купить хлеб'.

"Ат хаштида кибдыдах дон". - 'Я хочу найти нож'.

Ср. кет.:

"Ат шеш кз'Уа тататешанг дитабз'ок". - 'Я хочу перейти реку' ("татат" - 'переходить').

"Бу анготий дутабак". - 'Он повеситься хочет'.

"Ат хз'онг шул'юкшебетешанг дитабз'ок". - 'Я хочу запутать сеть' ("шул'ук шebet" - 'путаю'; инфинитив 'шул'бет').

"Е:д кукдил' буту'отешанг дутабз'к". - 'Соболь из норы вылезти хочет' ("буту'от" - 'вылезает', инфинитив "бутий").

Поскольку в оптативном предложении отношение желательности существует не между субъектом и предикатом, а между говорящим и всем его высказыванием, указанные выше лексические средства применения не находят. Субъект оптативной фразы не совершает и не совершал данного действия и может не испытывать никакого желания его совершить. При построении оптативного предложения говорящий заботится о том, чтобы интонацией и другими средствами сообщить слушателю о желательном

для себя действию или событию; иными словами, он уговаривает, призывает, спрашивает, умоляет, допускает, разрешает, дает возможность другому лицу или предмету сделать так или сделаться таким, как он (говорящий) хочет.

Многие оптативные предложения по своим формальным признакам могут быть отнесены к разряду побудительных предложений. Они строятся на базе глагольных форм повелительного наклонения, однако благодаря особой интонации передают не побуждение к действию (приказ, распоряжение, требование, инструкцию), а просьбу, дружеский совет, пожелание и т.д. Прежде всего отметим предложения, в которых повелительная форма глагола сочетается с частицей "ус", близкой по значению русским междометным словам 'пожалуйста, будь добр, ради бога' и т.д. Целевая направленность предложений этого типа становится еще более очевидной при использовании особой просительной интонации. Например, кет.:

"Каскет батданга бара - акта кат' ус' ес'ангдак", - 'Каскет сказал: "Хорошую шубу положи уж ей!"'

"БелиУин, кь'ол'о, аттас' ус' каснем". - 'Билеген, дружок, пальму хоть возьми!'

"Кол'о, коптес'анг се:дак, пол' копт ус' беней оУол'гет". - 'Жирного быка - оленя проси, жирного быка, будь добр, выменяй!'

Как уже отмечалось, решающая роль при выражении оптативного смысла высказывания принадлежит интонации. Интонационный рисунок фразы целиком зависит от сложного мира человеческих эмоций, диктуемых конкретной жизненной ситуацией. Предложения со сказуемым в форме повелительного наклонения нередко передают смысловые оттенки, далеко отстоящие от простого побуждения к действию, а именно: пожелание, напутствие, страстный призыв, мольбу. Высокая эмоциональная насыщенность таких высказываний служит для многих синтаксистов достаточным основанием для их отнесения к классу восклицательных предложений. Поскольку ведущим значением во всех этих случаях остается желательность, мы считаем такие предложения оптативными. Например, кет.:

"Ковет арин, ати кангыи кил'да". - 'Хорошо живите, не обижай ее!'

"А бунг манманг - кот' ил'." - 'Они сказали: "Ты хоть поешь!"' (частица "кот'" скорее всего русское заимствование от 'хоть').

"Ким дитмь^ок, буда е:си - ейбеди". - 'Жену нашел, она закричала: "Пожалей меня!"'

"У ат кот' кодий, ейбетий". - 'Ты меня хоть не убивай, пожалей меня!'

Юг.: "Мам да кайнем, хутий даеискобындах - игдох, хасингет да фубыш таргыдах". - 'Свою грудь взяла, вперед бросила: "Лети, Хасингету в сердце влейся!"'

"Ад индигн, ап фун каргын итајах, ата ингангын". - 'Меня убейте, мою дочь Каргын оставьте, не убивайте ее!'

В побудительных предложениях широкое применение находят формы эксортатива (лично-временные формы глагола в сочетании с частицей "кан"). Они служат для передачи косвенного побуждения, однако предложения с частицей "кан" выражают побуждение к действию только при наличии повелительной интонации. Будучи произнесенными с другой интонацией, они нередко становятся оптативными. При этом форма настоящего времени с частицей "кан" выражает исполнимое желание, разрешение, допущение, согласие, а форма прошедшего времени - неосуществимое желание, сожаление. Например, кет.:

"Дыл' кан токтарават бинун данга нара". - 'Пусть ребенок бежит, сколько ему надо'.

"Бат бара - те кот бил'а дакта:н' кан уОйдас'". - 'Старик сказал: "ладно, как-нибудь сходим, пусть будет по-твоему".'

"Елла тет'ка ес'кандак ен' бей кан дакасак". - 'Дверь в сторону отбрось, пусть свежий ветер войдет'.

"Бег анад ат кан бат' конгонен". - 'Век бы не уходили!'

На оптативное значение частицы "кан" впервые обратил внимание Б.А. Успенский³. Оптативные предложения с частицей "кан" и формой настоящего времени глагола могут быть адресованы мифическому существу, призванному совершить невероятное. Предложения такого типа носят характер заклинания. Например, кет.:

"Кот колениг ей а?к кан си:нгтак". - 'Пусть хоть наполовину деревья из железа будут!'

"Кой с'уй с'уу кан бетилебай". - 'Густой комариный год пусть будет!'

"Тик ты?н ты?Уа кан би:мбус', тик би:л'ус'." - 'Снег в котле пусть растает! - Снег растаял.'

"Ты?н бинда аУа кан уйвит, ты?н уйбил'ат." - 'Котел сам пусть снимется! - Котел снялся.'

Юг.: "Тай са:р хан ситах ур хан биматы:р, хот хан ситах". - 'Холодная ночь пусть будет, вода пусть замерзнет, дорога пусть станет!'

"У ен' хан бит' кутах". - 'Теперь ты гагарой станешь!'

Применительно ко всякому языку, возможно, было бы логичным предположить существование оптативных предложений, построенных на базе форм сослагательного наклонения. Значения не-

³ Успенский Б.А. О системе кетского глагола. - В кн.: Кетский сборник. М., 1968, с. 207.

определенности, предположительности, неосуществимости действия, передаваемые сослагательным наклонением при незначительном изменении интонации, могут быть использованы для выражения просьбы, совета, пожелания. Сослагательное наклонение в енисейских языках образуется при помощи форм прошедшего времени глагола и модальной частицы "сим". Например, кет.:

"Кот ана конгал' сим ткимнам, авентган ловер' у: бангт бьонс' анг". — 'Хоть бы кто-нибудь из вас женился, у меня работать нет сил'.

"У и:с'бь н сим кусл'." — 'Не хочешь ли ты мяса поесть?' (букв. — 'ты не съел бы мяса?').

"Б^от кул'тынг дь^о:т'ка сим бет дес'омдаУен, тул' аУа сим бет кайнеми, сим бет би:л'ан". — 'Давайте его (мясо) положим сверху на угли, потом его снимем и съедим'.

К числу опативных мы без колебания относим бесподлежащие предложения с глаголом-сказуемым в форме 1 лица множественного числа настоящего или прошедшего времени. Они соответствуют русским высказываниям типа "давай (давайте) что-то сделаем".

Мы полагаем, что предложения этого рода нельзя считать побудительными, поскольку их коммуникативное назначение состоит в том, чтобы выразить не распоряжение, требование или приказание, а всего лишь совет, предложение или приглашение поступить так же, как хочет поступить говорящий. Иными словами, здесь мы имеем дело с фразами, явно опативного характера. Чаше всего им предшествуют обращения и междометия. Чтобы подчеркнуть идею будущего действия в структуру таких предложений часто вводится частица "кам" с наречным значением 'скоро'. Форма прошедшего времени глагола применима, по-видимому, в тех случаях, когда говорящий почти не сомневается в том, что его предложение будет принято. Например, кет.:

"Донгатн (наст. вр.) на те:т был' ка:ит (наст. вр.)". — 'Пойдем, нашего мужа оживим'.

"Кимнь^о:, догатн ел'тий^{!!}". — 'Бабы, пойдем по ягоду'.

"Ба:т си:л'а, ба:м да си:л'а, ба:м мана — донгонен (прош.вр.) баддо". — 'Старик со старухой поели, старуха говорит: "Пойдем, старик"'.
"Бьон'тан' дит' — данга даскансенг — донгон ьодас'." — 'Утки глухарю говорят: "Полетим с нами"'.
"Те ди:вил'н (наст. вр.)". — 'Давайте петь'.

"Каддъ к с'ъ лий довУон, денгнанга ката кам донгатн". — 'Уж очень скучно стало, пойдем к людям'.

"Ама, те кам да:нтерен". — 'Мама, ну давай поиграем'.

В последние годы значительно возрос интерес к синтаксису разговорной речи. Среди специфических союзов, характеризующих разговорную речь, особое место занимает союз "а то".

Несмотря на то, что конструкции с союзом "а то" в современном русском языке (по крайней мере, в его разговорном варианте) имеют очень широкое распространение, в большинстве работ по синтаксису этот вопрос освещается весьма скупо или вовсе не упоминается. А между тем, конструкции с этим союзом отмечены уже в памятниках XV в.

В толковых словарях русского языка "а то" рассматривается не как одна лексическая единица, а как соединение союза "а" с частицей "то". В словарных статьях о союзе "а" обычно отмечается четыре-пять его значений в сочетании с частицей "то"¹. Однако в академических "Грамматиках" 1952-1954 гг. и 1970г. союз "а то" описывается как самостоятельная лексическая единица.

Как самостоятельная лексема квалифицируется союз "а то" и в ряде отдельных исследований, посвященных этой проблеме².

¹ См.: Толковый словарь русского языка, т. 1, М., 1935, стлб. 2; Словарь современного русского литературного языка, т. 1. М.-Л., 1950, стлб. 9; Словарь русского языка, т. 1. М., 1957, с. 2.

² См., напр.: Черкасова А.П. Предложения с союзом "а то" в современном русском языке. — Учен. зап. Харьковского пед. ин-та, 1958, т. 29; Собинникова В.И. Сложные предложения с союзом "а то" в русских и украинских говорах. — В кн.: Материалы по русско-славянскому языкознанию, вып. III. Воронеж, 1967; Белошапкова В.А. Предложения альтернативной мотивации в современном русском языке. — В кн.: Исследования по современному русскому языку. М., 1970.

Но этот союз, как и конструкции, в которых он выступает, однозначной характеристики в названных работах не получил.

Круг значений, выражаемых союзом "а то" (вернее, конструкциями с этим союзом), в современном русском языке очень широк. Построения с этой скрепой отмечены нами в основном в текстах, отражающих разговорную речь в самом широком смысле этого слова: и литературную, и просторечную, и диалектную (в нашей выборке 4359 карточек). Рассмотрим наиболее типичные построения с союзом "а то".

Разделительный союз "а то" в простом предложении. Союз "а то" в простом предложении может выполнять функцию, близкую разделительному союзу "или", соединяющему однородные члены предложения³. Например:

"Бедные столары-малары начнут седлать иную необъезженную лошадь, соберутся вокруг нее несколько человек, и она, проклятая, визжит, бьет передом и задом, а то упадет наземь и катается по ней". (М. Шолохов. Они сражались за Родину).

"Мужики обжились, распрягли лошадей, варили в ведерках снедево, спали, а прохаживались, переругиваясь от тоски". (А. Малышкин. Падение Даира).

Чаше всего союз "а то" в простом предложении выступает в сочетании с усилительной частицей "и". Например:

"Генерал настоящий, солидный такой, старый, лет, пожалуй, восемьдесят, а то и девяносто". (А. Чехов. Свадьба).

"Боже мой, какой хлеб-то пропал! Сто, а то и сто двадцать пудов с гектара, это, брат, понимать надо". (М. Шолохов. Они сражались за Родину).

"Николай быстро уставал, таская охапки сырого хвороста, после третьей-четвертой ходки начинал чаще спотыкаться, а то и падать". (П. Проскурин. Судьба).

"Припоминали разные трогательные подробности о покойном, полузабытые, а то и совсем забытые случаи из совместной работы с ним". (Там же).

Как видно из примеров, союзное сочетание "а то" употребляется при соединении таких двух единиц, вторая из которых, с точки зрения говорящего, в каком-то отношении (количественном, качественном и т.д.) превосходит первую. Ср.: "восемьдесят, а то и девяносто"; "сто, а то и сто двадцать"; "спотыкаться, а то и падать"; полузабытые, а то и совсем забытые".

³ Наши наблюдения не совпадают с выводами В.А. Белошапковой о том, что альтернативные союзы, в частности "а то", "являются специфическим средством объединения предикативных единиц в сложном предложении и отдельные словоформы в составе простого предложения связывать не могут". (См.: Белошапкова В.А. Предложения альтернативной мотивации..., с. 22).

Представляется, что сочетание "а то" выражает не только разделительные, но и градационные отношения между соединяемыми объектами. Все это позволяет говорить о существовании в современном русском языке градационно-разделительного союза "а то и", обнаруживающего функциональную близость к стилистически нейтральному союзу или в сочетании с усилительной частицей "даже". Ср., например: "Воробьи шумно, почти не боясь меня, стали склевывать крошки, а хроменькому опять досталось совсем мало или даже ничего не досталось..." (В. Лидин. Содружество).

В тех случаях, когда автору более значительным представляется предшествующий компонент в однородном ряду, к союзу "а то (и)" присоединяется частица "просто". Например:

"Он мог часами сидеть и обдумывать заинтересовавший его поступок человека, а то просто какую-нибудь заинтересовавшую арифметическую задачу". (П. Проскурин. Судьба).

"До этого в Соловьином логу Николай много и часто стрелял по разным бутылкам, банкам, а то и просто в кусок дерева". (Там же).

Союз "а то" в сложном предложении.

В сложносочиненном предложении союз "а то" может выражать разделительные отношения. Обычно он выступает как заключающий в перечислительном ряду многокомпонентных сложных предложений, в которых предикативные единицы связаны союзом "или". Например:

"Нет-нет раздастся живой звук: дятел тронет морозное дерево, или клест обронит сосновую шишку, или в последний момент равняется от голодной лисы длинноногий беляк, а то, не обращая внимания на потоки сыплющегося сверху снега, пройдет по привычному маршруту лось". (П. Проскурин. Горькие травы).

К функции разделительно-присоединительного союза приближается "а то" в начале фразы продолжающейся монологической речи, в которой события изображаются как чередующиеся, сменяющие друг друга. По функции этот союз "а то" близок к сочетанию "или еще". Ср.:

"А то, — продолжал он, все более воодушевляясь, — был у нас в городе купец, ты тоже, чай, не помнишь, железом торговал в рядах" (С.П. Подъячев. Забытые).

"А то здесь другой доктор приезжает к больному, — продолжал с каким-то отчаянием Василий Иванович, — а больной уже *ad patres*" (И.С. Тургенев. Отцы и дети).

Присоединительный характер семантических отношений особенно усиливается, когда союз "а то" выступает в сочетании с частицей "еще": "Потом сестра едва не порешила себя от тоски и отвращения к нему: раз ее с одушника сняли — повесилась ..., а то еще нашатырный спирт пила..." (М. Горький. Дети солнца).

П. 1. Наибольшее распространение получили такие сложносочиненные конструкции с союзом "а то", в которых выражены противительно-сопоставительные отношения. Первая часть таких двухкомпонентных сложных построений называет какое-либо желаемое гипотетическое событие (ситуацию, явление, положение дел), а во второй части названо реальное событие, противоречащее желаемому. Союз "а то" в таких высказываниях семантически близок выражениям "а на самом деле", "а в действительности"⁴. Поскольку в первой предикативной единице названо гипотетическое, а не реальное событие, то и модальный план этой предикативной единицы – это план желательности, побуждения. В функции сказуемого предикативной единицы, предшествующей союзу "а то", могут выступать различные формы.

А. Глагол в форме повелительного наклонения (наиболее частотное средство). Например:

"Только ты смотри – им много-то не давай, а то ты, чай рад сдуру-то все отдать". (А. Островский. Свои люди – сочтемся):

"И ты Андрей, уже постарайся. Да повеселей будь, а то ходишь как бурелом какой-то". (В. Шукшин. Свойак Сергей Сергеевич).

Б. Глагол в форме сослагательного наклонения с модальностью побуждения и желательности. Примеры:

"Поговорил бы ты со мною, а то бормочешь что-то про себя..." (М. Шолохов. Они сражались за Родину).

«Ну, писала бы по-людски: "дорогой Ваня" – или там еще как, а то – "цыпа"». (Там же).

"Комедию бы он привез, а то крутят одно и то же". (В. Лихоносов. Что-то будет).

В. Глагол в форме будущего времени индикатива с модальностью побуждения. Примеры:

"Вот мы тут разберемся и будете брать высоту штурмом. А то расположились мне, печки-лавочки". (В. Быков. Его батальон)⁵. "А вот не будешь психовать зря. А то стоит вся изозлилась". (В. Шукшин. Сапожки).

Г. Глагол в форме инфинитива (с частицей "бы" или без нее) с модальностью желательности и побуждения. Примеры:

"Собрать все силы да ударить по совхозу. А то растянули полк на четыре километра и тыркаются" (В. Быков. Его ба-

⁴ Это значение союза "а то" отмечается почти всеми толковыми словарями (см.: Словарь современного русского литературного языка, т. 1. М., 1950, стлб. 9; Словарь русского языка, т. 1. М., 1957, с. 2).

⁵ Расчленение конструкций с союзом "а то" на две фразы не меняет логико-семантических отношений между объединяемыми частями высказывания.

тальон.) "Что бы пылесос какой-нибудь присудить... А то микроскоп" (В. Шукшин. Микроскоп).

Ср. также инфинитивные предложения с отрицательными местоимениями: "Нечего было и хватать тогда, а то приехали – раз, два – увезли. Обрадовались". (В. Шукшин. Осенью).

Д. Модальное значение необходимости, желательности, побуждения может быть передано и лексическими средствами, в частности безлично-предикативными словами "надо, нужно" в сочетании с инфинитивом. Примеры:

"Надо – строго разговаривать, а то ты со всеми людьми точно с господами разговариваешь" (М. Горький. Дети солнца).

"Надо было свои снаряды беречь! А то свои поразгрохали, а теперь на чужие зарятся". (В. Быков. Его батальон).

Е. В отдельных случаях предикативная единица, предшествующая союзу "а то", глагольной формы не содержит, однако о побудительном характере модальности сигнализируют вербализованные приглагольные компоненты, их свойство обратной валентности. Например:

"Реплики – потом! А то все мы добренькие, когда это не касается наших интересов" (В. Шукшин. Калина красная).

"Дорогой мой, что за дикция? Яснее, больше чувства, а то словно протокол читаете" (Л. Уварова. Будет музыка...).

Для всех этих форм выражения сказуемого предикативной единицы, предшествующей союзу "а то", общим является семантика ирреальности, модальный план побуждения, желательности и долготерпения. В постпозитивной же предикативной единице названо реальное событие, противоположное (с точки зрения говорящего) тому событию, которое названо в препозитивной части, несовместимое с ним. Поэтому во второй предикативной единице обычно наблюдается модальный план реальности, выражаемый глаголами в форме индикатива – план настоящего или план прошедшего (но не будущего!). Таким образом, в анализируемых построениях наблюдаются отношения противопоставления желаемого и реального. Эта семантика противопоставления поддерживается и лексическими средствами, в частности антонимами. Ср.:

"Спой, только понятную какую-нибудь, а то у вас нынче не поймешь ни черта" (В. Шукшин. Гена Проидисвет). "Будет вам делами-то заниматься! Что бы с молодыми дамами полобезничать. А то сидит в своем кабинете! Такой неполезный старичок!" (А. Островский. На всякого мудреца довольно простоты).

Антонимическую семантику в контексте могут получать и такие лексемы, которые вне контекста не сближаются. Ср.: порядок – бордак (в значений "беспорядок"); беречь (свои снаряды) – поразгрохать (то есть не сберечь, растратить попусту); поishes ехать – гнать; читать благозвучно – реветь, как бык, и т.д. Например:

"Вы бы лучше порядок у себя навели, а то у вас бардак в полку, товарищ майор." (В. Быков. Его батальон). "Надо было свои снаряды беречь! А то свои поразгрохали, а теперь на чужие зарятся!" (Там же). "Потише хоть ехай-то, а то гоните, как чумные". (В. Шукшин. Сураз).

"Ты читай, чтоб было благозвучно, а то ровно как бык ре-вешь". (А. Гайдар. Школа).

2. Особо следует остановиться на таких сложных построениях, в которых компонент, предшествующий союзу "а то" (в значении "в самом деле", "в действительности") представляет собой сложноподчиненное предложение с союзом "если бы" и его стилистическими вариантами (кабы, как бы). Например:

"Да если б ударил-то — это полбеда, а то потянет за взятку-то". (В. Шукшин. Печки-лавочки). "Да хорошо, если б можно было взять деньги без невесты, а то у вас будет молодая жена". (А. Островский. На всякого мудреца довольно простоты).

"Так было бы хорошо, если б у тебя было имя Митя или там Петя. А то — Вася." (М. Зощенко. Возвращенная молодость).

"Я думаю, что при советской власти не должно быть подобных обхождений, какое со мной произвели граждане. Да кабы граждане — еще полбиды, а то бабы!" (М. Шолохов. О Колчаке, крапиве и прочем).

Условный союз может сочетаться с уступительной частицей "хоть" или "еще": "Еще если б была крайняя необходимость, ну, уж нечего делать, а то ехать бог знает зачем!" (А. Островский. На всякого мудреца довольно простоты). Условный союз при наличии частицы "хоть" может и отсутствовать: "Такой злодей: хоть бы в сердце ударил — ну так уж и быть, одним разом бы кончил, а то в спину... самый разбойничий удар!" (М. Лермонтов. Герой нашего времени).

При анализе подобных примеров бросается в глаза тот факт, что главная часть условного предложения, предшествующего союзу "а то", содержит оценку того события, которое названо в придаточной части. Ср.: "Если б ударил — это полбеда". "Хорошо, если б можно было взять деньги без невесты" и т.д. Если расчленить эти условные конструкции на диктум (основное содержание высказывания) и модус (ту часть высказывания, в которой содержится оценка содержания высказывания с точки зрения говорящего), то структурно главная предикативная единица может быть квалифицирована как модус. Причем оценка, содержащаяся в этой модусной части, как правило, положительная. Ср.: это полбеда; хорошо; так было бы хорошо; полбиды. Предикативная единица, вводимая условным союзом, называет гипотетическое событие, которое, с точки зрения автора, явилось бы более естественным, благоприятным и допустимым по сравнению с тем реальным событием, которое названо предикативной единицей, следующей после союза "а то".

Таким образом, в анализируемых высказываниях, построенных по модели "если бы А, то В, а то не А", противительный союз "а то" объединяет блок "если бы А, то В", с одной стороны, и предикативную единицу "не А", с другой. Компонент "не А" всегда называется событием, которое, с точки зрения говорящего, в каком-то отношении противоположно компоненту "А". Ср.: ударил бы в сердце — ударил в спину; была бы крайняя необходимость — ехать бог знает зачем (то есть без крайней необходимости). Что же касается блока "если бы А, то В", то в нем, как уже отмечалось, компонент "А" является диктумом, а компонент "В" — модусом.

Характерно, что и в этих построениях модусный компонент "В" может легко устраняться и быть представленным имплицитно. Сложные трехкомпонентные предложения, построенные по модели "если бы А, то В, а то не А" оказываются семантически тождественными "сжатым", имплицитным предложениям, построенным по модели "если бы А, а то не А". Ср.: "Да если б ударил, а то потянет за взятку-то". "Да кабы граждане, а то бабы." Такие двухкомпонентные конструкции с имплицитной модусной частью широко представлены в текстах, отражающих особенности разговорной речи. Например:

"Если бы продукты хорошие давали, а то черт знает што!..." (А. Фадеев. Разгром). "Если бы хоть не было пальто, а то есть!" (В. Шукшин. Мой зять украл машину дров).

Наиболее частотными являются двухкомпонентные построения без условного союза, но с частицей "хоть" в препозитивной части. Например:

"Хоть бы молиться ходили! А то стояла церковь — никто не замечал..." (В. Шукшин. Крепкий мужик).

"Да хоть бы наступали, а то отступаем" (В. Шукшин. Горе).

Ср. в аналогичной позиции частицу "еще": "А случись, кто знает, — бабка, может, и вправду не кинулась бы спасать. Еще был бы он ей родным, а то ведь, она говорит, чужой". (Ч. Айтматов. Белый пароход).

Результатом сжатия развернутых построений можно считать и такие конструкции, в которых оценочный компонент "добро" слился с частицей "бы" и союзом "а то" в один составной союз "добро бы... а то". Например:

"Господи владыко, — простонал Савельич. — Заячий тулуп почти новенький! И добро бы кому, а то пьянице оголтелому".

(А. С. Пушкин. Капитанская дочка). "Добро бы охотились, а то ведь ездите только затем, чтобы спорить да чужим собакам мешать и прочее". (А. П. Чехов. Предложение). Ср.: "Добро, если бы отдал кому порядочному, а то пьянице оголтелому".

Как видим из примеров, обязательным элементом структуры описываемых имплицитных построений является форма сослагатель-

ногоклонения в сказуемом препозитивной части. Это относится и к компоненту "А" в эксплицитных высказываниях. Что же касается предикативной единицы, следующей за союзом "а то", то она всегда называет реальное событие, имевшее место в прошлом или констатируемое в настоящем. Поэтому сказуемое постпозитивной части всегда выражено глаголами в форме прошедшего или настоящего времени. (Примеры, в которых отмечены формы будущего совершенного, данному выводу не противоречат, так как в них наблюдается транспозиция в прошедшее: обозначено событие, обычное, повторяющееся в прошлом. Как и в эксплицитных трехкомпонентных предложениях, в двухкомпонентных, построенных по модели "А, а то не А", предикативная единица "А" и предикативная единица "не А" называют события, воспринимаемые как семантически противоположные. Ср.: "ходили бы молиться – церковь никто не замечал" (т.е. молиться не ходили); "носили бы – купят и в сундук" (т.е. не носят). Это противопоставление часто поддерживается и антонимичными лексемами в сопоставляемых предикативных единицах. Ср.: был бы он родным, а то чужой; не было бы пальто, а то есть; хоть бы наступали, а то отступаем и т.д.

III. В двухкомпонентных сложных предложениях, построенных по модели "А, а то В", могут выражаться противительно-ограничительные отношения: "После уборки пристраивали стенку для угла и курям, вот только сегодня кончила, ребята помогли столбы закапывать, а то все сама" (В. Лихоносов. На долгую память). Обычно в составе первой предикативной единицы содержится ограничительная частица "только" или "либо". Например:

"Только в среду да понедельник стрельбы не было, а то каждый день". (А. Гайдар. Четвертый блиндаж). "Собой я в те поры недурен был: румяный, полненький, только ростом маленько не вышел, а то прямо скажу: не хуже людей". (С. П. Подъячев. Забытые). "По пути из Сары в Акъяр (65 верст) я встретил одно лишь единственное дерево, а то все степь и степь". (О. Чекмарев. Стихи, дневники, письма).

К функции ограничительной частицы приближается числительное "одно" (одна, один, одни). Ср.: "Одни куры гребут от себя, а то все к себе". (пословица)⁶. В подобных высказываниях союз "а то" семантически близок выражению "а остальное" (в остальном, в остальные дни и т.д.). Ср.: "Ребята помогли столбы закапывать, а остальное я сама сделала"; "...только ростом не вышел, а в остальном не хуже людей был"; "Только в среду да в понедельник стрельбы не было, а в остальные дни (остальное время) была стрельба" и т.д.

⁶ Аналогичные факты в русских и украинских говорах отмечены В. И. Собинниковой (см.: Сложные предложения с союзом "а то"..., с. 50).

В целом же высказывания названной разновидности обнаруживают семантическую близость к сложносочиненным предложениям с противительными союзами или к простым предложениям, осложненным оборотом с предлогом "кроме". Ср.: "Только в среду да понедельник стрельбы не бывало, а то каждый день". – "В среду да в понедельник стрельбы не бывало, а в остальные (другие) дни стрельба была". – "Кроме среды и понедельника, стрельба бывала каждый день"⁷.

Если проследить за тем, каковы модально-временные планы предикативных единиц, объединяемых противительно-ограничительным союзом "а то", то обнаруживается, что и первый, и второй предикативный компоненты построения имеют план реальности: сказуемые имеют форму индикатива (прошедшего совершенного или несовершенного, реже – настоящего).

IV. Особую группу сложных предложений с противительным союзом "а то" составляют двухкомпонентные построения, в которых имеет место противопоставление двух реальных событий, одно из которых во времени предшествует другому. Первая часть таких конструкций (до союза "а то") чаще всего содержит лексемы, указывающие на время реализации события. Обычно это наречия "теперь, потом, вчера" и т.д. Например:

"Вот теперь верю, что вы наш по-настоящему. А то – кричала, кричала, спорила, а все-таки, знаешь, доказательства-то прямого нет". (А. Н. Толстой. Хождение по мукам). "Теперь и Соня могла успокоиться, а то нет-нет, да попрекала мужика" (В. Распутин. Прощание с Матерой).

«Вчера получил в "Скотоводе" сто рублей, а то, признаться с деньгами был кризис.» (С. Чекмарев. Стихи, дневники, письма).

Поскольку оба предикативных компонента построения имеют семантику реальных событий, т.е. модальный план реальности, то и сказуемые имеют форму индикатива: в первой предикативной единице (до союза "а то") – форму настоящего или прошедшего времени (совершенного или несовершенного), а во второй, как правило, – прошедшего несовершенного, реже – совершенного.

Глагол в форме настоящего времени в сказуемом постпозитивной предикативной единицы возможен лишь в значении настоящего исторического: "Теперь пожар ли, вор ли – мне ветер в спину. А то, бывало, в поле аль куда едешь – дрожишь, как бы что". (В. Панферов. Бруски).

Первая предикативная единица (А) называет такое событие, которое оценивается говорящим как благоприятное, уместное,

⁷ Более подробно о синонимике простых и сложносочиненных предложений см.: Колосова Т. А. Простые и сложные предложения как члены одного вариативного синтаксического ряда. – В кн.: Русское языкознание, вып. 2. Алма-Ата, 1973.

своевременное, тогда как событие, предшествующее ему по времени (обозначенное постпозитивной единицей В), напротив, оценивается как неблагоприятное, отрицательное. Оценочная часть высказывания (модус) иногда выражается эксплицитно. Например, сложное предложение, в котором модусная часть высказывания представлена в виде придаточного присоединительного: "Потом он (массажист) стал приходить по утрам, что было огромным облегчением, а то я просто жизни не видел". Компонент, предшествующий союзу "а то", может представлять собой сложноподчиненное предложение изъяснительного типа. Функцию опорных слов в главной (модусной) части таких изъяснительных предложений как раз и выполняют лексемы с оценочной семантикой. Ср.:

"Здравствуй, товарищ Бендер. Хорошо, что я вас нашла, а то одной скучно" (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев). "Я рад, что вы пришли..., а то меня нянька загрызла". (М. Горький. Дети солнца).

Хотя в большинстве наших примеров модус эксплицитного выражения не получил, положительная оценка события, обозначенного препозитивной предикативной единицей А, в предложении сохраняется. Обычно такие высказывания допускают синонимические преобразования в построении с явно выраженной модусной частью. Ср.: «Вчера получил в "Скотоводе" сто рублей, а то, признаться, с деньгами был кризис.» – «Хорошо, что вчера получил в "Скотоводе" сто рублей, а то, признаться, с деньгами был кризис.» – «Вчера получил в "Скотоводе" сто рублей, и это хорошо (и это очень кстати), а то, признаться, с деньгами был кризис.»

У. Наиболее частотной разновидностью (78,8% выборки) конструкций с союзом "а то" являются двухкомпонентные построения, отношения в которых определяются обычно как противительное-условные⁸. Наиболее подробно они рассмотрены В.А. Белошапковой, которая называет их предложениями альтернативной мотивации⁹.

Эти высказывания характеризуются тем, что в них выражается особый тип причинной обусловленности, когда непосредственной причинной связи между двумя названными событиями нет, но в качестве необходимого логико-семантического звена предполагается третье событие, не названное в высказывании и несоместимое с событием, названным предикативной единицей, следующей за союзом "а то". Например:

"Прошу класть деньги на карты, а то я могу спутаться в счетах". (Л. Толстой. Война и мир). "Не будем терять времени, а то скоро ужинать позовут". (А.П. Чехов. Чайка).

В кругу предложений альтернативной мотивации выделяются две основные группы построений: предложения альтернативной мотивации "от противного" (65,5%) и предложения прямой мотивации (13,3%)¹⁰. Остановимся на анализе этих разновидностей подробнее.

1. Предложения альтернативной мотивации "от противного", построенные по модели "А, а то В", характеризуются тем, что предикативная единица В называет нежелательное событие, которое могло бы реализоваться, если бы не событие, обозначенное предикативной единицей А. Например:

"Заприте дверь, а то войдут". (А.П. Чехов. Чайка). "Вы не выдавайте меня Льву Ивановичу, а то рассердится" (Н. Леонов. Явка с повинной).

В редких случаях вторая предикативная единица (В) называет событие желательное (с точки зрения говорящего). Ср., например:

"Вчера он был и обещал привести самого настоящего генерала. Должно, не нашел нигде, а то привел бы". (А.П. Чехов. Свадьба). "Муж ее рано умер, а то бы она вышла в люди". (И.С. Тургенев. Где тонко, там и рвется).

В высказываниях названной разновидности между компонентом А и компонентом В непосредственных причинно-следственных отношений нет. При логико-семантическом анализе подобных двухкомпонентных построений необходимо учитывать невербализованное звено, имеющее семантику события, в чем-то противоположного тому, которое названо компонентом А. В результате предложение, построенное по модели "А, а то В", можно рассматривать как имплицитный вариант эксплицитного трехкомпонентного высказывания, построенного по модели "А, потому что (так как) если не А, то В". Ср.:

"Заприте дверь, потому что если вы не запрете ее, то сюда войдут". "Вы не выдавайте меня Льву Ивановичу, потому что если вы меня выдадите, то он рассердится". "Должно, не нашел нигде генерала, потому что если бы нашел, то привел бы"¹¹. "Муж ее рано умер, а если бы не умер так рано, то она вышла бы в люди".

¹⁰ Там же, с. 14.

¹¹ Наличие вводного модального слова "должно" ведет к существенному семантическому сдвигу в высказывании: мотивируется, обосновывается здесь не само событие (не нашел генерала), а модальность предположительности. (Ср.: "Он не нашел генерала, я так думаю потому (мое предположение обосновано тем), что если бы он нашел, то привел бы его".)

⁸ См., напр.: Грамматика русского языка, ч. II, т. 2. М., 1954, с. 241.

⁹ См.: Белошапкова В.А. Предложения альтернативной мотивации..., с. 13-20.

Таким образом, предложения описываемой разновидности можно рассматривать как узусальные имплицитные дублирующие построения, выполняемые лексико-семантическим звеном, которое содержится в самом построении, но дублируется со знаком отрицания (А – не А). Эти построения в плане выражения являются двухкомпонентными, а в плане содержания – трехкомпонентными (трехсобытийными), т.е. в них наблюдается отношение 2:3.

Эксплицитные сложные предложения, построенные по модели "А, потому что если не А, то В", допускаются не только системой языка, но и узусом. Например: "Сона, – промышал Семи-он про себя, потому что, если бы он громко закричал, соседи бы проснулись, собаки бы залаяли..." (Грант Матевосян. Мать едет женить сына). В большинстве случаев эксплицитные трехкомпонентные высказывания стилистически отмечены. Так, они могут использоваться в авторской речи для имитации речевой манеры персонажа. Ср.: "И вслед за ними и другие налетчики стали стрелять в воздух, потому что если не стрелять в воздух, то можно убить человека". (И. Бабель. Одесские рассказы.) В других случаях эксплицитная конструкция, содержащая избыточную информацию, используется как средство повышения надежности восприятия высказывания адресатом. Ср., например: отрывок из произведения А. Гайдара, где рассказчик передает свою беседу с трехлетней девочкой: "Я сказал Фене, чтоб она не орала, и строго-настрого запретил ей поднимать с земли конфету, потому что если все люди будут доедать уже обсосанные кем-то конфеты, то толку из этого получится мало". (Дым в лесу). Очевидно, избыточность в данном случае объясняется установкой на развернутые понятные ребенку объяснения.

В отдельных случаях использование эксплицитного варианта можно объяснить не только стилистическими, но и структурными соображениями. Так, если один из компонентов, входящих в эксплицитное высказывание, является в свою очередь сложноподчиненным предложением, то это, как правило, не позволяет представить содержание высказывания в свернутом, имплицитном варианте. Ср., например, эксплицитное построение, в котором компонент "не А" является сложноподчиненным предложением изъяснительного типа: "Очевидно, турки не знали наших сил, скрытых кустами: если бы им было известно, что всего только четырнадцать рот выбили их из глубоких дорог, рытвин и плетней..., они вернулись бы и раздавили нас". (В.М. Гаршин. Из воспоминаний рядового Иванова)¹². В свернутом варианте часть информации ис-

ходного высказывания утрачивается: "Очевидно, турки не знали наших сил, скрытых кустами, а то вернулись бы и раздавили нас". Компонент "не А" всегда называет событие, в каком-то отношении противоположное событию, обозначенному компонентом А. Ср.: промышал про себя – громко закричал; стрелять в воздух – не стрелять в воздух; турки не знали – им было известно. Хотя антонимичность семантики этих предикативных единиц не всегда поддерживается лексически (ср.: не поднимать с земли конфету – доедать обсосанную кем-то конфету), однако семантика противопоставления события, обозначенного компонентом А, и события, обозначенного компонентом "не А", сохраняется.

В современном русском языке для выражения отношений мотивации "от противного" могут использоваться имплицитные двухкомпонентные предложения с союзами "не то," а "не то", являющимися стилистическими вариантами союза "а то" и имеющими еще более ярко выраженный разговорный характер. Например:

"– А ты потише немножко, не то скоро устанешь, – посоветовал Левинсон" (А. Фадеев. Разгром). "Пора эти прогулочки прекратить, а не то плохо все кончится" (Р. Ибрагимбеков. Бухгалтерская душа).

Все названные построения (с союзами "а то," "не то", "а не то") являются приметой разговорной речи. Стилистически нейтральными их вариантами являются высказывания со скрепой "иначе", которая как бы вбирает в себя семантику невербализованного звена "не А". Например: "Каждый человек должен вырастить в своей жизни хотя бы одно дерево, иначе он – мертвец и сухое полено..." (К. Паустовский. Повесть о лесах). И эти двухкомпонентные построения семантически тождественны эксплицитным трехкомпонентным вариантам. Ср.: "Каждый человек должен вырастить в своей жизни хотя бы одно дерево, потому что (так как) если он не вырастит хотя бы одного дерева, то он мертвец и сухое полено".

Слово "иначе" может выступать и в сочетании с союзами "а то," "не то", "потому что (так как)". В этом случае оно утрачивает семантику скрепы и является своеобразным заместителем пропущенного предикативного звена "не А".

Ср.: "Не заводите вы, девчоночки, подруженьки-красавицу, а то иначе ревностью ваш каждый день отравится" (К. Рыков. Печальная). "Римме нужна прописка, так как иначе она лишена многих прав" (Комсомольская правда, 25 авг. 1972).

В редких случаях слово "иначе" выступает и в трехкомпонентных эксплицитных построениях. Например:

"Кормили меня помалу, но часто, иначе, если бы давали еды вволю, я бы мог загнаться" (М. Шолохов. Судьба человека).

"Вы должны знать, для чего пишете, иначе, если пойдете по этой живописной дороге без определенной цели, то вы заблудитесь и ваш талант погубит вас" (А.П. Чехов. Чайка).

¹² Отсутствие причинного союза не меняет характера семантических отношений между компонентами этого сложного высказывания.

В данных высказываниях компонент "не А" эксплицирован (если бы давали еды вволю, если пойдете по этой живописной дороге без определенной цели), и этот компонент избыточен, поскольку он фактически повторяет информацию, заключенную в слове "иначе", как бы конкретизирует значение этого слова. Избыточность эту можно объяснить стремлением автора повысить надежность восприятия текста адресатом.

Функциональным эквивалентом слова "иначе" может выступать и сочетание "в противном случае", которое характеризует главным образом деловую, научную или, шире, вообще книжную речь: "Они требуют, чтобы я немедленно прогнал Дичкова, в противном случае после обеда бросают работу..." (М. Горький. Враги.)

Таким образом, двухкомпонентные построения с союзом "а то" и его функционально-стилистическими эквивалентами (не то; а не то; иначе; в противном случае) являются имплицитными вариантами трехкомпонентных эксплицитных высказываний, построенных по модели "А, потому что если не А, то В".

2. Имплицитные двухкомпонентные предложения со значением альтернативной мотивации "от противного" с союзом "а то" (описанные выше и рассматриваемые нами как один из случаев естественной компрессии высказывания) необходимо отличать от эксплицитных предложений прямой мотивации, в которых событие, названное в первой части, "непосредственно мотивируется" ¹³ событием, названным во второй части. Эти события связаны между собой как причина и следствие. Например:

"Работу надо дать мешанству-то, а то руки есть, а работать нечего" (А. Островский. Гроза). "Костя, закрой окно, а то дует" (А. П. Чехов. Чайка). "Не будем терять времени, а то скоро ужинать позовут" (там же). "Иди спать, иди спать, а то поздно уже" (В. Шукшин. Медик Володя).

Такие высказывания при изменении порядка следования компонентов могут быть преобразованы в семантически близкие им сложные предложения следственного типа. Ср.: "Руки есть, а работать нечего, так что (поэтому) работу надо дать мешанству-то"; "Дует, так что (поэтому) закрой окно"; "Скоро ужинать позовут, так что не будем терять времени"; "Уже поздно, так что (поэтому) иди спать".

При сохранении порядка следования компонентов эти построения могут быть преобразованы в сложноподчиненные предложения причинной семантики, так как "данный тип отношений близок к отношениям, выражающимся в причинных сложноподчиненных предложениях с постпозитивной придаточной частью" ¹⁴. Ср. "Костя, за-

¹³ Белошапкова В. А. Предложения альтернативной мотивации..., с. 19.

¹⁴ Там же.

крой окно, потому что дует". "Не будем терять времени, потому что скоро ужинать позовут"; "Иди спать, потому что поздно".

Однако далеко не во всех предложениях прямой мотивации допустима операция замены союза "а то" союзом "потому что". Так, в диалогической речи, когда функцию побуждения принимает на себя вопросительное предложение, союз "а то" передает характер семантических отношений между названными событиями с достаточной определенностью и полнотой. Предикативная единица, следующая после союза "а то", по существу, имеет семантику обоснования побуждения. Например: "Нет ли у вас лишнего платочка, голову повязать? А то, понимаете, комары лысину кусают" (М. Горький. Дачники). В случае же замещения союза "а то" союзом "потому что" высказывание нуждается в развертывании. Ср.: "Нет ли у вас лишнего платочка, голову повязать, потому что, понимаете, комары лысину кусают". – "Нет ли у вас лишнего платочка, голову повязать? Если есть, то дайте, потому что комары лысину кусают".

Конечно, подобные примеры не опровергают вывода В. А. Белошапковой, что в большинстве случаев сложноподчиненные причинные предложения с союзом "потому что" выражают логические отношения обоснования более ясно, с большей четкостью, чем построения с союзом "а то", поскольку последние «имеют более сложное значение, включающее специфическое экспрессивное наложение аргументации "от противного"» ¹⁵.

Действительно, в сложных предложениях, части которых связаны союзом "а то", семантические отношения значительно сложнее: в них не только устанавливаются непосредственные семантические связи между названными событиями, но учитывается еще и нечто непосредственно не названное, предполагаемое. Однако, благодаря нашим фоновым знаниям, общему опыту говорящих, высказывание остается понятным без привлечения контекста. Ср., например: " – Татьяна Петровна, дайте мне чашку чаю, – вдруг попросила она (Глафира Сергеевна), – а то я сегодня с утра хожу по Москве" (В. Каверин. Поиски и надежды). Хотя не все звенья логико-семантической цепи здесь эксплицированы, однако говорящий рассчитывает на то, что его поймут правильно: "Дайте мне чашку чаю, так как я голодна, потому что с утра хожу по Москве, и выпить чаю мне не удалось (не пришлось)". Только с привлечением наших фоновых знаний можно правильно декодировать и следующее высказывание: "Олеся, закрой окно, а то у меня руки распухли" (Н. Островский. Рожденные бурей). Ср.

¹⁵ Белошапкова В. А. Предложения альтернативной мотивации..., с. 20.

цепь рассуждений, скрытых в этой двухкомпонентной фразе благодаря очень "емкому" союзу "а то": "Закрой окно, потому что из окна дует (несет холодом), а мне это нежелательно (опасно), так как у меня распухли руки". Естественно, что каждый носитель языка извлекает эту дополнительную информацию автоматически.

Однако такая "скрытая" информация может содержаться и в построениях с союзом "потому что", и декодирование таких высказываний без учета "общей предпосылки", без привлечения наших фоновых знаний, без опоры на общий опыт участников общения могло бы быть затруднено. Ср., например, известный диалог взрослого с ребенком, приведенный К. Чуковским:

" - Закрой окно, потому что на улице холодно.

- А что, если я закрою, то на улице станет тепло?"

Ребенок, к которому обращаются, не имеет фоновых знаний (о том, что когда закроют окно, станет теплее не на улице, а в комнате), в то время как взрослый собеседник строит свою речь, ориентируясь на эту предпосылку, на бесспорность знания этого факта. Если бы взрослый собеседник строил речь в расчете на адресата, не имеющего этого опыта, он должен был бы "развернуть" свое побуждение в целый ряд семантически связанных предикативных единиц. Получилось бы что-то вроде: "Закрой окно, потому что на улице холодно, а когда окно не закрыто, этот холод (холодный воздух) попадает в комнату, и в комнате от этого холодно".

Итак, предложения прямой мотивации, построенные по модели "А, а то В", допускают замену союза "а то" союзом "потому что" (хотя при этом и происходит некоторый семантический сдвиг), тогда как эта операция в построениях с предложениями мотивации "от противного" не возможна, если не эксплицировать условную предикативную единицу "не А". Так, построение "Тормози плавно, потому что шестеренки сорвешь" не является адекватной заменой конструкции с союзом "а то", тогда как трехкомпонентное предложение "Тормози плавно, потому что если ты не будешь тормозить плавно (будешь тормозить резко), то шестеренки сорвешь" семантически тождественно высказыванию с союзом "а то".

Имеются между описываемыми построениями и другие отличия. Так, если сравнить двухкомпонентные сложные предложения с союзом "а то" альтернативной мотивации "от противного" (в нашей интерпретации - имплицитные сложные предложения, семантически тождественные трехкомпонентным построениям) и предложения прямой мотивации с этим же союзом, то оказывается, что в первом случае союз "а то" может быть заменен такими стилистико-синонимическими средствами, как "не то", "а не то", "иначе", "в противном случае", тогда как в конструкциях второго типа союз "а то" замены названными средствами не допускает. Ср.:

"Тормози плавно, а то шестеренки сорвешь". - "Тормози плавно (а) не то шестеренки сорвешь". - "Тормози плавно, иначе шестеренки сорвешь". - "Тормози плавно, в противном случае шестеренки сорвешь". Попытки замены союза "а то" названными союзными средствами в предложениях прямой мотивации делают высказывание бессмысленным или приводят к нарушению норм языка. Ср.: "Иди спать, а то уже поздно". - "Иди спать, а не то уже поздно". - "Иди спать, иначе уже поздно". - "Иди спать, в противном случае уже поздно"¹⁶.

Естественно, что данные двухкомпонентные построения не могут быть преобразованы в трехкомпонентные высказывания, построенные по модели "А, потому что если не А, то В". Фраза "Иди спать, потому что если ты не пойдешь спать, то уже поздно" лишена смысла.

Кроме названных отличий, между предложениями с союзом "а то" со значением мотивации "от противного" и конструкциями прямой мотивации имеются и другие формальные отличия, касающиеся прежде всего соотношения модально-временных планов предикативных единиц.

Сложные предложения с союзом "а то" рассматриваются нами с точки зрения того, какие комбинации форм наклонений и форм времени в них возможны. При этом мы исходим из понимания языка как системы, дающей в идеальной форме определенное число возможностей для реализации интересующего нас явления, и нормы, которая является как бы регулятором фактического осуществления, фактической реализации возможностей, заложенных в языковой системе¹⁷. Таким образом, нами исчисляются все логически допустимые комбинации форм наклонений и видо-временных форм глаголов, выступающих в функции сказуемых предикативных единиц.

В современной системе русского глагола имеются, как известно, пять различных видо-временных форм: прошедшего совершенного, прошедшего несовершенного, настоящего, будущего совершенного и будущего несовершенного. Кроме того, имеются формы повелительного и сослагательного наклонений совершенного и несовершенного вида, которые оппозиций по категории времени не

¹⁶ В текстах, правда, отмечены единичные случаи использования союза "не то" в функции, близкой к "потому что", но примеры эти, на наш взгляд, выходят за пределы нормы. Ср.: "Только ты штанишки подбирай, не то висят как на пугале" (А. Фадеев. Разгром).

¹⁷ Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. - В кн.: Новое в лингвистике, вып. 3. М., 1963, с. 335.

имеют. Если учесть все возможные, допустимые системой (но не нормой и узусом) комбинации перечисленных форм времени и наклонений, то теоретически в двухкомпонентном предложении возможна 81 различная комбинация форм наклонений и видо-временных форм глаголов, выступающих в функции сказуемых предикативных единиц. Эта "идеальная" модель сопоставляется с реально существующими в речи комбинациями форм для выявления распространенных, допустимых или недопустимых форм предложений, построенных по модели "А, а то В".

В результате такого сопоставления выяснилось, что из 81 клетки нашей матрицы, отражающей все системные возможности комбинирования форм глаголов, которые могут выступать в качестве сказуемых предикативных единиц, заполненными оказались 57, т.е. в сложных предложениях, построенных по модели "А, а то В" и имеющих самую различную семантику¹⁸, реально существующими оказалось 57 комбинаций соотношений глагольных форм, функционирующих в роли предикативов.

Однако анализ имплицитных предложений со значением мотивации "от противного", семантически тождественных трехкомпонентным высказываниям, построенным по модели "А, потому что если не А, то В", показал, что возможности комбинаций глагольных форм здесь весьма ограничены: их всего 20.

Так, оказалось, что первая предикативная единица (предшествующая союзу "а то" или его функционально-стилистическим эквивалентам) может иметь любой модально-временной план. Ср.: например, предикаты в форме прошедшего, настоящего и будущего времени индикатива:

"Не знал, что ты с ним дружбу водишь, а то никогда бы к тебе не пришел" (Н. Островский. Как закалялась сталь). "Мы с Федором Ивановичем... переживаем ветер, а то семена (при посеве клевера) будут летать не туда, куда надо нам, а куда захочется ветру" (М. Пришвин. Из дневников последних лет). "[Погоди, дядя Степан,] маленько обогреюсь, тогда и полезу к тебе, а то застужу" (В. Шукшин. Как помирал старик).

Наиболее частотными оказались построения, в которых первая предикативная единица имеет модальный план побудительности, желательности, долженствования. Ср. формы повелительного и сослагательного наклонений (а также инфинитива с частицей "бы") в функции сказуемого первой предикативной единицы:

"Вытрите сначала слезы и выпейте воды, а то вы его (боль-

ного) совсем расстроите" (В.М. Гаршин. Трус). "Ты лучше бы свечку покрепче привязал, а то слетит свечка" (А. Гайдар. Военная тайна). "Копеечки бы сейчас же на глаза-то наложить, а то остекленеют, не закроются..." (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина).

Но возможность передать модальность побудительности, желательности, долженствования и необходимости не исчерпывается финитными формами. Широкое распространение получили предикативные единицы с составными глагольными (или трехчленными) сказуемыми, в которых присвязочным членом является зависимый инфинитив, а функцию связки выполняют различные словоформы, имеющие ярко выраженную модальную семантику желательности (нежелательности), долженствования, необходимости. Ср.:

"[Левин чувствовал, что мысль его заперта и запечатана и что] трогать и шевелить ее теперь не следует, а то выйдет путаница" (Л. Толстой. Анна Каренина). "Пожалуй, не стоит его заводить, а то еще, чего доброго, подумает, что завидую" (Б. Ласкин. В гостях у Ольги Ивановны). "Но не нужно очень хвалить, а то сглазим" (А.П. Чехов. Чайка). "... надо построить фундамент новой народной жизни и укрепить народную власть, сменившую деспотизм, а то добьешься только развала да смуты" (Е. Габрилович. Четыре четверти). "Пора уже ликвидировать московское отделение концессии, а то еще, чего доброго, ко мне приедет гусар-одиночка с мотором" (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев). "Мы должны сказать ему, что шука в воде, а то он может подумать, что мы украли ее" (Е. Дубровин. Глупая сказка). "Хорошо, Конь, довольно (перечислять), а то окажется, что я всем что-нибудь сказал неприятное..." (М. Горький. Враги).

В диалогах функциональным эквивалентом побудительной предикативной единицы, предшествующей союзу "а то", может оказаться вопросительное предложение. Например:

"- А Раисе не скажете? - Ну что вы... - А то она нас турнет..." (Ю. Нагибин. Далеко от войны). "- Ты не скажешь, Топ? А то не дам гвоздя и с Шмелькой играть не дам" (А. Гайдар. Р.В.С.).

Ср.: "Не говорите Раисе, а то она нас турнет"; "Ты не говори, а то не дам гвоздя".

Как следует из примеров, круг модально-временных значений предикативной единицы, предшествующей союзу "а то" и его эквивалентам, достаточно широк и практически не ограничен. Что же касается второй, постпозитивной предикативной единицы описываемых имплицитных построений, то она всегда характеризуется гипотетической модальностью, и сказуемое в ней имеет обычно форму глагола будущего времени совершенного или несовер-

¹⁸ Здесь учитываются все сложные построения с союзом "а то", в том числе и описанные в предыдущих разделах.

шенного вида (см. примеры выше). Форма глагола прошедшего времени здесь, как правило, невозможна¹⁹.

Кроме форм будущего времени функцию сказуемого второй предикативной единицы могут выполнять глаголы сослагательно-го наклонения. Формы же повелительного наклонения здесь невозможны.

В сочетаемости форм предикатов компонентов А и В наблюдается определенная закономерность.

Так, если первая предикативная единица (А) имеет модальность гипотетичности, желательности долженствования или побуждения, то во второй предикативной единице (В) обычно функцию сказуемого выполняет глагол в форме будущего времени индикатива²⁰. Если же в предикативной единице, предшествующей скрепе, названо реальное событие, имевшее место в прошлом или актуализированное в настоящем, то в постпозитивной части предикат имеет форму сослагательного наклонения. Например:

"Меня в Лондоне в прошлом году не было, а то я бы непременно вас посетил" (И.С. Тургенев. Письмо к Лаврову). "Теперь очень трудно с бумагой, а то тираж мог бы утроиться" (Из письма Н.К. Рериха. Неделя, № 48, 1973). "Мало у нас парней-то на мою статью, а то бы мы его озорничать-то отучили" (А. Островский. Гроза).

¹⁹ Исключение составляют случаи транспозиции формы прошедшего времени, когда она обозначает действие, предполагаемое в будущем. Ср.: "Надо достать (динамит), а то пропала вся наша работа" (А. Гайдар. Военная тайна). — "Надо достать динамит, а то пропадет вся наша работа".

²⁰ Форма сослагательного наклонения в компоненте В здесь возможна лишь при условии, когда частица "бы" сливается в сочетание "как бы не", вносящее модальное значение опасения, боязни события, обозначенного постпозитивным компонентом В. Ср.: "Буду тормозить плавно, а то как бы шестеренки не сорвал (не сорвать)". — "Тормози плавно, а то как бы шестеренки не сорвал". Семантика опасения, боязни проявляется более определенно, когда поддерживается лексическими средствами, в частности, глаголом "бояться": "Я пойду через гостиную, если позволите, а то боюсь, как бы ваш дядя меня не задержал" (А.П. Чехов. Дядя Ваня). При элиминации глагола "боюсь" семантика высказывания не меняется. Ср.: "Я пойду через гостиную, а то как бы ваш дядя меня не задержал". Ср. семантически тождественные высказывания, в которых компонент В имеет модальный план будущего: "Пусть посмешит он нас, а то боюсь, что это кончится слезами" (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). — "Пусть посмешит он нас, а то как бы это не кончилось слезами".

К названным построениям близки высказывания с союзом "а то" (и его функционально-стилистическими эквивалентами "не то", "а не то", "иначе"), у которых компонент, предшествующий союзу, имеет структуру сложноподчиненного предложения изъяснительного типа. Опорное слово главной части таких изъяснительных предложений всегда имеет оценочную, модальную семантику, т.е. является модусом, тогда как придаточное изъяснительное представляет собой диктум. Такие оценочные, модусные слова и словосочетания выражают положительную или, напротив, отрицательную оценку того реального (совершившегося в прошлом или имеющего место в настоящем) события, которое названо придаточной изъяснительной частью: хорошо, добро, ладно, счастье, рад, слава богу, спасибо, нам повезло и другие, а также: плохо, жалко, жалею, жаль и т.д. При этом наметилась следующая закономерность: если модусная (структурно главная) часть изъяснительной конструкции содержит положительную оценку, то предикативная единица В, следующая после союза "а то", называет нежелательное гипотетическое событие, которое могло бы произойти, если бы препятствием для него не послужило реальное событие, обозначенное изъяснительной придаточной частью. Например:

"Я рад, что вы одни, а то я не вошел бы сюда" (И.С. Тургенев. Месяц в деревне). "Счастье ваше, что вам помог идиотский случай, не то сидели бы вы за решеткой и напрасно ждали бы от меня передачи" (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев). "Хорошо, что она сумела отбежать, а то бы сгорела в один миг" (Л. Уварова. Будет музыка...). "Скажите спасибо, что хоть этот драндулет вам дали, а то сидеть бы вам в Краснодаре до ночи" (Известия, 22 авг. 1972). "И спасибо, что больной не все монеты заглотал, а то бы совсем невозможно получилось" (М. Зошенко. Голубая книга). "[Потерял себя и все вокруг молодой охотник,] добро, что не метался, не бежал, иначе пропал бы" (В. Астафьев. Царь-рыба).

Если же модусная часть изъяснительной конструкции, предшествующей союзу "а то" или его функционально-стилистическим эквивалентам, содержит отрицательную оценку события, обозначенного придаточной (диктальной) частью, то постпозитивная единица В называет неосуществившееся желательное событие. Например:

"Я пожалел, что со мной не было винтовки, иначе бы этому белоснежному изуверскому созданию больше не летать" (Б. Агеев. Текущая вода). "Жалко, что ты мал еще, а то я взял бы тебя к себе в товарищи" (А. Гайдар. Военная тайна).

Оценочные (модусные) слова "ладно", "благо", "жаль" могут настолько тесно сливаться с диктумной частью, что препозитивное звено перестает восприниматься как единица полипредикативная. Ср., например:

"Ладно привязать охвостку догадался, иначе не нашел бы мережи" (В. Астафьев. Царь-рыба). "Благо матери Манефы нет в обители, а то советам, разговорам не было б ни конца, ни края" (А. Мельников-Печерский. В лесах). "Жаль рыбу не любишь ловить, а то ходил бы со мной на Волгу" (М. Горький).

Обязательной структурной чертой названных построений является сказуемое в форме индикатива в придаточной изъяснительной части, поскольку она называет событие, реализовавшееся в прошлом или актуализированное в настоящем. Что же касается постпозитивной предикативной единицы, то сказуемое в ней чаще всего имеет форму глагола сослагательного наклонения, реже — форму будущего времени индикатива.

Модусная (оценочная) часть в блоке, предшествующем скрепе, может и отсутствовать, хотя положительная или отрицательная оценка события, названного препозитивной предикативной единицей, сохраняется, она выражена имплицитно. Ср., например, фразы, в которых оценочный компонент не вербализован, но легко вводится без каких-либо существенных сдвигов в семантике высказывания:

"Валька никому не пожаловалась — иначе за такой разбой с меня спустили бы три шкуры" (Н. Самохин. Где-то в городе, на окраине). — "Хорошо, что Валька никому не пожаловалась, иначе за такой разбой с меня спустили бы три шкуры". "Опомнись-то ведь я не успела, а то бы уж напела ей" (А. Островский. Бедная невеста). — "Плохо (жаль, жалко, обидно), что опомниться я не успела, а то бы уж напела ей".

Итак, анализ имплицитных конструкций, построенных по модели "А, а то В", получивших в литературе название предложений мотивации "от противного", показал, что обязательной чертой этих построений является гипотетическая модальность постпозитивного компонента В, в котором названо не реальное, а предполагаемое событие, "осуществление которого возникает как следствие неосуществления явления, названного в первой части"²¹.

Иные соотношения модальных планов и видо-временных форм сказуемых наблюдаются в предложениях прямой мотивации, имеющих ту же внешнюю формулу "А, а то В", но не развертывающихся в трехкомпонентное построение.

В первой предикативной единице (А) по существу никаких ограничений в модально-временных планах не отмечено. Так же, как и в предложениях мотивации "от противного", здесь возможен модальный план реальности обозначаемого события. Ср. формы индикатива в сказуемом:

²¹ Белошапкина В.А. Предложения альтернативной мотивации..., с. 15.

"Пришла проведать тебя, а то ты нас совсем забыл" (А. Фадеев. Разгром). "Ну, я побегу, а то они ждут" (Р. Ибрагимбеков. Забытый август).

В большинстве же случаев первая предикативная единица (А) имеет модальный план побуждения, желательности, необходимости, долженствования. Например:

"Давай, браток, перекусим, а то у меня что-то удушье давит" (М. Шолохов. Судьба человека). "Вы бы мне корову, что ли, выделили, а то моя прошлым вторником задушилась" (Комсомольская правда, 26 дек., 1976). "Хочется хоть на час-другой воспрянуть от этой песариной жизни, а то очень уж я залежался, точно старый мундштук" (А.П. Чехов. Чайка). "Тут волей-неволей ему пришлось слезть, а то публика стала обижаться, говоря, что при вращении карусели оно как-то не того получается" (М. Зощенко. Голубая книга). "Надо в оставшихся метрах искать и найти юмор, терпкость, трюки, а то роль, я чувствую, падает" (М. Ульянов. Моя профессия).

В постпозитивной же (мотивирующей) части предложений прямой мотивации (компонент В) всегда имеет место модальность реального события, отнесенного к прошлому, настоящему или будущему, что выражается глаголами всех временных форм индикатива. Например:

"Через силу (Дарья) подоила корову, а то уже она, бедная, изревелась" (В. Распутин. Прощание с Матерой). "Пойдемте-ка, господа, и мы, а то становится сыро. У меня ноги болят" (А.П. Чехов. Чайка). "Не будем терять времени, а то скоро ужинать позовут". (Там же.)

Таким образом, в кругу двухкомпонентных сложных предложений, построенных по модели "А, а то В", четко выделяются две разновидности: имплицитные высказывания, семантически тождественные трехкомпонентным сложным предложениям, построенным по модели "А, потому что если не А, то В", и предложения прямой мотивации, в которых компонент А и компонент В связаны как причина и следствие и которые развертываются в трехкомпонентные построения не допускают. Они отличаются друг от друга не только семантически, но и структурно. Основным структурным различием между названными разновидностями конструкций с союзом "а то" является модально-временной план предикативной единицы, следующей за этим союзом. Для высказываний первой разновидности характерен модальный план гипотетичности компонента В, а для высказываний второй разновидности — модальность реального события, обозначаемого этим компонентом. Следовательно, формально это одна конструкция, построенная по модели "А, а то В", однако существует комплекс условий, при выполнении которых эта конструкция попадает в один тип, и другой комплекс условий, при выполнении которых построение попадает в другой тип.

*

*

*

Итак, мы остановились на анализе наиболее распространенных типов построений, компоненты которых связаны союзом "а то". Среди них с достаточной определенностью выявились двухкомпонентные имплицитные сложные предложения, которые семантически тождественны трехкомпонентным высказываниям. Однако список конструкций с названной скрепой этим не исчерпывается. Союз "а то" может выступать и в таких полипредикативных имплицитных высказываниях, у которых в плане выражения выделяются три предикативные единицы, а в плане содержания — четыре. Например: "Маша! Добудь ты нам поужинать и дай вина, если осталось, а то пошли" (Л. Толстой. Анна Каренина). Ср. эксплицитный вариант: "Дай вина, если осталось, а если вина не осталось, то пошли за ним".

Имплицитные построения с союзом "а то" следует отличать от конструкций, в которых "а то" не превратилось в один союз, а представляет собой контактное сочетание противительного союза "а" с местоимением "то", сохранившим дейктическую функцию (способность отсылать к ранее названному в речи). Ср., например: "Если бы сумма денег требовалась огромная, тогда можно бы повременить, а то не могу" (Л. Толстой. Власть тьмы). Раздельность союза "а" и местоименного компонента "то" подтверждается, на наш взгляд, и возможностью замены местоимения "то" местоименным наречием "так" без каких-либо семантических сдвигов в высказывании. Ср.: "Если бы сумма денег требовалась огромная, тогда можно бы повременить, а так не могу". Местоименный компонент (то, так) в подобных высказываниях можно рассматривать как своеобразный заместитель целой предикативной единицы. Ср.: "Если бы сумма денег требовалась огромная, тогда можно бы повременить, а так как сумма требуется небольшая, то повременить не могу".

В большинстве случаев союз "а то" является средством сжатия одного звена полипредикативного построения. Но в текстах отмечены случаи, когда благодаря использованию союза "а то" сжимается и большее количество таких звеньев. Например: "Кабы я один, так бы ничего! Я бы бросил все да уехал. А то сестру жаль" (А. Островский. Гроза). Если эксплицировать все звенья логической цепи, то названное построение можно представить следующим образом: "Если б я был один, то бросил бы все и уехал, а (но) так как я не один, то уехать не могу, потому что жаль сестру". Естественно, что такое развертывание в повседневной речи было бы избыточным, однако при сопоставлении плана выражения и плана содержания тех или иных высказываний оно помогает выявить некоторые семантические особенности синтаксической единицы.

Таким образом, анализ логико-семантических отношений в построениях с союзом "а то" приводит нас к выводу, что, во-первых, семантика этих построений весьма разнообразна: в них могут быть выражены отношения разделительные, разделительно-присоединительные, разделительно-градационные, противительные-сопоставительные (с несколькими различными оттенками), противительно-ограничительные, а также отношения альтернативной мотивации "от противного" и отношения прямой мотивации. Во-вторых, союз "а то" (и его функционально-стилистические эквиваленты), как правило, служит своеобразным средством сжатия, сокращения высказывания, экономным средством передачи различных логико-семантических отношений.

ОПЫТ АНАЛИЗА
БЕССОЮЗНЫХ ПРОТИВИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ(на материале изданий XVIII в.)

Объектом исследования в этой работе являются противительные отношения, выражаемые бессоюзными сложными предложениями в текстах XVIII — начала XIX в. Материалом исследования послужила выборка в объеме 200 фраз. Цель работы — выявить особенности внутренней организации данных фраз, которые обеспечивают восприятие отношений частей именно как противительных. Поскольку союза, непосредственно указывающего на характер связи, здесь нет, ответ на этот вопрос может дать лишь анализ строения частей, их лексико-семантического наполнения и порядка следования компонентов. Как показал анализ, первый фактор оказывается для наших материалов особенно важным.

Вторая задача, вытекающая из первой, — формирование общих критериев ограничения противительных фраз от бессоюзных построений с другими типами связи. Необходимо отметить, что здесь мы попытаемся подойти к ее содержательной постановке и высказать некоторые соображения.

Лингвистическая литература, посвященная названной проблеме, невелика. Это академическая "Грамматика", диссертация Е.В. Макаренко, статьи С.Ф. Кондрусовой и З.Н. Умовой, глава в книге Л.С. Байковой¹.

¹ Грамматика русского языка. Ч. II, т. 2. М., 1954, с. 390–391; Макаренко Е.В. Схема и регулярные реализации сопоставительных предложений со значением различия. — В кн.: Единицы различных уровней в языке и речи. Ч. I. Краснодар, 1976, с. 61–70; Кондрусова С.Ф. Утвердительные и отрицательные компоненты как структурный признак бессоюзных предложений с сопоставительно-противительными отношениями. — В кн.: Молодежь и наука. Ростов н/Д, 1976, с. 179–182; Байкова Л.С. Структура и стилистическая направленность бессоюзных предложений в языке Н.М. Карамзина. Таллин, 1967, с. 63–90; Умова З.Н. К вопросу о синонимике сложносочиненных предложений с противительными союзами "а", "но". — Учен. зап. Кемеровского пед. ин-та, 1971, вып. 26, с. 103–116.

Автор раздела о бессоюзных сложных предложениях в "Грамматике-54", Н.С. Поспелов, относит бессоюзные предложения с общим значением сопоставления к предложениям с однотипными частями. Среди сопоставительных предложений он различает предложения со значением противопоставления и предложения со значением действия и результата. Различие между этими типами четко не формулируется, но указание на параллелизм частей в сопоставительных предложениях вряд ли может быть распространено на второй тип — предложения со значением действия и результата. Например:

"Победим — каменный дом построим".

"Оленин стал стучать слегка — ничто не отзывалось".

"Кариотти толкнул меня — я очнулся"².

Выделение предложений со значением действия и результата кажется нам проблематичным, поскольку не указаны четко те семантические признаки, по которым данные предложения относятся к сопоставительным.

Противительные бессоюзные предложения представлены двумя разновидностями: утвердительно-противительной и отрицательно-противительной:

"Ты богат, я очень беден..."

"Не раны, не большое легкое мучило его — раздражало сознание ненужности".

Общий признак обеих моделей — двучленность структуры. Структурная особенность этой разновидности заключается в том, что во второй модели противопоставление выражается как сопоставление двух частей предложения: отрицательной и не отрицательной.

В 70-е гг. бессоюзные предложения сопоставительной и противительной семантики на материале современного русского языка были предметом анализа в работах Е.В. Макаренко и С.Ф. Кондрусовой.

В диссертации Е.В. Макаренко исследовались бессоюзные предложения, один из компонентов которых представляет собой формализованную часть, например: "Я поеду в Москву, ты — нет".

Автор отстаивает точку зрения Н.Ю. Шведовой, согласно которой эти предложения являются не результатом эллипсиса, а именно особыми структурами, синтаксическими моделями на уровне языка. Е.В. Макаренко подробно рассматривает структуру таких предложений, не разграничивая бессоюзные и союзные, а объединяя их по признаку закрытости структуры. По значению она их определяет как сопоставительные, а при наличии отрицания — как

² Здесь и далее, излагая точки зрения авторов, пользуемся их примерами.

противительные. Автор выявляет характерные признаки анализируемых предложений: 1) двучленность структуры; 2) наличие в одной из частей предложения одного или нескольких незанятых синтаксических мест; 3) при отсутствии какого-либо члена предложения в формализованной части нет ограничений на род, число — у существительных; вид, время, лицо — у глагола. Например:

"Брат жил в Москве, сестра жила в Рязани".

"Брат жил в Москве, сестра — в Рязани".

С.Ф. Кондрусова в своей диссертации уделяет внимание бессоюзным противительным предложениям с отрицанием³. Этому вопросу посвящена ее статья, названная выше. Автор обращает внимание на конституирующую роль отрицания в структуре, которое задает принцип параллелизма и предопределяет повторы словоформ в составе частей. Например: "Я маму не помню, я только тебя помню".

Для нас специальный интерес представляет работа Л.С. Байковой, которая отвела главу своей книги сопоставительным предложениям в языке Н.М. Карамзина. Проза Карамзина является одним из основных источников и для нашей выборки.

Л.С. Байкова рассматривает структуру и стилистическую значимость бессоюзных сопоставительных предложений. Автор выявляет в языке прозы Н.М. Карамзина не только сопоставительные двучлены, но и трехчлены и даже многочлены, для современного русского литературного языка не характерные. Фиксируются и некоторые специфические формы двучленов, не встреченные у других авторов.

Основной отличительной особенностью бессоюзных сопоставительных предложений у Н.М. Карамзина является лексико-синтаксическая симметрия. Этот термин подразумевает наличие в структуре предложений антонимичных пар словоформ — членов предложения в двух предикативных частях. Лексико-синтаксическая симметрия в этих предложениях иногда поддерживается совпадением порядка слов в частях.

Методика анализа Л.С. Байковой интересна, но требует доработки. Некоторые возражения вызывает у нас анализ сопоставляемых компонентов предложения, в частности критерии оценки конкретных слов как антонимичных пар. Например, фраза: "Чувствительность одного требовала сообщения; равнодушие и холодность другого искали занятия" разбивается на такие антонимичные пары: требовать — искать, сообщения — занятия; один — другой. В других же случаях даются антонимичные пары: восхищался — ду-

³ Кондрусова С.Ф. Утверждение и отрицание в сложносочиненных предложениях с сопоставительными отношениями. Автореф. канд. дис. Ростов н/Д, 1977.

мал; грубая восточная пышность — общий вкус к жизни. Не ограничиваясь парами слов, в том же ряду она дает и пары корней, например: равнодуш-ие — пыл-кий.

Следовало бы оговорить право на антонимичное сближение слов при различии их категориальных грамматических характеристик (существительное и прилагательное), при отсутствии четкой смысловой противопоставленности, а также обосновать право на сопоставление корней слов. Видимо, следует уточнить само понятие антонимии, которое в лексикологии употребляется существенно иначе и уже.

Наряду с фразами, в которых достаточно для анализа выявить антонимичные пары, в текстах Н.М. Карамзина встречаются и более сложные, подобные приведенной выше. Чтобы противительные отношения между предикативными частями этой фразы стали видны, ее надо определенным образом препарировать. Ее особенность состоит в том, что ее подлежащие суть предикативные имена; они могут и должны быть развернуты в ходе анализа в предикативные единицы по схеме: чувствительность одного —> один был чувствителен; равнодушие и холодность другого —> другой был холоден и равнодушен (к чувствам). И далее: один был чувствителен, поэтому искал собеседника; другой был холоден и равнодушен (к чувствам), поэтому искал занятий для ума.

З.Н. Умова в анализе союзных противительных предложений идет по тому же пути, что Л.С. Байкова. Методика ее анализа приемлема и для бессоюзных противительных предложений. Рассматривая сложные предложения с союзом "а", она выделяет сопоставляемые элементы структуры предложения. "В центре сопоставления находятся те слова, которые с логической точки зрения можно считать субъектами суждения"⁴. Действительно, в сложных предложениях с союзом "а" предикативные части имеют, как правило, два семантических субъекта (совпадающих или не совпадающих с подлежащими). Отношение различия субъектов может быть исходным пунктом для семантического сопоставления других компонентов в данных конструкциях. Далее автор дает перечень этих сопоставляемых компонентов: сопоставляются предикаты, часто совпадающие со сказуемыми, обстоятельства совершения действия — места, времени. Например:

"Луковички были кисленькие и хрустящие, а корни мучнистые и сладкие".

"И он пошел к себе, а Санечка поднялась наверх в антресоли".

В тех случаях, когда в обеих предикативных частях речь идет об одном и том же лице, предмете, сопоставляются предикаты-сказуемые. Сопоставление также может осуществляться по условиям совершения действия, по месту и времени. Например: "Я

⁴ Умова З.Н. К вопросу о синонимике..., с. 104-105.

ведь мягка, покуда люблю немножко, а выкину из сердца, — ни жалости, ни стыда у меня нет”.

Итак, рассмотрев то, что было сделано нашими предшественниками в последние годы, мы можем свести полученные ими результаты к следующим положениям.

1. Противительные бессоюзные конструкции характеризуются структурно-семантическим параллелизмом своих частей, который выражается в определенных семантических отношениях между компонентами.

2. Одна часть компонентов попарно связана отношениями типа повтора, реже синонимии.

3. Другая часть компонентов попарно связана отношениями противопоставления, наиболее четкий случай которого можно назвать антонимией.

4. В общем случае эти отношения являют собой нечто иное, не вполне подпадающее под определение понятия антонимии. Природа этих отношений требует исследования, для которого нужна специальная методика.

Языковой материал XVIII в., который мы исследуем, имеет свою специфику. В некоторых случаях он нуждается в семантическом комментарии, тем более что структура бессоюзных противительных предложений нашей выборки несколько иная, чем в современных текстах.

Структура сложных противительных предложений с союзом “но” определяется и задается союзом и может не характеризоваться никакими соотносительными грамматическими признаками словоформ-компонентов. Бессоюзное противительное предложение не имеет такой структурной опоры. Его базой является структурно-семантический параллелизм. Но для бессоюзных противительных предложений XVIII в. четкий структурный параллелизм оказывается менее обязательным. Редко встречаются одинаковый порядок компонентов в предикативных частях, не часты повторы и синонимия сказуемых.

Как нам представляется, противительные отношения между частями этих фраз в большей мере, чем современные, базируются на противопоставленности глубинных смыслов, которая нередко оказывается замаскированной поверхностными отношениями линейных компонентов фразы. Возможно, с этим связана потребность в дополнительном пунктуационном сигнале, которым в тексте XVIII в. являлось двоеточие. Это знак выражаемой связи, который побуждает искать и находить во фразе те скрытые в ней смысловые оппозиции, не раскрыв которые нельзя правильно понять противительную фразу⁵.

⁵ Усова Н.В. О специфике употребления двоеточия в сложном союзном предложении текстов XVIII в. — В кн.: Способы выражения полипредикативности. Новосибирск, 1978, с. 145–154.

Читая текст, носители языка без особого труда понимают, содержит ли данная фраза противопоставление или нет. Но экспликация этих отношений предполагает определенные, относительно четкие процедуры. Показать противительные отношения — это значит свести фразу к схеме контраста, для чего необходимо перевести ее в смысловую запись, т.е. упростить языковые выражения, представив их схематично, не отступая в то же время от исходного смысла.

В отличие от З.Н. Умовой, которая считает центром предложения субъект-подлежащее и в основу анализа кладет различие субъектов, мы рассматриваем в качестве центра предложения предикат. При этом опираемся на теоретическое определение предложения, разработанное Л. Теньером как соответствующее нашим задачам⁶.

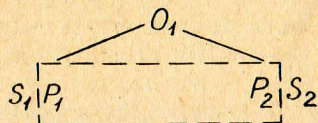
Предикат с занятыми местами актантов образует схему предложения, которую мы назовем предикатным комплексом. Предикатный комплекс содержит основной член — предикат. Мы представляем его не всегда тем словом, которое стоит в тексте, но используем семантический эквивалент глагола-сказуемого. Кроме того, в предикатный комплекс входят позиции субъекта и объекта, которые часто отражают подлежащее и прямое/непрямое дополнение. В предикатные комплексы мы вводим и обстоятельства места, времени в тех случаях, когда они втянуты в систему контрастов. Между членами предикатных комплексов и языковыми выражениями возможно несоответствие, например бесподлежащее предложение может отражаться предикатным комплексом, содержащим субъект. В таких случаях мы интерпретируем только смысловую структуру, к которой фраза сводится путем преобразования. Члены предикатного комплекса обозначаются следующими символами: S — субъект, P — предикат, O — объект (дополнение), D — обстоятельство. Например: “Я хвалил драму Рауля: она говорила об ней с презрением” (Н.М. Карамзин).

$$S_1 — P_1 — [O_1] : S_2 — P_2 — [O_1]$$

В обоих высказываниях объекты имеют один референт “драма Рауля”. Это фразовое основание противопоставления, ибо во фразе говорится о разном отношении двух субъектов данной реальности. Реакция S_1 выражена глаголом “хвалил” — говорил с одобрением, реакция S_2 — словосочетанием “говорила с презрением” — (— ругала). Эти выражения четко противопоставлены,

⁶ Микуш Ф. Структурный синтаксис Л. Теньера и синтагматический структурализм. — Вопр. языкознания, 1960, № 5, с. 125–140.

что дает право называть их контекстными антонимами. Субъекты также противопоставлены, но принципиально иначе: это отношение различия, а не противопоставленности. Анализируемая фраза в схеме будет иметь следующий вид:

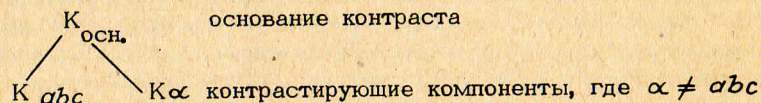

Этот случай – один из самых простых, поскольку субъекты и предикаты ситуации, отраженной во фразе, совпадают с ее подлежащими и сказуемыми. В массе же противительные предложения, как сказано выше, требуют предварительных преобразований: контрасты часто бывают скрыты. Однако механизм противопоставления общий для всех фраз.

Компоненты противопоставления контрастируют в аспекте определенного признака (α), которым обладает один компонент и не обладает другой (он может обладать противоположным). Этот признак мы и будем считать основанием контраста – внутренним, семантическим, – в отличие от внешнего, фразового. См. выше: хвалил (говорил с одобрением), говорила с презрением.

Основание контраста может быть выбрано так, что далекие друг от друга явления окажутся поставленными рядом и противопоставленными друг другу.

Схематично механизм противопоставления таков:

Процедура сведения фраз к схеме контраста, кроме перевода в смысловую запись, предполагает и проверочную операцию. Это операция отрицания: один предикат (имя) представлен как отрицание другого предиката (имени). Если такое выражение непротиворечиво, то фраза относится к разряду противительных.

В результате анализа выявились некоторые типы контрастов. Мы распределили их по двум группам: 1) контраст предикатных комплексов; 2) контраст в конструкциях с общим субъектом. Различие между этими группами заключается в том, что в первой контрастируют оба основных члена предикатных комплексов – предикаты и субъекты, во второй – субъекты тождественны. Например:

"Козаки же честили Иоаннова воеводу и всех стрельцов. Сие счастье Ермаково не продолжилось: начинаются их бедствия" (Н.М. Карамзин).

"Прежде Рим раждал героев: теперь подобен земле истощенной, и не производит ничего" (Н.М. Карамзин).

Контраст предикатных комплексов. Эта группа включает в себя 153 фразы (из 200). Например:

(1) "Никто из бояр не дерзал иметь дружелюбного обхождения с сим князем: одни лазутчики приближались к нему, чтобы всякое нескромное слово употребить в донос" (Н.М. Карамзин).

"Все бояре не встречались с князем".

$S_1 \text{ — } P_1 \text{ — } O_1$

"Лазутчики встречались с ним (для доноса)".

$S_2 \text{ — } P_2 \text{ — } O_1$
|
D

Субъекты предикатных комплексов противопоставлены: никто из бояр – (все бояре) – лазутчики; причем последний явно не нейтральный (лазутчики–доносчики). Противопоставление предикатов очевидно, оно представлено через отрицание. Основанием контраста является "контакт с князем" – отсутствие или наличие этого контакта; во второй части дается мотивировка этого контакта – в схеме D (для доноса).

(2) "Россияне надеялись на время: Ляхи страшились времени, скудные людьми и хлебом" (Н.М. Карамзин).

"Россияне надеялись на время".

$S_1 \text{ — } P_1 \text{ — } O_1$

"Поляки страшились времени (потому что имели мало людей и хлеба)".

$S_2 \text{ — } P_2 \text{ — } O_1$
|
D

Субъекты разные, предикаты противопоставлены: ждали от времени хорошего – ждали плохого. Во второй части дается причинная мотивировка "боязни поляков".

В реальных фразах возможны ситуации, когда контрастирующие предикаты приходится вычленять из ряда словоформ–сказуемых. Рассмотрим следующий пример:

(3) "Отбив приступ, россияне угасили огонь в крепости: неприятель сделал новые бойницы, новые окопы, приблизился к стенам, и калеными ядрами опять зажег башни" (Н.М. Карамзин).

Контрастирующие предикатные комплексы: россияне угасили огонь неприятель опять зажег огонь. Субъекты здесь выражены и противопоставлены прямо и непосредственно. Во второй части содер-

жится несколько предикатов, но только один из них вступает в четкий контраст: угасили – зажгли (сделать что-либо – ликвидировать то, что сделано).

(4) "Я хотел идти проститься с архимандритом, к которому я чувствовал склонность: мне не позволили" (Руссо. Исповедь, пер. Д. Болтин, 1797).

"Я хотел проститься с архимандритом"

$S_1 — P_1 — O_1$

"() не позволили мне проститься с ним".

$S_2 — P_2 \begin{cases} O_1 \\ O_2 \end{cases}$

Субъект-2 не представлен в тексте реальным словом, но грамматически он задан как неопределенный самой формой глагола. Предикаты противопоставляются: хотел проститься – не позволили проститься (намеревался действовать – каузировали не действовать). Аналогично:

(5) "Болотников думал остановиться в Серпухове: жители не выпустили его" (Н.М. Карамзин).

Между предикатами могут быть конверсные или квазиконверсные отношения. Конверсивы имеют обратные, но не противоречащие значения, в плане направления действия – интенции. Они выражают двусторонние отношения, с двух точек зрения обозначая одну и ту же ситуацию. Глаголы-конверсивы относятся к классу переходных субъектно-объектных, обозначают процессы, происходящие в одно и то же время⁷.

Мы использовали понятие конверсивов для обозначения отношений между предикатами в случаях, подобных следующему:

(6) "Им (нишим. – Н.У.) хотели раздавать обыкновенную в таких случаях милостыню: они не принимали, чуждаясь всякой отрады в день печали" (Н.М. Карамзин).

"() давали нишим милостыню".

$S_1 — P_1 \begin{cases} O_1 \\ S_2 \end{cases}$

"Нищие не брали милостыню от них (потому что не хотели испытывать радость в печальный день)".

$S — P_2 \begin{cases} S_1 \\ O_1 \end{cases}$
D

⁷ Добричев С.А. О некоторых вопросах семантико-парадигматического анализа конверсных глаголов английского языка. – В кн.: Семантический синтаксис английского языка. Пятигорск, 1976, с. 16–25.

Первая часть фразы – односоставное неопределенно-личное предложение. Его субъект – те, кто дает милостыню. Субъекты частей противопоставлены как разные лица, взаимодействующие друг с другом. Предикаты – конверсивы противопоставлены через отрицание; ср.: давать – брать, противопоставленные: давать – не брать. Причинное обоснование второго события, не имеющее прямого отношения к противопоставлению, мы не рассматриваем.

Чисто конверсных отношений между предикатами нами встречено мало, всего два примера. Но довольно широко (15 примеров) представлены отношения, которые назовем квазиконверсными. Субъекты в предложениях с квазиконверсными отношениями предикатов не так тесно взаимодействуют, действия их отделены во временном плане.

(7) "Михаил писал и жаловался: его не слушали".

(8) "Послы доказывали безрассудность королевского требования: их не слушали" (Н.М. Карамзин).

Контраст предикатов комплексов может быть ослаблен, если ослабляется или снимается контраст предикатов. Например:

(9) "Военные громы возбуждают нетерпеливое любопытство: успехи мира приятны сердцу" (Н.М. Карамзин).

В этой фразе четко противопоставлены подлежащие: военные громы – успехи мира. Нельзя сказать, что противопоставлены предикаты:

вызывать $\begin{cases} \text{любопытство} \\ \text{удовольствие} \end{cases}$

Оба эти слова обозначают положительные эмоции. Общий контраст сохраняется, но он ослаблен. Ср. пример более сильного контраста:

(10) "Ум видит одни сходства: рассудок и гений видят различия" (Н.М. Карамзин).

Предикаты противопоставлены через объекты, которые в данном контексте антонимизируются.

Фразы, которые представлены в схемах контрастами предикатных комплексов, отражают противопоставление ситуаций целиком – как субъектов действия, так и самых действий. Случай же, когда контрастируют предикаты и объекты (при субъектном тождестве) мы выделяем в другую группу.

Контрасты в конструкциях с общим субъектом. Следующая реализация общей схемы контраста – противопоставление предикатов, субъекты которых тождественны. В схеме контраста они не участвуют. Фраз данной группы 45. Среди этих форм мы различаем прямое противопоставление предикатов (объекты также контрастируют) и противопоставление предикатов через обстоятельство.

(11) "Что мне нужды в роде человеческом: был бы я только сыт и доволен" (А.П. Сумароков).

Эта фраза очень интересна в модальном плане: первая часть – риторический вопрос, который требует преобразования в синонимичное отрицательное предложение, глагол второй части из сослагательного наклонения переводим в изъявительное.

"Я безразличен к роду человеческому".

$$S_1 \text{ — } P_1 \text{ — } O_1$$

"Я не безразличен к себе".

$$S_2 \text{ — } P_2 \text{ — } O_2$$

При единстве субъектов предикаты противопоставлены через отрицание:

(12) "Слова не изобретаются академиями: они рождаются вместе с мыслями или в употреблении языка или в произведениях таланта как счастливое вдохновение" (Н.М. Карамзин).

Субъект общий, семантическое противопоставление предикатов интерпретируем так: общий компонент смысла, основание контраста между "изобретаться" и "рождаться" – сема "появляться, возникнуть"; но быть изобретенным – значит, появляться преднамеренно, по воле людей; рождаться – появляться непреднамеренно, помимо воли (рождаться с вдохновением).

В следующих фразах предикаты противопоставлены через обстоятельства времени, места, или предикатные контрасты дополняются контрастами обстоятельств.

(13) "Послы шведские были сосланы в Муром: их привезли в Новгород, где объявили им условия царской милости" (Н.М. Карамзин).

Контраст предикатов осуществляется через обстоятельства места. Смысл противопоставления в том, что послов, сосланных в Муром, туда не привезли, а отправили в Новгород. Ссылка не осуществилась – вторая ситуация противопоставлена первой.

(14) "Мы удивлялись легкому торжеству самозванца: теперь удивимся его легкому падению" (Н.М. Карамзин).

Противопоставление идет, во-первых, по объектам эмоции удивления (падение/торжество – контекстные антонимы), во-вторых, по обстоятельствам времени: раньше/теперь. Слова "раньше" в тексте нет, но во второй части есть слово "теперь"; временной контраст выражается также в формах сказуемых: прошедшее время/будущее. Например:

(15) "Они ленились, пили и терпели недостаток: ныне работают весело, пьют только в гостях у своего помещика и не знают нужды" (Вестник Европы, 1803).

Здесь три пары противопоставленных предикатов: ленились – работают; пили много – пьют мало; терпели нужду – не знают нуж-

ды. Контраст обстоятельств времени в этом примере, как и в предыдущем, задает, как нам кажется, контраст других компонентов. Здесь уместно вспомнить о теории детерминантов Н.Ю. Шведовой. Действительно, обстоятельства в данном случае автономны, и контраст сохраняется в любом случае.

(16) "Холмский нетерпеливо желал вступить в Ливонию: к несчастью, сделалась оттепель в декабре-месяце; реки вскрылись; ни было ни зимнего, ни летнего пути..." (Н.М. Карамзин).

"Холмский хотел войти в Ливонию".

$$S_1 \text{ — } P_1 \text{ — } O_1(D)$$

"Он не вошел в Ливонию, (потому что не было пути)".

$$S_2 \text{ — } P_2 \text{ — } O_1(D)$$

Здесь ситуация контраста сложнее. Во фразе представлен только первый член противопоставления. Второй восстанавливается на основании мотивировки – отсутствия пути, вследствие чего намерение не могло осуществляться.

Проанализированные нами примеры позволяют сделать вывод, что контраст в бессоюзных предложениях основывается прежде всего на противопоставлении предикатов. Примеров, в которых предикатный контраст снимается и остаются только контрасты субъектов, нами зафиксировано только два. Остановимся на них.

(17) "Тихий полумертвый стан литовский ожил шумной радостью: защитники Пскова с умилением принесли жертву благодарности небу, совершив свой подвиг для России" (Н.М. Карамзин).

"Литовцы радовались".

$$S_1 \text{ — } P_1$$

"Русские благодарили бога с умилением (– тоже радовались)".

$$S_2 \text{ — } P_2$$

(18) "Я казнил изменников: не милуют их и в Вильне, где казнили злодея Викторина".

"Я казнил изменников".

$$S_1 \text{ — } P_1 \text{ — } O_1$$

"В Вильне тоже казнят их".

$$S_2 \text{ — } P_2 \text{ — } O_1$$

В первом примере (17) вообще нет контраста, есть только различие субъектов, а предикаты синонимичны. Предикативные части предложения связаны смысловыми отношениями того типа, которые могли бы быть выражены соединительным союзом "и",

а не противительным "но". Во втором примере (18) субъекты разные, второй задан через местонахождение. Предикаты тождественны. Эти фразы были оценены нами в начале исследования как противительные. Во второй фразе, действительно, возможен противительный союз "но", — по-видимому, из-за пресуппозиции "полемичности" — ответа на возможный выпад перед второй частью фразы. Этот текст взят из карамзинского переложения письма Ивана Грозного Курбскому, где он говорит, что казнит изменников и, как бы предвидя упреки в жестокости, как аргумент в свою пользу, приводит факт казни изменника в Литве. Подстановка союза "но" делает явным отсутствие противительных отношений во фразе. Здесь будет не просто "но", а союз "но и", который является противительным отождествителем (синонимичен здесь "но ведь", который эксплицирует именно полемичную установку).

Следовательно, оба эти примера нельзя считать противительными конструкциями. Устранение предикатного контраста выводит предложения из ранга противительных.

Хотелось бы добавить, что в бессоюзном предложении контраст предикатов и их актантов (объектов, обстоятельств) не всегда достаточен, чтобы противительный характер фразы стал несомненным. Так, в предложениях второй группы, которая характеризуется тождеством субъектов, часты лексические повторы и идентичный порядок слов в обеих частях предложения, т.е. дополнительные средства, поддерживающие синтаксическую структуру предложения. Таких примеров — около половины от общего количества фраз данной группы. В группе с контрастом предикатных комплексов — доля фраз с лексическим или синтаксическим параллелизмом значительно меньше — около 1/3. Структура с контрастом предикатных комплексов более устойчива, самодостаточна.

Итак, сделана попытка показать общий принцип и некоторые конкретные модели противопоставления в бессоюзном сложном предложении. Противопоставление реализуется как контраст предикатных комплексов, включающий и субъектный контраст, и реже как контраст в конструкциях с общим субъектом. Граница между противопоставлением и другими семантико-синтаксическими категориями проходит там, где нет контраста предикатов.

Общая схема контраста сохраняется во всех реализациях. Всегда можно найти основание противопоставления. Без этого, видимо, не может существовать противопоставление как особый тип структурно-семантических отношений между частями сложного предложения.

Кажется естественным предположить, что бессоюзные противительные предложения обладают более четкой, стройной структурой, чем предложения с союзом "но". Но это предположение требует подтверждения в сопоставительном исследовании союзных и бессоюзных конструкций.

Н.Н. Сергеева

О ПОНЯТИИ И ТИПОЛОГИИ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ

В настоящее время вопросы теории сложного предложения разрабатываются особенно активно¹.

Известный интерес вызывают сложные предложения (союзные, бессоюзные) с изъяснительными отношениями между частями, т.е. изъяснительные конструкции. Интерес к изъяснительным конструкциям понятен: в них отчетливо проявляется связь между лексико-семантическим и грамматическим уровнями языка. Эта связь осуществляется благодаря тому, что зависимая часть сложного предложения изъясняет опорное (контактное)² слово главной части с семантикой информации — "информационную лексему", нуждающуюся в семантическом восполнении³: "Командующий хорошо знал, что люди боятся смерти, что бесстрашие — это не то, что делается без страха, а то, что делается вопреки страху" (Симон. Живые и мертвые). Следовательно, именно информационная лексема формирует изъяснительную конструкцию. Однако понятие изъяснительной конструкции шире, чем понятие сложного предложения с изъяснительными отношениями, так как изъяснительные отношения могут быть выражены с помощью словосочетания, стержневым элементом которого является информационная лексема, а зависимым делиберативный объект (О + предл.пад.)⁴. Де-

¹ Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973; Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977; Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 1977; Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977; Способы выражения полипредикативности. Новосибирск, 1978.

² Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 628.

³ Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, с. 46.

⁴ Там же, с. 328. Кузьмин В.В. Проблема синтаксической

либеративный объект и изъясняющая часть сложного предложения имеют однотипную синтаксическую функцию и являются синтаксически соотносительными⁵. Ср.: "...сказал о болезни (про болезнь) отца" и "...сказал, что отец болен", "...сказал: отец болен".

Таким образом, информационная лексема с синтаксической стороны – лексема, валентность которой реализуется благодаря сочетанию ее: 1) с делиберативным объектом, указывающим на общее содержание информации (беседовать, болтать, говорить, думать, информировать, разговаривать, сообщать, фантазировать и т.п. + о чем (ком), про что (кого)); 2) с придаточной частью сложноподчиненного изъяснительного предложения: "Недаром говорится, что каждый человек – загадка"; 3) с постпозитивной изъясняющей частью бессоюзного предложения: "Она помнила: девочки срывались" (Лиханов. Солнечное затмение). Информационная лексема может сочетаться как с одним из указанных синтаксических признаков, так и с полным их комплексом.

С морфологической стороны информационные лексемы – это глаголы (болтать, говорить, думать, желать, знать, помнить, понимать, спрашивать, хотеть и др.), существительные, как соотносительные с глаголами (вопрос, мысль, письмо, предложение, проповедь, рассказ и др.), так и несоотносительные с ними (пакт, роман, статья, факт, фильм, фраза и др.), предикативы (несомненно, очевидно, плохо, рад, хорошо и др.).

С семантической стороны под понятие информационной лексемы могут быть подведены слова со значением речи (беседовать, говорить, докладывать и т.д.), мысли (догадываться, догадка, думать, мнение, мыслить, мысль и т.д.), восприятия (видеть, замечать, казаться, слышать и т.д.), чувства (беспокоиться, беспокойство, горевать, жалеть, сомневаться и т.д.), волеизъявления (желать, требовать, хотеть и т.д.), оценки (важно, плохо, правда, правильно и т.д.), бытия (бывает, случается), обнаружения (находить, обнаруживаться и др.).

Итак, информационная лексема является ядром (стержневым, опорным словом) изъяснительной конструкции различных типов (словосочетания, сложноподчиненного и бессоюзного предложений), выражающей изъяснительные отношения в языке. Связь между семантикой и грамматикой при выражении изъяснительных отношений наиболее ярко проявляется на уровне сложного (сложноподчиненного и бессоюзного) предложения.

соотносительности (на материале объектных конструкций). – *Вопр. языкознания*, № 4, 1978, с. 107.

⁵ Кузьмин В.В. Проблема синтаксической соотносительности..., с. 108.

1. Информационная лексема не только конституирует определенный тип сложноподчиненного предложения – одночленное изъяснительное сложноподчиненное предложение; существует взаимозависимость между семантическими свойствами информационной лексемы (опорного слова) и способом связи (союзными словами и союзами) главной и придаточной частей, что позволяет построить структурно-семантическую классификацию (типологию) сложноподчиненных изъяснительных предложений, имеющую несколько уровней. Для построения такой классификации необходимо выяснить, какие смысловые элементы в значении опорного слова взаимодействуют со связочными средствами в сложноподчиненном изъяснительном предложении. Анализ классификации изъяснительных предложений, которая приводится в "Грамматике-70", показал, что отнесенность опорного слова к лексическим группам речи, мысли, чувства и т.д., являясь существенным признаком для организации изъяснительного типа сложноподчиненных предложений, не может служить основой для классификации самых изъяснительных предложений. Глаголы речи, например, образуют предложения со всеми возможными средствами связи. С союзами "что" (сказать, доложить, что...), "будто" (врать, хвастать, будто...), "чтобы" (приказывать, просить, чтобы...), с союзными словами (рассказывать, как провел каникулы; пререкались, кому идти... и т.п.). То же можно сказать о лексемах других семантических групп. Фактором, от которого зависит выбор средства связи между главной и придаточной частями, является способ репрезентации информации (как явления объективной действительности) в значении опорного слова (информативной лексемы). В связи с этим на первой ступени классификации выделяются два типа сложноподчиненных изъяснительных предложений: 1) предложения с опорными словами, в значении которых информация репрезентируется как факт реальный (предложения с опорными словами реальной информации); 2) предложения с опорными словами, в значении которых информация отражена как факт нереальный (предложения с опорными словами нереальной информации). Поэтому в семантике опорных слов содержится элемент того или иного вида гипотетичности (побуждения, долженствования, желательности, нежелательности)⁶. Средства связи между частями в предложениях с опорными словами реальной информации самые разнообразные (союзы, союзные слова), поэтому предложения этого типа классифицируются далее; тогда как части предложений с опорными словами нереальной информации связываются с помощью единственного средства – союза "чтобы", который служит для выражения гипотетичности. Этот союз предопределя-

⁶ Грамматика современного русского литературного языка, с. 704.

ет форму глагола на -л в придаточной части сложноподчиненного предложения: "И он желал, чтоб ветер выл не так уныло" (Пушкин. Медный всадник).

В подобных предложениях в качестве опорных слов используются следующие информационные лексемы с элементом гипотетичности: бояться, жадать, желать (желание, желательно), завешать, запрещать, любить, молить, молиться, надо, наказать (в значении "сделать наказ, наставление"), наставлять, необходимо, нужно, позволять, понуждать, предлагать, предписывать, призывать, приказывать, просить, рекомендовать, санкционировать, советовать, требовать, хотеть и т.д. Например:

"Между прочим, она предложила, чтобы тот, чей фант вынет-ся, рассказывал свой сон" (И.С. Тургенев. Первая любовь).

"Алексей Степанович, посоветуй, пожалуйста, своей сестрице, чтоб она не кидалась мне так услужить" (Аксаков. Детские годы Багрова внука).

Грамматическое выражение модальности придаточной части позволяет ей сочетаться с опорными словами, не содержащими в семантике элемента гипотетичности, однако в составе изъяснительного предложения с союзом "чтобы" получающими значение волеизъявления. Например:

"Серпилин пожал плечами, стряхивая с себя остатки сна, и сказал, чтобы Хорышев проводил его к оружию" (К. Симонов. Живые и мертвые). "Катин голос прокричал, чтобы я закрыла голову" (А. Толстой. Семейное счастье).

Способность получать значение того или иного вида гипотетичности в составе изъяснительного предложения с союзом "чтобы" имеют далеко не все слова, а только те из них, которые а) обозначают интенсивное действие, ориентированное на объект (говорить кому, кричать на кого, глядеть на кого; ср. глаголы утверждать, видеть, не образующие изъяснительных предложений с союзом "чтобы"); б) с отрицательной частицей "не" приобретают значение сомнительности или недостоверности информации. Например:

"Из разговора с Савеловой не было видно, чтобы она хотела посоветоваться или попросить о чем-нибудь" (Н.Г. Чернышевский. Пролог).

Способность слов с отрицательной частицей "не" образовывать изъяснительные предложения с союзом "чтобы" связана с отсутствием в их значении семы "достоверность информации", благодаря чему частица "не" вносит в их значение сему "недостоверность, сомнительность информации", согласующуюся с модальностью придаточной части. Если в значении слов имеется компонент "достоверность информации" (знать, быть уверенным и т.д.), то частица "не" лишь отрицает факт обладания информацией, выражаемый данными словами, однако не вносит в их значение не-

достоверности, сомнительности информации, ср.: "Он знал (был уверен), что произойдет нечто страшное". - "Он не знал (не был уверен), что произойдет нечто страшное".

Предложения с опорными словами реальной информации делятся на два подтипа: 1) предложения с опорными словами вопросительной информации и 2) предложения с опорными словами констатирующей информации (вторая ступень классификации).

Средством связи в предложениях первого подтипа являются союзные (относительные) слова и вопросительная частица "ли", выступающая в функции союзного средства. Опорные слова вопросительной информации содержат в значении сему "неосведомленность". Таковыми являются следующие информационные лексемы: гадать, запрашивать, осведомляться, пытаться (в значении "расспрашивать"), расследовать, расспрашивать, справляться (в значении "осведомляться"), спрашивать и т.д. Данные лексемы образуют изъяснительные предложения, придаточная часть которых строится как вопросительное предложение⁷. Например:

"Он говорил хриловатым голосом без всякого выражения, как будто заранее совершенно не интересовался, зачем он пришел" (Каверин. Кусок стекла). "Я была тронута вниманием Радиокomiteта, который запросил меня, что я хотела бы услышать по радио" (Самойлова. 60 лет в искусстве). "Я вскользь поинтересовался, не писала ли ей Лира" (Жаренов. Семейная реликвия).

II. В качестве опорных слов в предложениях с придаточной частью, оформленной как вопросительное предложение, способны выступать лексемы, в значении которых хотя и нет семы "неосведомленность", однако обязательно отсутствует сема "осведомленность". Сюда относятся, во-первых, глаголы процессуального действия: думать, мечтать, мыслить, обдумывать, перекопаться, помозговать, помудрить, раздумывать, размышлять, спорить и т.д. Например: "Я мыслил, будет ли счастлива моя приятельница Марья Петровна" (Н.В. Гоголь. Письмо Балабиной. 7 нояб. 1838 г.). Перечисленные лексемы в сочетании с придаточной частью, оформленной как вопросительное предложение, приобретают значение неосведомленности в информации. Во-вторых, способностью сочетаться с придаточной частью, оформленной как вопросительное предложение, обладают глаголы в формах прошедшего времени несовершенного вида, простого будущего времени, повелительного или сослагательного наклонения, инфинитива как части составного глагольного сказуемого и т.д. В перечисленных формах глаголы обозначают отсутствие информации, а также же-

⁷ Грамматика современного русского литературного языка, с. 706.

лательность ее получения. Речь идет о глаголах выведывать, добиваться, дознаваться, доискиваться, определять, прознавать, пронохивать, разведывать, разгадывать, разузнавать, раскапывать (в значении "раскрывать, узнавать"), угадывать, устанавливать и подобных. Например: "Это его Кувалда подучил разведать, где стариковы капиталы" (М. Горький. Бывшие люди). В форме прошедшего времени совершенного вида данные глаголы не сочетаются с придаточной частью, построенной как вопросительное предложение, так как обозначают обладание информацией, т.е. содержат в значении сему "осведомленность". Ср.: "узнавал (узнаю, узнай, узнал бы, хотел узнать), состоится ли собрание", и невозможность предложения: "узнал, состоится ли собрание". В третьих, возможны в сочетании с придаточной частью, оформленной как вопросительное предложение, слова, содержащие в значении сему "осведомленность", однако при двух условиях: 1) если главная часть по цели высказывания вопросительна и сообщает вопросительную интонацию предложению в целом, например: "Вот чем он морочил себя и что казалось ему бесконечно важнее всего: может ли человек точно знать о себе, любит ли он или нет?"; 2) если слова с семой "осведомленность" имеют при себе отрицательную частицу "не", снимающую значение осведомленности: ср. "Я знал, что она придет". — "Я не знал, придет ли она".

И, наконец, способность присоединять вопросительную по форме придаточную часть с частицей "ли" имеют слова, содержащие в значении сему "сомнение в достоверности информации" (сомневаться, сомнение, усомниться и т.д.): "Они сомневались (усомнились), та ли это поляна". Частица "не" при указанных словах, отрицая значение неуверенности в достоверности информации, тем самым вносит в их значение сему "уверенность в достоверности информации", что не позволяет словам типа "сомневаться (сомнение)" сочетаться с частицей "ли".

В предложениях с опорными словами констатирующей информации (второй подтип второго типа предложений) средством связи между частями являются союзы (что, как, будто и др.) и союзные (относительные) слова, поэтому рассматриваемые предложения делятся на две группы по признаку наличия/отсутствия в значении опорных слов (информационных лексем) указания на процессуальность информации (третья ступень классификации). Этот признак оказывается важным для выбора опорным словом средства связи между частями. Первая группа предложений образуется опорными словами, в значении которых информация репрезентируется как действие, протекающее во времени, т.е. как процесс. Вторая группа предложений образуется словами, в значении которых процессуальность отсутствует.

В первой группе выделяются две подгруппы предложений.

А. Образуемые глаголами, обозначающими нерезультативный процесс (думать, мыслить, перекоряться, подслушивать, помозговать, помудрить, порассказать, раздумывать, размышлять, следить, смотреть, советоваться, совещаться и т.д.), с союзными (относительными) словами в качестве средства связи (союзы невозможны). Например:

"О себе теперь писать некогда, бог даст свидимся, тогда и порасскажу, что видел дурного и хорошего" (А. Островский. Письмо Н.А. Некрасову 27 июня 1856 г.). "Они стоят некоторое время и перекоряются, кому идти проситься" (А.Ф. Писемский. Платная артель). "Морозка снова с любопытством проводил его глазами, раздумывая, почему он раньше не обращал внимания на такого удивительного человека" (А. Фадеев. Разгром).

Б. Образуемые глаголами, обозначающими результативный процесс. Предложения данной подгруппы имеют две разновидности. Первую разновидность предложений образуют глаголы несовершенного вида, обозначающие процессы (болтать, говорить, придумывать, разглядывать, рассматривать, шептать и др.). В таких предложениях части соединяются только с помощью союзных слов. Вторую разновидность предложений образуют глаголы совершенного вида, обозначающие результат процесса (сболтнуть, сказать, придумать, разглядеть, рассмотреть, прошептать, шепнуть). В этих предложениях возможны как союзные слова, так и союз что. Например: "Проходя мимо, он прошептал (шепнул), что я не должен приходить вечером к крепости" (Беляев. Старая крепость).

Некоторые из указанных глаголов (говорить, болтать, шептать) в форме несовершенного вида способны сочетаться с союзом "что", в таком случае, однако, они теряют значение процессуальности, так как происходит "нейтрализация видового противопоставления"⁸, возникает "синонимия видов"⁹. Ср.: "Он сказал, что придет". — "Он говорил, что придет". В сочетании с союзом "что" приведенные глаголы могут приобретать значение многократного действия. Например:

"Пульхерия Андреевна! А я все-таки вам скажу и всегда буду говорить, что ваша дочь никаким образом не пара Васютину" (А. Островский. Старый друг).

⁸ Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л., 1967, с. 72.

⁹ Шелякин М.А. Приставочные способы действия и категория вида в современном русском языке (к теории функционально-семантической категории аспектуальности). Автореф. докт. дис. Л., 1972.

Группе изъяснительных предложений с глаголами в качестве опорных слов, обозначающими информацию как процесс, противопоставлена группа предложений с опорными словами (глаголами, существительными, предикативами), которые не содержат в своем значении указания на процессуальность информации. Данная группа предложений делится на две подгруппы, которые различаются средствами связи между частями. Первая подгруппа предложений образуется опорными словами, в значении которых информация репрезентирована как неподвижная неограниченная длительность. В таких предложениях возможно использование и союза "что" ("как", "будто"), и союзных слов. Информационные лексемы неподвижной длительности можно разделить на лексемы со значением, во-первых, обладания информацией (вспоминать-ся, догадываться, знать, известно, подозревать, подозрение, помнить, припоминать-ся и т.д.), а также со значением утраты информации (забывать-ся). Например:

"Офицер был такой тоненький, беленький, на нем мундир был такой новенький, что я тот час догадался, что он на Кавказе у нас недавно" (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени). "Слов я не слышал, но догадаться, о чем разговор, было нетрудно" (Жаренов. Семейная реликвия).

Во-вторых, лексемы получения информации (выведывать, добиваться, дознаваться, допытываться, определять, разбираться, разгадывать, распознавать, угадывать, узнавать, уяснять и т.д.). Например:

"Небось ты распознал с первых слов, что я не побасенки рассказываю, а настоящее дело" (Боборыкин. Василий Теркин).

"Он уже по движению локтей привык распознавать, что делает хозяйка" (Гончаров. Обломов).

В-третьих, лексемы восприятия информации (видеть, видно, воображать, замечать, подмечать, представлять, примечать, слышать, слух, увидеть, услышать, учуять и т.д.). Например:

"Путники услышали, что впереди залаяли собаки". "Сыграйте их (квартеты) Дмитрию Дмитриевичу. Ему важно быстрее услышать, как они живут в звуках" (Лит. газета, № 35, 1978).

В-четвертых, лексемы доведения информации до сведения кого-либо (извещать, напоминать, объяснять, писать, предсказывать, проговариваться, разъяснять, растолковывать, сообщать, телеграфировать, телефонировать, указывать и т.д.), а также умолчания (скрывать, умалчивать, утаивать и т.д.). Например:

"Не скроем, что на Марью Александровну все более и более находило какое-то необъяснимое беспокойство" (Ф.М. Достоевский. Дядюшкин сон). "От нее не умели скрыть, каким недугом умер ее отец, и она узнала, что это недуг наследственный" (М.Е. Салтыков. Пошехонская старина).

Вторая подгруппа предложений образуется опорными словами непроецессуальной информации, в значении которых длительность

информации не находит отражения, т.е. информация репрезентируется как "нулевая" длительность. Средством связи между частями предложений данной подгруппы является союз "что" ("как", "будто"), союзные слова невозможны.

Вторая подгруппа включает две разновидности предложений: Первая разновидность предложений образуется опорными словами – глаголами, обозначающими информацию, которая получает внешнее выражение – звуковое или письменное (божиться, вразумлять, врать, грозить, добавлять, доводить до сведения, доказывать, докладывать, жаловаться, заверять, зарекаться, заявлять, извиняться, клясться, намекать, наябедничать, обещать, обманывать, обязаться, отвечать, отрицать, отрапортовать, повиниться, повторять, подтверждать, предрекать, прибавлять, пригрозить, признаться, провозглашать, прокламировать, проповедовать, рапортовать, сетовать, сулить, твердить, убеждать, уведомлять, уверять, удостоверять, упрекать, утешать, хвалиться, хвастать, хвастаться и т.д.). Например:

"Жена у меня больно умна и горяча, может, иногда скажет тебе и лишнее, не балуй ее, сейчас останови и вразуми, что это не годится" (С.Т. Аксаков. Семейная хроника). "Симцов, помолчав, добавил, что устроится скорее всех их" (М. Горький. Бывшие люди). "Карасиков утром наябедничал, что Владик записал Баранкину под простыню жестяную мыльницу и платяную шетку" (А. Гайдар. Военная тайна). "Молодые ... прокламировали, что главная задача дня – борьба за более или менее сносные условия жизни и работы" (Вирта. Вечерний звон). "За обедом я ничего не ел, и Лиза пригрозила мне, что пошлет телеграмму маме" (К. Паустовский. Далекие годы).

Вторая разновидность предложений с союзом "что" образуется опорными словами (глаголами, существительными, предикативами) информации, которая не получает внешнего выражения. Опорные слова рассматриваемых предложений включают: а) лексемы чувства (беспокоиться, больно, боязно, горько, бояться, жалеть, забавно, лестно, надеяться, ощущать, поражаться, потрясать, сердиться, смешно, сожалеть, сокрушаться, сомневаться, стыдиться, стыдно, терзаться, тревожиться, тужить, тяжело, удивляться и др.): "... лакей спешит за нами и тужит, что не захватил с собою балалайки" (Н. Успенский. Обоз); б) глаголы со значением результата мыслительной деятельности (верить, думать в значении "считать, полагать", ждать в значении "предполагать, что что-нибудь произойдет", заключать, заподозрить, находить в значении "приходить к заключению, признавать, считать, составив мнение о ком-чем", предполагать, предусматривать, приходить в голову, сделать вывод, судить, убеждаться, уверять, удостоверяться и т.д.): "С минуты на минуту он ждал, что дверь рубки откроется и рыбаки сами потребуют выбросить рыбу в море"

(Н. Чаковский. У нас уже утро); 3) лексемы оценки (беда, вероятно, естественно, несомненно, неправда, очевидно, плохо, представляется, правда, разумеется, славно и др.): "Как-то само собой разумелось, что группа ее не бросит, устроит" (Горбатов. Мое поколение); 4) лексемы обнаружения (вытекать, значить, находить в значении "замечать, обнаружить, добыть в результате поисков, наблюдений", обнаруживать, означать, оказываться, отмечать, подчеркивать, показывать, следовать в значении "быть следствием, вытекать из чего-либо", сознаваться и т.д.): "Компас показывал, что земля была вертикально внизу" (А.Н. Толстой. Аэлита); 5) лексемы бытия (бывать, случаться): "Пока она училась на курсах, не раз бывало, что то один, то другой из курсантов больше не являлся на занятия" (А. Фадеев. Молодая гвардия).

В составе изъяснительных предложений с союзом "что" возможно выделение группы предложений, средством связи между частями которых кроме союза "что" (основное средство связи) является союз "будто". Опорные слова таких предложений (видеться, возомнить, врать, делать вид, казаться, лгать, мерещиться, мнить, показаться, представлять, привидеться, притворяться, распускать слухи, сниться, трепаться и т.д.) содержат в значении сему "неточность информации"¹⁰. Например:

"Левка Шулепников тут же наврал про своего отца: будто (что) тот в Тифлисе собственной рукой застрелил факира" (Ю. Трифонов. Дом на набережной). "Завистливые водяные медики распустили слух, будто (что) он рисует карикатуры на своих больных..." (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени.)¹¹.

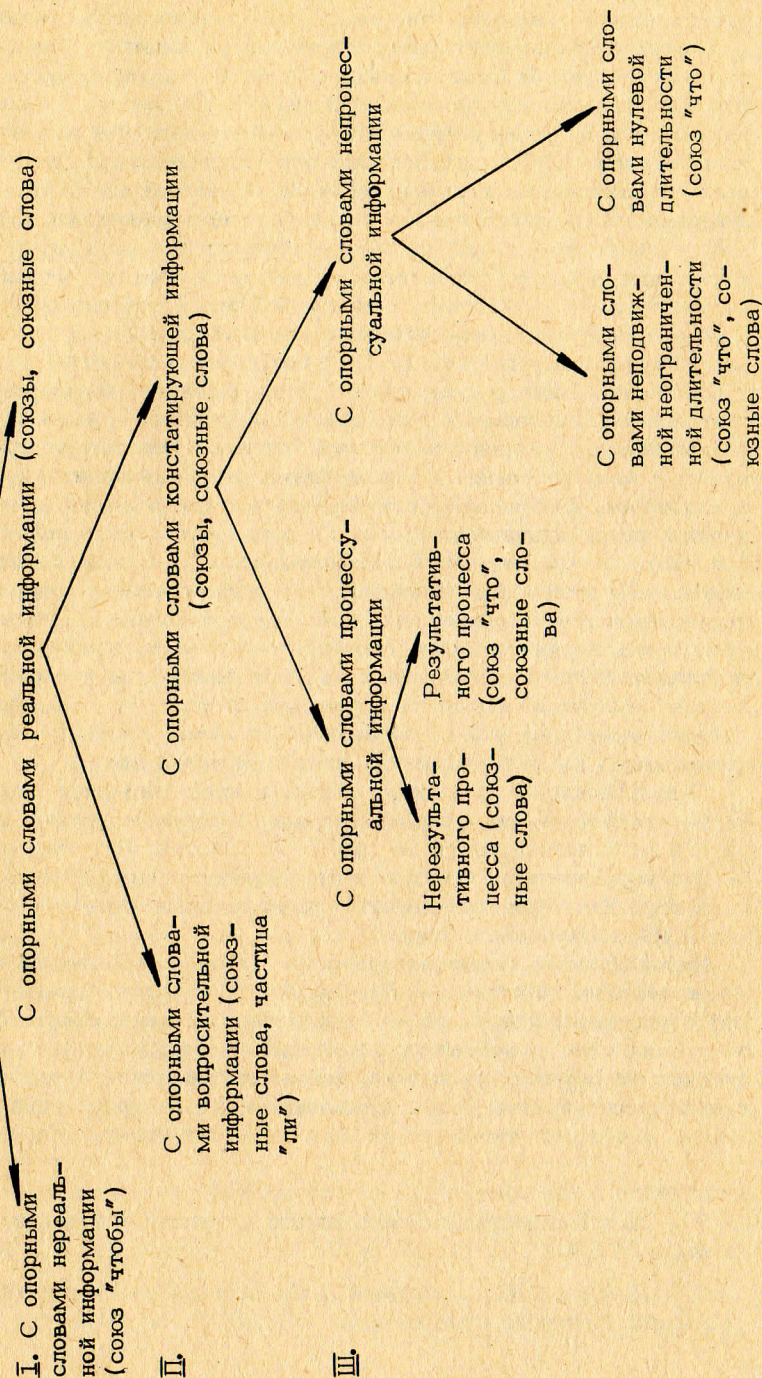
Итак, структурно-семантическая типология сложноподчиненных изъяснительных предложений может быть представлена следующим образом (таблица).

III. Вопрос о бессоюзном предложении в настоящее время продолжает оставаться дискуссионным. Бессоюзные предложения с изъяснительными предложениями соотносительны со сложноподчиненными изъяснительными предложениями. В связи с этим следу-

¹⁰ Грамматика современного русского литературного языка, с. 704.

¹¹ О соотношении союза "что" и союза "как" в пределах сложноподчиненного изъяснительного предложения см.: Волохина Г.А., Попова З.Д. Категория "союза" и "союзного слова" в синтаксическом описании. (Из наблюдений над функционированием служебного слова "как" в сложноподчиненных изъяснительных предложениях). - В кн.: Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1978.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ет установить, являются ли бессоюзные предложения с изъяснительными отношениями сложноподчиненными изъяснительными предложениями в их бессоюзном варианте (с опущенным союзом) или они имеют право на существование как тип сложного предложения. Второе положение требует выяснения специфики бессоюзного предложения. Отличия бессоюзного предложения с изъяснительными отношениями от сложноподчиненного отмечены В.А. Белошапковой. К их числу относится свобода построения постпозитивной части (возможности свободного оформления лица, прямого выражения модальности, использования всех средств оформления вопросительной интонации), более узкий по сравнению со сложноподчиненными предложениями круг опорных слов¹². Эти особенности бессоюзных предложений, однако, не объясняются. Между тем все они являются следствием интонационного своеобразия бессоюзных изъяснительных предложений: интонация – именно тот фактор, который коренным образом отличает бессоюзное предложение с изъяснительными отношениями от сложноподчиненного предложения. Бессоюзные изъяснительные предложения имеют следующий интонационный рисунок: 1) понижение тона в конце первой части с характерным "предупреждением", которое связано с наличием в этой части незамещенной синтаксической позиции сильно управляемой словоформы; 2) пауза между частями; 3) интонация самостоятельного простого (повествовательного, вопросительного, побудительного) предложения во второй части, тип которого задается семантикой опорного слова первой части¹³. Следующие литературные примеры с достаточной ясностью подтверждают интонационную самостоятельность постпозитивной части:

"Карл Иванович удивился, оставил в покое мои подошвы и с беспокойством стал спрашивать меня: о чем я думаю? не видел ли я чего дурного во сне?" (Л. Толстой. Детство, отрочество, юность). "Изабель забрасывает меня вопросами: куда я еду? Что буду там делать? Долго ли продлится война?" (Журбен. Человек в песках).

Интонационная самостоятельность второй части предопределяет ее свободное построение. Невозможность для некоторых групп информационных лексем образовывать бессоюзные предложения также связана со своеобразием интонации бессоюзного предложения в отличие от сложноподчиненного (сложноподчиненное предложение имеет интонационный рисунок, характерный для простого предложения, и в этом отношении от него не отличается). Так, не об-

¹² См.: Грамматика современного русского литературного языка, с. 738.

¹³ Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 1978, с. 143.

разуют бессоюзных предложений лексемы со значением желательности (жаждать, желать, хотеть и др.), поскольку наличие разделительной паузы между частями препятствует выражению недифференцированной гипотетичности во второй части, имеющей место в сложноподчиненном предложении (союз "чтобы" + форма глагола на "л"), и требует дифференцированного выражения гипотетичности, однако специальных средств для выражения гипотетичности желательности не имеется (ср. наличие специальных средств выражения гипотетичности побудительности: "Я просил: не провожайте меня на железную дорогу"). Не образуют бессоюзных предложений с констатирующей постпозитивной частью лексемы с элементом недоверности в значении, а также со значением отсутствия информации (забывать, не знать, не помнить, непонятно, неясно, сомневаться и др.), так как при наличии разделительной паузы между частями констатация факта во второй части противоречит отрицанию его (или сомнению в его реальности) в первой части. В то же время слова с указанным значением образуют бессоюзные предложения с вопросительной постпозитивной частью: "И неясно было, что заинтересовало этого человека?" И, наконец, не образуют бессоюзных предложений лексемы, не имеющие понятийной отнесенности, значение которых представляет собой отношение к сообщаемому или оценке его (естественно, несомненно, неправда, плохо, похоже, правда, представляется, славно, хорошо и др.), так как наличие разделительной паузы между частями требует семантической значимости препозитивной части.

Следовательно, бессоюзные предложения с изъяснительными отношениями, несмотря на их соотносительность со сложноподчиненными предложениями, имеют синтаксическую специфику и поэтому могут рассматриваться как истинные бессоюзные предложения.

Следует, однако, отметить, что в языке имеют место бессоюзные варианты сложноподчиненных изъяснительных предложений (сложноподчиненные предложения с опущенными союзами). Например: "Мать рассказывает, ты драться любишь..." (Н. Островский. Как закалялась сталь). В научной литературе такие предложения рассматриваются как бессоюзные¹⁴. Правда, некоторые авторы отмечают их своеобразие: 1) отсутствие паузы между частями; 2) отсутствие в первой части оттенка предупреждения, произнесение ее с интонацией вводности¹⁵, т.е. черты, противо-

¹⁴ Кулагин А.Ф. Конструкции с прямой речью и сложное предложение. – Русский язык в школе, 1969, № 1; Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык..., с. 144.

¹⁵ Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык..., с. 144.

положные тем, которые характерны для истинных изъяснительных предложений. В то же время перечисленные черты объединяют приведенные предложения со сложноподчиненными. В дополнение к отмеченным чертам бессоюзных сложноподчиненных изъяснительных предложений укажем: 1) ограниченность сферы употребления (они употребляются в разговорном стиле речи, в то время как истинные бессоюзные изъяснительные предложения употребляются во всех стилях речи: наиболее закономерно в публицистическом и языке художественной литературы, реже – в научном и деловом); 2) способность части, содержащей информационную лексему, находиться не только в препозиции, но в постпозиции и в интерпозиции: "я вижу, ты здорово выросла" – "ты здорово выросла, я вижу" – "ты, я вижу, здорово выросла". Гибкость структуры характерна для сложноподчиненных изъяснительных предложений, но не для соответствующих бессоюзных, которые имеют жесткую структуру.

Таким образом, мы различаем бессоюзные предложения с изъяснительными отношениями и бессоюзные варианты сложноподчиненных изъяснительных предложений.

К сказанному добавим следующее. Одни и те же отношения могут быть выражены с помощью разных типов сложных предложений, один из которых является главным выразителем данных отношений. Бессоюзные предложения, думается, являются главным выразителем пояснительных отношений: "Дальше рисуется ему перспектива еще заманчивее: член-корреспондент, возможно – академик" (И. Грекова. Кафедра). Пояснительные отношения могут быть выражены и посредством сложноподчиненных предложений с пояснительными союзами "то есть", "а именно" и др. (ср.: "Дальше рисуется ему перспектива еще заманчивее, а именно: член-корреспондент, возможно – академик"). Однако такие предложения малоупотребительны и стилистически мотивированы (они являются принадлежностью преимущественно научного стиля), поэтому их, видимо, следует признать союзным вариантом бессоюзных пояснительных предложений.

Что касается классификации бессоюзных изъяснительных предложений, то выделяются предложения: 1) с побудительной постпозитивной частью, 2) с вопросительной постпозитивной частью, 3) с констатирующей постпозитивной частью. Таким образом, основанием классификации является интонация постпозитивной части, тип которой предопределяется семантикой информационной лексемы, находящейся в препозитивной части. Предложения с побудительной постпозитивной частью образуются информационными лексемами с семой волеизъявления (велеть, завещать, молить, молиться, наказывать, настаивать, повелевать, понуждать, предписывать, призывать, приказывать, приказ, просить, просьба, рекомендовать, скомандовать, советовать, требовать, увещать, уго-

варивать, упрашивать и др.). Постпозитивная часть рассматриваемых предложений построена как побудительное предложение, т.е. гипотетичность побудительности находит выражение либо в форме глагола повелительного наклонения, либо в сочетании частицы "пусть" (пускай) с глаголом в форме будущего или настоящего времени: "Я настаивал: уезжай из города, эвакуируйся..." Ср: "Я настаивал: пусть уезжает из города..."

Бессоюзные предложения с вопросительной постпозитивной частью образуются информационными лексемами, в значении которых заключено представление о вопросе (вопрос, выпрашивать, допрашивать, допрос, запрашивать, гадать, интересоваться, интересно, осведомлять, пытаться, расследовать, справляться, спрашивать и др.). Постпозитивная часть этих предложений имеет строение вопросительного предложения с вопросительными словами или частицей "ли" (возможны частицы "разве", "неужели"), не имеющими функции союзных скреп: "Когда гостя ушла, Дарья Степановна учинила профессору настоящий допрос: кто, да что, да как зовут, сколько получает, какая площадь" (И. Грекова. Кафедра). Бессоюзные предложения с вопросительной постпозитивной частью образуются также информационными лексемами со значением результитивного процесса и лексемами, которые не содержат в значении семы "осведомленность". Например:

"Сошлись и заспорили: кому живется весело, вольготно на Руси?" (Н.А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо). "И неясно было: кто кого за руку вел" (А. Лиханов. Солнечное затмение).

Бессоюзные предложения с констатирующей постпозитивной частью образуются информационными лексемами со значением результитивного процесса, неподвижной неограниченной длительности, а также нулевой длительности. Постпозитивная часть таких предложений имеет интонацию повествовательного предложения. Например:

"Она помнила: девчонки срывались" (А. Лиханов. Солнечное затмение). "Повторяю: голое ремесло – одно оно – зрителя не заинтересует".

Бессоюзные предложения требуют дальнейшего изучения, а их классификация – уточнения.

ОБ ОСОБОМ СЛУЧАЕ СЛОВОПОРЯДКА В ПРИДАТОЧНЫХ ЧАСТЯХ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В настоящее время стало уже общепризнанным, что порядок слов в предложении определяется его актуальным членением¹. Принципы словорасположения в простом предложении с данной точки зрения исследуются давно, и в этом направлении достигнуты определенные результаты – выявлена система правил расположения слов в простом предложении. Что же касается сложного предложения, то здесь далеко не всё представляется ясным и бесспорным. Если не вызывает сомнения тот факт, что порядок слов в частях сложного предложения, так же как и в простом предложении, определяется актуальным членением, то до сих пор остается дискуссионным, в частности, вопрос об общем и специфическом в линейной организации простого и главной и придаточной частей сложного предложения. Иными словами, перед исследователями порядка слов сложного предложения стоит задача – выяснить, насколько актуальны правила расположения слов, действующие на уровне простого предложения, в сфере сложного предложения.

Долгое время в лингвистической литературе господствовало мнение, что порядок слов в сложном предложении не имеет собственных специфических черт, а повторяет закономерности порядка слов простого предложения. Однако исследования О.А. Крыловой, Л.С. Пастуховой, С.А. Шуваловой² показали, что в сложном

¹ См.: Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения. – В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967; Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Прага, 1966; Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

² Крылова О.А. Структура сложных конструкций с относительными словами в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дис. М., 1965; Пастухова Л.С. Порядок слов в сложноподчиненном предложении с придаточным дополнительным в современном русском языке. Автореф. канд. дис. Симферополь, 1969; Шувалова С.А. О порядке слов в сложносочиненном предложении (положение анафорических и вторых союзных элементов). Автореф. канд. дис. М., 1975.

предложении действуют особые правила расположения слов, которые необходимо выявить и по возможности представить конечным списком, поскольку конечный список в настоящее время представляется идеальным в лингвистическом описании подобного рода.

Наша задача – сообщить об одном из таких особых случаев расположения слов в придаточных частях изъяснительных предложений.

При рассмотрении линейной организации придаточных частей изъяснительных предложений был выявлен значительный массив таких конструкций, в которых сказуемое предшествует подлежащему. Теоретически можно допустить, что подобный порядок следования главных членов оформляют три типа актуального членения: 1) тип, соответствующий нерасчлененному высказыванию, при котором и сказуемое и подлежащее входят в состав комплексной ремы (тип Р); 2) тип, который соответствует расчлененному на тему и рему высказыванию: сказуемое – тема, подлежащее – рема (тип Т – Р); 3) тип, который также соответствует расчлененному высказыванию, но последовательность компонентов актуального членения уже не тема – рема, а рема – тема, т.е. сказуемое является ремой, а подлежащее – темой (тип Р – Т).

Наблюдения над материалом показывают, что порядок следования главных членов сказуемое – подлежащее в придаточных частях изъяснительных предложений обычно соответствует только первым двум из названных выше типов актуального членения – типу Р и типу Т – Р:

"Через секунду произошло чудо. Негр стал белым, красивым и не черным. Сомнений не было. Это был Тибул! "Ура!" – закричала кукла и вылетела из-за перегородки прямо на шею Тибулу. Клоун, который ничего не видел и решил, что произошло самое ужасное, упал с того, на чем сидел, и остался без движения" (Ю. Олеша. Три толстяка).

"Установка в этот раз была рассчитана на регистрацию солнечных нейтрино, строилась она 4 года, и в 1968 году пошли первые результаты измерений. Эти результаты были отрицательными – профессор Девис солнечных нейтрино не обнаружил. Результаты Девиса, конечно же, вызвали поток идей и мнений, в том числе и самых экстремальных. Кое-кто считал, что наступил второй солнечный кризис..." (Наука и жизнь. № 7, 1977), (тип Р).

"В это время раздались легкие шаги и шорох платья, Алексей Алексеевич понял, что вошла Мария"³ (А. Толстой. Граф Калиостро).

"Я сам еще мальчик, хотя и гимназист, и существование какого-то "чудо-мальчика" воспринимается мною чуть ли не

³ / – знак актуального членения.

с раздражением. "Чудо-мальчик!" Что это такое? Ладно, посмотрим. На арену вынесли большую грифельную доску – поменьше, чем в гимназии, однако в хорошем четырехугольнике и на подставке, и с тряпкой в меловой пыли на нижнем ребре. Трудно было предположить, в чем будет состоять этот следующий номер программы при таком аксессуаре. Впрочем, я успел заглянуть в чью-то программу по соседству и прочесть, что выступает / чудо-мальчик" (Ю. Олеша. Ни дня без строчки); (тип Т – Р).

Третий тип актуального членения – тип Р – Т – возможен лишь в особых условиях. Попытаемся определить их.

Для актуального членения изъяснительных предложений, а конкретнее, для актуального членения придаточной части, оказывается существенным характер средства связи главной и придаточной частей⁴. Так, наличие в придаточной части изъяснительных предложений союзного слова следующим образом определяет тип актуального членения: в придаточной части возможно выделение ремы, в состав которой входит союзное слово и сказуемое, и темы – подлежащего:

"Сема приехал на один день из Чаладид. Он уже работал у Габунии экскаваторщиком. Он виртуозно показывал, как шумит/экскаватор: свистел, гремел языком и лязгал воображаемыми цепями" (К. Паустовский. Колхида).

"Конечно, укус змеи неприятная штука. Дарелл впечатляюще описал, что чувствует / укушенный человек, но этот же яд и спасает от укусов, а нападает змея только в порядке самообороны" (Наука и жизнь, № 7, 1977).

В приведенных выше примерах в высказываниях, соответствующих придаточным частям, выделяются тема и рема, причем рема занимает препозитивное положение по отношению к теме – представлен, таким образом, тип Р – Т. Следует подчеркнуть, что подобную коммуникативную организацию имеют лишь определенные типы изъяснительных предложений. Это изъяснительные предложения с вопросительными местоимениями и наречиями ("что", "какой", "который", "сколько", "как" – наиболее частотное употребление, "куда", "откуда", "зачем"). Придаточная часть, хотя и вводится вопросительным словом, не является вопросительной по смыслу, так как вопросительность придаточной части снимается благодаря определенной семантике опорного слова – "опорное слово имеет значение осведомленности, обладания информацией"⁵.

⁴ На этот факт обратила внимание Л.В. Шешукова (см.: Шешукова Л.В. О порядке частей сложноподчиненных предложений. Дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук. М., 1973, с. 48).

⁵ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 707.

Коммуникативным заданием высказываний, соответствующих придаточной части с союзным словом "как"⁶, является сообщение о качественной характеристике действия, о характере его протекания. Поэтому союзное слово, заключающее качественную характеристику действия, и сказуемое объединяются в одном компоненте актуального членения – реме. Третий член грамматической структуры придаточной части – подлежащее – является темой⁷.

Важным для подобного типа актуального членения оказывается характеристика тематического компонента с точки зрения данного/нового, известного/неизвестного. Тематический компонент может обозначать только данное, уже известное из предшествующего контекста:

«И хотя после каждого налитого стакана Гранатуров, мрачно возвышаясь над столом, произносил: "Помянем лейтенанта Княжко", – и хотя было многолико, тесно, даже оживленно от множества людей, от гула участливого хмельного объединения, не хватало чего-то главного, нужного, не восполнимого ничем, и необоримая гнетущая пустота тоской разрывала душу Никитина. Если бы он сам не видел, как погиб / Княжко, как, ударенный очередью из окна мансарды, упал на колени и провел носовым платком по лбу, вроде бы пытаясь вытереть кровь, ему было бы легче во много раз» (Ю. Бондарев. Берег).

«Пожалуйста, Гена... – тихо сказала Наташа. – Если можешь...» Покойник вздрогнул: давно уже никто из нас не называл его по имени. Мы просто даже забыли, что его зовут Геной. Кажется, лишь в ту минуту Покойник по-настоящему понял, как волновалась / Наташа» (А. Алексин. Повесть Алика Деткина).

В таких случаях известность, данность тематического компонента является обязательным условием расчлененности высказывания, заключенного в придаточной части, на рему и тему⁸. Ес-

⁶ Придаточные предложения с союзным словом "как" выделяются прежде всего частотностью употребления. Поэтому целесообразным, на наш взгляд, будет рассмотрение их в качестве наиболее типичных для данного типа актуального членения, а следовательно, и для данного словопорядка.

⁷ Речь идет в этом случае о таких придаточных частях, в состав которых входят только союзное слово, сказуемое и подлежащее.

⁸ Ковтунова И.И. считает, что элементы данного в предложении в некоторых случаях "играют существенную роль в его актуальном членении" (см.: Ковтунова И.И. Современный русский язык..., с. 43).

ли же в придаточной части содержится только новая, неизвестная информация, то придаточная часть представляет собой нерасчлененное высказывание, отвечая, соответственно, иному коммуникативному заданию:

"Дед лег около пуньки, стараясь заснуть. Для этого он старался представить себе, как шумит лес, как ходит волнами рожь на буграх по ветру и шуршит, переливается, и слегка покачивался сам" (И. Бунин. Кастрюк).

"Начали спускаться. Зажурчала вода, отодвинулся снег. Покачивалась нить реки в двухверстной глубине, горы покрылись истертой травой; по узким серым тропам-горизонталям виднеются на серо-желтой траве вереницы желто-белых овечьих стад. Ниже показались сады и рожи. Опять шумит вода; уже громко шумит и скоро люди услышали, как шебечут птицы" (В. Шкловский. Лев Толстой).

В приведенных примерах высказывания, заключенные в придаточных частях, сообщают о событии в целом, без выделения исходного пункта сообщения, представляя собой, таким образом, комплексную рему, т.е. нерасчлененное высказывание.

В рассмотренных выше примерах придаточная часть была представлена лишь союзным словом и предикативной основой – сказуемым и подлежащим. В тех случаях, когда в придаточной части имеются и детерминанты, порядок следования компонентов актуального членения может быть различным. Порядок следования компонентов актуального членения, а следовательно, и тип актуального членения зависят от того положения, которое занимает детерминант в линейной структуре придаточной части. Если детерминант располагается между сказуемым и подлежащим, то он входит вместе с союзным словом и сказуемым в состав ремы. Комплексная рема, включающая союзное слово, сказуемое и детерминант, при этом предшествует теме, т.е. в таких высказываниях имеет место тип Р – Т:

"Шинель у меня была необычная: тонкого сукна, долгопоя, с длиннющим разрезом сзади, с острыми углами ворота и острыми отворотами рукавов. Не знаю, как могла залежаться на интендантском складе, где мне вручили обмундирование, / эта кавалерийская шинель эпохи первой конной" (Ю. Нагибин. Далеко от войны).

«Это пустяки, что дует, это даже приятно. Знаете, свежий воздух... А не сплю я... не сплю потому... – Он встал, потоптался на шинели босыми ногами. – Вы позволите закурить?" "Да, конечно, конечно". Он чиркнул спичкой, прикуривая. Отошел к окну – Тая следила, как плыл по комнате / огонек папиросы, как возник в окне темный силуэт, – курил, глубоко затягиваясь» (Б. Васильев. Были и небыли).

Если же линейная последовательность грамматических членов придаточной части: детерминант – сказуемое – подлежащее, то детерминант вместе с союзным словом выражает тему высказывания, сказуемое и подлежащее – его рему. Таким образом, меняется тип актуального членения – представлен уже тип Т – Р – и грамматическое наполнение компонентов актуального членения:

"Дул сырой мартовский ветер. Темное небо над освещенной улицей казалось черным, тяжелым пологом. Около колеблющихся в фонарях газовых рожков видно было, как из этой непроглядной темноты одна за другой / неслись белые снежинки" (И. Бунин. Вести с родины).

«"Баба, баба с неба свалилась!" – закричали двое голых детей лет семи-девяти и бросились к старушке, которая тут же обмякла от кровных ошеломляющих чувств. "Маманя! Маманя на личном автомобиле". Дуров увидел, как с крыльца шитового домика / сбегают, хохоча, Зинаида, красивая чудесная баба, как ни странно, в джинсах"» (В. Аксенов. Поиски жанра).

Соотнесенность компонентов актуального членения с данным/новым, известным/неизвестным оказывается существенной не только в тех случаях, когда придаточная часть представлена предикативной основой, но и при наличии детерминанта. Прослеживается следующая закономерность: тематический компонент обязательно соотнесен с данным непосредственно контекстом или является косвенно данным лишь в тех случаях, когда рема предшествует теме (см. примеры, приведенные выше). Когда же представлен такой тип актуального членения, где тема предшествует реме, тема может обозначать как данное, так и новое. В последнем примере в первом случае тема – косвенно данное, во втором – новое.

Расположение компонентов актуального членения Р – Т, как уже отмечалось выше, может также иметь место в высказываниях, соответствующих таким придаточным частям, где в качестве средства связи с главной частью выступает вопросительное местоимение "что". Для подобных высказываний, как и для анализируемой выше группы, характерно следующее наполнение компонентов актуального членения: в состав ремы входят союзное слово и сказуемое, темы – подлежащее. При этом тематический компонент всегда обозначает данное, известное из предшествующего контекста:

«"Если бы вы знали, как я завидую вам, девочкам рождения конца тридцатых годов!" Это была та самая неожиданность, из-за которой Нина Александровна любила и уважала директора, так как никогда не было дано знать, что скажет и сделает / Белобородова, человек, несомненно, интересный, смелый и умный» (В. Липатов. Повесть без названия, сюжета и конца...)

Если в рассмотренных выше высказываниях существенную роль в актуальном членении играло местоположение детерминанта (в зависимости от положения детерминанта в линейной структуре придаточной части находится тип актуального членения), то в анализируемых ниже примерах положение детерминанта несущественно для актуального членения – детерминант всегда входит в состав ремы:

«Пушин вкушает разнообразные плоды первой михайловской осени, и мы можем только угадывать, чем "потчевал" его / Александр Сергеевич.» (Н. Эйдельман, 11 янв. 1825 г.).

«Пушин вкушает разнообразные плоды первой михайловской осени, и мы можем только угадывать, чем его "потчевал" / Александр Сергеевич.»

И в первом и во втором случае имеет место такой тип актуального членения, при котором рема предшествует теме, хотя детерминант (субъектно-объектный детерминант) занимает то постпозитивное по отношению к сказуемому положение, то препозитивное.

Итак, наблюдения над словопорядком в придаточных частях изъяснительных предложений позволяют сделать следующий вывод: в высказываниях, соответствующих придаточным частям изъяснительных предложений, возможны все три типа актуального членения: тип Р, тип Т – Р, тип Р – Т. Однако если для первых двух – типа Р и типа Т – Р – нет ограничений, действующих только на уровне сложного предложения, то тип Р – Т имеет место в придаточных частях лишь в тех случаях, когда:

- а) сказуемое предшествует подлежащему;
- б) средством связи главной и придаточной частей является союзное слово;
- в) тема – подлежащее имеет жесткую соотнесенность с данным, известным из предшествующего контекста;
- г) в определенных типах и придаточных частях детерминант располагается постпозитивно по отношению к сказуемому.

О ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКОМ СТАТУСЕ СОЮЗНЫХ СКРЕП
"ХОТЯ..., НО"

Союзы понимаются в грамматической традиции "как такие неизменяемые неполнозначные слова, которые, не являясь членами предложения, служат грамматическим средством соединения синтаксических единиц (членов предложения или частей предложения) и в то же время выражают определенные логико-смысловые отношения между ними. Союзы характеризуются внутренней семантической целостностью, постоянством морфологической структуры, закреплением за ними строго определенного места в предложении"¹. Но такие "слова" находятся в языке на особом положении: они, как отмечал В.В. Виноградов, могут представлять собою цепочку слов, т.е. иметь "облик фразеологических единств и идиоматизмов"².

Это явно противоречит представлению о союзе как о слове. Поэтому мы будем определять союз, вслед за М.И. Черемисиной, как функтив³. Такой подход позволяет деление союзов "на простые и составные положить в основание структурной классификации этого множества"⁴.

Со структурной точки зрения массив составных союзов, в свою очередь, неоднороден. Они могут представлять собою сочетания

¹ Черкасова Е.Т. Русские союзы неместоименного происхождения. М., 1973, с. 9.

² Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972, с. 554.

³ Союзом мы будем называть функтив, который, не будучи членом предложения и возглавляя вводимое им синтаксическое построение, не только указывает на определенные смысловые отношения между элементами синтаксической конструкции, но и связывает их в одно целое. (См.: Черемисина М.И. Союз как лексическая единица языка (лексема или функция). – В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1973, с. 38).

⁴ Там же.

двух или более неоднозначных слов. Кроме того, их также можно разбить на подгруппы: на нерасчлененные (графические слова в них отделены друг от друга только пробелами) и расчлененные. К этой подгруппе относятся потенциально членимые функтивы (т.е. слова отделяются не только пробелами, но и запятой или полнозначным словом) и необходимо членимые, когда между составляющими обязательно есть запятая и полнозначное слово (или цепочка слов.) Например, функтив "хотя и" может быть расчленен полнозначным словом, а "хотя...", но" обязательно разделен полнозначным словом и запятой.

Составные союзы до сих пор оставались за границей русской фразеологии, но они характеризуются устойчивостью, единством значения (воспроизводятся в речи как единое целое), неизменной формой, а значит, их можно в известном смысле считать аналогами фразеологически связанных сочетаний.

Группу союзных функтивов, состоящих из двух или более слов и характеризующихся фразеологической связанностью, будем называть, вслед за Н.А. Сыромятниковым⁵, союзными предложениями.

В лингвистических работах намечена классификация союзных предложений с точки зрения их фразеологической связанности: союзные предложения (или идиомы), союзные единства и союзные сочетания⁶.

Ниже будет рассмотрена группа структурно однотипных союзных предложений: "хотя...", но", "хотя...", а", "хотя...", однако", "хоть...", ... да" и другие, которые характеризуются, как и союзные сочетания, известной смысловой самостоятельностью компонентов и расчленяемостью функтивов. Но в отличие от союзных сочетаний перечисленные функтивы являются необходимо расчлененными словоформой или цепочкой словоформ, а также графическим знаком — запятой.

Союзная конструкция, организуемая такими функтивами, имеет обязательно двучленную структуру: компоненты союзного предложения входят в разные части конструкции, возглавляя их. Второй компонент вместе со стоящим перед ним графическим знаком сигнализирует о границе между элементами конструкции.

⁵ Сыромятников Н.А. Система времен в новояпонском языке. М., 1971, с. 134.

⁶ Орлов А.Е., Черемисина М.И. Контактные сочетания союзов и частиц в русском языке. — В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980.

Цепочка словоформ, заключенная между составляющими функцива и возглавляемая первым компонентом, может быть различной длины: от одного полнозначного слова до полипредикативной структуры. Например:

"Ради бога, хоть не бога, но ради самих себя, опомнитесь" (Л.Н. Толстой. Записная книжка 1910 г.).

"Хотя он тоже провоевал три года в противотанковой артиллерии и не хуже пехотинцев знал, что такое грязь, холод и немыслимый физический труд передовой, но из-за неожиданного, в самый разгар войны, отъезда за границу у него было чувство оборванности своей военной судьбы" (К. Симонов. Дым отечества).

Союзная скрепа, как скоба, сцепляет два элемента конструкции, связывает их тесной, двусторонней зависимостью: первая часть, содержащая компонент функцива, требует обязательного следования второй части, которая в свою очередь предполагает первую. В отличие от простого союза "хотя", организующего обычную подчинительную конструкцию, в которой одна предикативная единица (не включающая в себя союза) доминирует над другой, содержащей союз, — союзные предложения нашего типа связывают взаимозависимые части.

Первым компонентом функцива является лексическая форма, которую мы представляем записью ХОТ' $\frac{\phi}{a}$ (компактное представление "хоть" и "хотя", различающихся материально по наличию отсутствия звука [а]). В современном русском литературном языке она реализуется в вариантах "хоть" и "хотя". В лингвистических работах они трактуются как фонетические варианты, употребляемые в различных стилях речи⁷.

Нами был проведен дистрибутивный анализ этих лексических форм, и выяснилось, что к середине XX в. между ними наметилось достаточно определенное функциональное разграничение: "хотя" тяготеет к союзной функции, а "хоть" специализируется как частица⁸. Например:

⁷ Такое представление прослеживается в работах: Коротаева Э.И. Союзное подчинение в русском литературном языке ХУПв. М.—Л., 1964, с. 188; Хандажинская А.И. Противительные и присоединительные конструкции с союзом "хотя (хоть)" в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дис. Л., 1965, с. 3; Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970 и др.

⁸ Перфильева Н.П. Являются ли ХОТЯ и ХОТЬ вариантами? — В кн.: Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции "Студент и научно-технический прогресс". Филология. Новосибирск, 1977, с. 64–70.

"А женщина все говорила и говорила о своих несчастьях, и хотя слова ее были привычными, у Сабурова зашемило сердце" (К. Симонов. Дни и ночи).

"Приезжай хоть на день (К. Паустовский. Телеграмма).

Однако последовательной, строгой противоположности между ними в современном языке еще нет, они могут иметь и тождественную дистрибуцию.

Все, сказанное выше о лексической форме хот' $\frac{\phi}{\alpha}$, относится к ней, когда она представляет собой "лексическую точку". Закономерно возникает вопрос: как ведет себя эта лексическая форма в составе союзных скреп — "хотя..., но"; "хотя..., однако"; "хотя..., а" и т.д., как относятся между собой функции "хотя..., но" ("хоть..., но"; "хотя..., однако") "хоть..., однако" и т.д.

Результаты дистрибутивного анализа этих единиц позволяют сделать вывод о свободном варьировании функций, а это означает, что первый компонент функции имеет два варианта.

"И хотя в Европе и Америке о политическом содержании "регей" посетители дискотек не задумываются, но на Ямайке о нем не забыли" (Ровесник, № 7, 1977).

"Хоть я всегда ожидал, что это когда-нибудь будет, но растерялся от неожиданности, душевное состояние не было приготовлено" (К. Симонов. Япония-46).

Схема: Хот' $\frac{\phi}{\alpha}$ ПЕ₁, но ПЕ₂, где ПЕ — предикативная единица.

Вторым компонентом союзного сочетания может быть любая единица из множества функций противительного-сопоставительного типа. К ним относятся:

1) союзы "а", "но", "однако":

"Есть три соседа у меня, хоть в руки книг они не брали, а вот профессорами стали, чтоб руки греть, как у огня". (Р. Гамзатов. Песня баламута).

"Хотя было еще рано, но ворота оказались запертыми" (В. Короленко. Дети подземелья).

2) частицы "все", "все же", "все-таки", "только":

"Хотя их байдара была пустая, все же они не могли утнаться за байдарой Лека" (Т.З. Семушкин. Алитет уходит в горы).

3) другие функции⁹ "зато", "тем не менее":

"Хотя новый главнокомандующий имел в своем распоряжении несравненно более войска, чем Меньшиков, тем не менее считал свое положение безысходным (К.М. Станюкович. Севастопольский мальчик).

⁹ В работах разных авторов до сих пор нет единого мнения относительно категориальной принадлежности некоторых функций, например, "тем не менее".

Вторая часть союзного предложения может также быть представлена сочетаниями:

"И хоть Василий выбрал для носилок самые тонкие жерди, но все же их концы толсты, трудно держать, пальцы не могут их обхватить. (В. Тендряков. Ухабы).

"Хотя все правильно, и для одной руки тоже нужна перчатка, но тем не менее подарить их было невозможно" (К. Симонов. Дым отечества).

Эти сочетания являются потенциально но необходимо разъемными, (ср.: "... но их концы все же толсты", "но подарить их тем не менее невозможно"), что объясняется способностью частиц иметь срединную локализацию.

Следует отметить, что в составе союзного предложения нет ни союзов, ни частиц, ни модальных слов, все они в составе союзной скрепы данного вида теряют свою категориальную принадлежность, и поэтому, строго говоря, называть второй компонент союзом, частицей, их сочетанием неверно.

Итак, рассматриваемые функции представляют достаточно большую (благодаря широкому варьированию второго компонента) группу функционально и структурно однотипных союзных предложений, о продуктивности которых можно судить по следующей таблице¹⁰.

Компоненты	Но	А	Однако	Да	Зато	Тем не менее	Все же	Все-таки	Только (не)	Общее количество
Хоть	39	21	6	8	5	1	1	-	1	82
Хотя	91	4	11	2	-	4	4	2	-	118
Итого	130	25	17	10	5	5	5	2	1	200

По данным таблицы, 75% составляет функция хот' $\frac{\phi}{\alpha}$..., но", и его можно считать ядром группы. Относительно высокочастотны союзные скрепы "хот' $\frac{\phi}{\alpha}$..., а" (12,5%), "хот' $\frac{\phi}{\alpha}$..., однако" (8,5%), "хот' $\frac{\phi}{\alpha}$..., да" (5%). На долю пяти остальных выпадает всего 9%.

¹⁰ Таблица составлена по данным сплошной выборки из произведений художественной литературы.

Рассматриваемые союзные предложения не зафиксированы в толковых словарях русского языка, в лингвистических же работах их определяют по-разному: как относительную пару уступительного и противительного союзов¹¹, как сосуществующие союзы в разных частях сложного предложения¹², как составные (двойные) союзы¹³, как союзные единства¹⁴. На наш взгляд, они составляют одну из групп союзных предложений, что не противоречит и применению к ним термина составные (сложные) союзы.

Каковы же их синтаксические возможности, их конструктивные свойства "как формальных элементов, создающих конструкции"¹⁵.

Конструкции, формальным стержнем которых являются союзные скрепы "хот' $\frac{\partial}{\alpha}$, но" и им подобные, достаточно разнообразны.

1. Границы союзной конструкции могут совпадать с границами сложного предложения, если они формируют синтаксический бином. Например:

"Хотя никаких неприятностей по службе с ним сегодня не произошло, но почувствовал он себя довольно гадостно" (Е. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Сюда же относится случай включения синтаксического бинома в полипредикативную структуру. Например:

"Сведения эти почерпнуты, очевидно, из разговоров окружающих ее лиц, и хотя мы не знаем, все ли в них достоверно, однако заслуживает внимания, что именно говорилось о Екатерине Дантес в семье" (Октябрь, 1976, № 1).

2. Союзная скоба может организовывать конструкцию, границы которой не совпадают с границами предложения (имеется в виду как простое предложение, так и синтаксический бином).

¹¹ Руднев А.Г. Синтаксис современного русского языка. М., 1963, с. 231, 315; Чин Суан Тхань. Сложные предложения, выражающие уступительно-противительные отношения в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дис. М., 1971, с. 3.

¹² Семинихин В.П. О союзах. - Рус. язык в школе, 1956, № 6, с. 20; Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 1977, с. 118.

¹³ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 640.

¹⁴ Прияткина А.Ф. Союзные конструкции в простом предложении. Автореф. докт. дис. М., 1977, с. 10.

¹⁵ Там же, а. 7. Конструкция - "это построение, включающее более двух составляющих и более одного грамматического показателя связи" (там же, с. 16).

В синтаксическом биноме за пределами союзной конструкции могут оказаться обстоятельственные, объектно-субъектные детерминанты. Например:

"Сегодня хоть нет дождя, но хмурится, ветренно, холодно" (Ф.М. Достоевский. Из частной переписки).

"Над хвастунами хоть смеются, а часто в дележе им доли достаются" (И.А. Крылов. Заяц на ловле).

В пределах простого предложения встречаются оба "основных" типа союзных конструкций: 1) конструкции с параллельными членами и 2) конструкции с подчинением словоформ (вторичная союзная связь)¹⁶.

А. Основному виду конструкций с параллельными членами - ряду однородных членов, несомненно, принадлежит первое место в системе союзных конструкций простого предложения, организуемых функцивами "хотя...., но" и т.д.

Функцивы могут организовывать ряд сказуемых ("... Левин хотя жил один, но топил и занимал весь дом" (Л.Н. Толстой. Анна Каренина); определений ("Я высунул нос из-под одеяла ... и хотя заспанными, но сердитыми глазами окинул Карла Иваныча" (Л.Н. Толстой. Детство); дбполнений ("Хоть жену готов упустить, только не Миловидовку" (И.С. Тургенев. Однодворец Овсянников), могут вводить группу обособления при имени существительном, местоимении ("Ради бога, хоть не ради бога, но ради самих себя, опомнитесь" (Л.Н. Толстой. Записная книжка 1910 г.)).

Б. Достаточно активно союзные скрепы рассматриваемой группы формируют конструкции с вторичной союзной связью, когда "союз не меняет сложившегося на основе связи словоформ синтаксического отношения, а создает новое отношение, конкретный смысл которого воплощается в союзе"¹⁷. Например:

"Хоть ненадолго, а в доме появился хозяин" (С. Антонов. Тетя Луша.).

"Разговаривая таким образом, они хоть медленно, но все-таки продвигались" (В. Соллогуб. Тарантас).

Как известно, функция союзов как конструктивных элементов предложения является главной, но не единственной. Многие союзы могут выступать в роли межфразовых союзных элементов, например, союзы "но", "однако". Но рассматриваемые нами союзные предложения к этой функции не склонны. Нами не встречено ни одного примера употребления рассматриваемых союзных скреп в этой функции.

Таким образом, статистически их функции оцениваются следующим образом:

¹⁶ Прияткина А.Ф. Союзные конструкции..., с. 26.

¹⁷ Там же, с. 30.

Функция	Организация синтаксического бинома	Конструкции с параллельными членами	Конструкции с вторичной союзной связью	Межфразовое связывание
Количество	159	32	9	-

Видимо, организация бипредикативного предложения является основной функцией союзных скреп этого типа, а конструктивные возможности функтива в простом предложении можно рассматривать как периферийные, второстепенные. Следовательно, можно достаточно уверенно отнести эти скрепы к специализированным союзным скрепам, ибо не все союзные функции им свойственны.

Подводя итоги, следует еще раз отметить, что все множество союзных речений с ядром "хот' $\frac{\alpha}{\alpha}$..., но" является структурно и функционально однородным. Все они формируют бинарное построение, обе части которого, соединяясь, как скобой, воедино, оказываются взаимозависимыми; связь между ними отчасти подобна связи между подлежащим и сказуемым в предложении.

Рассмотренная группа функтивов достаточно обширна, все они являются фактом языка. Поэтому в терминологической союзной системе важно найти точное место для них, тем более, что в русском языке существуют подобные группы функтивов, например, "как ни..., но"; "что ни..., но"; "какой ни..., но" и т.д.

Большую роль для связи частей сложноподчиненного предложения (СПП) имеют различные слова и сочетания в главном предложении (ГП), которые в той или иной мере репрезентируют, дублируют, поясняют или уточняют придаточное предложение (ПП) либо, наоборот, раскрываются или уточняются в ПП. Обычно их называют соотносительными словами, коррелятами, а иногда союзными или экспликативными частицами. При достаточно широком понимании в состав соотносительных слов можно включить компоненты самых различных видов сочленения ГП и ПП. Советские англисты имеют тенденцию расширять класс соотносительных слов, поскольку в русском языке (как, впрочем, в ряде других европейских языков) он более распространен, чем в английском. Например, В.А. Храменкова включает в число коррелятов личные и указательные местоимения, наречия *now, then, here, there, somewhere*; неопределенные местоимения *all, one, much, many, somebody, everything, anyone* и др.; прилагательные *very, only*; отглагольные существительные *assurance, belief* и др.; нуждающиеся в контекстном уточнении существительные широкой предметной отнесенности *fact, time, place, type, thing, way, person* и др.; достаточно конкретные существительные, наиболее часто употребляемые, например, *day, hour, man, woman*¹.

Если понимать соотносительные элементы так широко, то их можно найти в большинстве СПП, так как любое дополнительное, подлежащее или предикативное ПП невозможно идентифицировать и семантизировать, не зная его позиции по отношению к какому-то центру подчинения в ГП, а адъективные ПП немислимы без антецедента. Но при таком подходе понятие соотносительного слова теряет какую-либо ценность.

¹ Храменкова В.А. Употребление коррелятов в современном английском языке. - Учен. зап. 1-го МГПИИЯ им. М. Тареза, М., 1968, т. 39.

В индоевропейских языках соотносительную связь, или корреляцию, понимают обычно как зависимость между частями СПП, выражаемую маркерами, соответствующими друг другу морфологически: лат.: *tantus - quantus* 'столько - сколько'; фр.: *tel - quel* 'такой - какой'; нем.: *der - wer* 'тот - кто'; англ. *then - when* 'тогда - когда'² и материализующими формулу *t/k*³.

Для современного английского языка соотносительная связь не характерна. На первых этапах исторически засвидетельствованного развития СПП корреляция в английском языке использовалась довольно широко из-за недостаточно отработанной системы гипотаксиса⁴. Но по мере уточнения основных средств связи ГП и ПП роль соотносительных слов уменьшается⁵. "Параллелизм построения, находящий себе отчетливое выражение при употреблении коррелирующих частиц, не характерен для основного направления, в котором идет развитие английского предложения... Уничтожение корреляции, наблюдающееся в позднем среднеанглийском языке, и объединение частей сложноподчиненного предложения путем одного специального служебного слова... оканчивается проявлением той общей тенденции к компактности построения, которую мы выделили как характерную черту синтаксической структуры английского языка"⁶. Основными средствами сочленения частей СПП служат их вклинение в структурно-семантический состав друг друга, система дифференцированных коннекторов (т.е. подчинительных союзов, союзных и относительных слов), кореферентные горизонтальные связи. Индоевропейская корреляция

² Tesnière L. *Eléments de syntaxe structural*. Paris, 1959, p. 545.

³ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 683-684.

⁴ Ярцева В.Н. Развитие сложноподчиненного предложения в английском языке. Л., 1940, с. 11; Она же. Исторический синтаксис английского языка. М.-Л., 1961, с. 260.

⁵ Ярцева В.Н. Развитие сложноподчиненного предложения в английском языке, с. 70; Сизов К.В. К вопросу о развитии корреляции в сложноподчиненном предложении в английском языке. Учен. зап. Горьковского ГПИИЯ, вып. 14, 1959; Фридман Х.Х. Развитие корреляции в обстоятельственных предложениях в английском языке. Канд. дис. М., 1950.

⁶ Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка, с. 277-278.

по формуле *t/k* занимает в системе связей ГП и ПП незначительное место и сильно преобразовалась. Сочетания коррелята с относительным словом (*that - which*) образовали конденсированные союзные слова (*what*). Принцип соотносительного сочленения сохранился как вспомогательный механизм связи⁷.

Обычно соотносительность расценивается как синтаксическая связь, а разрыв между соотносительным словом в ГП и коннектором в ПП - как перерыв в синтаксической непрерывности⁸. Мы расцениваем ее, наоборот, как единство на расстоянии, базирующееся на местоименной анафоре (дейктическом указании на предшествующие отрезки текста) или катафоре (указании на последующие отрезки), которую нельзя считать грамматическим отношением⁹. Соотносительные слова отстоялись в языке как особое средство связи и составляют конечный список. Они специализировались для обслуживания только СПП, но их отсутствие не меняет классификационную принадлежность ПП. Они употребляются только в СПП с аналитическим сочленением ГП и ПП, в которых характер связи между частями передается исключительно или преимущественно с помощью лексического содержания коннектора. Мы делим соотносительные слова на усилители и корреляты, между которыми имеются переходные и смешанные разновидности.

I. Усилители располагаются дистантно по отношению к коннектору в начале постпозитивного ГП и служат для обозначения границы между ПП и ГП, усиления и осложнения связи между ними, а иногда для вычленения ГП в речевой цепочке сложной и запу-

⁷ Фридман Х.Х. Развитие корреляции..., с. 157; Ярцева В.Н. Развитие сложноподчиненного предложения в английском языке, с. 71; Черепанов А.М. Развитие придаточного предложения следствия в английском языке. Дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук. Л., 1947, с. 108-111.

⁸ Иофик Л.Л. О типах предикативных единиц в английском языке. - Учен. зап. ЛГУ, № 301. Сер. филол. наук, вып. 60. Л., 1961, с. 121; Nida E.A. *A synopsis of English syntax*. The Hague, 1966, p. 142; Карпова Л.В. О дифференциальных признаках на синтаксическом уровне. (На материале сложноподчиненных предложений с коррелирующим сочетанием в современном английском языке.) - Учен. зап. Горьковского ГПИИЯ им. Н.А. Добролюбова, 1967, вып. 34, с. 301; Прияткина А.Ф. Союзные конструкции в простом предложении в современном русском языке. Дис. на соискание учен. степени докт. филол. наук. Владивосток, 1977, с. 53.

⁹ См.: Hudson R.A. *English complex sentences*. (An introduction to systemic grammar.) Amsterdam - London, 1971, p. 32.

танной структуры. Например:

"And if she loved that Yankee and he got the medal they said he got when she went to Washington then why wouldn't she talk about it...? (Spencer).

Усилители не являются членами ГП, — их можно опустить со снятием эмфазы. Они соотносят содержание ГП с ранее высказанным ПП и указывают на ремю в ГП.

Обстоятельственные придаточные можно разделить по смысловой связи между ГП и ПП на две группы: гармоническую (причинные ПП, условные, целевые и следственные) и контрастную (ПП уступки, обобщения, исключения и ограничения)¹⁰.

Гармоническая группа ПП обслуживается усилителем then, а контрастная — усилителями yet, still, nevertheless, but, at least. Усилитель дублирует смысловое соотношение между ПП и ГП и включает в себе указание на вывод. Например:

"If he is your friend", he said "then he is my friend, also" (Robbins).

"Since that was impossible, then the identification was worthless..." (Christie).

"Even the minor domestic noises of today, beneficial in action though they may be, yet carry a kind of alert" (Christie).

"Whatever had been going on, at least she did not connect Herbert Johnson with it" (Rinehart).

Гармонический усилитель then с союзом if образует одну из самых распространенных скреп, особенно в научной прозе. Контрастные усилители совпадают со средствами связи противительных сложносочиненных предложений, поэтому некоторые грамматисты еще не определили своего отношения к ним, другие отрицают их. Наблюдения, однако, показали, что они распространены в языке лучших писателей.

Описание усилителей не было бы полным без трех дополнений.

1. Усилители могут вместо дублирования связей выражать их самостоятельно.

А. Они могут усложнять смысловую зависимость ПП и ГП, когда они соотносятся с придаточным противоположной группы, например, гармонический усилитель с придаточным ограничения:

"As far as it is possible for a dead flat monotone voice to assume an overtone of warmth, then Uncle Arthur's did just that" (Maclean).

"Unless the confidence of black workers can be won for union activity, then there is a danger that they will opt out of the labour movement" (Morning Star).

¹⁰ Биренбаум Я.Г. Причинно-следственный куб. — В кн.: Способы выражения полипредикативности. Новосибирск, 1978, с.19-37.

Б. Контрастные усилители могут сигнализировать о приобретении союзом if уступительного значения при свертывании ПП:

"Perrault, if a little beyond such human passions as friendship or affection, was yet endowed with a rich benignity of mind..." (Hilton).

В. Они могут уточнять значение полифункциональных союзов, в частности, значение уступки и контраста у союзов if, when, while. Например:

"While he would never admit it, yet he put justice above the letter of the law..." (Thompson),

Сочетание even if имеет обычно уступительную семантику, которая может подчеркиваться контрастным усилителем (а), но иногда это сочетание остается условным союзом, что маркируется гармоническим усилителем (б): (а) "Gregory said: "If things work out". Dan answered, "They will And even if they don't, at least he's in there pitching". (Sunnann); (б) "... even if we left moral judgement out, even then it was unthinkable for a sensible man to drop the bomb" (Snow).

2. Обычно вместе с союзно-усилительными парами if — then, though — yet приводят еще when (while, once, after, the moment, as soon as) — then, where (wherever, whither) — there (thither), as (since, because, whereas) — therefore, by how much — by so much, by what degree — by that degree, as (in proportion as) — so, as surely as — so surely, as long as — so long¹¹.

"... as long as the man was on the train, then he wasn't telephoning out..." (Lyall).

¹¹ Карпова Л.В. О дифференциальных признаках ... с. 709; Poutsma H. A grammar of late modern English for the use of continental especially Dutch students. Part I. The sentence. Groningen 1928-1929; Part II. The parts of speech. Groningen, 1926, p. 435, 455, 523-524; Bryant M. A functional English grammar. Boston, 1945, p. 290; Curme G.O. Syntax. A Grammar of the English Language. D.C. Heath and Company, 1931, p. 295; Fernald J.C. Connectives of English speech. N.Y. — L., 1904, p. 267; Standard handbook of prepositions, conjunctions, relative pronouns and adverbs. By Funk and Wagnalls editorial staff. N.Y., 1953, p. 39, 51; Nosek J. Studies in Post-Shakespearean English adverbial clauses. Acta Universitatis Carolinae — Philologica, N 2, p. 51, 138; Longacre R.E. Sentence structure as a statement calculus, Lg, 1970, vol. 46, No 4, p. 787, 801; Фрид-

"Wherever men come together who love painting, there the name of Vincent Van Gogh will be sacred" (Stone).

"Because the soup was very hot, therefore we couldn't eat it" (Longacre).

"As surely as you had eggs and bacon for breakfast, so surely you had a chop for supper" (Knox).

Однако then, there, so и т.д. нельзя считать настоящими усилителями, хотя они выполняют такую же роль и имеют ряд общих свойств. Различие заключается в совпадении значений союза и соотносительного слова в плане семантического разряда придаточного. В этом случае then, there, so и другие коррелянты придаточному, но передают более широкий денотат, под который подводится ситуация, выраженная в придаточном. Эти соотносительные слова служат приложениями ко всему придаточному и членами предложения в ГП. Будучи членами предложения, они могут определять порядок слов в ГП: "As a novice is beaten when he misplaces the cup so am I beaten" (Kipling). В отличие от истинных усилителей, усилители-приложения имеют оттенок архаичности и, по-видимому, выйдут из употребления. Даже наиболее частотный из них then с придаточным времени отмечается как редкий (W. Franz, H. Poutsma), а, по нашим подсчетам, на материале 1026 страниц в 16 раз реже истинного гармонического усилителя и в 23 раза реже контрастного. Усилитель-приложение может также выполнять одну функцию многозначных союзов, — с as, since усилитель therefore указывает на причинную связь, с as усилитель so — на качественную, с the moment усилитель then регистрирует переход существительного во временной союз. Возможно, что редкое их употребление связано с их промежуточным положением в системе соотносительных слов между усилителями — не членами предложения, и коррелятами — членами предложения.

3. Этому выводу противоречит относительно большая распространенность универсального усилителя-приложения that, который, кроме усилительной, разграничивающей, рематизирующей и суммирующей роли, еще фиксирует именную синтаксическую позицию ПП в ГП. В этом отношении, как мы увидим ниже, он напоминает коррелят, и его можно назвать коррелирующим усилителем.

ман Х.Х. Развитие корреляции..., с. 147; Структурный синтаксис английского языка. Под ред. Иофик Л.Л. Л., 1972, с. 126, 130; Южакова В.И. Структурно-вероятностный анализ and, so и then как средств связи слов и предложений. Автореф. канд. дис. Л., 1973, с. 6, 10, 21-22.

Он обслуживает именные придаточные, а также адвербиальные ПП времени, причины и особенно часто условия:

"Whether it was the thrusting forward of his head, or the glisten of fine whitish hairs on the ruddy cheekbones, or bright, keen eyes, that can never be said..." (Lawrence).

"When you see an opportunity, that's the time to speak" (Crick).

"If one's desires are strong enough — that is what matters" (Christie).

П. Корреляты обычно также располагаются дистантно от союзов, вводящих придаточное, но не после, а до них. В отличие от усилителей сами они не обозначают границы между ГП и ПП, но выполняют эту роль вместе со своим союзом, поскольку после коррелятов союзы всегда стоят в начале ПП. Как и усилители, корреляты входят в ту из предшествующих придаточному предикативных единиц, которая служит его ГП, и этим указывают на нее. Например:

"And then he spoke so ingenuously and sincerely, of the sacrifice he made in withdrawing himself for a time from Ada and of the earnestness with which he aspired — as in thought he always did, I know full well — to repay her love, and to ensure her happiness and to conquer what was amiss in himself, and to acquire the very soul of decision that he made my heart ache keenly, sorely" (Dickens).

Коррелят, как и усилитель, служит для выделения и усложнения связи между ГП и ПП. Но если у усилителя, как говорит само название, основной является первая функция, то особенность коррелята — в усложнении синтаксической связи между ПП и ГП, так как он маркирует еще одну функцию придаточного по отношению к главному. Анафора, свойственная усилителям, заменяется на катафору, а формула соотношения с коннектором, вместо k/t становится t/k , поскольку придаточное всегда постпозитивно. Коррелят в ГП без ПП по содержанию не завершен, что делает коррелятную связь очень тесной¹². Значение коррелята реализуется не в самом себе, а через соединение с ПП. Оповещая о последующем ПП, коррелят служит источником напряжения, которое разрешается с появлением ПП¹³. Если отсечь придаточное, то

¹² Пospelов Н.С. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы. — Вop. языкознания, 1959, № 2, с. 24; Zawadowski L. On the syntactic function of the clauses of result. Wroclaw, 1953, s. 7.

¹³ Амешкян Д.Е. О некоторых синтаксических конструкциях,

предложение останется незаконченным, как бы повиснет в воздухе, а коррелят переосмыслится в анафорическое местоименное слово с сильным эмфатическим зарядом, характерное для так называемого schoolgirl diction¹⁴: "Can you guess how such a man at such a moment would read such a signal?" (Chesterton).

В модели частей речи и членов предложения единство коррелята и ПП понимается как один прерванный член предложения, который определяется по роли коррелята в структуре ГП (таково мнение многих русистов: С.И. Абакумова, В.М. Никитина, В.Н. Мигирина, И.Г. Чередниченко, Е.В. Кротевич, А.Б. Шапиро, И.А. Василенко) и германистов¹⁵. Поскольку коннектор и другие средства связи маркируют одну функцию придаточного (сравнение, следствие, причина), а коррелят – другую, все коррелятные придаточные бифункциональны. Перечень коррелятов, сочетающихся с ними союзов и обслуживаемых ими разрядов придаточных дается в табл. 1.

Таблица 1

№№ пп	Разряд придаточного	Коррелят	Коннектор
(1)	Следственный	<u>so</u> <u>such</u>	<u>that</u> / $\emptyset$ <u>that</u> / $\emptyset$
(2)	Причинный	<u>the</u> - <u>er</u>	<u>that</u>
(3)	Гармонически-сравнительный	<u>as</u> , <u>so</u> <u>such</u> (<u>the</u>) <u>same</u>	<u>as</u> <u>as</u> <u>as</u>
(4)	Гипотетически-сравнительный	<u>as</u>	<u>as if</u> <u>as though</u>
(5)	Контрастно-сравнительный	- <u>er</u>	<u>than</u>

выражающих целевые отношения в современном русском языке. Ереван, 1960, с. 23; Boost K. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. Berlin, 1955, S. 71-72.

¹⁴ Zeiger A. Encyclopedia of English and dictionary. N. Y. 1947, p. 237-238.

¹⁵ Кобрин Н.А. Вставные предикативные единицы, оформленные по типу части сложноподчиненного предложения. – В кн.: Син-

(1) "... she was in such a state of mind, there was simply nothing I could do" (Osborne).

По функции коррелята следственное ПП является еще определением к существительному state.

(2) "He made the sacrifice, and it was the greater that he knew the extent of it". Придаточное причины одновременно выполняет роль предиката. Такие придаточные отмечаются О. Есперсеном, у которого мы заимствовали пример, и рядом других англистов¹⁶. Такие придаточные передают добавочную, но очень существенную в описываемой ситуации причину (ср. рус. "тем более, что"). В современных текстах они встречаются редко.

(3) "She was as tall as I was" (Harris). Гармонически-сравнительное придаточное по функции коррелята as является одновременно квантификатором к прилагательному tall.

(4) "He slid past me carefully... as carefully as though he feared I might plant a kick..." (Mysteries). Гипотетически-сравнительное придаточное является также квантификатором наречия carefully.

(5) "I knew more about... love... betrayal... and death... than you will probably ever know all your life" (Osborne). Контрастно-сравнительное прида-

таксис сложного предложения германских языков. Л., 1973, с. 27; Сизов К.В. К вопросу о развитии корреляции..., с. 79; Григоровская Н.М. К вопросу о сочетаемости Р(Рс) the fact that. – Учен. зап. МГПИ им. Н.К. Крупской. М., 1972, т. 249, вып. 25, с. 134; Биренбаум Я.Г. Подчинительные союзы в простом предложении (на материале союзов as, than, as if и as though). Дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук. Л., 1962.

¹⁶ Jespersen O. A modern English grammar on historical principles. Parts I-VII. London. – Copenhagen, 1961 and 1965, s. 391; Poustma H. A grammar of late modern English for the use of continental especially Dutch students. Part I. The sentence. Groningen 1928-1929; Part II. The parts of speech. Groningen, 1926, s. 1461; Masuya Y. Functions of the connective "that" in present-day English. Studies in English grammar and linguistics. A miscellany in honour of Takanobu Otsuka. Tokyo, 1950, s. 134-135; Onions C.T. An advanced English syntax. L., 1932, s. 51; Четыркина В.Ф. Причинно-следственные связи в сложном предложении в современном английском языке. Автореф. канд. дис. Л., 1954, с. 8; Юрин А.В. Причинные союзы в современном английском языке. Автореф. канд. дис. М., 1961, с. 13; Структурный синтаксис английского языка, с. 130.

точное служит дополнением к глаголу *knew* по функции коррелята *more*. Кроме компаративов, в качестве коррелята, этот разряд может иметь еще *other, else, different*. Например: "...he had nothing else than his majority to come into..." (Dickens)

В табл. 2 приводится относительная частотность коррелятных придаточных в перечисленных пяти разрядах по сплошной выборке в 1026 страниц.

Таблица 2

Разряды придаточного	Следственный	Причинный	Гармонически сравнительный	Гипотетически-сравнительный	Контрастно-сравнительный
Всего примеров	196	-	343	155	-
Из них с коррелятом	143	0	173	6	Все
%	71,9	0	50,5	3,8	100

Мы видим, что причинные придаточные почти не употребляются с коррелятом (мы не нашли примеров), а контрастно-сравнительные без коррелятов невозможны.

Широко распространено мнение, что коррелят и союз образуют парный (двойной, расщепленный) союз, т.е. являются одной прерванной лексической единицей¹⁷. При внимательном рассмотрении оказывается, что это мнение ошибочно. Коррелят во многих разрядах не обязателен, и один союз может иметь несколько коррелятов

(б), даже различных (а). Если коррелят выражен словом, то он принадлежит к части речи (наречие, прилагательное, местоимение), отвечает на вопрос в предложении и служит его членом. Коррелят может иметь зависимые слова (б), получать лексическое ударение. Все эти свойства нехарактерны для союза или его части:

(а) "And he was so good-natured throughout, and in such high spirits, and so fond of Ada, that it was very difficult indeed to be otherwise than pleased with him" (Dickens).

(б) "The garage-man was as neat and as clean and as immaculate and even as shining as his garage" (Andemars).

Ближе всего к части парного слова находится наречие-коррелят *as*, так оно обычно неударно и очень редко употребляется без союза *as*. Но и оно, как видно из (б), может иметь зависимые слова и выступать в одном ряду с другими коррелятами (в парных союзах при связи более одного члена повторяется не первая, а вторая часть: *both ... and ... and; either ... or ... or..*), т.е. является таким же коррелятом, как и другие.

Компаративы содержат в себе коррелят, поскольку без компаратива *than* ПП не употребляется. Но компаративы не могут быть коррелятами, поскольку относительные слова, как любоеграмматическое средство, должны составлять конечный перечень, иначе грамматическая система не сможет функционировать, а количество прилагательных и наречий, имеющих сравнительную степень необозримо. Уже это общее соображение показывает, что коррелятом служит не весь компаратив, как мы считали раньше¹⁸, а только лишь морфема сравнительной степени¹⁹. Это хорошо иллюстрируется параллелизмом функций компаратива не с коррелятом гармонически-сравнительной конструкции, а с тем прилагательным или наречием, которому этот коррелят подчинен: "I knew German as well as I knew English, and the Niebelungen lied better than I knew Chaucer" (Harris).

Но поскольку морфема *-er* или ее аналитический эквивалент члена предложения не образует, мы определяем вторую функцию *than* ПП на один узел выше по дереву подчинения, т.е. по син-

¹⁷ Standard handbook of prepositions, conjunctions, relative pronouns and adverbs. By Funk and Waghalls editorial staff. N.Y., 1953, s. 39; Fernald J.C. Connectives of English, N.Y. - L., 1904, s. 267; Hathaway B. A transformational syntax. The grammar of modern American English. N.Y., 1967, s. 147; Комаров А.П. Система средств выражения причинно-следственных отношений в современном немецком языке. Автореф. докт. дис. М., 1973, с. 17-18.

¹⁸ Биренбаум Я.Г. Подчинительные союзы в простом предложении (на материале союзов *as, than, as if as though*). Канд. дис. Л., 1962; Mätzner E. Englische Grammatik, II Theil. 1 Hälfte. Berlin, 1860, S. 417; Ардентов Б.П. Подчинительные союзы и их омонимы. (На материале современного русского литературного языка.) Канд. дис. Л., 1941, с. 174.

¹⁹ Faulkner C.W. Writing good sentences. N. Y. 1957, p. 1.

таксической роли самого компаратива, однако с учетом того факта, что придаточное всегда служит квантификатором этого компаратива.

Наблюдается тенденция к иррадиации коррелятной функции на окружающие слова с образованием утяжеленных коррелятов, например, (in) the same way²⁰: "You don't behave the same way as the average" (Bellow). При контактном расположении с союзом образуются составные союзы, – следственный so much so that, гармонически-сравнительные insofar as, as well as, контрастно-сравнительные any more than, any better than. Например:

"...the two men who make rather rigid attempts at briskness... succeed only insofar as two walking sticks in summer cold suits might" (Mc Hugh).

Иногда вместо such коррелятом может служить the kind (sort) of или that. That в разговорной речи заменяет so: "I'm that bewildered I hardly know what I'm saying" (Priestley).

III. Между усилителями и коррелятами можно выделить три промежуточных разновидности соотносительных слов.

1. Местоимение that распространено перед антецедентом адъективного придаточного: "... she was using that oblique form of flattery, which delights a father by telling him how stupid he is in comparison to his son" (Snow). Препозиция, роль члена предложения в ГП и общая формула соотношения t/k объединяют это местоимение с коррелятом, а ненагруженность в плане порождения бифункциональности придаточного – с усилителями. That служит определением к антецеденту, а так как последующее придаточное служит определением к тому же антецеденту, то соотносительное слово that не конституирует еще одной синтаксической функции, а только усиливает определительную связь. Можно его назвать усилительным коррелятом.

2. Экспликативно-сравнительные предложения связываются парным сочетанием the с компаративом: "The more I know about you, the better I will be able to decide" (Pobins). Исследование показало, что эти построения представляют собой СПП с ПП в препозиции²¹, поэтому из двух одинаковых

²⁰ Hylis B. The structure of modern English. M.-L. 1965, s. 312-313.

²¹ Биренбаум Я.Г. Пропорционально-сравнительные сложно-подчиненные предложения. (История и теория). Лексико-грамматическая сочетаемость в германских языках, вып. 2. Челябинск, 1977.

сочетаний the + компаратив первое служит коннектором, а второе – соотносительным словом. Если за связующее средство принять весь компаратив, то коннектор будет союзным словом, а соотносительное слово – коррелятом²². Но в действительности, как говорилось выше, и коннектором и соотносительным словом служит не весь компаратив, а только морфема сравнительной степени er. Тогда сочетание the + er можно оценить как союз в ПП и усилитель в ГП²³. В пользу такой интерпретации говорит их порядок. Коннектор является полусоюзным словом, а соотносительное слово – полукоррелятом – полусилителем. Полукорреляты – полусилители консолидируют связь между частями предложения, маркируют границу между ними и рематизируют ту группу, в которую входят.

С полусилителем – полукоррелятом может употребляться не только экспликативно-сравнительное придаточное, но и условное, хотя такое построение находится, по-видимому, на грани грамматичности: "And if he should be puzzled, the more he must be pained" (Wouk).

3. Еще одним единством на расстоянии, которое обычно рассматривается как сочетание соотносительного слова и коннектора, являются no sooner – that²⁴ и синонимичные пары scarcely (hardly, barely) – when (before). Обслуживаемые ими сложные предложения передают быструю смену событий в первой и второй частях, неполную завершенность действия в первой и внезапное начало непосредственно следующего действия во второй, без уточнения момента смены действий. Например:

(a) "No sooner had the hour of three struck and whizzed, than she left the room..." (Hardy).

(б) "He had barely stepped out into the hall when he heard Farnworth speak sharply to Nella" (Kelley).

(в) "An instant later, his feet were on my shoulders, but he was hardly up before he was down again" (Conan Doyle).

²² Fowler A.W. and Fowler F.G. The King's English. Oxford, 1958, s. 78-79; Palmer H.E.A. grammar of spoken English. Cambridge, 1924, p. 207.

²³ Poustma N. A grammar of late modern English for the use of continental especially Dutch students. Part I. The sentence. Groningen 1928-1929; Part II. The parts of speech. Groningen, 1926, p. 523-524.

²⁴ Иофик Л.Л. Некоторые особенности сложноподчиненных предложений в современном английском языке. – Учен. зап. ЛГУ, № 233. Сер. филол. наук, вып. 36. Л., 1958, с. 94; Структурный синтаксис английского языка, с. 127; Кобрин Н.А. Вставные предикативные единицы..., с. 34-35.

Эти сложные предложения вызвали многочисленные разногласия. Считать ли их сложносочиненными предложениями или СПП, а если СПП, то какая часть является ПП? Особенностью этих предложений является то, что они служат формальной структурой для выражения инверсии, характерной для темпоральных *when* ПП и *before* ПП без соотносительных слов. При инверсии придаточное предложение берет на себя роль главного, а главное служит при нем обстоятельством времени. В рассматриваемых построениях с соотносительной связью очевидно, что *when*, *than* и *before* являются союзами, вводящими придаточные предложения, а *no sooner*, *barely*, *hardly*, *scarcely* служат соотносительными словами в ГП. Об этом говорит обязательное начальное положение первых в своей предикативной единице и преобладающее нена начальное положение вторых (б), (в), а также обратный порядок слов в ГП (а). Соотносительная связь осуществляется по формуле t/k , и *no sooner* вносит в связь временную сему, которая не свойственна союзу *than* в современном языке. Это характеризует сочетание *no sooner* как коррелят. Союзы *when* и *before* сами осуществляют темпоральную связь, так что *scarcely*, *hardly*, *barely* могут расцениваться только как ограничительные частицы, как усилители в необычной для них препозиции. *No sooner* невозможно элиминировать из предложения, а без *scarcely*, *barely*, *hardly* цельность всей конструкции и значение инверсии иногда сохраняется: "Breakfast was (scarcely) over when a servant from Netherfield brought the following note for Elizabeth..." (Austin). Несмотря на различия, все рассматриваемые построения включаются в одну и ту же модель, что подтверждается длительной традицией грамматического описания и отдельными примерами контаминации, когда "обмениваются" компоненты соотносительно-коннекторных пар: "... the word of command was scarcely uttered than obeyed ..." (Ruffini). И коррелят *no sooner* и усилители *hardly*, *scarcely*, *barely* служат для установления и усиления темпоральной зависимости между ГП и ПП, эксплицированного выражения инверсии и рематизации придаточного в плане актуального членения²⁵. Таким образом, оппозиция двух видов соотносительных слов, — усилителей и коррелятов, — в данном случае нейтрализуется. По аналогии с архифонемами, образующимися в результате нейтрализации фонемных оппозиций, можно говорить о возникновении архисоотносительных слов коррелятов/усилителей.

²⁵ Il'yish B. The structure of modern English; Белоконь Е.К. Временные союзы и типы сложных предложений с придаточными времени в английском языке. — Вестн. ЛГУ. Сер. истории, языка и лит-ры, № 8, вып. 2. Л., 1959, с.122.

Н. П. Романова. О понятии "сложное предложение"	3
В. А. Корнилов. К проблеме изоморфизма сложноподчиненного предложения и подчинительного словосочетания. . .	10
Г. Ф. Гаврилова. Об изоморфизме сложноподчиненного предложения и словосочетания	28
М. И. Черемисина, Е. К. Скрибник. Опыт формального описания причастно-последовательных конструкций бурятского языка	38
Л. М. Горелова. О семантических соответствиях между простыми и сложными деепричастиями в эвенкийском языке	77
М. В. Яковлева. Синтаксические функции деепричастий современного русского языка	115
Н. Н. Ефремов. Синтаксическая семантика якутских полипредикативных моделей недифференцированного темпорального значения	124
А. В. Есипова. Зависимые определительные предложения с причастным сказуемым (на материале шорского языка)	140
Л. М. Бродская. Притяжательное оформление именных членов придаточного в сложноподчиненном предложении эвенкийского языка	154
И. А. Фролова. Полипредикативные предложения с целевыми отношениями частей в древнеславянских текстах <u>XI-XII</u> вв.	161
Ю. И. Васильев. Простые осложненные и сложные предложения с показателем "курдук" в якутском языке	175
Э. И. Белимов. Оптативные предложения в енисейских языках	190
Т. А. Колосова. Конструкции с союзом "а то" в русском языке	197
Н. В. Усова. Опыт анализа бессоюзных противительных предложений (на материале изданий <u>XVIII</u> в.)	222
Н. Н. Сергеева. О понятии и типологии изъяснительной конструкции	235
В. Н. Абашина. Об особом случае словопорядка в придаточных частях изъяснительных предложений	250
Н. П. Перфильева. О лексико-синтаксическом статусе союзных скреп "хотя..., но"	257
Я. Г. Биренбаум. Соотносительные слова в английском языке	265